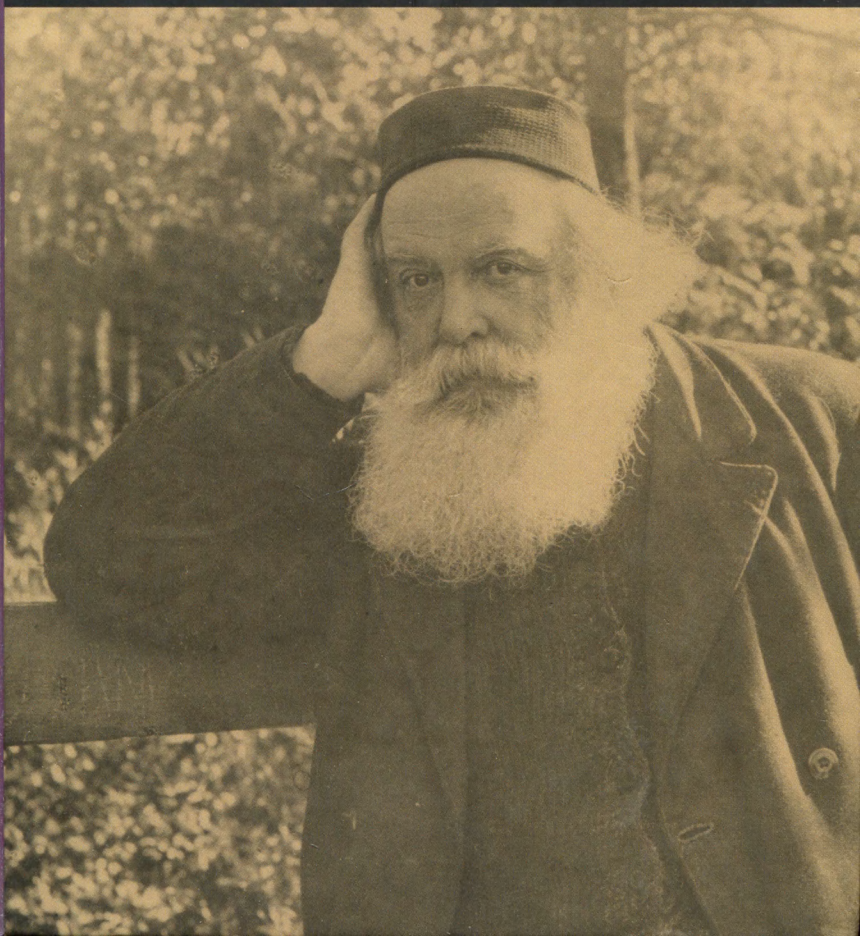

С.А. НИЛУС

ПОЛНОЕ
СОБРАНИЕ
СОЧИНЕНИЙ

1

Сергей Александрович НИЛУС

Полное собрание сочинений
В ПЯТИ ТОМАХ

ТОМ
1

Городъ
2009

**По благословению
Архиепископа Тернопольского и Кременецкого
СЕРГИЯ**

*Собрание сочинений выходит
под общей редакцией
А. Н. Стрижева*

Полное собрание сочинений выдающегося духовного писателя Сергея Александровича Нилуса (1862—1929) в пяти томах включает все его произведения, как выходившие отдельными изданиями, так и те, что рассыпаны в периодике. В первый том вошли книга «Великое в малом» и малоизвестные произведения разных лет.

ISBN 5-88060-175-7

© «Городъ», 2009

© Обложка, С. А. Хидятов, 2009

Сергей Александрович Нилус:

БИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Нилус Сергей Александрович [25.8 (6.9) 1862, Москва — 14.1.1929, село Крутец близ города Александра, Владимирской области], церковный писатель, агиограф. Предки по линии отца, Александра Петровича, крупного орловского помещика, титулярного советника, восходят к Иоганну Леонарду Нилусу (в 1735—1742 годы заведующий аптекой Адмиралтейства в Кронштадте). По матери, Наталии Дмитриевне, урожденной Карповой, — потомок князей Скуратовых. Учился в первой Московской прогимназии (впоследствии седьмая), окончил третью Московскую гимназию (1877—1882 годы) и сразу же поступил на юридический факультет Московского университета. По окончании Университета (1886) служил кандидатом на судебной должности при прокуроре Эриванского окружного суда в урочище Баш-Норашен Шаруло-Даралагезского уезда. Вскоре оставил службу, занялся собственным хозяйством в имении Золоторёво Мценского уезда, Орловской губернии (1888—1905). В те же годы продолжительное время жил за границей.

В конце 1890-х годов происходит перелом в мировоззрении Нилуса (вначале либерально-демократического, затем испытал влияние философии Фридриха Ницше) и

он осознает себя «и верующим, и православным». Встречи с наиболее значительными деятелями Православной Церкви (в частности, с протоиереем Иоанном Кронштадтским) пробудили в Нилусе желание защитить печатным словом устои Самодержавия и Православия в России. Первая его книга **«Корень зла. Истинная болезнь России»** (М., 1899) — публицистическое изложение проекта контрреформы земского самоуправления, содержащее критику прежнего дворянства и призывы к формированию новой аристократии, главной чертой которой должна стать безусловная преданность Престолу. Ту же направленность имеет **«Речь в Мценском комитете о нуждах сельскохозяйственной промышленности»** (М., 1903). Ряд автобиографических очерков посвящен возвращению Нилуса к «вере отцов своих»: **«Голос веры из мира торжествующего неверия. Поездка в Саровскую Пустынь»** (М., 1902), **«Отец Егор Чекряковский»** (М., 1904). В 1901—1904 годах Сергей Нилус усиленно сотрудничал в газете «Московские Ведомости».

После исцеления Нилуса от болезни в Сарове и Дивееве (воспринял это как чудо) вдова ближайшего ученика преподобного Серафима Н. А. Мотовилова (1808—1879), Елена Ивановна, передала писателю в 1902 году неразобранный архив мужа (в том числе записи бесед с Саровским старцем Серафимом). Публикация этих материалов, к которой Нилус относился как к священному долгу, поставила их в ряд современного церковного предания. Очерк **«Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его с Н. А. Мотовиловым»** («Московские Ве-

домости», 1903, 18—20 июля, отдельное издание в том же году) — сжатое изложение православного учения о стяжании благодати Святого Духа — оказало заметное влияние на православную аскетику XX-го века. По записям Мотовилова Нилусом был также составлен текст «**Великой Дивеевской тайны**» (в брошюре «Об участи верных христиан», б. м., 1917) — ключ к эсхатологическим пророчествам преподобного Серафима.

Книга очерков духовного содержания «Великое в малом» (М., 1903; 3-е доп. изд., Сергиев Посад, 1911) была отмечена цельным православно-мистическим мировоззрением и призвана, по мысли автора, пробудить в читателе благоговение к церковным святыням.

Наибольшую известность книга приобрела начиная со 2-го издания (Царское Село, 1905), в котором были опубликованы «Протоколы собраний Сионских мудрецов» (впервые под названием «Программа завоевания мира евреями. Протоколы заседаний франмасонов и Сионских мудрецов» — в газете П. А. Крушевана «Знамя», 1903, 28 апреля, 7 сентября; с предисловием Нилуса). Публикуя «Протоколы», Нилус связал их со святоотеческими воззрениями на описанное Библией «царство антихриста», а также с современными политическими реалиями и с деятельностью тайных обществ. Вопрос о подлинности или подложности «Протоколов» для самого Нилуса не имел принципиального значения. Допуская даже их подложность, он тем не менее считал необходимым придать документ широкой гласности как несомненное свидетельство приближающегося конца мира, способное ужаснуть людей и пробудить в них чувство покаяния.

По свидетельству князя Н. Д. Жевахова, ввиду ярко выраженной антиеврейской направленности книги практически весь тираж издания 1917 года был почти полностью уничтожен; цена на книгу, выросшая уже до 600 рублей, стала при большевиках, расстреливавших держателей книги уже на месте, подниматься, достигнув 200 тысяч рублей).

Извлеченные из православно-мистического контекста «Протоколы» получили как бы самостоятельное существование, их неоднократно переиздавали на территории белогвардейских образований и в русской эмиграции, они были переведены на многие языки мира и с начала 1920-х годов вызывают непрекращающуюся полемику. С резко отрицательным отзывом о «Протоколах» выступил в 1923 году небезызвестный А. В. Карташев. Издававшиеся миллионными тиражами в гитлеровской Германии, «Протоколы» использовались для нацистской пропаганды и выработки идеологического обоснования расизма. Представления о том, в каких кругах и с какой целью создавались «Протоколы» существенно расходятся и остаются предметом полемики.

В 1906 году Нилус женился на бывшей камер-фрейлине Императрицы Марии Феодоровны, Елене Александровне Озеровой, предполагая принять священство и сделаться сельским пастырем на Волыни. По свидетельству современника, брак этот «не имел под собою никакой плотской основы, и явился закреплением их многолетней дружбы, установившейся на почве общей глубокой религиозности». Но из-за публичной огласки незаконной связи Нилуса с Н. А. Володимировой (у нее от Нилуса в 1883 году родился сын) архиепископ

Антоний (Храповицкий) отменил назначенное рукоположение. В том же году Нилус с женой покинул Петербург и начался период его пожизненных скитаний. После недолгого пребывания в Николо-Бабаевском монастыре на Волге и в Валдае (там написано «**Сказание о чудотворной иконе Божией Матери Ея Иверского явления и о чудотворной Ея иконе Иверской...**», Сергиев Посад, 1908), писатель поселился в Козельской Оптиной Пустыни (1907—1912).

Рукописи Оптинского архива и записи бесед с насельниками обители определили содержание большинства последующих книг С. А. Нилуса: «**Жатва жизни. Пшеница и плевелы**» (серия «Троицкая Народная Беседа», книга 46, 1908), «**Один из тех немногих, кого весь мир недостоин. Блаженный Христа ради юродивый свящ. Феофилакт Авдеев**» (там же, кн. 50, 1909), «**Звезды пустыни. Житие святого преподобного отца нашего Онуфрия Великого**» (там же, кн. 54, 1909), «**Для чего и кому нужны православные монастыри**» («Троицкий Цветок», 1909, № 57) и др. В произведениях Нилуса было опубликовано много личных и монастырских материалов (неизвестных широкому читателю), подробно живописующих подвиги благочестия, аскетизм, мистику, эсхатологизм, присущие русскому Православию XIX — начала XX веков. В основе книги «**Сила Божия и немощь человеческая**» (Сергиев Посад, 1908) — литературно обработанные автобиографические записки бывшего настоятеля Троицкого Лютикова монастыря игумена Феодосия, а также назидательные истории, изложенные по материалам самовидцев («Самоотверженная игумения», «Несчаст-

ный», «Свидетельства живой веры», «Вражья сила»; отдельный очерк посвящен посмертным чудесам святого Митрофана Воронежского («Из міра Божественной тайны»). Характерное использование диалектной лексики восточных губерний, а также сходство некоторых сюжетных линий свидетельствуют о воздействии на книгу Нилуса «Очарованного странника» Н. С. Лескова. В противоположность Лескову Нилус опирается на систему церковно-духовных авторитетов, послушание которым в основе определяет поведение персонажей.

Книга **«Святыня под спудом. Тайна православного монашеского духа»** («Троицкое Слово», 1910, № 2—49; 1911, № 51—70; отдельное издание — Сергиев Посад, 1911) по мотивам келейных дневников Оптинского летописца иеромонаха Евфимия рассказывает о жизни русского иночества середины XIX века и представляет собой сложный сплав церковного очерка, патериковых повествований, полемической (по отношению к либерально настроенным современникам) публицистики, с вкраплениями монашеских наставлений, апологетическими рассуждениями. Для писательской манеры Нилуса характерно пристальное внимание к пророчествам и откровениям о кончине міра (в основном, XVII—XX вв.).

С 1909 года С. А. Нилус начал вести регулярные дневниковые записи, фиксируя чудесные и грозные знамения, очевидцем которых был сам (а также со слов многочисленных рассказчиков). Даже малейший эпизод из жизни верующего в сопоставлении с событиями общезначимыми приобретают для Нилуса определенный отпечаток одного из двух полюсов, между которыми существу-

ет современное общество: Мір Христа и мір грядущего антихриста. Книга **«На берегу Божьей реки»** (Сергиев Посад, 1916; ч. 1—2, М., 1991—1992) — наивысшее литературное достижение Сергея Нилуса — во многом предвосхищает приемы «исповедальной прозы». На формирование этого стиля у Нилуса оказали влияние мистические настроения французских писателей католической ориентации (Ж. К. Гюисманса, Деляссю, особенно Л. Блуа). Вместе с тем «Записки православного» явно противопоставлены публицистике В. В. Розанова, хотя Нилус, как и Розанов (но по иным причинам), подвергает критике современную официозную церковность. Несмотря на известность среди православных читателей, книги Нилуса не получили оценки в прижизненной критике. «Современной литературе я совершенно чужой человек: ни знакомств в ее царстве, ни связей, ни общения в Духе с кем бы то ни было из пишущей братии у меня не было, нет и теперь, за немногими исключениями. Как и я, в мірской литературе мало известными, не будет, полагаю, и в будущем» («Великое в малом», 3-е изд., с. XI).

Вынужденный покинуть в 1912 году Оптину Пустынь, Нилус возвращается на Валдай (в дом, где ранее жил романист Всеволод Соловьев, близ Иверского монастыря). С 1917 по 1923 год Нилусы жили в усадьбе Линовица (Пирятинского уезда, Полтавской губернии), принадлежавшей князю В. Д. Жевахову (будущему святителю Иоасафу Могилевскому). Единственно известная книга этого времени — **«Игумен Мануил (в схиме Серафим) — основатель Рождество-Богородичного монастыря»** (Киев, 1919). Несмотря на возможность выехать за границу, тяжелобольной Нилус остался в России.

В августе 1924 года он был арестован в городе Пирятине и отправлен в киевскую тюрьму (середина сентября). После освобождения (середина февраля 1925 года) жил в Киеве, где в конце сентября — начале октября 1925 года был вновь арестован и вскоре переведен в московскую тюрьму на Лубянке. В феврале 1926 года Нилуса освободили, но с запрещением проживать в шести главных городах Союза. Около двух лет он провел в Чернигове (был там под арестом с апреля по 6 мая 1927 года), откуда в 1928 году переселился в село Крутец. Часть собранного им богатейшего агиографического наследия удалось с помощью немецких родственников жены вывезти в дипломатической вализе и, таким образом, сохранилась. Во многих рукописных копиях разошлось адресованное «другу» письмо Нилуса (1928), в котором он резко осудил «Декларацию 1927 года» митрополита Сергия (Страгородского) и попытки сближения определенной части духовенства с безбожной властью.

Нилус скончался от разрыва сердца в канун празднования памяти преподобного Серафима, в доме приютившей его семьи священника Василия Арсеньевича Смирнова.

Предчувствие разрушения Самодержавной России и последующей кончины мира — общий фон большинства произведений Нилуса. В центре повествования — любовно выписанные им образы праведников Святой Руси из числа «не подклонивших выи Ваалу». В художественных обработках иноческих автобиографий Нилус органично использует просторечие рассказчика, раскрывает его психологический тип, сохраняя при этом благоговейную дистанцию.

ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ

Записки православного

*Отцу Иоанну Кронштадтскому
с чувством благоговейной признательности
посвящает автор*

Предисловие к первому изданию

В наше время, ознаменовавшееся необыкновенными открытиями и изобретениями, — всеми так называемыми «чудесами» техники, которыми, как блестящими побрякушками, забавляется легкомысленное человечество, проигрывая в эту опасную игру, по выражению святителя Игнатия (Брянчанинова), Царство Небесное, особенно благовременно и полезно для всякого верующего православного противопоставлять всем этим «чудесам и знамениям ложным» — знамения и чудеса истинные, творимые Святым Духом при посредстве избранных Им сосудов благодати — святых угодников Божиих.

Вера в чудеса, искание чудесного, выходящего из рамок обыденной серенькой жизни, возвышающегося над сферой познаваемого пятью несовершенными нашими чувствами, присуще всему роду человеческому без различия степеней его духовного развития. Полу-дикий самоед ищет удовлетворения этой своей вере в шаманстве, образованный теософ — в браманизме или в иогизме, обезверенный интеллигент набрасывается на чудеса спиритизма, гипнотизма... Человеческий

род с незапамятных времен «знамений и чудес ищет». Падшая природа человечества уже восьмую тысячу лет своего существования доискивается того, что утратила через свое падение, и... найти не может. Утраченное находит только истинная вера, и только ею и подаются знамения и чудеса истинные тем ищущим, которые умели при помощи Божией благодати сохранить в чистоте веру свою и которые к делу веры не примешали горделивых измышлений непостоянного и ограниченного разума человеческого.

Так было во все времена. Таково теперь особенное духовное состояние большей части человечества, когда для него настали времена тяжкие, предсказанные апостолом. Неверием, или — правильнее — отступлением от веры закрылись у людей их духовные очи, так что и «слухом слышат и оком видят и не разумеют».

Каждый человек, мало-мальски внимательно относящийся к своей духовной жизни, на всем протяжении своего земного странствования поставлен лицом к лицу перед незримым, но в той или другой мере предчувствуемым и действующим миром таинственного и чудесного. Строго говоря, вся жизнь человека, начиная с таинства зарождения души человеческой и кончая таинством смерти, есть одно сплошное, великое и, без помощи Божественного откровения, неизъяснимое чудо. В равной мере и все моменты жизни человеческой поставлены в зависимость от того же чудесного и неизъяснимого. Или явно, или таинственно-прикровенно чудеса и знамения руководят всею нашею жизнью, не без участия, конечно, нашей воли, при-

нимающей или отвергающей это незримое, но всегда внятное руководство.

Вера это вмешательство в человеческую жизнь таинственной, могущественной силы называет Промышлением Божиим, неверие — слепым случаем.

Нетрудно судить, какое из этих двух объяснений наиболее соответствует человеческому достоинству. Но без чудес человеческое существование прямо немыслимо. С утратой веры в Бога от человека отступает благодать Божия, проявляющаяся в знамениях и чудесах, и неверующему человечеству, волей-неволей, приходится отвергнуть даже самое их существование, взамен измышляя или изобретая иные чудеса, перед которыми оно могло бы преклониться. И вот, оно, отнеся к области случайного истинные чудеса Божьего водительства, которого лишилось, преклонилось перед ложными чудесами своей техники, своей науки.

Блеск и пышность современных чудес и знамений для ума неглубокого затмевают духовную святость и неземную красоту чудес и знамений истинных. Все истинно великое совершается без шумного блеска и целью своею имеет одно только истинное благо. Свойство его — быть в момент его проявления отверженным миром, тем миром, который, отвергая, в то же самое время насыщается бессознательно плодами этого отвергаемого великого.

Главнейшее благо человека на земле, и едва ли притом не единственное, — это вера в Господа нашего Иисуса Христа, в Троице славимого Бога. Без веры этой наша земная жизнь не жизнь, а бессмысленное прозябание. Этой-то вере, как высшему бла-

гу всех человеков, способствуют и всемерно служат все чудеса и знамения истинные, в чем бы они ни выражались: в исцелениях ли немощствующего тела, в ограждении ли от неизбежной опасности, в спасении ли от руки торжествующего врага или в обращении заблуждающегося грешника в лоно целительницы всех душевных недугов Матери Святой Православной Церкви — во всем главная и конечная цель — высшее благо: укрепление веры в Бога.

В этом главнейшее отличие истинных знамений и чудес от чудес и знамений ложных.

Издаваемая мною книжка составлена из описаний нескольких моментов моей и чужой жизни, имеющих признаки знамений и чудес истинных и определивших помимо, может быть, моей человеческой воли, но не без ее участия, весь строй моего существования. Этих моментов я не приписал случайности, не назвал их в душе своей «известным стечением обстоятельств», не прошел мимо них с горделивым пренебрежением, не давая себе труда вникнуть поглубже в их происхождение, и, как мог, но строго держась одной только истины, я и рассказал о них моему читателю. Не богу случая поклонился, но Единому, открывшему Себя в Слове Своем.

Не встретит ли слово моего немудрого повествования родной ему души, стоящей, как и я стоял, на распутьи, и не остановит ли оно ее на полупоклоне этому случайному богу?!

Дай Бог!

Еще одно слово: помещенный в этой книжке рассказ идет об одном необыкновенном священнике на-

шей Орловской епархии, Георгие Алексеевиче Коссове. Простые люди из православного народа его давно уже знают и благоговеют перед его именем. Да простят мне его смирение и скромность, если рассказом моим о нем я некоторым образом служу прославлению его дорогого для меня имени в ином, более образованном, міре!

«Тайну Цареву добро хранить, дела же Божии открывать и проповедати славно».

Золоторево, 3 июня 1903 года

Предисловие ко второму изданию

Неожиданный для меня успех моих очерков, собранных в один сборник под заглавием «Великое в малом», исчерпал в течение одного года все издание и вселил в меня радостную уверенность в том, что вечные запросы духа не только не остались чужды нашему времени, но что, напротив, при явном усилении торжествующего мирового зла, возрастает и крепнет в силе и духе неизменное и вечное благо великих христианских упований... Приступая теперь ко второму изданию моей книги, я решил дополнить ее новыми очерками, разновремененно появившимися за этот год в печати, а также и такими, которые впервые увидят свет только в этом издании.

К первым должны быть отнесены: «Служка Божией Матери и Серафимов», «Одна из тайн Божьяго домостроительства», «Что ждет Россию»; ко вторым: «Небесные обители» и «Антихрист как близкая политическая возможность».

Останавливаю внимание моего читателя на этом последнем: в нем он найдет разгадку великой мировой тайны, сокрытой до времен последнего ее испол-

нения. Тайна теперь исполнилась, ключ к ней найден: наступает близкое торжество всех оправданных христианских надежд, торжество всей христианской веры. Но близкое торжество веры приблизило и страшное время антихристового гонения на веру, и не без воли Божией дается в «Антихристе» моей книги предупреждение на то, к чему должен готовиться христианский мир, чтобы встретить во всеоружии своего смирения и терпения грозный иску́с соблазна, имеющего прельстить даже избранных.

«Претерпевый до конца, той спасется».

И если немо́щному слову дано будет коснуться сердца моего читателя, то, завершая мой ма́лый труд, прошу его об одном — помянуть молитвенно имя его автора на истинную пользу его и своей душе перед Грозным и Нелицеприятным Судией, близ грядущим в мир со славою и силою мно́гою.

С .-Петербург, 1905 г.

Предисловие к третьему изданию

Выпуская в свет, с Божьею помощью, уже 3-е издание книги моей «Великое в малом», встречаю надобность и по его поводу сказать несколько слов моему боголюбивому читателю.

Не себе, не своему дарованию приписываю я успех труда моего, в сравнительно короткое время исчерпавший два издания книги, а воле Господина моего, которому я служил и служу в мерах любви моей и разумения. Современной литературе я — совершенно чужой человек: ни знакомств в ее царстве, ни связей, ни общения в духе с кем бы то ни было из пишущей братии у меня не было, нет и теперь, — за немногими исключениями, как и я, в мирской литературе малоизвестными, — не будет, полагаю, и в будущем. Отсюда — полное отсутствие того, что на книжном рынке творит успех книге. А между тем книга моя, как малый родник, проточила толщу коры неизвестности и равнодушия и потекла тихо звенящим ручейком в необозримое и бурно клокочущее житейское море, не теряясь, однако, в волнах его, а прокладывая на них небольшой, но все же заметный след, по

вкусу и цвету струи своей отличный от вкуса и цвета накипи и пены взбаламученного моря человеческой жизни.

Великий молитвенник Русской земли, отец Иоанн Кронштадтский, которому посвящена была при жизни эта книга, которому ее я и теперь, как живому, посвящаю, сказал мне 14 июля 1906 года в Николо-Бабаевском монастыре:

— Пиши: я люблю все, что ты пишешь.

— Для кого же писать? — возразил было я. — Кому теперь читать такие писания?

— Бог благословит, — ответил отец Иоанн, — и читать и покупать будут.

Этим благословением великого Кронштадтского пастыря я и объясняю себе совершенно неожиданное для меня распространение моих очерков, собранных в книге, названной «Великое в малом».

Мал мой труд, но велико почило на нем благословение.

Велика и милость Божия.

В новом 3-м издании моей книги мне пришлось сделать некоторые существенные изменения и дополнения, которые коснулись очерков — 9-го, 10-го, 11-го и 12-го. В 9-й очерк, озаглавленный во 2-м издании «Одна из тайн Божьего домостроительства», я включил новую свою статью — «Святая Русь. Искатель града невидимого. Иеромонах Скита Оптиной Пустыни отец Даниил (Болотов)». Сделано это мною потому, что именно этого-то иеромонаха и касалась та тайна Божьего домостроительства, которая

под этим заглавием служила предметом 9-го очерка 2-го издания моей книги. Отец Даниил скончался 25 ноября 1907 года, и потому о нем теперь сказать можно более подробно, открыв читателю и его имя, чего при его жизни сделать было нельзя, по причинам читателю понятным.

10-го очерка — «Небесные обители» — изменения коснулись только в смысле некоторых сокращений, которые мне пришлось сделать при ближайшем моем знакомстве с людьми, выведенными в этой статье со слов третьего, хотя и достоверного, лица, а не по личным моим наблюдениям. Да не посетуют на меня за это изменение те, у кого на руках имеется моя книга 2-го издания, тем более, что и коснулось-то изменение это не главного, а третьестепенного, не упований веры нашей, а одного человека, неосторожно и без достаточной проверки призванного к участию в этом очерке.

Наибольшей же переработке подвергнуты мною очерки 11-й и 12-й — «Что ждет Россию» и «Антихрист как близкая политическая возможность». События современной мировой и русской жизни, а также общение мое с людьми, посвятившими всю жизнь свою, все делание свое на служение в духе и истине, в преподобии и правде деятельному христианству, открыли мне нечто новое, великое и страшное, что еще было скрыто от меня в 1905 году, когда выходило в свет 2-е издание этой книги. Откровение это, выведенное из наблюдений над текущею духовной и политическою жизнью христианских народов и изучения тайн религиозных сект Востока, в частности же

масонства, дало мне материал такой огромной важности, что я почел бы себя изменником и предателем Христа Бога моего, если не поделился бы материалом этим с читателем-боголюбом.

Велика и страшна «глубина сатанинская», открываемая 11-м и 12-м очерками, соединенными в 3-м издании в один под общим заглавием — «Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле!». Господу Сердцеведцу угодно было для издания этого очерка отдельной брошюрой послать на пути моем одного верного раба Своего, которым брошюра эта выпускается для бесплатного обращения среди православных в достаточном числе экземпляров.

В заключение вновь прошу всякого православно-го, кому придется по сердцу моя книга, поминать имя грешного ее составителя пока — о здравии и спасении, а по времени — и за упокой души его в Обителях Небесных Триипостасного Единого Бога за бесценные заслуги Единого Господа Иисуса Христа, Ему же честь и поклонение и слава во веки.

Сергей Нилус

29 января 1911 г.

1.

О том, как православный был обращен в Православную веру

*Иже бо аще постыдится Мене
и Моих словес, сего Сын Человеческий
постыдится, егда придет во славе
Своей и Отчей, и святых Ангел.*

(Лк. 9, 26)

I.

Родился я в 1862 году, в семье, которая со стороны родных матери моей считала в своей среде немало людей передовых, в том духе, каким вообще отличались шестидесятые годы теперь уже прошлого столетия. Прирожденные дворяне-землевладельцы, и притом крупные, они, быть может, благодаря своей связи с землей и крестьянином, избегли крайнего проявления увлечений годов семидесятых, но общего, так сказать, платонически-революционного духа

избежать не могли, — так велико было тогда обаяние идей охватившего всех эгалитаризма, свободы мысли, свободы слова, свободы... да, пожалуй, свободы и действий. Не было, кажется, в то время ни одного дворянского дома в обеих столицах, где бы на свой образец, по силе разума и по последней прочитанной книжке сперва «Современника», а затем «Отечественных Записок» или «Вестника Европы» не перекраивался государственный строй Российской Империи.

Тогда было время великого дворянского переселения из родовых гнезд в разные Большие и Малые Конюшенные, на Сивцев Вражек, к Николе на Песках и в иные тихие уголки Первопрестольной, куда устремлялись дворянские колонисты, разрывая свою вековую связь с деревней. Москвичам-старожилам должны быть еще памятливы эти теперь уже дряхлые дома-особняки, куда в те времена переселился доживать свой век старейший деревенский помещичий быт. Мало их теперь сохранила Москва.

Одним из таких домов в Москве и был дом, в котором я начал себя помнить и привыкать к сознательной жизни.

Конечно, твердая пища разговоров политической окраски мало способствовала развитию во мне религиозных, как тогда говорили, мечтаний, и я рос в совершенном отчуждении от Церкви, соединяя ее в своем детском представлении только со старушкой-няней своею, которую я любил до самозабвения, да с величавым звоном московских «сорока сороков», когда, особенно с первой выставленной рамой, в мягком

жизнерадостном весеннем воздухе он вливался широкой, могучей волной в освеженные после долгой зимы тесные городские комнаты и манил за собой на простор деревни, полей, шумливых ручейков среди зеленеющей травки — словом, на мир Божий из каменных стен современной городской жи и условности.

Отчего я так любил деревню, которую терпеть не могла моя мать, езжавшая туда, — и то, как она говорила, «с отвращением», — на два летних месяца; отчего я так любил свою немудрую старушку-няню, которая и живала-то при мне неподолгу, оставляемая обыкновенно в деревне на зиму для караула господских кладовых и деревенского дома? — Бог ведает; но любил я их обеих до слез; и любовь моя к ним была какая-то особенная, чисто русская: я почему-то их «жалел», именно — «жалел», — другого выражения нельзя подобрать тому больному и вместе до слез сладкому чувству, которое я к ним испытывал.

Когда, бывало, после десятимесячной разлуки, проводимой в Москве, я приезжал в родную деревню, первым моим движением, первым порывом было бежать к няне, обнять ее, выплакаться у нее на груди за всю горечь и обиды разлуки с нею и с милой моему сердцу деревней и вслед за тем мчаться в какой-нибудь уединенный уголок родимой нивы и там горячо, горько и вместе радостно плакать, припадая и целуя ее пахучую, ядреную землю.

Москве, с ее незнаемою в то время для меня, но инстинктивно воспринимаемою святыней, деревне, с ее безбрежным простором черноземных полей, в котором так ясно чувствуется бесконечность Самого Бога,

с ее еще мало в то время тронутым «цивилизацией» мужиком, да няне-старушке, так горячо любимой, я и приписываю, что не утратил в детстве способности отдавать свою душу тому настроению, которое неразрывно соединяется с молитвой.

Тем не менее молитв я не знал, в церковь заходил случайно; Закону Божьему у учителей равнодушных, а то и прямо враждебно настроенных к Слову Божьему, я обучался как неизбежности неумолимой программы гимназии, и во весь гимназический курс изучал его скверно: ведь и предметом-то он был «не главным». Стыдно да и грешно теперь вспоминать, к каким уловкам и надувательствам прибегала, чтобы обойти законоучителя! Правда, редко мне это удавалось, и, помнится, особенно в третьем классе, у строгого и многоопытного батюшки я почти и не выходил из единиц со многими минусами. Так в Богопознании шеля, православный по имени юноша, до университета, где уж, конечно, было не до такого «пустяка», как Православие.

У покойного профессора, отца Сергиевского, в университете я ни разу на лекциях не был и экзамен держал по сплошь надписанной программе. Да и лекций его в мое время не существовало: весь многочисленный 1-й курс довольствовался двумя десятками затрепанных, засаленных книжек «Курса Бгословия», сдаваемых университетскими сторожами за полтинники в арендное содержание экзаменующимся многих поколений.

II.

До чего, до какой мерзости духовного запустения доходила, предоставленный самому себе в жизни веры, представить себе может только тот, кто жил в этом духовном смраде и кто потом, на пути своего падения, был удержан невидимой рукой Благостного Творца.

Помню, чуть ли не в VI классе гимназии, отбывая повинность (так большинство из нас смотрело) обязательного говенья на Страстной седмице, я к исповеди у «раннего батюшки» (москвичи должны знать этот термин) явился в полупьяном виде, до того «полупьяном», что перед исповедью, должно быть, по инстинкту чувствуя, что творю что-то неладное, собирался выкупаться в полоёй воде Москвы-реки, по которой еще плыли отдельные льдины вешнего половодья. И что это была за исповедь! Истинно долго-терпелив и многомилостив Господь, благоволивший уже много лет спустя дать мне испытать сладость обращения.

Но под всей духовной мерзостью, накопившеюся годами свободы религиозного воспитания в жизни домашней, школьной и, наконец, общественной, — молчаливые, но любвеобильные уроки Москвы, деревни и няни, христианская, до известной степени приближения к истинному христианству, бесконечная доброта моей матери, непрестанно творившей благое ближнему со скромностью, свойственную только христианам, — все это не давало погаснуть в моей душе искре, правда, еле мерцавшей в душевной моей

темноте, искре неясно сознаваемой любви к Богу и Его **Православию**.

Я намеренно подчеркиваю слово Православие, потому что в редкие минуты молитвенного подъема я только к нему одному и стремился своею душой. Ни величественность католического богослужения с величавой мощью знаменитых органов, красотой голосов оперных певцов, со всею театральностью обстановки кардинальского служения, уже не говоря о жалких намеках на богослужение в церквях протестантских, — ничто не влекло к себе так моего молитвенного внимания, как дивная красота православного Богослужения.

И тянуло меня иногда в бедную сельскую церковь нашего черноземного захолустья, с ее немудрствующим лукаво, простым батюшкой-земледельцем, с таким же, если еще не более простым, дьячком-хозяином. Чудилось мне как-то невольно, именно против воли всегда склонного к гордости разума, что в их-то иной раз и «немощи» сила Божия совершается. Но редко бывали у меня эти смутно-радостные минуты, скорее, мгновения духовного покаянного общения падшего сына с вечно Сущим Отцем, пока не совершилось дивного...

III.

Когда я еще был в IV кл[ассе] московской 1-й прогимназии (теперь 7-я гимназия), перед наступлением выпускных экзаменов (тогда V класса при ней еще не было и мы считались выпускными, чем немало гордились), в тревоге за успех их окончания,

я дал обет в присутствии товарища, с которым тогда был особенно дружен, пойти, как я выражался, к «Троице-Сергию» «перекреститься обеими руками и ногами». Конечно, условием для выполнения этого обещания я ставил успех на экзаменах. Экзамены сошли чуть что не блистательно, прошли и другие, и третьи, и гимназия наконец была окончена, и университет был пройден, а об обете я не только ни разу не подумал, но, кажется, в глаза бы рассмеялся тому, кто бы мне о нем напомнил.

Так прошло времени немало. Как оно прошло или, лучше сказать, проведено было, — сказать страшно! Конечно, страшно христианину. Жилось, словом, весело. Не случись тут со мной истории, проведеншей глубокую, на всю жизнь неизгладимую борозду в моей черствевшей душе и заставившей меня соблюсти в себе «человека», я бы, конечно, погиб безвозвратно.

По окончании курса в Московском университете я был заброшен, — добровольно, правда, но все-таки заброшен, — в качестве кандидата на судебные должности при прокуроре Эриванского окружного суда, в местечко Баш-Норашен Шаруро-Даралагезского уезда.

Эриванский суд командировал меня в это неудобопроизносимое место в помощь к двум местным помощникам мировых судей для самостоятельного производства следствий.

На мою долю было дано 150 дел, состоящих большей частью из одних обложек с заголовком: «дело о...» (конечно, разбои, грабежи, убийства). Все производство по этим делам было ограничено вшитой в

обложку описью документов, а документы — одним номером дознания сельского старшины. Кто знает криминальную жизнь Закавказья, тому должно быть отлично известно, что все наше уголовное судопроизводство по уставам Императора Александра II за редкими исключениями — одна сплошная насмешка над местным правосудием. Незнакомых с местными бытовыми особенностями наших инородцев, особенно армян, прошу верить мне на слово. На так называемых «следственных» делах, где свидетельским показаниям существует определенная такса в размере от одного «абаза» (двугривенный) и выше, не один русский следователь или сходил с ума, или спивался с кругу на дешевом армянском вине и на омерзительной их неочищенной виноградной водке.

Был я тогда очень молод, энергии — хоть отбавляй, и со всем избытком молодых сил, с идеями цивилизаторскими (святая простота), я ринулся в бой за честь и славу русского гуманного, как мне тогда воображалось, суда.

Доро́г в том краю, где мне пришлось действовать, даже в нашем «земском» смысле проездных, было так мало, что мне пришлось волей-неволей обратиться в лихого кавалериста, а где и просто пехотинца.

Раз как-то на какую-то спешную выемку или обыск мне пришлось мчаться чуть не марш-маршем.

Дорога, или подобие дороги, шла по каменистому берегу Арпачая, сплошь усеянному острыми камнями всевозможных форм и величин.

За мной скакал конвой: переводчик, два казака, два или три чапара-туземца (земская стража, куна-

ки — приятели всем разбойникам) и сельский старшина. Захотелось ли мне помолодечить, или уж такая «вышла линия», только я приударил нагайкой своего Карабаха, гикнул и пригнувшись помчался с такой быстротой, что сразу на несколько десятков сажен бросил назад свою команду.

И тут случилось нечто невообразимое... Помню только, да и то смутно, что я куда-то взлетел вверх, помню не то лошадиные ноги над своей головой, не то что-то бесформенное, но ужасное; пыль... опять словно лечу куда-то в пропасть... Когда я опомнился, огляделся, — я ничего не мог сообразить.

Вижу, весь мой конвой вокруг меня спешился: армянин-переводчик стонет, точно раненый; лошадь, на которой я ехал, стоит около меня с изуродованным седлом, но стоит как вкопанная, никем не удерживаемая. Сельский старшина, татарин, сидит на корточках, бьет себя ладонями по коленкам и с ужасом, в такт, преглупо раскачивая головой в мохнатой папахе, что-то причитывает, должно быть жалостное. Глядя на него, я едва не расхохотался, — так мне показалась комична его фигура.

Тут только я понял, что на всем скаку я каким-то образом вылетел из седла и, конечно, со всего размаху ударился о дорожные камни. Ощупываю себя — ничего... Нигде не больно, только едва заметно ноет ладонь правой руки... Встал, прошелся — тоже ничего. Слава Богу, отделался даже без царапины.

Оказалось, что на всем бешеном скаку лошадь моя споткнулась и перевернулась, как заяц, через голову. То же сделал и я, пролетев через голову под

лошадь. Казаки уже потом мне говорили, что только чудо могло меня спасти: «по закону и от барина, и от лошади должно было только мокренько остаться». Как бы то ни было, но после всей этой головоломки у меня поныла два-три дня правая рука и тем бы все и ограничилось, если б... я тут же вскоре не вспомнил о невыполненном обете.

IV.

Почему я не вспомнил о необходимости быть более осторожным, почему мне пришел на память давно забытый ребяческий обет, — предоставляю догадываться людям, изучающим человеческую душу с точки зрения современной науки. Найдутся, конечно, охотники и скажут: сотрясение мозга от падения, — и человек из нормального стал ненормальным; но найдутся и такие, кому дано и кто задумается.

Опять прошли года, и опять как бы в доказательство моей «нормальности», нимало не изменившейся от падения, я по-прежнему все не исполнял обещанного угоднику Божию; но сердце уже не было по-прежнему покойно. Все чаще и чаще, словно огненными буквами, внезапно загорающимися на темноте моей души, стало вырисовываться страшное слово: **клятвопреступник.**

Со службы я уже давно ушел и засел хозяйничать в деревне.

На одной из страстных седмиц, лет семь или более не говевший, не без чувства ложного стыда перед моей «интеллигентностью», больше, пожалуй, из снисхождения к «предрассудкам» меньшей бра-

тии — крестьян, избравших меня в церковные старосты нашей сельской церкви, поговел, что называется, через пень колоду, причастился не без некоторого, впрочем, странного в то время для меня, непонятного тайного трепета, в котором я долго, долго не хотел сам себе признаться, и после причастия почувствовал себя точно обновленным, каким-то более жизнерадостным: душа что-то испытала давно знакомое, родное; более того — что-то такое необъяснимо сладкое и вместе торжественное...

Мне кажется: так сокол, затомившийся в долговременной неволе, сперва лениво, нехотя расправляет свои отяжелевшие крылья. Один неуверенный взмах, другой, третий... и вдруг! дивная радость полузабытого, свободного полета и в глубь и в ширь лазурного поднебесья, в бесконечной волне эфирного моря!..

Тогда мне был дарован только первый, неуверенный взмах моих духовных крыльев. Но тайная, неизвестная сила, раз данная крылу, уже не могла остаться инертной. Что-то зрело в моей душе: чаще стала посещать жажда молитвы, неясно сознаваемая, даже иной раз насильственно заглушаемая повседневными заботами, собственным недоверием к своему душевному настроению, отчасти даже какою-то глухой злобою, откуда-то, точно извне, прокрадывавшеюся в мою мятущуюся душу.

Но неисполненный обет все неотступнее восставал передо мной, скорбный, негодующий.

И я его исполнил.

Никогда не забыть мне того священного трепета, той духовной жажды, с которою я подъезжал из Москвы с поездом Ярославской дороги к духовному оплоту Престола и родины. Вся многострадальная, смиренномудрая история Русской земли, казалось, невидимою рукой развертывала свои пожелтевшие, ветхие деньми страницы.

Благоговейно преклонял я свой слух к их тихому, но вещему шелесту, и что-то новое, неизведанное и вместе необыкновенно сладостное зарождалось, росло и охватывало с необычайною силой любви мою душу. Душа рождалась вновь. И что это было за благодатное рождение!

Сколько лет уже прошло с того времени! Но до сих пор я вижу и чувствую на себе силу влияния той таинственной Православной Руси, которая открылась мне во мгновение душевного моего возрождения, открылась и на всю жизнь запечатлела свой девственный образ в моем благодарном воспоминании. Да! видение отрока Варфоломея, давшее России Преподобного Сергия, сплотившее во имя Божие в дремучем лесу вокруг убогого храма, под державой великого князя — князей, бояр и смердов, создало и прославило, во славу Божию, великое Русское царство, обнявшее своей Москвой полмира. Тут весь «закон и пророки» земли Русской.

По святыням Лавры водил меня монашек из нестарых и из простеньких, — первый, встреченный мной у врат обители, благоговейный, тихий и сми-

ренный; он же привел меня и к раке, где покоятся нетленные мощи Преподобного Сергия. Молящихся было довольно много. Служил очередной иеромонах общий для всех молебн.

Я стал на колени и в первый раз в своей жизни отдался дивному чувству молитвы без мудрствования лукавого. Я просил Преподобного простить мою духовную слабость, мое неверие, мое отступничество. Невольные благодатные слезы закипели где-то глубоко в сердце: я почувствовал, как будто я ушел куда-то из себя. И вдруг, подняв голову и взглянув сквозь туман набежавших слез по направлению к раке Преподобного, я увидел на стене, за стеклом, охраняющим его схиму, под схимой лик старца с грозно устремленным на меня суровым, гневным взглядом. Не веря своим глазам, я отвел их в сторону, продолжая еще усерднее молиться, но точно какая-то незримая сила опять заставила меня взглянуть на то же место — и вновь, но уже яснее и как будто суровее, блеснули на меня суровые очи схимника.

Меня объял ужас, но я стоял перед этим строгим ликом, уже не отводя от него глаз и не переставая еще усиленнее молиться. Это уже не была молитва, как мы ее привыкли обыкновенно понимать, — в ней не было слов, не было даже самого представления о слове, — это был какой-то взлет необычайной продолжительности из самых тайников глубины душевной. Продлись он долее, разорвались бы союзы души и тела. И я видел, — я утверждаю, что не галлюцинировал, а видел, именно видел, — как постепенно смягчался суровый взор, как благостнее становился

лик дивного Старца, как все легче и отраднее делалось моей потрясенной душе и как постепенно под схимой туманилось, исчезало и наконец исчезло чудесное изображение...

Я далек от утверждения, что грешными своими глазами я удостоился в то время видеть святыню, видеть самого Божьего угодника, хотя самый факт видения был для меня слишком очевиден, чтобы его можно было принять за галлюцинацию. Призрак, вызванный экзальтированной фантазией, не мог бы принести тех плодов, которые впоследствии получила моя душа — я, как блудный сын, после того вернулся в лоно любящей Матери-Церкви. Духовное возрождение было прямым следствием испытанного и виденного у раки Преподобного Сергия.

Когда кончился молебен, все пошли прикладываться к мощам чудотворца; пошел и я, уже спокойный и радостный и как-то по-особенному легкий. Я никогда такой легкости не только душевной, но и физической до этих пор не испытывал. Точно тяжелый давнишний гнет, долго, долго давивший мне плечи, был снят с меня сильной и власть имеющей рукой. С особенным благоговением поцеловал я св. мощи, поцеловал стекло, оберегающее схиму... Мой монашек-проводник уже стоял около меня и приглашал идти в ризницу — величайшую достопримечательность Лавры.

Был я и в ризнице, пил воду из св. колодезя, видел охраняемое мрачными вековыми сводами под церковью место, где, по преданию, являлась св. Сергию Сама Владычица Небесная; но ходил я по всем этим священным и дорогим русскому сердцу местам точно

в каком-то тумане, весь исполненный великим таинством испытанного.

Смутно помню, как при прощальном выходе из Лавры у святых ее ворот купил я кипарисовый складень и житие Преподобного, как простился с милым моим проводником... Даю ему на прощанье не то три рубля, не то пять. Не взял: «Помилуйте, за что же-с?» Так и не взял, как я ни настаивал. Простая, милая душа!

Эти несколько часов, проведенных под кровом св. обители, этот исполненный наконец обет дней зеленой юности, это дивное молитвенное настроение, свыше ниспосланное, по молитве, верую, Преподобного, — все это совершило во мне такой перелом в моей духовной жизни, что уже сам по себе, перелом этот не что иное, как чудо, въяве надо мной совершившееся.

Я уверовал.

VI.

Да, я уверовал, и, видит Бог, чувство, с которым я возвращался из Троице-Сергиевской Лавры, было исполнено такой неземной теплоты, такого полного душевного смирения, такой любви к постигнутому Богу, такой покорности Его святой воле, так я познавал в те минуты Христа, моего Искупителя, что дивное это настроение не могло быть ничем другим, — это была вера глубокая, бесповоротная, в которой Творец и тварь невидимо соединяются во единое, в которой благоговейная благодарность твари возносит ее до Самого Сотворившего.

Казалось, моя земная душа стала небожительницей. Сладость неизъяснимая! Я жаждал подвига. Я сам был весь один порыв и подвиг!

Но Господь судил другое. И, Боже мой! как было жалко и как недостойно было это другое! И как быстро оно совершилось! Как оно, это другое, чуждо и прямо враждебно было уносимому из Лавры великому чувству!

До неба вознесшийся, я прямо был низринут в преисподнюю.

Как это случилось? Ответ на это может быть дан только один: я был отдан в руки лукавого. Бес овладел моей душой по Божьему попущению.

«Но кто может такие слова слушать?!»... Когда такие речи произносят убежденные уста монаха-подвижника, воочию испытавшего на себе действие человеконенавистнической силы исконного врага человеческого рода, и то тогда нет, кажется, достаточной злобы и насмешки, на которую только не было бы способно «интеллигентное» слово современных «христиан» и которая не была бы излита на голову исповедника.

Тем не менее я спокойно, сознательно готов вынести на себе всю тяжесть мнимого позора, довлеющего мне, бывшему студенту Московского университета, за непоколебимое исповедание, здесь произносимое. Отрицать сатану — значит отвергнуть все Слово Божие, значит отвергнуть Самого Христа Спасителя, бесов изгонявшего и давшего власть их изгнания Своим верным.

Мощен враг, неизведанная сила которого пренебрежительно отвергается; но тот враг, действитель-

ное существование которого «убежденно» не признается, тот враг поистине всесилен. Все великие люди, истинные подвижники Божии, честность и искренность которых даже и противниками их не подвергается сомнению, все они говорят о нем, все боролись с ним и все его одолевали с помощью благодати Божией как врага не только мысленного, но и очевидного их просветленному зрению.

Неужели же в самом деле обыкновенные люди эти, достигшие недоступной обыкновенным смертным и никем не отвергаемой высоты духовной, люди, на св. Евангелии создавшие величайшее дело утверждения на земле Христовой Церкви, исповедуемой теперь чуть не всеми языками земными, неужели эти Отцы Церкви, существующей почти две тысячи лет, были галлюцинаторами, сумасшедшими?! Их многовековое, до конца мира незыблемое дело говорит за них.

Таковы ли дела и теории современных отрицателей, даже таких из них, которых суемудрое человечество признало гениальными?..

И с какой ужасной силой отозвалось в моей душе это нападение вражье!

VII.

Из Лавры мне надо было ехать в Петербург. Приехал я туда полный той же дивной настроенности. Пока все финансовые операции, загнавшие меня в этот город всевозможных провинциальных терзаний, проходили по финансовым мытарствам, досугу для фланирования у меня оставалось более чем достаточно. Не прошло нескольких дней, как я уже был в руках лукавого.

В городе малознакомом нашлась малознакомая, но интимная компания людей не менее моего в то время досужих... И что тут произошло!.. За всю мою жизнь я не видал и не предавался такому мрачному разгулу. Именно мрачному, потому что даже в самый разгар неудержимых оргий, в редкие минуты, когда оставался наедине сам с собой, я буквально купался в собственных слезах.

Я видел бездну, раскрытую под моими ногами, видел зловещий мрак ее бездонной пасти и ни секунды не терял сознания, что, подчиняясь какой-то грозной, зловещей силе, я неудержимым полетом лечу стремглав вниз головой туда, откуда не бывает возврата.

Такого ужаса нравственной смерти, охватившей мою душу, я не испытывал никогда во всю мою жизнь. Часто доводилось мне в былое время увеселять себя с присными, и был я моложе, и меньше жизнь меня учила, но, повторяю, того, что я тут испытал, я не испытывал ни прежде и, Бог поможет, не испытаю и после.

Бог был забыт; более того — я чувствовал, как во мне против моей воли зарождалось и росло с неудержимой силой святотатственное желание уничтожить в своей душе всякий, даже самый затаенный, уголок, где бы еще могло сохраниться Его святое изображение. Меня душила непонятная злоба. Но — странно! — к ней примешивалась такая невыносимая горечь, такая мука сердечной утраты, что бедное мое сердце, казалось, разрывалось на части. Что же это было за сверхчеловеческое страдание!

Одну минуту я хотел было броситься под поезд.

К счастью, искушение продолжалось недолго. Не прошло недели, я вновь получил дар молитвы, с ним вернулось ко мне, хотя далеко не в прежней, испытанной в Лавре глубине, чувство веры и христианского счастья общения с Господом. Надо было много еще пережить, много перечувствовать, надо было вынести еще не одну житейскую и духовную борьбу, чтобы получить вожденное.

Теперь, сравнительно спокойно вспоминая пережитое, вспоминая страшное искушение, посланное моим слабым духовным силам, я не могу до сих пор без трепета и смущения, без чувства робости восстановить в своей памяти все обстоятельства того невероятного по внезапной силе превращения визионера лаврского в того одержимого, каким я стал тогда буквально во мгновение ока.

Психология сумасшедшего — скажут, и кстати, найдут тому неоспоримое доказательство в исповедуемых мною верованиях. О мір духовный человека! Кто тебя постигнет, кроме верующего в откровение? Современные Гамлеты и «друзья Горацио» недаром наполняют и переполняют без надежды на исцеление психиатрические больницы, растущие как грибы. Ни им, ни их мудрецам не снятся причины, отчего это происходит на свете. Болезнь века, нашего нервного века! Откуда она? Неужели от того счастья, которое дает хваленая цивилизация и которым она предательски заманивает жаждущее призрачного счастья легковверное человечество?!

Случайность, известное стечение обстоятельств, психическая реакция, нервы, дряблость разнузданно-

го барича, атавизм и много другого, одинаково мало объясняющего, приведут мудрецы века сего в объяснение психологии данного момента. Но они даже и не дадут себе труда объяснять его: им дорога не истина, а усвоенная ими их псевдонаучная точка зрения. Отказаться от нее — значит признать свою не состоятельность, — а у кого из них на это хватит мужества? В жизни аристократизма мысли, в которой они узурпировали себе первое место, им дела нет до погибающего в созданных ими заблуждениях человечества, — сохранено было бы за ними их первенство, их руководящее влияние над легкомысленной толпой. Внезапную болезнь здорового организма они умеют объяснять заразным началом, находящимся вне организма и извне в него проникающим, но микроба духовной заразы, — открытого давно и известного врачам духовным, великим молитвенникам Церкви, единственным духовным врачевателям мятущейся человеческой души, — не дано открыть вновь современным лжецелителям: закрыты отступничеством и неверием их духовные очи — и «видя не видят, и слыша не разумеют».

Как бы то ни было, налетевшая на меня гроза, прогремев над моей головой, и умчалась так же внезапно, как и появилась. Небо моей духовной жизни прояснилось, но солнце, так было ярко засиявшее, хотя и стало вновь светить мне, но уже без прежней яркости, — как бы сквозь тонкие, прозрачные облака, отставшие от промчавшейся грозовой тучи.

Душевное мое состояние было как точно после тяжкой смертельной болезни: болезнь прошла, оста-

лась слабость, гнетущая, удручающая. Я не был уже прежним человеком, но и новым не сделался. Мир и его утехи потеряли для меня значение, — я как-то отстал от людей, но пустота, оставленная ими в моей душе, не находила себе восполнения.

Посещало меня изредка и молитвенное настроение: больше, чем прежде, стал любить я чтение Св. Писания, чаще и глубже останавливал я на нем свое внимательное размышление, но сказать себе с полной искренностью, что сердце мое нашло себе удовлетворение, я все-таки не мог. Стал я и в церковь ходить чаще, но и в церкви не находил желанного.

В моем старом прошлом я ясно, правда, видел зло и с трепетом вспоминал, что был этому злу причастен, но настоящим моим, пожалуй, был еще более недоволен.

Вся моя внутренняя жизнь как бы двоилась. У меня было такое чувство, точно я перед собою лицемерю, что я стараюсь внушить себе какое-то убеждение, которого у меня нет в действительности, и, что еще хуже, что я это убеждение, которого нет, хочу выставить напоказ людям. В моем старом заквасе я видел ложь и отстал от этой лжи, но она как-то сама, помимо моей воли, еще продолжала прорываться и в действиях моих, и в моих мыслях. Странное было это время. Я и сам был какой-то странный: и не свой, и не чужой.

Все во мне и мною делалось полуавтоматически, полусознательно; даже порывов в ту или другую сторону — в сторону ли сознанный лжи или в сторону еще неопределившегося добра — умения не было. Не

было ни горячности, ни любви — была теплохладность какая-то. Старый мир рушился, а на его обломках нового не создавалось; создать же его сам, я чувствовал, — не мог. Послеболезненная слабость томила меня; душе нужно было питание, которое дать ей не было в моей власти, а извне оно не приходило.

VIII.

Такое душевное состояние продолжалось около года.

Опять обстоятельства финансовой стороны моей хозяйственной жизни, против моей воли, потянули меня в Петербург: надо было представиться министру путей сообщения и просить его покровительства одному затеянному сельскохозяйственному и вместе торговому делу, которое, мечталось, должно было открыть мне новые средства для борьбы и защиты моей, да и многих других мне подобных, современной деревенской Шипки, прежде носившей название «дворянского гнезда».

Стояли февральские дни, и февраль был в том году лютый, с морозами и метелями. Наступила вторая или третья неделя Великого поста.

За несколько дней до своего отъезда я почувствовал какую-то странную, никогда прежде мною не испытанную сухость в горле. Помню, еще в вечер отъезда я жаловался на это своему товарищу-доктору. Он поглядел горло, сказал, что в горле ничего нет, и я с легким сердцем отправился в Петербург.

В Москве я задержался на один день до вечера, и так как после одного делового свидания времени у

меня оставалось достаточно, то я и воспользовался им, чтобы съездить в Третьяковскую галерею.

Особенно меня тянули туда Васнецов и две картины Крамского — «Христос в пустыне» и «Неутешное горе». Часа три в полном безмолвии провеля, созерцая дивные творения русского гения, и уже перед самым закрытием галереи, уходя одеваться, спросил что-то у одного из сторожей и... сконфузился от хрипящего, сиплого звука собственного голоса.

Сухость в горле, которую я чувствовал еще дома, знаменовала, таким образом, простуду и потерю голоса. Так как раньше я никогда голоса не терял, то и не придавал особого значения своей сипоте. Вечером, до отхода курьерского поезда в Петербург, я был со знакомыми в одном из московских клубов, жаловался на хриплость горла, но после выпитого горячего чая почувствовал себя лучше и забыл об этом думать.

Скверно сплю я на железных дорогах, но, чтобы как-нибудь выспаться, всегда беру спальное место. Народу в этот вечер с курьерским поездом в Петербург ехало множество. В моем купе были заняты все четыре места чьими-то вещами.

Кондуктор объяснил мне, что со мной едет какой-то батюшка и еще два иностранца. Признаюсь, я совсем не был доволен таким обилием спутников в тесном и всегда душном вагонном стойле.

После второго звонка вошел в купе кондуктор, забрал у нас куда-то вещи двух иностранных пассажиров, а вслед за ним пришел батюшка и занял свое место.

Невольно я поклонился вошедшему — такое славное впечатление произвело на меня его открытое, мо-

ложавое и милое лицо. Поклон ли мой, столь необычный в наше время для духовного лица от мирского, взаимная ли внезапная симпатия, — только мы очень скоро разговорились с моим спутником по-хорошему, точно давно знакомые.

Батюшка оказался монахом-казначеем одного из монастырей центральной России. В Петербург он ехал как строитель и настоятель или старший брат недавно им выстроенного в Лесном монастырского подворья.

Монастырь его был во время царствования Государя Александра III настолько бедным, что в Св. Синоде был возбужден вопрос об его упразднении. Но покойный Государь, узнав о древности обители, видевшей еще монгольское иго, повелел сохранить его святыню и поддержать монастырь средствами из казны.

Где только не соблюдал Православия и русской старины этот могучий Страж и Богатырь, Повелитель Русской земли!

На помощь скудным средствам монастыря явился посмертный дар двух петербургских благотворительниц, состоящий в нескольких десятинах земли в Лесном. Теплая вера в Промысл Божий, давший по вере энергию отцу казначею, — и на этой завещанной земле, без копейки из монастырских средств, в короткое время выстроился и храм Божий и подворье.

— Тысяч сорок нам все это стало, — рассказывал мне отец казначей, — а денег было только, что дал на дорогу игумен, да 25 рублей от батюшки отца Иоанна Кронштадтского, которые я от него получил

с благословением на начатие постройки. И долгу нет ведь ни копейки!

Откуда сила такая у монаха захолустного, едва за нищетой не упраздненного монастыря?

Откуда сила эта, что помогает каким-нибудь 25 рублям отца Иоанна творить дела на десятки тысяч?..

Отец Иоанн! Великое имя для русского человека! Но сколько уже слышал я на это имя злоречия!.. Неужели это злоречие — клевета одна?.. Как бы мне приобщиться этой вере, дающей такую силу, как бы мне одолеть ту душевную слабость, заполнить ту пустоту, которые томят мое сердце?.. Что мне может дать человек, чего бы я сам не мог добиться? Ведь от человека только и можно ждать, что человеческого!.. Что может мне дать отец Иоанн, если бы я и вздумал к нему поехать?.. Да и как до него добраться, когда его окружают и теснят тысячи, быть может, еще более моей скорбных душ, ищущих от него слова утешения, нравственной поддержки?..

IX.

Совсем плохо провел я эту ночь пути от Москвы до Петербурга. Эти и много других вопросов, все один другого тревожнее и неотвязнее, подымались и роились в душе моей: точно как зароненная когда-то и непотухшая искра, в ней что-то затлеало и разгоралось все сильнее, все ярче и ярче.

Еще за несколько станций до Любани прерванный сном разговор наш вновь возобновился. Что-то не давало спать и моему благодатному спутнику.

Мой батюшка поведал мне кое-что из своего прошлого. Последние пять лет жизни отца Амвросия Оптинского он был его келейником. Полились не-смолкаемые рассказы о житии этого дивного светоча русского Православия. От отца Амвросия разговор перешел опять к отцу Иоанну; и все неутолимее становилась моя жажда его видеть. Уже под самым Петербургом, когда вся моя душа точно растворилась в любви к моему собеседнику, я высказал ему свое желание съездить в Кронштадт, но вместе и выразил сомнение в возможности видеть великого Кронштадтского пастыря.

— Если желание ваше исходит от сердца, если есть в вас сколько-нибудь веры, если вы не движимы простым только праздным любопытством, вы отца Иоанна, ручаюсь вам, увидите так же легко, как и своего приходского священника, — так сказал мне мой спутник. — Когда я ехал в первый раз просить благословения батюшки на постройку нашего подворья, я был в непоколебимой уверенности и в том, что я его беспрепятственно увижу, и в том, что получу от него все, что, по его благословию, впоследствии совершилось. Так оно и вышло. А вот со мной приехал к батюшке один студент Духовной академии, и приехал-то он ради любопытства да неблагоговейно, так ведь батюшка-то ко мне в номер зашел, а к нему нет, хоть мы и стояли с академиком в смежных комнатах. Ведь все номера обошел батюшка, в каждый заходил, а к этому студенту так и не вошел. Поезжайте, голубчик, поезжайте, милый! Получите вы от батюшки все, что на пользу душе вашей. Не случайна наша с вами встреча:

сам угодник ваш, преподобный Сергей, вас к нему направляет. Смотрите, у меня в кармане билет в Троице-Сергиевскую Лавру. Я в вечер нашего выезда с вами из Москвы собрался было в Лавру, билет уже взял, а как пришлось на поезд садиться, так меня точно что толкнуло: не езди в Лавру, поезжай в Петербург! Так с билетом и остался, и вот с вами еду да радуюсь тому дивному, что в нашей беседе совершается. Вижу я — стоит ваша душа на распутье, и чудесно преподобный Сергей на этом распутье устроил нашу встречу. Молю и прошу вас, мой дорогой, поезжайте к отцу Иоанну — не мне, немощному монаху, служить душе вашей, — отец Иоанн власть имеет от Бога у врачевать ее раны. Остановитесь в его Доме Трудолюбия, скажите псаломщику батюшки, который заведует этим домом, что вас прислал к нему отец Амвросий из Лютикова монастыря. Он меня знает и, наверно, будет вам полезен. Поезжайте, поезжайте, не медлите!

Тут поезд наш подошел к платформе петербургского вокзала, и мы почти со слезами обнялись и простились.

С тех пор я уже более не встречал отца казначея¹. Да будет благословенна наша встреча!

¹ Нет, я встретил его, но уже по ту сторону жизни. Это было так: в самый разгар бунтов 1905 года я жил в Оптиной Пустыни на монастырской гостинице. В утреннее и вечернее молитвенное мое правило входит прочитывать помянник живых и усопших, так или иначе оставивших в моем сердце по себе память. Почему-то имя иеромонаха Амвросия в помянник мой записано не было. И вот, став в первый вечер по приезде в Оптину на правило, я неожиданно вспомнил о том, что в числе поминаемых мною усопших нет Лютиковского Амвро-

Х.

День моего приезда в Петербург, пятница, был вместе и приемным днем министра. От двенадцати часов дня до часа приема, то есть до четырех часов, у меня было времени ровно столько, сколько нужно для того, чтобы найти себе помещение в гостинице, умыться, привести себя в надлежащий порядок и быть готовым ехать по делу. К великому моему ужасу, чем ближе подходил час приема, тем все хуже и хуже становился мой голос.

Хрипота, только отчасти заметная при разговоре с отцом Амвросием, становилась прямо неприличной: голос мой с каждой минутой падал. Легкий озноб начал предательски пробегать по моей спине, голова стала дурна, — чувствовалось недомоганье, неуклонно все усиливавшееся. К четырем часам я уже себя чувствовал настолько скверно, что с великим трудом,

сия (я уже слышал, что он умер). Хотел после правила вписать его имя — забыл. На следующий вечер повторилось то же самое. На третий я уже не забыл записать это дорогое имя в поминанье и с того часа стал о нем каждый вечер молиться... Прошло месяца два со дня временного моего водворения в Оптиной. Ко мне зашел по делу помощник ризничего, брат Евфимий. Из беседы с ним выяснилось, что он читал этот мой очерк и лично знал о. Амвросия Лютиковского.

— А знаете ли? — спросил меня брат Евфимий. — Ведь о. Амвросий-то у нас в Оптиной умер.

— Когда же?

Он мне назвал год и месяц его смерти.

— И умер-то он как раз в этом же номере, где вы теперь живете, и на той самой постели, на которой вы спите.

Так с того света потребовал от меня благодарной и молитвенной памяти мой первый проводник к о. Иоанну Крондштadtскому.

еле перемогаясь, сел на извозчика и поехал в министерство. В пять часов министр, обходя просителей, подошел ко мне, и я с ним говорил таким зловещим полусшепотом, что пришлось извиниться, прежде чем начать докладывать свое дело.

Домой я вернулся уже совсем больной, с потрясающим ознобом и жаром, от которого голова, казалось, кололась надвое. По самой заурядной человеческой логике, надо было лечь в таком состоянии в постель и послать за доктором, что, вероятно, я бы и сделал, но какая-то сила выше недуга, выше всякой логики, в лютый мороз увлекла меня в тот же вечер в Кронштадт.

Не успел я переодеться, захватить и рассовать по карманам несколько носовых платков, как уже мчался на Балтийский вокзал, в легоньком городском пальто, в котором один только меховой воротник и напоминал о февральских морозах. Я сознавал, что поступаю неразумно, может быть даже гублю себя, и тем не менее пригрози мне в то время кто-нибудь смертью за мое неразумие, я бы, кажется, пошел и на самую смерть.

В вагоне ораниенбаумского поезда, сидя у раскаленной чуть не докрасна печки, я дрожал в своем пальто с поднятым воротником, точно на лютом морозе, на сквозном ветру; но уверенность, откуда-то взявшаяся, что со мной не приключится ничего дурного, что я, вопреки кажущемуся безумию моего путешествия, буду здоров, не покидала меня ни на минуту.

Однако мне становилось все хуже и хуже.

Кое-как, скорее при помощи мимики, чем слов, нанял я на ораниенбаумском вокзале кибитку в одну

лошадь и, как был в легком пальто, пустился в двенадцативерстный путь, в восемнадцатиградусный мороз, по открытому всем ветрам ледяному взморью в Кронштадт, мигавший вдали в ночной темноте ярким электрическим светом своего маяка. Везти я себя велел в Дом Трудолюбия.

XI.

Пустынны были улицы Кронштадта, когда по их ухабам колотилось мое больное, бедное тело; но чем ближе я подъезжал к Андреевскому собору, тем оживленнее становился город, а уже у самого собора меня встретила людская волна не в одну тысячу человек, молчаливо и торжественно разливавшаяся по всем смежным собору улицам и переулкам.

— От исповеди, от батюшки все идут! — проговорил мой возница, снимая шапку и истово троекратно крестясь на открытые двери храма.

В Доме Трудолюбия мне пришлось подняться на четвертый этаж в квартиру рекомендованного мне отцом Амвросием псаломщика. Взошел я на лестницу через силу, постучался в дверь; отворила мне, как оказалось, сама жена псаломщика.

— Что вам угодно?

— Нельзя ли номерок?

— Все номера заняты говельщиками!

— Как же быть мне? Я дальний, да еще больной; город мне незнакомый, время позднее — куда я теперь денусь? — чуть слышно прошептала я.

— Погодите, впрочем, — вот придет сейчас муж, с ним поговорите. Войдите, пожалуйста!

Пришел через несколько времени и сам псаломщик. Я едва мог ему объяснить, зачем приехал.

— Эх, да как это вы неудачно к нам приехали: номера-то у нас все до единого позаняты, и сами-то вы еле на ногах держитесь, да и батюшка-то наш что-то тоже расхворался — нарыв у него на руке, вся рука опухла, знобит его, едва служил... Как же вам говорить-то с батюшкой, если бы вам и удалось, паче чаяния, его увидеть? Я еле вас слышу и понимаю, а батюшка и подавно не разберет — он ведь тугонек на ухо.

— Что хотите со мной делайте — от вас мне в таком состоянии ехать некуда!

На мое счастье, с тем поездом, с каким я приехал, должен был приехать какой-то важный «генерал» из штатских, заказавший себе заблаговременно номер, но почему-то не приехал.

Добрый псаломщик сжалился надо мной и отвел мне приготовленную для «генерала» комнату с надписью на дверях: «Для почетных посетителей», велел мне подать самовар и чаю и, пожелав здоровья, оставил меня одного.

Я попросил женщину, принесшую мне самовар, разбудить меня к заутрени не позже трех часов утра, заперся на ключ и стал молиться.

Откуда снизошло на меня это молитвенное настроение? Беспомощность ли моего больного одиночества в чужом городе, в незнакомой среде? Боязнь ли темного грядущего, исполненного зловещих предзнаменований? Вернее, — Бог послал мне эти молитвенные минуты. Казалось, вся долго, долго скрываемая и сдерживаемая сила покаяния вырвалась наружу и

пролилась в бессвязных словах горячей, прямо жгучей молитвы, в потоке невыплаканных, накопившихся, накипевших слез старого, наболевшего, неизжитого горя. Каялся, исповедовался, чудилось мне, Самому Вездесущему, невидимо, но как бы осязаемо предстоящему в уединении еле освещенной просторной комнаты.

Все забыл я в эти мгновения: время, пространство, сломивший меня недуг... Весь я пылал тою любовью, тем горьким и вместе сладостным покаянием, которое никакие духовные силы человека дать сами по себе не могут и которое может быть послано свыше путем незримым и для неверующего непонятным...

Болезнь, как бы отступившая от меня во время молитвы, напала на меня с особенною яростью, когда часов в двенадцать ночи я прилег отдохнуть до заутрени. Точно неведомая, враждебная сила рвала все мои члены и метала меня по кровати, опаляя невыносимым жаром, леденя душу пронизывающим ознобом. Я чувствовал, что у меня начинается бред, как у тяжело больного.

Так я прометался до утра. В полузабытьи я услышал, как ко мне постучали в дверь:

— Три часа! Почти все ушли к заутрени — вставайте!

ХII.

Я встал, надел пальто и вышел. В белом морозном сумраке зимней ночи клубами порывисто вилась заметь начинающейся февральской метели; ветер метался, крутил и резкими порывами срывал с крыш

и из-под ног целые облака снежной пыли. Метель разыгрывалась не на шутку. Утопая в нанесенных за ночь сугробах, я еле доплелся до собора.

Народу уже стояло у запертых дверей много. Стал и я в толпе и стоял долго, а народ все подходил и подходил, все росла и росла скорбная человеческая волна жаждущих Христова утешения. Простоял я так до половины пятого и... не достоял до открытия собора.

В полуобморочном состоянии я нанял до Дома Трудолюбия случайного извозчика; еле добрался до своего номера — он оказался запертым. Ни прислуги, ни квартирантов — весь дом точно вымер. В изнеможении я лег на каменную лестницу и лежал так довольно долго, пока чья-то милосердная душа, проходившая мимо меня, не свела меня в незапертую общую комнату, где я и забылся тяжелым, болезненным сном на чьей-то неубранной кровати.

Проснулся я, когда уже было совсем светло. Было часов около девяти. Вскоре стали подходить и богомольцы из собора. Кратковременный сон подбодрил меня настолько, что я без посторонней помощи добрался до квартиры псаломщика. Милая его жена с участием приняла меня, обласкала, напоила чаем и все соболезновала о моих недугах:

— И как же это вы, такой больной, решились ехать, да еще по такой погоде, в чужой город? И с батюшкой-то вам побеседовать не придется. Ну и горький вы, право!

Пришел часов в десять псаломщик и огорошил меня сообщением, что батюшка так себя плохо чув-

ствуует, так разболелась у него рука, что на вопрос, приедет ли он в Дом Трудолюбия, он ответил:

— Когда приеду, тогда увидишь!

— Уж видно, вам или пожить здесь придется, — сказал мне псаломщик, — или в другой, что ли, раз приехать?! Плоха вам надежда видеться с батюшкой!

Итак, все, точно сговорившись, восстало против моего пламенного желания видеться с отцом Иоанном. Даже если б я и увиделся с ним, что мог я вынести от этого свидания? Того, что мне так нужно было, чего я так страстно желал — беседы с ним, покаянного моего слова, я и того лишился. Лишился, стало быть, и его слова наставления и утешения. В лучшем случае я мог только его видеть, да и на то, казалось, пропадала последняя надежда...

Но в душе моей, как ни странно, не было сомнений. Измученный болезнью, я не боялся ее исхода; утратив, по-видимому, всякую надежду видеться с о. Иоанном, я верил, что получу от него все, чего жаждала моя душа.

XIII.

Не прошло и часа с прихода из собора псаломщика, как снизу прибежала запыхавшись одна из служащих:

— Батюшка приехал!

Откуда только взялись силы? Мы с псаломщиком в один миг уже были в нижнем этаже. Как меня устроили в номере, соседнем с тем, куда вошел батюшка, я не помню. Какая-то бедно одетая девушка робко проскользнула из коридора в мою дверь.

— Не позволите ли мне у вас дожидаться батюшки?

— Пожалуйста!

Из другого соседнего номера отворилась ко мне дверь. Несколько любопытных голов тревожно и нервно просунулось в мой номер, заглядывая на дверь, ведущую из моей комнаты в ту, где слышался уже голос батюшки, беседующий с кем-то.

Мимолетное неприятное чувство шевельнулось у меня в душе: не дадут мне поговорить с батюшкой! Шевельнулось и исчезло. Девушка в моей комнате тихо плакала. Я весь обратился в напряженное ожидание, что вот-вот должно совершиться со мной что-то великое, что сделает меня другим человеком...

В номере, где был батюшка, послышалось движение, задвигали стульями, голоса стали раздаваться громче... Прощаются...

Головы из другого номера тревожно шепчут:

— Дверь-то, дверь велите отворить — она замкнута: батюшка ни за что не пойдет, если дверь не отворена... да что ж вы стоите! Вот увидите — не войдет к вам!

«Да будет воля Божия!» — подумал я и не тронулся с места.

Послышались шаги по направлению к моей двери... Кто-то дернул за ручку.

— Отчего дверь не отперта? Отпирай скорее! — раздался властный голос... и быстрой, энергичной походкой вошел в мой номер батюшка. За ним шел псаломщик. Одним взглядом отец Иоанн окинул меня... и что это был за взгляд! Пронзительный, прозре-

ший, пронизавший, как молния, и все мое прошедшее, и язвы моего настоящего, проникавший, казалось, даже в самое мое будущее! Таким я себе показался обнаженным, так мне стало за себя, за свою наготу стыдно...

Вошедшая ко мне девушка упала с плачем в ноги к батюшке и что-то ему с судорожными рыданиями говорила; он ей отвечал, затем начал служить молебен. Молебен кончился; я подошел ко кресту. Псаломщик наклонился к отцу Иоанну и громко сказал:

— Вот, батюшка, господин из Орловской губернии (тут он назвал мою фамилию) приехал к вам посоветоваться, да захворал и потерял голос.

— Знакомая фамилия! Как же это ты голос потерял? Простудился, что ли?

Я не мог в ответ издать ни звука — горло совсем перехватило. Беспомощный, растерянный, я только взглянул на батюшку с отчаянием. Отец Иоанн дал мне поцеловать крест, положил его на аналой, а сам двумя пальцами правой руки провел три раза за воротом рубашки по горлу... Меня вмиг оставила лихорадка, и мой голос вернулся ко мне сразу свежее и чище обыкновенного... Трудно словами передать, что совершилось тут в моей душе!..

Более получаса, стоя на коленях, я, припав к ногам желанного утешителя, говорил ему о своих скорбях, открывал ему всю свою грешную душу и приносил покаяние во всем, что тяжелым камнем лежало на моем сердце.

Это было за всю мою жизнь первое истинное покаяние. Впервые я всем существом своим постиг зна-

чение духовника, как свидетеля этого великого Таинства, свидетеля, сокрушающего благодатью Божьей в корне зло гордости греха и гордости человеческого самолюбия. Раскрывать язвы души перед одним Всевидящим и Невидимым Богом не так трудно для человеческой гордости: горделивое сознание не унижает в тайной исповеди перед Всемогущим того, что человеческое ничтожество называет своим «достоинством». Трудно обнаружить себя перед Богом при свидетеле, и преодолеть эту трудность, отказаться от своей гордости — это и есть вся суть, вся таинственная, врачующая с помощью Божественной благодати сила исповеди. Впервые я воспринял всей своей душой сладость этого покаяния, впервые всем сердцем почувствовал, что Бог, именно Сам Бог, устами пастыря, Им облагодатствованного, ниспослал мне Свое прощение, когда мне сказал отец Иоанн:

— У Бога милости много — Бог простит.

Какая это была несказанная радость, каким священным трепетом исполнилась душа моя при этих любвеобильных, всепрощающих словах! Не умом я понял совершившееся, а принял его всем существом своим, всем своим таинственным духовным обновлением. Та вера, которая так упорно не давалась моей душе, несмотря на видимое мое обращение у мощей преподобного Сергия, только после этой моей сердечной исповеди у отца Иоанна занялась во мне ярким пламенем.

Я осознал себя и верующим и православным.

XIV.

В тот же день, по страшной метели, несмотря на настояния моего покровителя, псаломщика, опасавшегося меня отпускать в такую непогоду, я уехал из Кронштадта. Погода была такая, что нашелся только один смельчак извозчик, который за утроенную плату согласился меня отвезти на паре до Ораниенбаума. Двенадцать верст мы ехали четыре часа, ежеминутно сбиваясь с дороги и рискуя вместо Ораниенбаума попасть в открытое море и безвозвратно погибнуть. К нашему счастью, нам удалось догнать несколько саней с паломниками, выехавшими раньше нас, и только общими усилиями и благодаря привычным к дороге коням, мы добрались, полузамерзшие, до железной дороги.

Так исполнилось мое пламенное желание, так оправдалось предсказание моего спутника, отца Амвросия: к отцу Иоанну, несмотря на все затруднения, казавшиеся неодолимыми, я проник с большою легкостью — ни многодневных ожиданий, ни денежных трат выше средств, которыми меня пугали тайные недоброжелатели Кронштадтского батюшки. Все мое путешествие продолжалось сутки и обошлось дешевле пятнадцати рублей. За комнату ничего с меня не взяли, так как комнаты «для почетных посетителей», в число которых я попал совершенно неожиданно и не по чину, не таксируются. За самовар и чай с меня взяли что-то копеек пятнадцать или двадцать. Батюшкин псаломщик, несмотря на мои энергичные протесты, из чувства гостеприимства взял все расходы по моему питанию на свой счет, угостив меня в

кругу своей радушной семьи простым, но чудесным домашним обедом.

Это ли недоступность отца Иоанна?! Такова ли корысть его окружающих?! Прямой путь к вере — ближайший и всем доступный путь!

Прямым ли путем и для каких целей ездили к отцу Иоанну клеветавшие на его светлую личность и на окружающие его порядки?..

Чудо, совершенное надо мной отцом Иоанном, дало мне возможность исповедовать ему мою душу. По возвращении в Петербург я опять почувствовал себя так же плохо. Голос вновь пропал; измерив температуру, я увидел, что дело мое выходит совсем плохо: термометр показал 40,2°. Послал за доктором. Он нашел у меня какой-то распространяющийся внутрь ларингит или что-то в этом роде, деликатно намекнул на возможное воспаление легких... на серьезность моей болезни, на упорное и продолжительное лечение... Я не лечился и, слава Богу, очень быстро поправился, хотя голос еще месяца три никак не мог восстановиться...

Да он мне на ту пору и не был нужен. Внезапно осенившая меня благодать Божия, «немощная врачующая», подала мне здоровья ровно настолько, сколько моей душе в тот момент было и нужно и полезно.

Со времени моей поездки в Кронштадт я сознал себя сердечно обращенным в Православие из того душевного язычества, которым в наши времена так глубоко, почти с пеленок, заражен так называемый «интеллигентный» слой русского общества, и только с этого времени я понял, что вне Церкви, благода-

ти ее иерархии и установленных по завету Христову таинств, нет православного христианства, нет и спасения. Жизнь, такая смешная и жалкая, такая бесцельная, как труд белки в колесе, получила для меня и смысл, и глубочайшее значение.

Общение с Церковью, по возможности непрерывное, дивное Таинство исповеди, принимаемое с верой и душой обращенной, сочетание со Христом в страшном и вместе таком благодатном Таинстве Причащения — все это стало такой потребностью, без которой и сама жизнь кажется не в жизнь. Я так же далек от доступного на земле совершенства, как, быть может, далек был и прежде, но путь лежит передо мной такой открытый, такой ясный, так определена надежда, порой разрастающаяся в непреложную уверенность, что — куда девалась моя теплохладность!

И чем ближе ко мне становится всеочищающая Святая Церковь Христова, чем чаще припадаю я к ее безгрешному лону, тем ярче горит во мне неугасимое, ею зажженное пламя беспредельной веры в ее обетования. Христос Господь и Его Православная Церковь — вот одна истина, делающая нас свободными, вот единственный источник всякого земного блага, всякого доступного на земле и выше земли — в глубине нескончаемых веков, в высоте бесконечных небес — истинного, ненарушимого счастья. Кто постигнет, по милости Божией, эту истину, кто отдаст всего себя на служение ей беззаветно, тому станет ясна жизнь и горько тому станет за неустроенного современного человека, безумно и бессознательно

отстраняющего от себя благодать Божию, без которой он — прах и пепел!..

Тягота, томящим гнетом лежащая над современным отступническим миром, — не страшная ли и грозная действительность?!

Что скрывает в себе угроза будущего, и будущего не так отдаленного?..

Февраль. 1900 год

2.

Одно из современных чудес Преподобного Сергия

*Проповедуй слово, настой во
время и не во время.*

(2 Тим. 4, 2)

В тех местах, в которых мне последние пятнадцать лет довелось жить и действовать, я познакомился с одним высокопоставленным лицом польского происхождения, занимавшим видное административное положение в управлении обширным правительственным учреждением губернии. Лицо это, теперь уже в отставке, и поныне благополучно здравствует, но я не имею разрешения открывать его имени, да и не в имени тут дело. Так как сообщение, сделанное мне этим лицом, носит на себе печать полной и искренней достоверности свидетельского показания, и притом в деле необыкновенной важности, то я и постараюсь передать его в форме и по возможности в выражениях самого повествователя.

Ему было известно мое обращение из тьмы неверия у раки преподобного Сергия. Как-то разговари-

лись мы с ним о вопросах веры, о вере в чудеса святых угодников, которые так упорно стали отвергаться последнее время. К удивлению моему, мой собеседник, иноверец по исповеданию, высказал такое благоговейное отношение к памяти преподобного Сергия, что я не мог не заинтересоваться происхождением у него этого чувства к такому святому, который ему, как поляку, не мог быть особенно приятен даже по историческим воспоминаниям.

— Если это вас интересует, — сказал он мне, — извольте, расскажу. Я не скрывал никогда и не скрываю даже от своих единоверцев и единоплеменников моей веры в этого великого вашего православного Святого. Хотя происхождением своим я — поляк, а по вере и умру католиком, но чту обряды и верования вашего Православия, как своего католичества. Признаться, я не вижу в наших вероисповеданиях той существенной разницы, которая бы эти два лагеря верующих могла бы разделить на два враждующих стана. Если и есть вражда, то она, по-моему, — не столько дело веры, сколько политики. Скажу вам больше: обряды Православной Церкви мне даже как будто более по духу, чем наши, и особенно я люблю вашу Пасхальную заутреню. Это не мешает, однако, быть мне верным сыном своей церкви. Соединение наших великих Церквей — дело неизбежного будущего, и притом будущего довольно близкого, но, как всякое будущее, оно — в руках Божиих, и человечество, думается мне, напрасно изыскивает свои средства для осуществления этого соединения. Как ра-

зошлись когда-то, так и сойдемся, а пока, видимо, времена еще не созрели; будем стараться в простоте сердца веровать в Господа нашего Иисуса Христа, перед лицом Которого «несть ни эллин, ни иудей»...

Я не беру на себя смелости в этих моих словах отражать взгляды и мысли всего католичества. Легко может статься, что эти мои умеренность и терпимость во многом зависят от среды, в которой воспитался мой дух: среда эта была чисто русская, сперва офицерская, а затем коренная помещичья, православная, из которой родом была моя первая жена. Женился я, когда уже был на службе по старым судебным учреждениям; в той местности и женился, где служил. Семья моей жены и жена были люди глубоко верующие и все постановления Православной Церкви и ее обряды соблюдали с несокрушимой преданностью.

В 1862 году я получил назначение в Кострому по другому ведомству.

В те времена из местности, в которой я служил, железных дорог еще не было, и весь путь с женой и братом моим мне надлежало совершить в коляске на почтовых. А путь был не близкий: до Москвы верст без малого двести, да от Москвы до Костромы побольше четырехсот. Переезжать нам надо было в самую жару и пыль в июне или в июле месяце.

За месяц или за два до нашего переселения у меня заболели глаза. Вначале я не обратил на эту болезнь особого внимания, но усилившаяся боль потребовала вмешательства людей науки, к которым я и вынужден был обратиться. «Брады уставивши, наморщивши чело», «люди науки» определили у меня трахому

и объявили мне, что эта болезнь требует продолжительного и упорного лечения, но и при этом условии угрожает весьма скверными последствиями, которые могут оставить сами по себе след на всю жизнь. Для моего успокоения напрописали мне всевозможных лекарств и не велели глядеть на свет Божий... Казенная служба — не богадельня, и потому волею-неволею мне пришлось, спустя месяца два безуспешного лечения, пуститься в дальний путь к месту своего служения.

Жара и пыль стояли в ту пору нестерпимые, и мои больные глаза до того разболелись, что я был вынужден буквально исполнять совет докторов и не мог взглянуть на свет, так как глаза заплыли гноем, и я мог смотреть только тогда, когда жена мне их промывала теплой водой, да и то смотрел только через очень темные очки.

В таком положении добрались мы до обители Преподобного Сергия, расположенной, как известно, на пути из Москвы в Кострому. Как сейчас помню я это время — так оно врезалось у меня в памяти. Было около трех часов дня, жаркого и пыльного, как и все дни, которые мы провели в дороге. Жена моя, ввиду моего утомления и из понятного желания помолиться у Преподобного, предложила мне остановиться в Лавре на сутки.

— Помолимся вместе, — может быть, Господь за молитвы Своего угодника и пошлет тебе исцеление.

Я согласился.

Ударили к вечерне. Жена промыла мне глаза, я надел свои очки, и мы отправились в тот храм, где

покоятся мощи преподобного Сергия. Иду с женой да и спрашиваю:

— А что, Машенька, можно покровом, который лежит на мощах, коснуться своих больных глаз?

— Отчего же! Конечно, можно! Да ты помолись только поусерднее Угоднику: он чудотворец великий. После вечерни мы попросим отслужить ему молебен, а ты после молебна, прикладываясь к мощам, и потри себе глаза пеленой.

— Сумею ли я помолиться?!

Во все продолжение вечерни я стоял истукан-истуканом: ни веры, ни теплого чувства. Слова молитвы не шли на ум. Сердце как лед было холодно. Рассеянно стоял я во время службы и занимался больше, насколько позволяли больные глаза, глазением по сторонам — то на молящихся, то на обстановку храма.

Вдруг я заметил в той стороне, где почивают мощи, за стоящим у мощей иеромонахом, большую железную дверь и в ней неправильной формы довольно значительное отверстие, точно выломанное чем-то тяжелым или пробитое. Отверстие это приковало к себе все мое внимание: я уже не видел и не слышал ничего вокруг меня происходящего и весь был поглощен соображением, что бы это такое было, и кто бы мог, и для какой цели, испортить такую массивную дверь.

Когда кончилась вечерня, я не утерпел и, не сказав ни слова жене, пошел к этой двери с целью поближе рассмотреть занявшее мое внимание отверстие. Подхожу и вижу под отверстием подпись, выбитую

в железной створке двери: «Сие отверстие сделано было польским ядром при осаде Троице-Сергиевой Лавры поляками в таком-то году».

Меня точно обухом по голове ударило. Вы себе представить не можете, какая буря впечатлений и воспоминаний поднялась в моей душе по прочтении этой немногоречивой надписи. Как озаренный каким-то внезапным светом, я вдруг в одно мгновение вспомнил, что я поляк, что я католик, что в жалованной грамоте на дворянство, выданной польскими королями родоначальнику моей дворянской фамилии, значится, что этот мой предок участвовал в войнах Польши с Россией, что за особые услуги, оказанные им в тысяча шестисотых годах польскому оружию, он возведен в потомственное дворянское достоинство и пожалован «староством» — населенным поместьем, носящим название, от которого происходит моя фамилия; вспомнил я, что я, как католик, — враг Православию и, следовательно, враг православному святому, что, во всяком случае, я — потомок его врага, пролившего когда-то русскую кровь, и, может быть, одною из тех услуг, которые оказал мой предок польскому оружию, и было метко им наведенное орудие, святотатственно пробившее брешь в двери у самого изголовья Преподобного...

Под наплывом этих впечатлений я и был как бы вне себя.

Молебен уже начался. Я подошел к раке Преподобного весь дрожащий, испуганный и вместе с какой-то особой силой, с особенным подъемом духа дерзновенный и стал молиться с пламенными слезами.

— Угодник Божий! — говорил я почти в исступлении. — Ведь ты святой! Ведь потому что ты свят, у тебя не может быть вражды. Ты, отдавший душу свою за Христа, молившегося на кресте за своих врагов, ты так же прощаешь тем, кто наносит или наносил тебе поругание, кто бесчестил твою святыню, кто проливал кровь твоих братьев, твоих чад по духу. Вот я перед твоими святыми мощами, враг твой, враг твоей Церкви, потомок злейшего твоего врага, стою перед тобою, молюсь тебе, молю тебя об исцелении моего неисцелимого недуга: ты, святой Божий, должен меня исцелить, должен меня услышать, должен простить! Иначе ты не святой, если не забудешь обиды врагов, иначе ты — не Христов, Который учил благодетельствовать ненавидящим и молиться за проклинающих!..

Молитва моя так и лилась из переполненного сердца, растворяемая и орошаемая слезами веры и благоговейного дерзновения к угоднику Божию.

Кончился молебен; я приложился к мощам Преподобного, покровом коснулся своих больных глаз и вместе с женой и другими богомольцами вышел из храма.

— А ты плакал, когда молился, — сказала мне жена.

— Да, — ответил я, — хорошо молился!

У святого колодца жена меня напоила святой водой и ею же обмыла мне глаза, успевшие уже загноиться. Чуда исцеления, которого я так жаждал во время молебна, не последовало, и я, до известной степени разочарованный, опять впал в полнейшее рели-

гиозное равнодушие. С женой мы в этот вечер съездили в окрестности Лавры — в Вифанию, еще где-то были; домой вернулись в лаврскую гостиницу уже довольно поздно.

Глаза мои болели едва ли не хуже, чем до приезда в Лавру, но я не роптал, а смирился и перестал ждать чудесного.

Перед сном, уже почти засыпая, я говорю жене:

— Так как ты хочешь, Машенька, завтра перед отъездом сходить со мной к обедне, а обедня будет рано, то не забудь встать пораньше и промыть мне глаза. Ты ведь знаешь, что эта процедура берет времени немало. Пока-то ты еще воду подогреть успеешь...

С этими словами я заснул. Рано утром я сам проснулся от движения в соседней комнате, — это жена грела мне воду и суежилась, торопясь одеваться к обедне. Я лежал с закрытыми глазами, зная по опыту, что открыть их может только продолжительное промывание.

— Ну, скоро ты там, Машенька?

— Сейчас, мой друг, сейчас иду!

С этими словами жена подошла ко мне, омочила губку в теплой воде, хотела начать привычное обмывание и взялась уже было за веку, чтобы ее приподнять... Глаза мои сами собой раскрылись, совершенно здоровые и чистые, как будто никогда не было моей страшной болезни...

Вы можете себе представить, что с нами тогда было!..

С тех пор мои глаза ни разу в продолжение всей моей жизни не болели, а я уже за седьмой десяток переваливаю. Из Лавры я тогда уехал, никому не сказав о совершившемся надо мною чуде. Долго меня это мучило, и я решил побывать еще раз у Преподобного Сергия и объявить о чуде лаврскому начальству. Года два или три спустя я был в обители, нарочно за этим заходил к архимандриту и просил засвидетельствовать чудо, со мной совершившееся.

— Чудо, с вами бывшее, — песчинка в море чудес, изливаемых благодатию Божиею от мощей Чудотворца: всего не опишешь и всего не засвидетельствуешь. Для благодарной души вашей довольно и того желания, которое вы мне выразили, — так сказал мне архимандрит.

И я на этом успокоился. Но теплое воспоминание о совершившемся осталось на всю жизнь неизгладимым в моей душе, и не оно ли и спасало меня от бездны неверия, которая затягивает в себя окружающее человечество?.. Да, должно быть, оно!..

Вот откуда у меня такая вера к Преподобному Сергию.

Преподобный отче Сергие, моли Бога о нас!

25 сентября 1901 года

3.

Поездка в Саровскую пустынь и Серафимо-Дивеевский женский монастырь

*Дивен Бог во святых Своих, Бог
Израилев.*

I.

Кто знает и любит историю нашей родины, кому дорог и близок истинный дух ее сынов, кто изучал этот дух не по одним только односторонним и страстно составленным учебникам и курсам гражданской истории, тот не может не знать, какое значение для России имели и до сих пор имеют ее православные монастыри и подвизавшиеся в их оградах подвижники и угодники Божии.

Наше так называемое «образованное» общество кичится своим пренебрежительным незнанием жизни святых подвижников Православной Церкви. Высшее проявление жизни человеческого духа, выходящее за грань земного в непостижимые пределы Божественного, ускользает от изучения и вни-

мания громадного большинства «руководителей», оставаясь сокровищем руководимых. Отсюда прискорбное взаимное непонимание, отсюда взаимная отчужденность духа тех и других. Скольких бы заблуждений, скольких падений не знало бы современное нам «интеллигентное» общество, если бы оно так упорно не отворачивалось от неисчерпаемой для всех веков мудрости творений святых Отцов Церкви и спасительных примеров жизни святых угодников Божиих!

Но страшное наше время: «оком видит и слухом слышит — и не понимает», «ибо возлюбило больше славу человеческую, нежели славу Божию».

В глуши Темниковского уезда, Тамбовской губернии, среди дремучих лесов, на месте древнего татарского города Сараклыча, лет без малого двести стоит, сокрытая бором от мирской суеты, дивная обитель. Верующая Русь ее называет Саровской пустынью.

В этой пустыни 123 года тому назад вступил в число братии благодатный юноша Прохор, родом из старинного купеческого рода города Курска — Мошниных. Этому юноше Промысл Божий судил стать Серафимом Саровским¹.

Жизнь отца Серафима, родившегося 19 июля 1759 года и почившего о Господе 2 января 1833 года, принадлежит еще очень недавнему прошлому. Еще

¹Интересующимся житием этого угодника Божия рекомендуем «Летопись Серафимо-Дивеевского женского монастыря», составленную священником, ныне архимандритом Суздальского монастыря, Л. М. Чичаговым, изд. 1896 года.

кое-где на просторе Руси великой сохранились живые свидетели его подвигов, чудес, им совершенных, его прозорливости, проникавшей в глубь отдаленнейшего будущего, в колыбель зарождающихся событий. Память о великом Старце сохранена душой народной, запечатлена его посмертными чудесами, рукописными воспоминаниями его почитателей, принадлежавших к цвету почти нам современной образованности. Святой хранитель всех воспоминаний об отце Серафиме — Серафимо-Дивеевский женский монастырь, созданный духом блаженного Старца. Необыкновенна судьба этой обители, как, впрочем, необыкновенно и все, что родилось от духа подвижника Божьего Серафима. Судьбой Дивеевской обители была глубоко заинтересована вся Царская Семья в Бозе почившего Царя-Освободителя. Святитель Филарет, митрополит Московский, современник отца Серафима, всю жизнь преклонялся перед духовным обликом святого Старца.

В 1831 году в беседе с одним из своих почитателей о судьбах России, которые, как в открытой книге, были известны благодатному прозорливцу, отец Серафим предсказал, что в близком будущем на Россию восстанут три европейские державы и сильно истощат ее, но что Господь за Православие ее помилует. Святое слово Старца сбылось вскоре — Крымская война не замедлила обрушиться на Россию, но тогда Господь помиловал Свою избранницу.

Не назрели ли времена открытия святых мощей отца Серафима, чтобы перед ними молить святого

угодника Божия о сохранении Православия, а с ним и милости Божией для терзаемой всякими духовными смутами России?¹

А молиться надо!

II.

Давно, еще на ранней заре дней безмятежного детства, довелось мне слышать от проживавших в то время в Москве простеньких, но богобоязненных старичков о дивной красоте местности Саровской пустыни, просиявшей изумительным подвигом жизни старца-иеромонаха отца Серафима. Нет, кажется, православного, который не знал бы его хотя бы по имени.

Серафимо-Дивеевская женская обитель, на которой почиет особое благословение отца Серафима, дух которого до сих пор невидимо, но действительно там присутствует, в летописи своей с любовью и в ярких красках описала житие своего основателя и отца-попечителя (на нее я указывал в предыдущей главе). К этой летописи я и отсылаю читателя, еще незнакомаго во всей красоте с духовным обликом, житием, прижизненными и посмертными чудесами этого угодника Божия.

Я могу как христианин, как беспристрастный свидетель и как человек, несмотря на свое недостойнство, сподобившийся получить телесное исцеление в прославленных Серафимом Саровским местах, рас-

¹ Писано 27 сентября 1901 года. 19 июля 1902 года состоялось Высочайшее повеление об ускорении дела прославления о. Серафима, а в январе 1903 года опубликовано деяние Св. Синода, которым о. Серафим причислен к лику святых и назначен срок открытия мощей его на 19 июля 1903 года.

сказать, что я слышал, видел и, наконец, на себе испытал за краткий промежуток времени, от февраля до августа 1900 года.

30 января 1900 года, один близкий мне по духу человек доброй христианской жизни видел удивительный сон. Знакомство мое с человеком этим завязалось незадолго до этого времени, и хотя мы с ним очень быстро сошлись и часто стали видаться, но обстановка моей домашней жизни в деревне ему была совершенно неизвестна. Жил я в деревне, а он жил в городе, и свидания мои с ним происходили у него, на городской его квартире. Объясняю я это попутно для того, чтобы подчеркнуть необычайность сновидения, о котором я сейчас поведу свою речь. По обстоятельствам, от меня не зависевшим, я не мог рассказать в подробностях этого сна в то время, когда моя поездка в Саров печаталась в ноябре 1901 года в «Московских Ведомостях»; теперь же, когда сбылось все, что предвещал этот изумительный сон, я не считаю себя даже вправе умолчать о нем — слишком явно стало его, во славу Божию, пророческое значение.

Приезжаю я как-то, в начале февраля 1900 года, к этому моему знакомому, прямо с вокзала. Поезд мой, из деревни, приходит в город в десятом часу вечера. Застаю моего знакомого и его семью за чаем. Не успел я со всеми поздороваться, а он мне и говорит:

— Знаете, я ведь вас насилу дождался: очень любопытный сон я про вас видел. Садитесь-ка рядышком, да за чайком-то я его вам и расскажу...

— А вы снам верите?

— Смотря по тому — каким, а этому сну, — сказал он серьезно и проникновенно, — нельзя не верить. Вот сами посудите. Виделя, что будто я с женой у вас в деревне: небольшой такой домик — маленькая передняя, из передней направо комната побольше. В этой комнате посредине стоит обеденный стол. В углу довольно большая икона. Мы сидим с вами и беседуем; и так все это последовательно, ясно, — ну совсем как наяву. Один из членов вашей семьи все что-то плачет... Подают обед. Кончили обедать; смотрю, — опять стол накрывают на четыре прибора.

«Это для кого же?» — спрашиваю я, а вы мне отвечаете:

«Царь поблизости охотится — как бы не заехал!»

Вот, думаю, радость-то какая: Царя Господь удостоит видеть! Вот радость-то!..

Только проходит времени немало: уже дело идет к сумеркам. Царь не едет. А мне и Царя-то хочется повидать, да и ехать пора. Вижу — Царя все нет; и стали мы с женой собираться уезжать. Подают нам тройку лошадей рыжих, великолепных. Только что с женой собрались сесть в коляску, как вдруг в лесу, что против подъезда вашего дома, такая поднялась пальба, что я приостановился да и спрашиваю вас:

«Что это, точно война какая?»

А вы мне на это в ответ:

«Это, видно, Государева охота стреляет!»

И правда. Смотрю — из лесу скачет Царская охота на конях, красиво так разряженная, и все стреляют,

все птичек бьют. А мне все кажется, что это война, а не охота. Такое у меня чувство: не то охота, не то война, а разобраться не могу.

Тут вы мне говорите:

«Должно быть, и Государь сейчас приедет — оставайтесь!»

Я и остался. Пошли назад к вам в дом, а по дороге, смотрю, лежат две собаки: одна рыжая, другая черная. Собак я до смерти боюсь; вот вы рыжую схватили за шею да к себе под мышку, а черная убежала да на крыльце дома и легла. А вы мне и говорите:

«Не бойтесь — эта не тронет!»

И верно — мы вошли на крыльцо, она даже и не залаяла... Следом за нами в дом вошли генералы, все такие важные, а с вами ласковые и говорят вам:

«Сейчас к вам Царь приедет. Он вас очень любит и какое-то хочет поручить вам важное дело!»

Смотрю, входят Царь с Царицей и с ними гувернантка с двумя маленькими Великими Князьями. Государь вас обнимает и говорит:

«Я тебя очень люблю и хочу тебе поручить одно очень важное дело!»

Государь говорит и со мной необыкновенно ласково и для меня чрезвычайно и незаслуженно лестно...

Садимся за стол. А вы и говорите Государю:

«Ваше Императорское Величество! Как же это Великим Князьям-то нет приборов: надо велеть поставить!»

«Ничего, — говорит Государь, — мы их с Императрицей на колени посадим!

— Каково это во сне-то просто как!

Сидим это мы, только вдруг смотрю я, — из передней выходит и идет к нам отец Серафим Саровский; лицо у него цвета некрепкого чая, и я чувствую, что это его мощи восстали. Проходит он мимо нас, становится перед иконой и начинает молиться.

Мы все встали и тоже молимся.

Только вдруг Государь обращается к отцу Серафиму да и говорит:

«Отец Серафим, помолитесь за меня!»

Отец Серафим не обернулся на эти слова и все продолжает молиться... Опять Государь говорит:

«Отец Серафим, помолитесь за меня грешного».

Отец Серафим все продолжает молиться не обращиваясь.

Тогда Государь сказал:

«Отец Серафим! Я — Николай Второй, Император Всероссийский, помолитесь за меня грешного!»

Отец Серафим обернулся, взглянул на Государя и ответил:

«Помолился, да и помолюсь!»

И с этими словами благословил всех нас, проходя от иконы к столу, и сел за столом рядом со мною.

Я и спрашиваю его:

«Батюшка, отец Серафим! Это мощи ваши восстали?»

«Да! — ответил он мне. — Мои мощи! — И добавил затем: — Сегодня умрет!»

Я и подумал тут во сне: «Это мать моя, должно быть, сегодня умрет», — и с этим проснулся...

— Ну, что вы мне скажете — не удивительный это сон? — спросил меня мой знакомый.

— Признаюсь, — и меня он поражает, хотя я и не особенно склонен доверять сновидениям!..

— Как же вы его толкуете?

— Толковать трудно. Что сон этот, очевидно, возвещает события не особенно отдаленного грядущего, в этом, сдается мне, сомневаться не следует, потому что он мне кажется по своей последовательности пророческим, тем более что и касается-то он такого святого лица, как о. Серафим. Не приблизилось ли время прославления мощей о. Серафима?

— Это похоже, что так, хотя слухов об этом что-то не предвидится... Слова «сегодня умрет» — думаю, относятся к моей больной старушке матери, но и это только гадательно. Я думаю так только потому, что и во сне так подумал. Но вот этот день «сегодня» уже прошел, и никто, слава Богу, не умер. Что означает эта — не то охота, не то война — около Государя? Да! Трудно, трудно нам в этом сне разобраться. Одно кажется ясным в этом знаменательном сне, что отец Серафим скоро будет прославлен в святых мощах и что вас он взял под свое покровительство, раз в доме вашем молился. Не поехать ли вам к нему в Саров поклониться его могилке? Здоровье-то ваше не из крепких: у него там целительный источник — помолитесь — Бог даст и выздоровеете!

Я ничего не ответил. Но этот сон врезался в моей памяти¹.

¹ Этот сон осуществился во всех своих подробностях: не прошло трех месяцев — на Востоке началась «не то охота, не то война» с Китаем. Как известно, у нас с Китаем разрыва дипломатических отношений не произошло, война официаль-

III.

Почитаемый всею православной Россией, известный старец Оптиной Пустыни, отец Амвросий, высказал как-то раз письменное свое суждение о сновидениях. Слова великого Старца для духовной жизни каждого православного христианина — авторитет великий, и их я считаю особенно полезным и интересным привести в память, в применении к рассказанному сну моего знакомого.

Граф А. П. Толстой, бывший некогда обер-прокурором Святейшего Синода, обратился к отцу Амвросию с письмом, в котором, излагая сущность одного сновидения, виденного священником Тверской епархии, просит батюшку дать ему толкование и высказать свой взгляд на значение сновидений вообще и изложенного в частности.

Вот что по этому поводу пишет в ответ отец Амвросий:

«Решать подобные вещи неудобно. Впрочем, чтобы вас не оставить без ответа, скажем несколько слов,

но не была объявлена, а между тем кровь пролилась и льется еще до сих пор. Не лишним будет заметить, что лес, виденный во сне, от дома моего находится прямо на востоке. Слова «сегодня умрет» действительно относились к матери моего знакомого: она умерла ровно через год после этого знаменательного сновидения и, кажется, именно в этот же день. Особенно поразительно сбылись слова Государя, обращенные к Преподобному: всей России известна теперь вера Государева в силу молитв Всероссийского чудотворца.

Что касается влияния отца Серафима на мою личную жизнь, то она обнаружится из последовательного развития этого очерка. Истинно «дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев»!

как думаем об этом, основываясь на свидетельстве Божественных и святоотеческих писаний.

Были примеры, что некоторые доверялись всяким снам, впадали в обольщение вражие и повреждались. Поэтому многие из святых возбраняют доверять снам. Св. Иоанн Лествичник в 3-й степени говорит: «Верующий сновидениям во всем неискусен есть, а никакому сну не верующий любомудрым почестся может». Впрочем, сей же святой делает различие снов и говорит, каким верить не должно. «Бесы, — пишет он, — нередко в ангела светла и в лице мучеников преобразуются и показывают нам в сновидении, будто мы к ним приходим; а когда пробуждаемся, то наполняют нас радостью и возношением; и сие да будет тебе знамением прелести. Ибо ангелы показывают нам во сне муки и суд и осуждение, а пробуждшихся наполняют страха и сетования. Когда мы во сне верить бесам станем, то уже и бдящим нам ругаться будут. Тем только верь снам, кои о муке и суде тебе предвозвещают; а если в **отчаяние** приводят, то знай, что и оные от бесов суть» (отд. 28).

А ближайший ученик Симеона Нового Богослова, смиренный Никита Стифат, еще яснее и определеннее пишет о сновидениях. Он во 2-й сотнице, в главе 60, 61, 62 и 63 говорит: «Одни из сновидений **суть простые сны**, другие — **зрения**, иные — **откровения**. Признак простых снов такой, что они не пребывают в мечтательности ума неизменными, но имеют мечтание смущенное и часто изменяющееся из одного предмета в другой; от каковых мечтаний не бывает никакой пользы, и самое-то мечтание

по возбужденности от сна погибает, почему тщательные и должны это презирать.

Признак зрений такой, что они, во-первых, бывают неизменны и не преобразуются от одного в другое, но остаются напечатленными в уме в продолжение многих лет и не забываются. Во-вторых, они показывают событие или исход вещей будущих, и от умиления или страшных видений бывают виновны душевной пользы, и зрящего, по причине страшного и неизменного видения зримых, приводят в трепет и сетование; и потому видения таких зрений за великую вещь вменять должно тщательным.

Простые сны бывают людям обыкновенным, подверженным чревоугодию и другим страстям; по причине мрачности ума их, воображаются и наигрываются разные сновидения от бесов. **Зрения** бывают людям тщательным и очищающим свои душевные чувства, которые, через зримое в сновидении, благотельствуемы бывают к постижению вещей Божественных и к большому духовному восхождению. **Откровения** бывают людям совершенным и действуемым от Божественного Духа, которые, долгим и крайним воздержанием, достигли степени пророков Божиих»...

Так рассуждает о снах старец Амвросий Оптинский.

Без сомнения, сон, виденный моим знакомым, должен быть отнесен к разряду **зрений**. Особенно это станет ясным, если я скажу, что этот мой знакомый облечен саном священника и по жизни своей и есть именно тот человек, «тщательный и очищающий свои душевные чувства», который, по Никите

Стифату, «через зримое в сновидении благотельствуем бывает к постижению вещей Божественных и к большему духовному восхождению».

Но и на меня это сновидение оказало благодатное и чудесное влияние.

IV.

Не сладка вообще теперь жизнь человека. Сын своего времени — и я не почивал на розах. Равнодушные и эгоизм мира заставили меня углубиться в самого себя, и то, что мною было в себе открыто, то, что таилось в глубине моей души, было до того ужасно, до того болезненно, что нужна была немедленная помощь опытной, и притом любящей, врачующей руки. Эта рука была рукой любвеобильной Православной Церкви, поддержавшей меня как раз в то время, когда я готов был стремительно низринуться в бездну самого мрачного отчаяния. Душа моя была исцелена, но организм мой был надорван в житейской борьбе, которую я пытался было вести, полагаясь на одни только собственные силы.

Тело просило исцеления, а наука была бессильна.

Лет восемнадцать или двадцать тому назад я впервые почувствовал приступы двух болезней, в последнее время разросшихся до степени застарелых мучительных недугов. Один из них лет десять тому назад потребовал даже операции, которую мне сделал в Москве профессор Склифосовский. После операции я года три чувствовал себя лучше, но потом старая болезнь возобновилась с еще большей силой. Приступы ее доводили меня до состояния, близкого к обмороку.

Исцеленная душа указывала и путь к исцелению тела. Во сне виденное явление отца Серафима в моем доме не давало ли мне некоторого указания по вере моей, что и я могу дерзать ему молиться об исцелении моих недугов?.. Бог, думалось мне, бесконечно велик, как в бесконечно малом, так и в бесконечно большом: и маля, и убог, но и до меня, как до последней песчинки дна морского, может достичь Божественный свет Божественного Духовного Солнца — Самого Бога, в одном из лучей Его — святом подвижнике и угоднике Божиим.

С каждым днем после знаменательного сновидения надежда эта все более разрасталась и наконец обратилась в полную уверенность...

— Вот увидите, — говорил я своим домашним, — съезжу в Саров и выздоровлю!

С неудержимой силой с тех пор стало меня тянуть поклониться могилке дорогого русскому сердцу святого подвижника, просить его святых молитв, самому помолиться Богу в тех местах, где все полно живыми о нем воспоминаниями, где для верующего должен с особой показательной силой проявляться вечный дух святого Старца.

Но дни уходили за днями. Занятый своими делами по сельскому хозяйству, проведу день в хлопотах и заботах, забуду о своем намерении, а вечер придет, опять вспомню как-то невольно о Сарове:

— Да когда же это я к отцу Серафиму выберусь?!

Наступит утро, и вновь дела, и, как нарочно, все самые неотложные, самые спешные...

Так тянулась истома мысленных сборов до второй половины июля.

V.

В ночь с 18 на 19 июля, под самое утро, я вижу сон: будто в дом ко мне приносят две иконы. В одной из них я узнал чудотворный образ Балыкинского явления Божией Матери, много прославленный чудесами от него и в наши дни. Копия с него находится в храме моего родного села. Лет тридцать тому назад она спасла от пожара половину села. Очевидцы этого чуда еще живы между нашими стариками. Самый же чудотворный образ находится в Орловском Введенском женском монастыре.

Другая икона, тоже Божией Матери, мне показала незнакомой; но какой-то точно тайный голос поведал мне во сне, что эта неведомая мне икона с этого времени станет мне особенно дорогой и близкой.

Я стал усердно перед ними молиться и с молитвой проснулся. Под впечатлением этого сна, необыкновенно живо сохранившегося в воспоминании, рассказывая о нем своим домашним, я и говорю:

— Не ехать ли мне сегодня к отцу Серафиму? Эти две иконы, молитва перед ними — точно напутственный мне молебен и благословение свыше на путь мой в Саров!

К удивлению моему, со стороны моих домашних я не встретил никаких противоречий:

— Что ж — с Богом! Докуда ж тебе собираться!

Хоть и стояло начало рабочей поры — у нас начали косить рожь, — но, как нарочно, по благословению Божьему, все остальные мои хозяйственные и, главным образом, финансовые дела к этому дню устроились так, что я мог беспрепятственно отлучиться из дому недели на две, а то и более.

Благословение Божие моему паломничеству, действительно, как будто почивало на всем моем пути в Саровскую и Дивеевскую обители.

Живо собрал я в дорогу несложные пожитки и уже вечером того же 19 июля выехал в Саровскую пустынь.

В Орле, в женском монастыре, у чудотворной иконы Балыкинской Божией Матери, я отслужил молебен и там же, в монастыре, от одной почитательницы отца Иоанна Кронштадтского узнал, что могу встретиться с батюшкой в Москве. К этому времени его ждали в Москве, проездом с родины его в Петербург. Так оно и вышло: несмотря на трудность доступа к отцу Иоанну, вечно окруженному как бы непроницаемой стеной скорбного человечества, я виделся с ним в Москве, даже ехал с ним в вагоне, и удостоился его беседы и благословения.

А как дорого верующей душе это благословение!

VI.

Из Москвы, чтобы быть в Сарове, мне надо было ехать до станции Сасово Московско-Казанской

железной дороги и оттуда 120 верст на лошадях до Саровской пустыни¹.

На станции Сасово, куда я приехал часу в десятом вечера, мне обещали подать лошадей только к утру: ямщики уверяли, что ночью по заливным лугам реки Мокши, лежащим на пути в Саров, езда довольно небезопасна. «Ввалишься еще в какую-нибудь яму и не выберешься», — утверждали они и так и не поехали, несмотря на мои настояния.

Пока я собрался с духом послать со станции за ямщиками, мне пришлось выдержать некоторую борьбу со своим «ветхим человеком». Трудновато бывает совлечь его с себя! Предрассудки воспитания в современной, полуязыческой семье, столько лет жизни в среде «интеллигентов», привычка жить, думать и чувствовать по стадной мерке своего общества, с такой затаенной, а иногда и явной враждой и насмешкой относящегося к Церкви, и особенно к монастырям, — все это так смущало мою душу, что мне как-то не по себе, неловко как-то было спросить за общим столом, в виду «интеллигентных» пассажиров, у прислуживающего лакея — как мне нанять лошадей до Саровской пустыни. Будь это еще какой-нибудь завод или фабрика, а то вдруг — «пустынь»!.. С кем и с чем мы, «интеллигенты», обыкновенно соединяем в своем представлении монастыри, пустыни, церкви, иконы, чудеса — весь, словом, духовный обиход

¹ Теперь ближайший и наиболее удобный путь в Саров и Дивеев от Москвы: Нижний Новгород — Арзамас по железной дороге с пересадкой в Нижнем и грунтовой дорогой от Арзамаса 60 верст.

православного?.. С религиозными старушками, которых мы величаем «салоппницами», с елеем, который мы брезгливо называем «лампадным маслом», со строгим исполнением обрядового закона, именуемого нами «ханжеством» и «лицемерием».

Не чужд и я долгое время был этим взглядам, и трудно мне было обнаружить в себе, да еще перед людьми, ту «салоппницу», над которой и я, бывало, небезуспешно глумился.

«Взявшийся за плуг и оглядывающийся назад неблагонадежен для Царствия Божия!»

Да! Порядочного труда мне стоило обличить себя во лжи и позоре моего малодушия.

В Сарове нашелся мне попутчик до половины дороги, на половинных расходах — офицер одного из армейских полков, расположенных в Петербурге, — милый и душевно чистый юноша. Всю дорогу до своего дома он мечтал, видя во мне внимательного и сочувствующего слушателя, как он все свои молодые силы думает посвятить на то, чтобы удержать за семьей уголок любимого родового дворянского гнезда, последнего остатка когда-то многочисленных и богатых поместий. «Видите направо город? Это — Кадом... Теперь возьмем влево — тут и наша усадьба. Вон — речка наша, церковь наша!.. Если бы вы знали, как во мне волнуется сердце при виде родных мест, как все мне здесь дорого! Господи, как бы сохранить хотя бы то малое, что у нас осталось».

Я видел это «малое». Только чистая любовь, безграничное и бескорыстное чувство, взлелеянное от колыбели, от детских невинных игр, могли желать его

сохранения. Печать медленной, но верной смерти уже лежала на этом «дворянском гнезде»... И это желать сохранить... Никогда вам не понять, не оценить вам, холодные резонеры, осуждающие на эволюционную гибель поместное дворянство, а с ним и старую, могучую Россию, как можно болеть и мучиться от грозящей утраты того, о чем болел мой спутник! В наш век, когда для так называемых энергичных, предприимчивых людей такой еще в России непочатый угол того, что плохо лежит и на чем создаются, в ущерб родине, в короткое время колоссальные состояния, непонятен и чужд вам стон самой Русской земли, вырывающийся из груди безвестного дворянина-юноши, готового лечь костями за такой уголок родимой нивы, которому и цены-то нет в капище биржевого Молоха!..

VII.

На полпути нашего совместного путешествия от Сасова, среди необозримых лугов по реке Мокше, в нашем тарантасе вдруг ломается колесо. Помощи ждать неоткуда: в лугах ни души — одни бесчисленные стоги сена, разметанные по всему необозримому простору мокшанского приволья, — немые свидетели нашего злополучия. Колесо, разломанное на мелкие части, беспомощно откатилось от тарантаса и лежит в глубокой выбоине. Что тут делать?! Ближайшая деревня верстах в двенадцати — когда-то еще до нее верхом доедешь! Стоит рабочая пора в самом разгаре, — в деревнях только стар да млад. Да найдешь ли еще на железную ось тарантаса подходящее колесо?!

Мальчишка-ямщик чуть не плачет.

Батюшка, отец Серафим! Иль негодна тебе моя поездка?..

Но мы забыли, что Господь волен помочь. — Не успели мы вылезти из тарантаса, даже толком не сообразили, что предпринять, как весело и звонко загремели неподалеку от нас бубенцы и колокольчики чьей-то лихой тройки. Смотрим и глазам просто не верим: близко-близко, нас догоняя, мчится обратная господская тройка. В одну минуту она нас догнала. Красавец кучер остановился, слез с облучка, достал из-под сиденья своего экипажа веревку, подмотал под ось валеков из-под пристяжной...

— Ну, теперь пошел за нами, разиня! Господ-то я и без тебя доведу до деревни... Суетесь хороших господ возить, а с носа материнское молоко еще капает! — погрозились на мальчишку-ямщика наш благодетель, и мы, мягко и плавно покачиваясь на рессорах помещичьего экипажа, быстро покатались по направлению к ближайшей на тракте деревне, где достали и свежую тройку, и отличный тарантас, переплативши против первоначальной нашей сметы всего один целковый. Таково было над нами попечение, верую, дивного отца Серафима. Даже мой спутник, юноша, еще мало искушенный жизнью и более полагающийся на самостоятельные свои силы, чем на веру в попечение Божие, и тот был поражен и задумчиво проронил:

— Да, это действительно с нами как будто совершилось чудо!

Что бы сказал он, если бы знал, что в тот же день, буквально в тот же час, у меня в деревне, за восемь-

сот верст от места поломки нашего тарантаса, как я узнал по своем возвращении домой, Господь так же властно отстранил готовое разразиться еще более серьезное несчастье, даже бедствие?

Случай с нами в мокшанских лугах произошел около полудня 25 июля. В это время у меня в деревне рабочие ехали с поля на усадьбу обедать, как вдруг заметили, что на поле загорелось жнивье. Пока дали знать на усадьбу, пока с пожарной машиной и водой приехали на место пожара, успело сгореть с полдесятины жнивья и двенадцать копен ржи. Рядом стоявший скирд копен во сто и другие разметанные по всему полю и близ лежавшие копны, высушенные, как порох, долговременной засухой, огнем не тронуло: откуда-то внезапно сорвавшийся вихрь, при совершенно ясной и тихой погоде, закрутил на глазах моих людей пламя разразившегося пожара и кинул его на соседнюю пашню, где оно, не находя себе пищи, и потухло. Рабочим оставалось только залить остатки непрогоревшей золы да опахать на жнивье место пожарища. Можно ли назвать это случайным совпадением однородных обстоятельств? В мире, где нет ничего случайного, где некоторые законы, управляющие явлениями, очевидны и где другие предчувствуются и отыскиваются пытливым умом человека, может ли иметь какое-либо значение случай? И что такое — случай? Бессмысленное, пустое слово!

Есть Бог и есть Его противник — исконный враг человеческого рода. Люди утрачивают теперь это врожденное им и Богооткровенное знание — коренное основание всей человеческой жизни: и как от

этой утраты смешалась и спуталась многострадальная жизнь современного человека!

Для меня несомненно, что оба происшествия были следствием вражьего нападения.

Вера для человека — всё и для этой, и для будущей жизни; в этой — как необходимая подготовка к будущей, в будущей — как осуществление ожидаемого по вере. Цель противника Бога — подорвать веру в людях и тем лишить блаженства будущего века, которого он сам безвозвратно лишился. Все нападения его на человека направлены к этой цели. Та же цель была и в подготовленных им со мной происшествиях.

Слава Богу, властно отстранившему вражие нападение.

VIII.

Остальной мой одинокий путь до Сарова был вполне благополучен. В девятом часу вечера того же дня, проехав более ста верст, я уже ехал лесом, на многие тысячи десятин окружающим Саровскую пустынь.

И что это за лес!.. Стройные мачтовые сосны, как чистая, благоуханная молитва, возносятся высоко-высоко, к глубокому, в вечернем сумраке потемневшему небу. Глядишь на них вверх — шапка валится. Кругом тишина, безлюдье!.. Колеса тарантаса бесшумно врезаваются в мягкие, осыпающиеся колеи глубокого песка краснолесья, изредка натываясь и подпрыгивая на корнях вековых деревьев, видевших уже первых пустынников саровских.

Вот они, места «убогого Серафима»! Так любил себя называть этот смиренным великий светоч Православия.

Здесь ходил он в своей задумчивости, в непрестанно молитвенной, исполненной дивных видений и откровений горнего мира беседе с Вечно-Сущим. Боже, до чего они хороши! до чего они благодатны!.. Никакое описание не даст представления об этих дивных местах молитвенного благоухания и созерцательного безмолвия. Даже сами сосны и те молчат, созерцая, и те благоухают, осеребренные луною; точно молятся они, осеняя и благословляя своими пышнозелеными вершинами проходящих и проезжающих богомольцев... Кто не любил, поймет ли тот волну любви, когда она, вздымаясь из потаенной глубины человеческого сердца и разливаясь по всем тайникам сердечным, грозит своим трепетно-сладостным потоком залить жаждущую ответной ласки человеческую душу? Чье не страдало сердце, ответит ли оно на крик сердечной муки ближнего и может ли оно понять чужое горе? Кто не молился ото всей души, с любовью, с верою, с самоотвержением, тот не поймет молитвы веры. Кто не был в Сарове с верой в Серафима, кто не дышал напоенным его молитвой саровским воздухом, тот не поймет и не оценит Сарова, хотя бы описанного и гениальным словом, хотя бы изображенного и гениальной кистью.

С темниковской большой дороги путь на Саровскую пустынь круто, под прямым углом, сворачивает в сторону. На распутье водружено Распятие, и от него в конце длинной просеки, все в том же мачто-

вом лесу, смотришь — высится к далекому небу своей белой колокольней и позлащенными соборными главами благоговейный храм неугасающей молитвы к Богу. Это — Саров.

Лениво, еле передвигая больные, усталые ноги, дотащила меня заезженная тройка «вольных» к большому двухэтажному корпусу монастырской гостиницы. Вышел келейник, забрал мои вещи и отвел меня во второй этаж, в довольно просторную и чистую комнату.

Расписался я в книге приезжающих богомольцев, поужинал от монастырской трапезы, попросил побудить себя к обедне и... погрузился в монастырское келейное одиночество.

Полная луна таинственно, спокойно глядит в открытые окна. Стоит теплая благовонная тихая июльская ночь. Аромат бесчисленной сосны дремучего бора плывет теплой струей целительного бальзама... Тишина полная, вся исполненная какой-то таинственности и благоговейного безмолвия. Только башенные часы на колокольне торжественно отбивают отлетающие в вечность минуты, да каждые четверть часа куранты играют что-то дивно гармонирующее, как бы сливающееся в тихом проникновенном аккорде с ниспавшей на обитель тишиной. Обитель спит...

Не спится мне. Образы прошлого воскресают и витают в лунном свете благоуханной ночи... Кто меня привел сюда из того мира, который породил когда-то эти одному мне видимые теперь прозрачные тени былого? Сколько в них муки, сколько искания правды, сколько падений, греха, сколько утрат, разоча-

рования и, вопреки моей воле, чарующего обаяния! Я бегу от них, от этих обманчивых, лживых призраков, а распростертые их объятия тянутся за мной с тоскливой надеждой, льнут ко мне, обнимают меня, манят за собой... Грезы моей юности, несбывшиеся мечты, измученная любовь! Тоска!.. Тоска!.. Кто же привел меня сюда, в тихую пристань смирения и молитвы? Какая благодатная сила, чья любящая, исполненная бесконечной жалости рука из вечно бушевавшей бездны моего житейского моря вынесли мою полуизломанную ладью на берег веры и любви к той истине, которой тщетно добивалось мое сердце в лежащем во зле мире и которая вся заключена в том, что не от мира сего.

Не спится мне... Но не волнение, не жгучая радость пенящегося через край фантастического восторга не дает сомкнуться усталым веждам: что-то необычайно безмятежное, светлое, лучезарное свежает с них дремоту, вливает в разбитые утомительной дорогой члены целительную теплоту блаженного успокоения. Тоска отпала, отвалилась... весь я точно улыбаюсь, точно расплываюсь в спокойно-радостной улыбке безмятежного счастья... «Женщина, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ея; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир. Так и вы теперь имеете печаль; но Я увижу вас опять, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто не отнимет у вас; и в тот день вы не спросите Меня ни о чем. Истинно, истинно говорю вам: о чем ни попросите Отца во имя Мое, даст вам» (Ин. 16, 21–23).

Не родился ли во мне новый человек? Неужели Он увидел меня опять?! Не оттуда ли эта дивная радость, истинно та радость, которая только в Нем и от Него, та радость, которой никто не отнимет у нас!..

IX.

Раннее солнышко разбудило меня задолго до благовеста. Как я задремал, полураздетый, не помню. Поднялся я свежий и бодрый, точно за моей спиной не была брошена почти тысяча верст утомительного пути. Но недуги мои были при мне, даже еще как будто злее вцепились они в мой крепко скроенный организм, столько лет ратоборствовавший с моими «лихими болезнями» и только в последнее время начавший им поддаваться с зловещей слабостью.

Стояло чудное летнее утро, когда я вышел из монастырской гостиницы и пошел к «святым» воротам, ведущим в самый монастырь, где сосредоточена вся святыня пустыни и живет вся монастырская братия, рассеянная по келлиям больших каменных корпусов. Довольством и богатством хорошо организованного хозяйства, и притом хозяйства крупного, дышит от каждой монастырской постройки: видно — не на день, не на два, а на времена вековые строилось это братское общежитие.

Теплый зимний и летний холодный соборы изумительны по своему великолепию, особенно если их сопоставить с келлиями братии: в них не только не видно следов роскоши, даже у самого настоятеля, но не заметно склонности и к обыденному комфорту, без которого современный изнеженный человек,

кажется, уже и существовать не может. Простота и незатейливость келейной обстановки тех, по крайней мере, келлий, куда я заходил случайным гостем, граничат с бедностью.

Не мое дело — вникать в дух братии, с которой я даже не имел времени близко ознакомиться. Но лично на меня внешность келейной жизни Сарова произвела впечатление простоты и искренности, неизбежных спутниц истинного благочестия. Неотразимое впечатление сохранилось в моей душе и от обрядового подвига молитвы Саровских пустынников. Такой церковной службы и такого к ней сосредоточенно благоговейного внимания со стороны монашествующих, как в Сарове, я до сих пор еще нигде не видал. Но не судить и не оценивать Саров я приехал, а взять от него с верой и любовью хоть крупицу того духовного богатства, которое им расточается рукой неоскудевающей всякому, к нему с этой целью притекающему.

Х.

Я знал уже по жизнеописанию о. Серафима, где покоятся его останки, и прямо из святых ворот туда и направился. У юго-восточного угла летнего собора стоит сквозная стеклянная часовня с позолоченным небольшим куполом. Дверь в нее, тоже стеклянная, постоянно открыта. У массивного саркофага над батюшкиной могилой служат почти непрерывные панихиды, — впадающий в Саров ручей паломников круглый год не иссякает. На стенах часовни, обращенных к стенам собора — изображения батюшки,

его видение Царицы Небесной с двенадцатью девами, Иоанном Крестителем и Иоанном Богословом. Тут же в часовне под чугунной плитой покоится прах иеросхимонаха молчальника Марка. Молящиеся поминают за панихидой своих умерших, совершают поклонение перед могилкой батюшки, как перед святыми мощами, и вслед идут служить молебны в его келье, где он предал дух свой Богу, Которого так любил и Которому так послужил во все течение своей подвижнической жизни.

Келья батюшки вся с узелок: еле можно повернуться. В небольшой витрине сохраняется то немногое, что после него досталось Сарову: два клочка волос, сбитых как войлок, обломанные его ногти, его мантия, четки, полуобгоревшее Евангелие в кожаном переплете... вот и всё, кажется.

Вся главная святыня вещественных о нем воспоминаний перешла частью в рожденный его духом Дивеевский женский монастырь, частью к его мирскому послушнику, ныне покойному, помещику Николаю Александровичу Мотовиллову, от которого она в свою очередь досталась тому же Дивееву. Саров и в данном случае оправдал слова Спасителя: «Никакой пророк не принимается в своем отечестве».

После кончины батюшки все его немногочисленные вещи поступили было в общую «рухлядную» (склад), откуда их выручил Мотовилов, получивший от Сарова в дар и «пустыньку» батюшки, которую батюшка выстроил собственноручно и в которой он спасался в затворе. Другая его «пустынька» была отдана Дивеевским «сиротам», как их называл батюш-

ка, — монахиням Дивеевской обители. В настоящее время обе пустыньки — в Дивееве.

Теперь, когда Бог указал Сарову, кем был для него и для Православной России дивный Старец, современная нам Саровская пустынь стала все делать, чтобы почтить своего подвижника: над его монастырской келлией строится великолепный храм, его источник, целительная сила которого известна далеко за пределами Тамбовской губернии, украшен часовней, могилу его, реликвии, после него оставшиеся, любовно оберегают — словом, о. Серафиму и первый почет, и первое место во всем монастырском обиходе. Не то было при его жизни. Пути Божии неисповедимы.

XI.

Литургия в летнем соборе поразила меня необычайной величественностью монастырской службы, особым напевом молитвенных песнопений, никогда еще мной неслышанным. Повеяло на меня от них такую седую древностью, что невольно вспомнилась и далекая Византия, давно закончившая свои исторические счета, и ее монахи, впервые внесшие свет Христова учения в родимую землю. Я не принадлежу к знатокам древлеправославного церковного пения, но мне показалось, что такой напев должны были слышать и Владимир Святой, и первые подвижники Киево-Печерской Лавры.

Поначалу, пока прислушаешься, слух, привыкший к италианизированному пению в городских церквах, даже как будто оскорбляется непривычной суровой монотонностью гармонии, странностью ритма. Но это

только сначала, а затем так проникаешься этим истинно монашеским бесстрастным пением, что слова молитвы и напев соединяются в стройное гармоническое целое, не рассеивая, а напротив, сосредоточивая молитвенное внимание на самом духе слов молитвы.

От литургии, вместо трапезы в гостинице, я пошел в келью о. Серафима. Все разошлись обедать — народу в келье не было ни души, кроме старика монаха, кроткого и благодушного. Я застал его за исполнением своего послушания — посетителей не ожидалось и старичок оправлял лампадки и свечи, во множестве теплящиеся в последнем земном жилище батюшки.

— Можно мне будет здесь помолиться одному?

— Помолись, родимый, помолись — Бог благословит! — разрешил мне доброжелательный старичок, вышел из кельи и даже дверь за собою притворил... Какая благодатная душевная чуткость!.. Я помолился, как умел, помолился, как может молиться душа человека, издавна стремившегося в вожденный дом молитвы...

Из кельи я пошел к источнику о. Серафима, этой русской Вифезде, целительная сила которой дана свыше по молитвам о. Серафима и от которой я и себе ждал чудесного исцеления.

Путь к этому источнику лежит по берегу прозрачной тихой речки — вернее — ручья, окаймленного все тем же чудным саровским лесом. Я верил, что только здесь, или уже нигде в этом мире, Господь исцелит меня. Я верил и все время молился, а ноги мои, безо всякого с моей стороны усилия, точно несли меня как на крыльях.

Полдневное солнце пекло невыносимо. Я буквально обливался потом, но не чувствовал ни малейшей усталости. От монастыря до источника версты три или четыре. Я, последнее время дома еле таскавший ноги, прошел это расстояние без малейшего признака утомления. Уж это было чудо. В устроенную у самого источника над вытекающим из него ручейком купальню я вошел — платье, бывшее на мне, хоть выжми. Не дав себе времени остыть, весь как был, разгоряченный быстрой ходьбой и палящим зноем, я разделся, спустился под кран, из которого серебристой струйкой текла ледяная вода источника, перекрестился: верую, Господи! и троекратно дал этой воде облить всего себя и больные члены...

Первое мгновение я совсем было задохнулся: ледяная вода меня обожгла — дух захватило.

Но какое дивное чувство наступило по выходе из купальни!

Точно новая струя новой жизни была влита во все мои жилы — далекая юность, казалось, вернулась вновь. Что будет потом? стал ли я здоров по вере моей? — я не задавался такими вопросами. Я просто радовался и любил отца Серафима, как любят врача, которому удастся мгновенно утолить нестерпимую, жгучую боль, в ту минуту, когда эта боль прекращается. Эта пламенная любовь, которою внезапно загорелось мое сердце, эта радость любви по вере — не были ли они моим духовным окончательным выздоровлением, которое без всякого сравнения важнее всякого телесного исцеления?!

Как мне захотелось тут же, в часовне, над источником отслужить молебен, но некому было служить — не было иеромонаха, и, неудовлетворенный в своем желании, я пошел дальше в так называемую «дальнюю пустыньку», где спасался в затворе отец Серафим.

XII.

Иду да думаю: непременно завтра пойду пешком в Дивеев, — что-то мне сдается, что там, в Дивееве именно, с особенною силой действует дух батюшки. Где же ему и быть, как не у тех и не с теми, кого он при жизни своей любил до того, что терпел за них гонения, и кто его так любил и так ему верил, что шел на голод и жажду, на полную нищету, веруя далекой цели, определенной и поставленной батюшкой?! — Так думалось мне. Смотрю: впереди идут пять монашенок... Не из Дивеева ли?

— Сестрицы! не Дивеевские вы?

— Да, батюшка! Дивеевские.

— Надолго ли пришли?

— Да вот, пришли к празднику Пантелеймона Целителя, а завтра домой. Завтра у нас всенощная под великий наш праздник. 28 июля у нас положено чествовать батюшки Серафима чудотворную икону Умиления Божией Матери, перед которой наш батюшка всю жизнь молился и жизнь свою кончил... Да вы небось сами знаете!

Я был поражен. Ехать за тридевять земель, не справляясь со святыми (да еще обозначен ли в святцах этот праздник?), собираться идти пешком из Са-

рова в Дивеев двенадцать, а то и все пятнадцать верст и угодить к такому празднику отца Серафима, как чествование его святыни — правда было чему удивиться... Батюшка, родной! Да неужели же ты сам незримо руководишь моими путями, неужели ты это влек и теперь еще продолжаешь влечь меня к своей святыне?!

— Сестрицы! Очень люблю я вашего батюшку — не возьмете ли меня с собой? Завтра я все равно к вам было собирался.

— Просим милости! Мы рады, кто нашего батюшку любит. Завтра зайдем за вами на дворянскую гостиницу и — с Господом! А то вы за нами зайдите. Спросите, где свещницы Дивеевские — вам покажут. Мы стоим в другом гостиничном корпусе. Евгению Ивановну спросите... А то нет — лучше мы сами за вами — так часика в два — зайдем: ко всенощной к нам тогда и поспеем...

На том и порешили. Я пошел с Евгенией Ивановной и сестрами по направлению к дальней батюшкиной пустыньке.

— Часто сестры ваши бывают в Сарове?

— Когда как, батюшка! Нет, где же часто? Своих работ у нас много — некогда расхаживать: на обитель по заповеди отца Серафима работаем. Мы вот свечи делаем, другие иконы пишут — у каждой свое послушание. Так, за год раз, а то и реже, пойдешь благословиться у матушки игуменьи сходить на батюшкину могилку да к источнику... Где — часто? От своего дела не находишься, да и ходить-то куда? Батюшка Серафим всегда с нами, у нас в Дивееве пребывает...

Уверенно, как о живом, сказаны были эти последние слова.

В дальней пустыньке опять захотелось мне отслужить молебен. Опять нет иеромонаха.

— По заказу у нас тут служат, или когда случаем бывает в пустыньке иеромонах, а так отслужить молебен нельзя и рассчитывать, — пояснил мне послушник, приставленный сторожем к пустыньке.

Около пустыньки, смотрю, выкопаны грядки. Растет картофель, несмотря на тень, такой густой и зеленый.

— Местечко сохраняем, как было при отце Серафиме. Тут батюшка своими ручками копал грядки и сажал картофель для своего пропитания, — сказал мне тот же послушник, все время соболезновавший о том, что мне нельзя отслужить молебна.

Пошел я обратно отдохнуть в гостиницу. Зашел еще раз по дороге напиться к святому источнику. Какой-то, видимо, не здешний иеромонах о чем-то в часовне хлопочет, точно кого-то ищет, остановив свой вопросительный взгляд на мне и на моих спутниках.

— Что вы, батюшка, ищете?

— Хотел было молебен отслужить, да вот, петь некому.

— Давайте попробуем вместе: тропарь Богородице я знаю — как-нибудь и отпоем молебен. Было б усердие.

— Вот и прекрасно и преотлично. Я буду петь: Иисусе Сладчайший, а вы: Пресвятая Богородице, спаси нас! Бог поможет!

И действительно, Бог помог любви нашей. Откуда у меня взялся голос, звеневший под куполом часовни всею полнотою радости умиленного сердца?! Куда девалась вечно меня мучившая сухость гортани и мой нестерпимый кашель, составлявший всегда истинное несчастье не только для меня, но и для всех меня окружающих?! Звуки лились из исцеленного горла свободною и радостною волной, и чем дальше, тем все чище и чище становился мой голос... Да неужели же это исцеление?! Еще утром меня бил и мучил мой кашель. Просто как-то и верится и не верится... Нет, думаю: это оттого, что я все утро не курил. Вот приду в номер — с первую же папиросой начнется тот же ужас... Да нет же! — и впрямь исцеление.

Однако того исцеления, которого трепетно ждала моя боязливая вера, я в этот день еще не получил. Кашлю стало значительно лучше. Табак не раздражал горла, как я того по давнишней привычке боялся, но другой и самый тяжелый мой недуг в тот же вечер сказался чуть не с большею силой.

Буди воля Твоя, Господи!

Да, не молитвенному экстазу, не самовнушению следует приписать мое последующее исцеление, из полукалеки возродившее меня к жизни здорового человека. Оно свершилось, правда, необыкновенно быстро, но не с тою молниеносною и всегда кратковременною силой, которая действует в нервном организме, доведенном до полной экзальтации.

Что было нужно для исполнения моей веры, покажут дальнейшие события.

ХІІІ.

У отца игумена я просил благословения исповедоваться и причаститься. Ему же я сказал, что собираюсь идти на следующий день пешком в Дивеев.

Полный благодушия и сердечного гостеприимства, отец игумен, благословляя меня, предложил лошадок.

— Путь не близкий, да к тому же и жара — утомитесь!

Я отклонил радушное предложение.

Вечером была всенощная с соборным акафистом Великомученику Пантелеймону. Началась она в половине седьмого, кончилась около часу ночи. Наутро — литургия. После трапезы жду своих спутниц. Проходит час, бьет два часа — их все нет. Не забыли ли обо мне? А может, и не поверили: поблажил, дескать, барин, и не пойдет, да еще в жару такую. И правда жара стояла такая, что мне, отвыкшему от ходьбы, отправляться в путь пешком в этот зной казалось даже и небезопасным. Только в половине третьего я не вытерпел — отправился за своими спутницами сам. Смотрю, собираются в путь, чай пьют наскоро.

— А мы за вами хотели сейчас идти!

— Торопитесь, сестрицы, а то я ходок плохой; до всенощной, боюсь, не успею дойти.

Собрались быстро. Ровно в три часа мы двинулись в путь.

Солнышко, еще высоко стоявшее на небе, заслонилось небольшим облачком, и облачко это стало росить на нас мелким-мелким, как сквозь тончайшее

сито, дождичком. Одежды не смачивал он, а — так, точно освежающею росой обдавал. В другое время я бы не обратил на этот дождик внимания, но в Сарове, так близко от отца Серафима, ни одно явление не могло пройти незамеченным, и душа требовала ему должного объяснения. А объяснение просилось только одно — Бог за молитвы отца Серафима.

Предположение мое о том, что я плохой ходок, на этот раз оказалось лишенным основания. Вперед ушли я да старшая сестра, Евгения Ивановна; остальные, замешкавшись в Сарове со сборами, далеко от нас отстали. Шли мы с Евгенией Ивановной рядом параллельными тропинками, извивающимися около дороги в Дивеев.

Верст шесть пришлось идти лесом. Зазвонили в Сарове к вечерне. Могучая медная волна догнала нас и плавно, благоговейно понеслась перед нами, одухотворяя мощные вершины кудрявых сосен и мохнатых, угрюмых елей. Какие-то прилично одетые богомолки на телеге проплелись ленивой трусцой мимо нас в Дивеев. Евгения Ивановна молчала, и мне не говорилось. Вековой бор плохо располагал к словоохотливости, да и не шла она как-то к моему молчаливому настроению: душа насторожилась в ожидании... Прошли мы лес, вошли в открытое поле, засеянное гречихой; солнышко выглянуло из-за набежавших тучек, но уже не пекло, как в Сарове, — был пятый час вечера. Ударило оно по серебру гречихи и точно бриллиантиками рассыпалось в росинках просеявшейся на гречиху тучки. Какая-то большая деревня встретилась на пути. В стороне — завод какой-то.

— Это — Балыково, — объяснила мне Евгения Ивановна, — руду здесь плавят.

— Много ли до Дивеева?

— Да верст еще шесть будет.

Пошли в гору. Песок сыпучий так и шуршит, оплывая под ногами.

Отставших сестер стало видно, торопятся, нас догоняют.

— Вот с этой горки и Дивеев будет виден, — сказала Евгения Ивановна.

Вскоре перед нами, верстах в пяти, поднялась к небу высокая колокольня; за ней показался и громадный Дивеевский собор... Будущая женская лавра, по предсказанию отца Серафима, четвертый и последний жребий на земле Царицы Небесной. «Первый удел Ея, — говорил Батюшка, — гора Афон святая, второй — Иверия, третий — Киев, а четвертый, радость моя — Дивеев! В Дивееве и лавра будет. Не было от века женской лавры, а в Дивееве она будет. Сама Царица Небесная его Своим последним на земле жребием избрала. Стопочки Самой Царицы Небесной его обошли, и когда придет антихрист, ему на земле всюду доступ будет, а как дойдет до места, где Ея Пречистыя стопочки прошли, так и не переступит, а обитель на небо поднимется. Во, радость моя, что будет! Но будет уже это при самом конце мира, а до тех пор Дивеев станет Лаврой, Вертьяново (ближнее село) город будет, а Арзамас — губерния...»

XIV.

Дивеев весь существует, как и возник, чудом. Еще лет тридцать-сорок тому назад, отходя ко сну, сестры сплошь и рядом не знали, чем сыты будут; ни угодий таких, как в Сарове, ни капиталов, зерна даже в пустых закромах амбаров не было; а придет утро — откуда ни возьмись, является помощь, и Дивеев цветет и укрепляется за молитвы своего батюшки на диво и зложелателям своим и благодетелям. Прочтите Дивеевский мартиролог за все время существования этой будущей лавры — он и неверующего наведет на размышление.

Оставалось до Дивеева не более трех верст. Все мои спутницы подтянулись, собрались вместе... Внезапная усталость, которой я не ощущал все время пути, точно сварила меня. В спине точно кол встал.

— Не отдохнуть ли нам, сестрицы?

— А что ж? Хорошо будет — наши-то ведь тоже к ходьбе не очень привычны: по нашей работе все больше стоять да сидеть приходится. И мы приутомились.

Как-то раз на охоте, утомленный знойным июльским полднем и продолжительной ходьбой по лесному дрому и валежнику, я повалился под первый попавшийся куст и уже заснул было, как вдруг почувствовал, что я весь искусан. Это были муравьи, целыми тысячами забравшиеся в одежду — я лег на муравьиную кочку. С тех пор я с щепетильною осторожностью выбирал себе в лесу место для отдохновения. И на этот раз около перелеска, мимо которого вилась торная дорога в Дивеев, я тщательно осмотрел-

ся и присел в тени кудрявой березки на истоптанной, избитой многочисленными и постоянными пешеходами тропинке.

Не успел я опуститься на землю, как буквально был облеплен муравьями. Откуда они взялись? Но одежда, руки, ноги так и закишели этими надоедливыми насекомыми. Я тут же вскочил как ужаленный, стряхнулся: муравьи как-то сразу с меня осыпались; а сестры и говорят:

— Нет, батюшка, Царице Небесной, видно, не угодно, чтобы вы садились на пути в Ее обитель: надо идти.

Усталости моей как не бывало. Да! видно, «взявшись за плуг, не следует оглядываться назад»!.. Царице Небесной не угодно! Да где же это я в самом деле?

Какие это я по-нашему, по-мирскому, «дикие» слова слышу, да еще произносимые с такой силой убеждения, которая исключает всякую возможность какого-либо сомнения!

Я и сам убежден. Мне самому уже нисколько не кажется странным, что те или другие мои действия могут быть угодны или неуютны Царице Небесной. И что странно — такая внезапная как бы высота моя, поднявшая меня до Владычицы мира невидимого, меня ничуть не возвышает и не умаляет; я все тот же, но только вера моя уже не допускает никаких сомнений. Я знаю, что вступаю в мир сплошного чуда, что я иду не в Дивеевский женский монастырь, расположенный в Ардатовском уезде Нижегородской губернии, а в Лавру, где Игуменией Сама Заступница

рода христианского, где живет и действует, не умирая, дивный устроитель и попечитель обители отец Серафим Саровский. Грань между видимым и невидимым, помимо моей воли, нарушилась и слилась в один неудержимый поток безграничной веры, затопивший и ум мой и мое сердце.

XV.

Зазвонили ко всенощной, когда мы были уже на полях только что сжатой Дивеевской ржи. Вошли в ограду монастыря. Сестры повели меня к себе:

— Чайком хоть горлышко промочите — ведь небось устали, родимый! Ко всенощной еще поспеете: до второго звона еще далеко... Батюшка! Да вы никак всю дорогу шли без шапки?!

Действительно, я, сам того не замечая, всю дорогу, точно не смея покрыть свою голову, шел с непокрытой головой.

Выпил я у них, приветных, чаю, утолив нестерпимую жажду. Пора была спешить ко всенощной. Поблагодарив своих «сестриц названных», я пошел в собор.

В собор я вошел к самому величанию Божией Матери. Народу из мирских было немного. Простой народ разгар рабочей поры согнал весь в поле. Но громадный собор не казался пустым — своих, Дивеевских, было довольно, чтобы в храме без тесноты было много народу.

Когда отошла всенощная и стройные ряды нескончаемой вереницы монахинь степенными парами стали подходить и прикладываться к образу Божией

Матери, я попросил близ стоявшую монахиню передать игумении через благочинную письмо, врученное мне в Москве одною из глубоких почитательниц памяти отца Серафима Саровского.

Пока ходили с письмом, я, присев в темном уголке собора, мог оглядеть его и был изумлен его великолепием: чудная живопись, масса воздуха, красота отделки, еще не вполне, правда, законченной — вот оно, живое исполнение пророческих слов отца Серафима: «Саровские собору вашему завидовать будут!..» Какая нужна была в то время вера у сестер, которым в своем захолустье не на что было купить маслица для лампадок, чтобы нести свой тяжелый крест абсолютной нищеты в уповании на вдохновенные слова своего батюшки! А ведь некоторые из сестер, его современниц, дождались своего предсказанного собора.

Подошла ко мне какая-то монахиня:

— Матушка игумения вас просит.

Опять пришли мне на память пророческие слова отца Серафима:

— Тогда, радость моя, и монастырь у вас устроится, когда игуменией будет у вас Мария, Ушакова родом.

Эта самая игумения Мария, Ушакова родом, и звала меня теперь к себе.

На игуменском месте я увидел женщину, показавшуюся мне немного старше средних лет, необыкновенно бодрую и живую. Глаза так и смотрят сквозь всего человека!

— Это вы изволили передать мне письмо?

— Я, матушка игумения.

— Откуда приехали к нам?

— Я, матушка, с сестрами вашими, свещницами, пришел пешком из Сарова, а туда приехал из Орла, где у меня поблизости имение.

— Удивительно, как это вас наш батюшка привел к нам в обитель в самый праздник его святой иконы!.. Завтра от обедни прошу покорно пожаловать ко мне.

— Благословите, матушка.

Одна из спутниц, видимо дожидавшаяся моего выхода от всенощной, отвела меня из собора в гостиницу, разыскала заведующую, сдала ей меня с рук на руки и только тогда со мной попрощалась, когда убедилась, что меня как следует поприветили. Дали мне чистенькую комнату, накормили, напоили и спать уложили — совсем как в сказках, которые вечерами невозвратного милого детства рассказывала, бывало, убаюкивая меня, моя старушка няня.

Хорошо, гостеприимно в Сарове. Но только женская, любящая рука может так успокоить и устроить усталого путника: забываешь, что ты в гостинице и что ты, в сущности, человек здесь пришлый и вполне незнаемый. Но они, эти милые, любвеобильные сестры, должно быть, своею врожденною чуткостью, свойственною только женскому сердцу, узнают «своего» под всякою внешностью. А внешность моя, по платью, по которому встречают, не была из внушающих доверие: весь я от дороги был запыленный, грязный, вид имел самый обтрепанный...

XVI.

Солнышко едва поднималось над горизонтом, как я уже шел к Казанской приходской церкви села Вертянова. Церковь эта имеет свою чрезвычайно интересную историю, как и всё, впрочем, так или иначе относящееся к отцу Серафиму. Теперь пока эта церковь приходская, но ей с течением времени суждено быть теплым монастырским собором — так указал быть сам батюшка, а слово его не может не исполниться: сколько таких его пророческих слов уже дождались своего осуществления, «рассудку вопреки, наперекор стихиям» — по нашим, конечно, мирским скептическим понятиям!

Около этой церкви погребена святая основательница Дивеева, в міру — вдова полковника, Агафия Мельгунова, в монахинях — старица Александра. Поблизости расположены могилы и двух великих сердцем мирских послушников отца Серафима — Мантурова и Мотовилова.

Опять весь Дивеевский мартиролог восстал перед моими глазами: дивная нищета, принятая Бога ради, добровольно, из послушания, первым и пламенеющее любовью и верой сердце второго — вот они во главе со своим батюшкой и святыми старицами Дивеевской общинки, первоначальники современной нам великой обители. Вера их не постыдила еще их и здесь на земле... а там-то, там-то что? там, где они слышат теперь «глаголы неизглаголаннные», которых человеку нельзя пересказать, и видят то, что око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не всходило?!

Заблаговестили в соборе к обедне. Хороша литургия в Сарове, но что-то суровое слышится в Саровских песнопениях: чудится в них возмездие Бога Карающего. В Дивееве чувствуешь милосердие Божие: недаром, по вере сестер обители и по словам отца Серафима, здесь всегда присутствует Святая Игуменья — Заступница Усердная рода христианского.

После литургии я попросил отслужить молебен перед чудотворной иконой Умиления или, вернее, Радости всех радостей, как ее называл и повелевал всем называть сам отец Серафим.

Когда кончился молебен, я стал подниматься на ступеньки возвышения, на котором стоит икона, и вижу, и глазам своим просто не верю: батюшкина икона — это та, та самая, которую я видел во сне перед отъездом в Саров! Та самая, никогда мною до этого времени нигде не виданная, изображающая Богородица в момент произнесения Ею слов к Архангелу Гавриилу — «се раба Господня, да будет Мне по глаголу твоему». Кроткий лик дивной Девушки, почти Ребенка, опущенные вежды, сложенные крестобразно на груди руки...

Можно ли словами передать тот благоговейный трепет, который всколыхнул всю мою душу при этом неожиданном явлении?! Пораженный таким чудесным открытием, не смея даже приложиться к самому чуду, я со слезами на глазах перекрестился и поцеловал маленькую икону, копию, как потом оказалось, чудотворной, поставленную в ее уголке, и только после этого целования дерзнул приложиться к самой Царице Небесной. Только это я приложился и хотел

было уходить, не отрывая все еще глаз от дивного Лица, как меня подозвала к себе игумения.

— Меня сильно поразило ваше у нас появление. Я узнала в подробности, как вы к нам пришли. Необыкновенное совпадение вашего прихода с нашим праздником заставило меня усмотреть в этом водительство самого отца Серафима по изволению Самой Матушки Святой нашей Игумении. Я велела освятить для вас иконочку, точную копию с чудотворной иконы: извольте ее взять в благословение от нашей обители, как бы от самого Серафима. Вот она, освященная, стоит в уголке чудотворной иконы.

С этими словами игумения сошла со своего места, провела сама меня к иконе и дала мне ту маленькую, поставленную внутри рамы чудотворного образа, к которой я к первой приложился после молебна.

Я передаю все знаменательные и удивительные события, со мною совершившиеся, как летописец. Я не могу, не смею умолчать о них даже перед самой страшною боязнью присвоить себе, недостойному, значение, которого я не заслуживаю, не имею и заслужить никогда не буду в состоянии. Самый даже страх, привитый чуть не с колыбели, перед ядовитою и злою насмешкой міра, не может меня остановить в рассказе о том, чего я не смею утаить, как дела явно Божиего.

«О глубина богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы судьбы Его и неизследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему?.. Всё из Него, Им и к Нему. Ему слава во веки, аминь».

XVII.

Нетрудно себе представить, как я провел весь последующий после этого события день в обители. Не шла на ум еда — я носился, как на крыльях, боясь пропустить своим благоговейным вниманием все, что составляет святыню Дивеева. А святыня — это весь Дивеев и вся его святая любовь, которая прорывается, бьет ключом из каждого уголка этого удивительного места, из каждой кельи, из каждого ласкового слова как самой игумении, так и всех виденных мною сестер.

Незабвенно до конца моих дней мое полуторадневное пребывание в Дивееве! От каких «тяжких и лютых» спасет меня в дальнейшей жизни моей связанное с тобой воспоминание о твоей святыне, о твоей любви, дивный Дивеев!..

Вся батюшкина святыня — в Дивееве. Все полно им. Он невидимо здесь присутствует. Его присутствие до того здесь ощутимо, что невольно хочется спросить иной раз: как пройти к батюшке? да спохватишься и вспомнишь, что его нет, родимого, в том обличье, который доступен непосредственному общению; а все-таки его присутствию веришь и чувствуешь, что он недалеко, что — здесь он, бесценный¹.

¹ Эта тайна общения в Дивееве мира видимого с миром невидимым испытывалась не одним мною. Многие, бывшие в Дивееве, передавали мне, что и они ощущали близость к себе о. Серафима. Более «простые сердцем» встречали его преимущественно в том месте Дивеева, которое зовется «канавкой Царицы Небесной», даже вступали с ним в беседу, как с обыкновенным старцем-паломником, и только знаменательность встречи и часто чудесное исчезновение из поля зрения

В храме, в котором дальняя батюшкина пустынька обращена в алтарь, в витрине хранятся его вещи, все, что после него земного осталось. Епитрахиль его, поручи, крест медный, которым мать его благословила, отпуская в далекий монастырь, его лапотки, его полу-мантия, в которой он ходил постоянно, Псалтирь его, которую он всегда в мешочке носил за спиной с другими книгами Священного Писания, топорик, на который он опирался и которым работал... В алтаре, за Престолом, у Горнего места, лежит камень, скорее обломок того камня, на котором, стоя на коленях, с молитвой мытаря на устах, он молился подряд тысячу ночей. Там же лежит отрубок с корнем того дерева, которое по молитве батюшки преклонилось в сторону Дивеевской обители в обличие гонителей его усердия к Дивеевским сестрам и неустанных его забот о них (см. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря).

Любовь, которою окружены эти реликвии, не поддается описанию — во всем святое отношение к святыне: пылинке не дадут сесть заботливые сестры. Сестра, показывавшая мне святыню, видя мое благоговение, со слезами на глазах покрыла меня епитрахилью батюшки и дала поцеловать его крест. Сам отец Серафим рукой своей послушницы благословил меня — такое у меня было в эту минуту чувство.

XVIII.

В келье матушки игумении я познакомился со вдовой Николая Александровича Мотовилова, Еле-

очевидцев давали разуметь, что встреча эта не была из числа обыкновенных.

ной Ивановной, необыкновенно доброй, приветливой и бодрой старушкой.

Удивительно прекрасна старость в Дивеевской обители! Матушка игуменья, показавшаяся мне женщиной средних лет, родилась, оказалось, в 1819 году. Елена Ивановна немногим ее моложе. Но какая бодрость движений, твердость походки, почти юношеский блеск глаз! Елена Ивановна, современница отца Серафима, видевшая его, слышавшая его речи, — она — живая летопись монастыря. Я был по ее приглашению у нее в келье и не мог не изумиться богатству ее памяти и живым рассказам о прошлом и настоящем Дивеева.

— Все у нас, — рассказывала мне Елена Ивановна, — делается в монастыре батюшкой отцом Серафимом. В трудные минуты монастырской жизни все на него одного надеются и на его молитвы к Царице Небесной. — «Уж это, как батюшка укажет», — говорит в таких случаях игуменья... а батюшка, действительно, указывает: смотришь — или чудом все устроится, или доброго человека Господь пришлет на выручку обители из затруднения. Вот теперь большая скорбь у нас: колокольня наша сорока сажен высоты стоит неоконченная. Строил ее наш епархиальный архитектор, да Господь попустил такому греху случиться — этот архитектор колокольню-то выстроил, да нынче весною возьми да убей свою жену. Над ним суд назначили, а к нам прислали нового; а новый нашел, что колокольня, вчерне уже совсем отстроенная, неправильно выстроена — наклон будто имеет опасный, и прекратил работы. Было бы, ка-

жется, над чем задуматься и чему огорчиться — не богата наша обитель капиталами — живем сами день за днем верой в о. Серафима! Доложили матушке игумении — «Видно, так батюшке о. Серафиму нужно!» — только и сказала наша матушка. Теперь повесили в середине колокольни отвес, и мы все ждем, каково будет распоряжение о. Серафима. Нам говорят: сломать заставят вашу колокольню; а мы веруем, что выйдет от батюшки распоряжение для славы Божией и пользы обители¹.

Вы знаете — в Дивееве, где чему быть — все намечено было батюшкой еще при жизни, хотя телом своим он никогда в Дивееве не бывал. И все с необычайной точностью исполняется по его указанию. В эпоху Дивеевских смут, когда монастырю, казалось, грозило распадение (в точности по батюшкиному предсказанию), когда в дела монастыря вмешивались люди, стремившиеся изменить все батюшкины предначертания, те же люди, против своей воли, исполняли волю и указания батюшки. Шли против него, а делали по его.

Теперь в обители 950 сестер, а средств к существованию немногим разве больше, чем было, когда сестер тридцать едва не умирало с голоду, и тем не менее обитель процветает. Мы уже привыкли к чудесам, но и мы иной раз удивляемся — откуда что бе-

¹ Вера Дивеевских насельниц не была посрамлена — колокольня теперь уже отстроена. Кажется, и «опасный» наклон признан даже полезным в архитектурном отношении ввиду расположения Дивеева на полугоре. Так печется о своих «сиротах» незримый архитектор.

рется, откуда берется это изобилие всего и материального и духовного? У нас все свое: свои живописные, свой кирпичный завод, сами свечи делаем — нет, кажется, отрасли монастырского хозяйства, которая бы не производилась своим монастырским трудом на нужды обители.

Хорош ведь наш собор? Он почти весь — труд сестер наших. Дивен наш о. Серафим.

Да, дивен Батюшка! Когда я читал его жизнеописание и историю Дивеева, свидетелей начала которой еще много в живых (в обители, кроме Елены Ивановны, я видел двух монахинь — современниц блаженного старца — мать Ермионию и мать Еванфию), я не мог все-таки себе представить всей силы чудес о. Серафима.

XIX.

— Хочу теперь я показать вам, — сказала Елена Ивановна, — всю свою святыню, которая пока еще у меня хранится. Ведь вы знаете, чем был для моего покойного мужа о. Серафим. Батюшка очень его любил. Долго мой муж упрашивал о. Серафима позволить снять с него портрет, и только после неоднократных и долговременных настояний Батюшка согласился. Вот этот-то его первый портрет я и хочу показать вам — он необыкновенный: иногда он сурово смотрит, а иногда улыбается, да так приветно... Вот сами увидите!

В моленной Елены Ивановны, над небольшим столиком, на стене я увидал этот портрет.

— Смотрите, смотрите: улыбается!

— Да еще как улыбается!

Лицо, прямо обращенное ко входящему, улыбалось такою улыбкою, что сердце светлело, глядя на эту улыбку — столько в ней благодати, привета, теплоты неземной, доброты чисто ангельской. И улыбка эта не была застывшею улыбкой портрета: я видел, что лицо все более и более оживлялось, точно расцветало...

Что-то упало к моим ногам и у ног остановилось.

Я вздрогнул от неожиданности... Смотрю, у моих ног лежит апельсин. Не придавая ему значения, я наклонился, чтобы поднять его и положить на стол под изумительным портретом... Елена Ивановна меня порывисто остановила:

— Не кладите апельсина на стол — он ваш: его вам сам батюшка дает!

Я недоумевающе взглянул на Елену Ивановну. Как ни был я подготовлен к чудесам Дивеева, восклицание Елены Ивановны показалось мне странным — этак, подумалось мне, во всем можно усмотреть чудо. Нехорошее чувство зашевелилось во мне...

— Ваш он! Я вам говорю. Вам его Батюшка дает. Чему вы удивляетесь — ведь не воплотиться же для вас отцу Серафиму, чтобы из рук в руки дать вам этот апельсин. Неужели же можно назвать в наших местах, где мы все живем и дышим отцом Серафимом, случайностью это падение апельсина со стола к вашим ногам? Ведь вы и близко-то к столу не подходили... Я вам сейчас скажу, как попал ко мне этот апельсин: 22 июля на Марию Магдалину наша игуменья именинница, из ее рук я получила

его. Несу его домой да думаю: кому мне его дать? И как все у нас делается по благословению о. Серафима, я положила апельсин под его портрет да и говорю: ты уже сам дай его, кому захочешь. Надо же вам было приехать сюда за тысячу почти верст и чтобы в день батюшкиного праздника этот апельсин со столика свалился к вашим ногам... Как же он не ваш? Как же это не сам отец Серафим вам его дарит?!

Я не стал противоречить. Нехорошее чувство сменилось светлой радостью веры, начавшей было колебаться¹.

На этом, однако, не кончилась моя незабвенная встреча с дорогою Еленой Ивановной. Продолжая наш разговор с ней, я рассказал ей о знаменательном сновидении моего знакомого, поведал о своем сне перед своим отъездом в Саров, о том, какая была виденная мною во сне икона.

— Вы не помните, в ночь на какое число вы видели ваш сон?

— В ночь с 18 на 19 июля.

— Знаете ли вы, что это за день 19 июля?

— Нет, не знаю.

— Это день рождения о. Серафима!..² Вы посмотрите, только под каким руководством вы нахо-

¹ Апельсин этот цел у меня и поныне. Конечно, он успел высохнуть за время с июля 1900 года по май 1903 года, когда я пишу эти строки, но вид и цвет апельсина он сохранил неприкосновенными — порча его не коснулась, даже пятнышка нет на этом Серафимовом дару.

² Теперь и того больше — день прославления его св. мощей.

дитесь и как необыкновенно и знаменательно все с вами совершающееся. Для чего-нибудь важного привел вас к нам батюшка!.. Меня это до того поражает, что я хочу подарить вам великую святыню, доставшуюся мне от покойного моего мужа: возьмите себе эти три камешка, — это осколки того камня, на котором о. Серафим молился тысячу ночей. Большой осколок этого камня хранится в алтаре, а эти — от того же осколка. Пусть они останутся в семье вашей как благословение отца Серафима.

— Спаси тебя, Господи, родная! За 800 с лишком верст не всякий может из наших мест собраться на поклонение твоей святыне, благословенный батюшка!..¹

¹ «Тайну Цареву добро хранить, дела же Божии открывать и проповедати славно» — не могу умолчать о двух чудесах, бывших на моей родине, в с. Золотореве Орловской губернии, от воды источника отца Серафима. Дочка нашего приходского священника, о. Никольского, девочка трех лет, после кори лишилась зрения на один глаз. Врачи осудили ее быть кривой после безуспешного лечения, продолжавшегося более года. После трех дней примачивания больного глаза водой батюшки, девочка, прежде целыми днями сидевшая в темном углу и не выносившая света, выздоровела совершенно и теперь вот уже третий год видит одинаково обоими глазами.

Сын станционного сторожа станции Золоторево, Савелия Суденникова, мальчик 5 лет, катаясь на салазках с горы, ударился пяткой со всего размаха о стенку. Ногу свело. Мучительные боли не поддавались лечению, продолжавшемуся более года. Была решена операция. Вода о. Серафима, которой растирали больную ногу, исцелила ребенка. На третий день применения чудесного лечения, мальчик, не ходивший более года, стал ходить, опираясь на палочку. Боли же прекратились после первого растирания.

От Елены Ивановны по святыням монастыря моей путеводительницей вызвалась быть одна наша орловская старушка помещица, временами живущая в Дивееве — хороший и исполненный любви и веры человек. Мы с ней знали друг друга понаслышке.

— Не ожидала я встретить здесь представителя вашего рода!

— Почему так?

— Да родня-то вся ваша всегда были народ передовой: такое «отжившее» учреждение, как монастыри, как будто непоказанное для вас место!..

— Чего не бывает на свете! Знаете — «Бог, идеже хощет, побеждается естества чин». Надо думать, что побежден «моего естества чин»!..

— Слава Богу! Я, грешница, когда мне о вас сказала матушка игуменья, не без некоторого сомнения отнеслась к вашему паломничеству.

— Какое же сомнение?

— Да всякие бывают сомнения, — уклончиво ответила мне моя собеседница, — хорошо, что теперь могу сказать: слава Богу!

Я не стал допытываться. Человеку свойственно ревниво оберегать свою святыню, свой «бисер» от тех «свиней», которых так много теперь развелось на белом свете. Горькая, но, к сожалению, своевременная подозрительность!

С этой моей путеводительницей я посетил и обеих современниц отца Серафима — мать Еванфию и мать Ермионию. Они все в прошлом, эти две Божьи старушки, но прошлое это до того живо в их воспомина-

нии, в их одушевленных рассказах, что невозможное становится возможным — само время кажется остановившимся, прошлое настоящим, и хочется от всей души воскликнуть: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа?..» Прошлое старушек — это настоящее и будущее Дивеева — исполнившиеся и исполняющиеся предсказания отца Серафима о будущем этого последнего жребия Царицы Небесной.

— Еще многого, необыкновенного и важного для верующей души, вы не успеете увидеть в Дивееве: надо здесь пожить, и не день и не два, чтобы проникнуть во всю Дивеевскую глубину, обнять Дивеевские чудеса, и все-таки, кажется, сколько ни живи — всего не обнимешь! — сказала мне моя спутница. — А вот по канавке пройти вам необходимо. Возьмите четки вот у этой послушницы и пойдемте вместе.

Я исполнил эту великую обязанность, заповеданную Дивеевскими преданиями.

Канавка эта выкопана по указанию отца Серафима Дивеевскими сестрами еще при жизни батюшки. Ей отец Серафим придавал необыкновенное значение. Сам никогда в Дивееве не бывши и заглазно планируя будущую обитель, он отметил то место, где явившаяся ему в видении Матерь Божия обошла ту часть монастыря, до которой во времена грядущие не посмеет коснуться рука антихриста. Канавка — то самое место, где прошли «стопочки Царицы Небесной». Идет она неправильной фигурой, приблизительно четырехугольником, и верующие должны ее обойти с молитвой Иисусовой и Богородицы, прочитав их полтораста раз. С последним ударом засту-

па, закончившим рытье канавки, отлетела в Сарове душа отца Серафима из того, что он называл своею «грешною плотию».

Помнится, А. С. Суворин когда-то описывал свое видение усопшего Ф. М. Достоевского. Мне врезался в память загробный ответ Феодора Михайловича, который он дал на суворинские сомнения о том, что нас ожидает «там»: «Умри прежде, тогда перестанешь сомневаться!» Вера для жизни — всё, а верить можно или со слов Божественного Откровения: «Если не будете, как дети, не внидете в Царство Небесное!» — или с примера святых Божиих подвижников, подкрепленного их чудесами и их Боговдохновенными речами. Кто внимал житиям святых, тот знает изумительное согласие их «свидетельских показаний» о недоступном пока для нас мире сверхчувственных явлений¹.

Современное неверие стремится умалить значение слов святых, их власти над покорившейся им природой земли и человека; оно утверждает, что наслоение всевозможных суеверий исказило будто бы слова и действия Божиих угодников. Неужели же при живых еще свидетелях подвига отца Серафима возможны такие наслоения? Эти многочисленные свидетели так чтут его святую память, что ни себе, ни другим не позволяют ни прибавить ни убавить чего-либо из святых своих о нем воспоминаний. Надо видеть их, надо слышать их речи, как видел и слышал

¹ Спиритизм сделал кое-какие из них доступными; но я имею здесь в виду не бесовский обман, а явления благодати и силы Божией.

я, чтобы понять, какое богохульство заключено в малейшем к ним недоверии.

К чудесам Дивеева надо отнести и жизнь его «блаженных», несущих на себе тяжкий и для многих неизъяснимый подвиг юродства Христа ради. Несколько лет тому назад скончалась изумительная по своей прозорливости и другим духовным дарам блаженная Пелагия Ивановна, несшая свой нечеловеческий подвиг по благословению отца Серафима. На небесах, в книгах ангельских записано, сколько человеческих душ спасено этим «вторым Серафимом».

Ее преемственно сменила и теперь еще живущая в Дивееве так называемая Паша Саровская. Ее я видел мельком, не без тайного жуткого страха, на крыльце ее кельи.

Когда я заходил к ней, она легла отдохнуть и никого к себе не допускала. Я мог только войти в ее комнату, всю увешанную иконами, и помолиться. Блаженная лежала за ширмочкой. Я слышал, как она точно в забытии шептала:

— Божечке — свечечка! Божечке — свечечка! Божечке — свечечка!

К кому относились эти слова и в чем заключался их таинственный смысл, для меня осталось непонятным...

Конечно, вторую ночь, проведенную мною в Дивееве, я заснуть не мог. Какой-то безотчетный страх напал на меня. Что-то грозное и страшное чудилось мне в каждом едва уловимом шорохе, в таинственном дыхании лунной ночи, в бледном полумраке моей комнаты. По коридору гостиницы бесшумно

летала испуганная большая летучая мышь, точно выходец из неведомого, зловещего мира; изредка толкаясь о потолок и шлепаясь при своем падении на пол, она тем еще более раздражала мои натянутые нервы. Едва приподнялась для меня завеса чудесного, а человеческий организм уже не был в силах выдержать наплыва неизведанных, полных тайны впечатлений. Вот почему нам здесь открыто как сквозь тусклое стекло «в зеркале или гадании». Не то будет там — «лицом к лицу».

Велика и дивна премудрость Божия!

XXI.

Бессонная ночь не утомила меня. Предутренний кратковременный сон настолько меня укрепил, что, вставши часов в шесть утра, я чувствовал себя совсем свежим. Иеромонах, служивший со мною вместе молебен у св. источника, опять встретился со мною в Дивееве. Тоже, как и я, он пришел, оказалось, пешком из Сарова. Надо было торопиться мне обратно в Саров к исповеди. Из Вертьянова привели мне пару лошадей. Я пригласил о. иеромонаха ехать с собой...

Прощай, Дивеев! Прощай, твой привет, твоя ласка! Прощай, твоя несравненная святыня! Увижу ли я когда тебя на этом свете? Или же доведется мне увидеть тебя, во всей твоей славе вознесенным на небо от посягательства нечистой руки антихриста? Увидеть уже духом, конечно! Бог весть, но уже не забыть мне тебя до конца дней моих!..

День в Сарове, суббота, весь прошел в приготовлении к принятию Страшных и Божественных Св.

Таин. Исповедовался я у духовника пустынной братии, о. Валентина. Самочувствие мое стало несравненно лучше: кашель почти прекратился, а другая моя болезнь тоже не дала себя почувствовать: в первый раз с окончания гимназии я почувствовал себя почти здоровым.

Вечером я отстоял Саровскую продолжительную вечерню, но уже утрени выстоять был не в состоянии. Вышел я из собора около полуночи. На небе ни облачка. Во всем своем серебряном блеске сияет полная луна. Белые колонны собора светятся, отражая свет лунного сияния...

— Святити Архангели и Ангели, молитесь Бога о нас! Святити пророцы и апостоли, молитесь Бога о нас! Святити великомученицы и мученицы, молитесь Бога о нас! — благоговейным полупшепотом произносят чьи-то молитвенные уста... Небольшая фигурка с непокрытою головою, с котомкою за плечами, в лапотках, с палочкою в руках, стоит вся залитая лунным светом и кладет глубокие, до земли, поклоны, обращаясь с крестным знамением на все Саровские храмы. Помолилась эта фигурка и тихими шагами, опираясь на свою палочку, пошла и потонула в ночной тени, брошенной монастырскими зданиями.

Необъяснимый прилив любви и нежности, не то сожаления, не то родного участия, потянули меня следом за странником. Почти около могилки о. Серафима я его догнал и, не говоря ни слова, сунул ему какие-то первые попавшиеся под руку монеты.

— Спаси тебя Христос, раб Божий Сергей!

— Откуда ты имя мое знаешь?

— Господь посылает узнавать своих! Помяните раба Божия Андрея! Храни вас Господь!

Фигурка тихо отошла и скрылась в глубине ночи. Я успел только разглядеть чудесный, глубокий взгляд да высокий, открытый лоб, с откинутыми назад длинными, вьющимися волосами, молодого, красивого лица. Кто ты, раб Божий Андрей? Отчего мне так сразу тепло и радостно стало на сердце, точно встретился я не с тобой, безвестным, а с близким, дорогим, любимым существом? Не общая ли небесная родина, далекая, едва достижимая, едва постижимая, не она ли потянула друг к другу с неудержимою силой наши изболевшие души? Не воспоминание ли о ней, небесной, озарило тихую радостью мое больное, исстрадавшееся от бесчинной сутолоки сердце?! Бог знает!

XXII.

За литургией на следующий день напало на меня то состояние духа, которое Отцами Церкви называется «нечувствием».

Полная невозможность сосредоточиться в молитвенном настроении, скука, физическая усталость, тоска в ногах, тоска в сердце, какое-то непонятное душевное томление — хоть беги вон из церкви. Даже мысли какие-то богохульные стали неотвязно лезть в голову.

Не в первый раз доводилось мне испытывать такое настроение, и всякий раз с особенною силой оно охватывало меня в день Причащения за литургией. Чувство Иуды, какое-то духовное предательство. Не даром же, когда Господь с такой силой говорил

Иудеям о Себе, как о хлебе, сшедшем с небес, который должно есть, чтобы жить во веки, «многие из учеников Его, слыша то, говорили: какие странные слова! кто может это слышать?.. и с этого времени отошли от Него и уже не ходили с Ним». Надо самому пройти через это чувство перед великим и страшным Таинством Св. Причащения, чтобы его понять и оценить по достоинству. Само оно не поддается описанию, которое могло бы выставить его в надлежащем свете. Но горе человеку, который поддастся и предаст себя этому чувству. Так было с Иудой и с графом Л. Толстым, если верить его «исповеди».

«И по хлебе тогда вниде в онъ сатана», — говорит святой Благовестник Иоанн о предателе своего Господа...

Вдруг точно освежающая струя чистого воздуха влилась в мертвящую скуку моей тоскующей души... Слеза молитвы тихо скатилась... загорелось сердце и исполнилось блаженной радости перед грядущим великим Таинством... Рядом со мною на коленях, охватив руками склонившуюся до земли голову, весь отдавшись пламенной молитве, стоял раб Божий Андрей, мой вчерашний странник.

Я не заметил его прихода, не видал, как он встал рядом со мной, но я всем сердцем своим почувствовал чью-то, должно быть его, близость, и молитва его невидимо перелилась из его переполненного в совсем было закрывшееся для молитвы мое сердце... Перед Св. Чашей я стоял уже не как Иуда-предатель, а как разбойник, Его исповедующий. Твоя молитва, раб Божий, спасла меня от страшного осуждения!..

После Причастия я не нашел в соборе моего молитвенника. Не сказав мне ни слова, даже не взглянув на меня за все время, пока шла литургия, он ушел так же незаметно, как и появился.

Мой о. иеромонах, спутник из Дивеева, служивший в сослужении с о. игуменом и очередным иеромонахом обедню, за которой я сподобился причаститься, зашел за мною в монастырскую гостиницу, и мы вместе отправились до трапезы на могилку батюшки отслужить последнюю панихиду, в келью его — пропеть последний молебен. Послушник из гостиницы, Миша, да я составляли клир. Ах, какое это дивное чувство молиться не по заказу и не за заказной требой! Петь самому и в то же время самому молиться!..

Из батюшкиной кельи, знакомым уже путем, мы пошли с о. иеромонахом к св. источнику. В этот день и он и я — должны были уехать из Сарова. Кашля моего как не бывало; другая моя болезнь настолько ослабела, что я чувствовал себя почти здоровым. Только в левом ухе от моего жестокого носоглоточного катара оставалась глухота, еще не затронутая благодатным действием чудесного лечения.

В купальне источника я встретил опять раба Божия Андрея. Он только что, видимо, выкупался. Вода со смоченных волос течет струйками по радостному лицу... сам весь такой маленький, тщедушный, а глаза огромные из-под высокого белого, как слонобая кость, лба так и улыбаются приветливой улыбкой.

— Опять Бог привел свидеться!

На этот раз это была наша последняя встреча.

Последнее мое купанье в источнике о. Серафима довершило мое исцеление: томившая меня глухота и шум в левом ухе исчезли моментально, как только я успел плеснуть на него водой из-под крана благодатного источника.

В вечер того же дня я уехал из Сарова. Прощаясь с саровским о. гостинником (так зовутся заведующие монастырскими гостиницами), я поведал ему свою радость.

— Воздайте, — сказал он, — благодарение Господу! Наш о. Серафим непрестанно подает за свои молитвы исцеление верующим. Так и я вот, грешный, за его святые молитвы исцелен был от жестокой лихорадки водой его источника. Да не я один: любого из нашей братии спросите — ни одного не найдете, кто бы не пользовался в своих недугах благословенной водой святого источника. Калек, расслабленных, параличных к нам возят отовсюду. Какие с ними-то чудеса бывают!.. Наш батюшка всех приемлет и за всех молитвенно предстоит перед Господом!

Видимо, исцеления здесь не в диковину. Какой бы гвалт подняли католические монахи, доведись чуду моего исцеления совершиться в местах их паломничества! Сколько бы протоколов было написано, сколько бы рекламных статей было напечатано! Может ли с чем быть сравнима эта благоговейная простота:

— Воздайте благодарение Господу!

И только. Прославление святого места со смиренной верой предоставлено Самому Господу. Это действительно вера, это истинно та любовь, которая «не ищет своего».

XXIII.

Обновленный и телом и духом вернулся я домой. Узнал о пожаре, о котором я уже писал в начале своих воспоминаний, узнал и еще нечто более удивительное. Служанка наша, девушка еще очень молодая и редко чистой души, две ночи подряд видела один и тот же сон: приходил к ней какой-то неизвестный ей сгорбленный старичок, одетый во что-то похожее на свитку и подпоясанный чем-то вроде полотенца. Старичок этот все просил ее доложить о своем приходе, а я ему будто все отказывал в приеме. В последнюю ночь перед моим отъездом в Саров, с 18-го, стало быть, на 19 июля, когда и мне снились две иконы Божией Матери, старичок опять явился во сне нашей Анюте и опять просил меня вызвать к нему. На этот раз я будто ответил: «Хорошо, сейчас к нему выйду — пусть подождет!» — а старичок, которому мой ответ был передан, смиренно сказал: «Ну что ж, я подожду! Я ведь у вас здесь часто бываю!»

19 июля вечером я уехал в Саров, и сновидение более не повторялось.

Я показал служанке портрет отца Серафима, данный мне в благословение отцом игуменом, и в отце Серафиме она тотчас признала виденного ею во сне старичка.

Был ли то действительно отец Серафим — один отец Серафим знает!

Что касается меня, то я знаю только, что все описанное мною здесь одна сущая правда. Ум мой говорит мне: умолчи о случившемся, сохрани его в

сердце своем и для близких, которые поймут тебя и не осудят, потому что и тебя знают, и знают все с тобой бывшее; а сердце, пламенеющее любовью к угоднику Божьему, властно требует громкой благодарности, запрещает лукаво мудрствовать и... странно: когда хозяйственный недосуг и горькие заботы, которыми так отравлена жизнь работника на черноземной ниве, вынуждали меня отвлекаться от велений сердца, я вновь начинал, хотя и смутно, чувствовать как бы возвращение своих исцеленных недугов.

Брался за перо, и опять ни тени прежнего нездоровья...

Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев!

XXIV.

На этом месте 27 августа 1900 года была закончена моя рукопись и была готова, чтобы сдать ее в безбоязненные руки тех искренних и честных людей, которые наперекор ядовитому дыханию злого духа века сего не убоились бы напечатать, ради Божией и св. Угодника славы, мое немудрое повествование. Но прошел год, а рукопись все лежала и лежала...

Что помешало мне?

Прежде всего — неуверенность в действительности и длительности моего исцеления: а ну как и в самом деле экзальтация, самовнушение?! «Да не будет ми лгати на святого!»

Неуверенность эта поддерживалась еще и тем, что чем дальше отходило в область воспоминаний мое путешествие, тем здоровье мое становилось все хуже и хуже, хотя ухудшение это, как небо с зем-

лей, не могло сравниться с тем, что я испытывал до своей поездки. Я все чего-то ждал, или, вернее, меня что-то удерживало, а тем временем первый пыл благодарности стал понемногу затихать. Соображения чисто человеческого эгоизма, самолюбивого страха — что скажут? Да нуждается ли святой в моих неумелых прославлениях? Да принесет ли мое повествование кому-либо пользу взамен насмешки и глумления міра, которыми я несомненно буду удостоен? Все это исподволь заставило меня забыть то, что я считал своим долгом, пока не грянул гром, и я не... перекрестился.

Ровно год истек с того дня, как я окончил писать свои воспоминания о Сарове или Дивееве; я простудился на полусмерть, и мой недуг с такой силой вдруг возобновился, что моя душа три недели подряд буквально расставалась с телом. Опять спасла меня вода из св. источника отца Серафима, оставшаяся у меня в небольшом количестве от раздачи верующим, и только она одна, потому что в это время я других лекарств не употреблял.

В возобновлении своей болезни, и притом с такой ужасающей силой, я усмотрел наказание Божие и, уже не давая места никаким сомнениям, решил отдать свою рукопись в печать.

Верующим — на радование,
сомневающимся — на укрепление,
міру — на поругание.

27 сентября 1901 года

Послесловие

Почти четыре года прошло со времени напечатания этого очерка в «Московских Ведомостях». Послужил ли он и в какой степени великому делу прославления св. мощей преподобного Серафима, мне неизвестно, но тяжкое нападение «исконного человекоубийцы» пришлось-таки мне испытать на себе за Серафима или, по крайней мере, за мою любовь к этому великому Божьему Угоднику. Было ли это Божьим испытанием моей немошной веры или ненавистью «врага», не дано мне того знать; но вот что произошло со мной почти вслед за окончанием печатания этого очерка.

Я заболел вновь и все той же тяжелой болезнью, от которой я был исцелен в Сарове. В ночь со 2-го на 3 января 1902 года как последствие этой болезни со мной случился глубокий обморок. Почти всю ночь со мной провозились мои домашние и только под утро заснули утомленные, видя, что и я забылся в полубоморочном сне от тяжелого истощения.

Но Серафимова любовь бодрствовала. Утром мне стало немного легче, и я кое-как мог выйти к утреннему чаю в столовую. Горничная наша, Татьяна, подавая мне чай и соболезнуя о моем здоровье, вдруг обратилась ко мне:

— Сон, барин, я про вас нынче ночью видела удивительный. И сама не знаю — ни то во сне я это видела, ни то въяве. Дело так было: провозились мы с вами, почесть, всю ночь, и, как вас уложили, я пошла на кухню да у стола, как была не раздеваясь и прикорнула головой на стол, ну не больше как на пол-

часа. Вижу это, во сне, стало быть: вы, больной, сидите в столовой, в халате на кресле, а какой-то старенький, сгорбленный старичок стоит в пол-оборота к Спасовой иконе. Смотрю — на балкон дверь открыта, и морозом так и прохватывает с надворья. «Батюшка! — говорю я, — кто вы такой?» «Я, — говорит, — отец Серафим Саровский». — «Что вы тут делаете? Зачем дверь-то открыта? Ведь так мы барина простудим!» А он мне на это: «Я молюсь о здравии твоего барина; а что дверь-то открыта, так ему воздух нужен!» — и с этими словами отец Серафим махнул своей ручкой по направлению к двери и стал невидим, а я проснулась.

Я послал за священником, и в этот же день у нас служили панихиду по отце Серафиме, а к вечеру меня свезли в Орел поближе к медицинской помощи, где мне было объявлено, что если в течение 7—8 дней мне не будет сделана операция, то смерть моя неизбежна. Орловской хирургии меня боялись доверить, а в столицу ехать было не с чем. Оставалось умирать, и я стал готовиться к смерти. Меня особорова-ли, но уговорить на операцию не могли.

Спокойно смотрел я тогда в глаза надвигающейся смерти. Может быть, оттого я и был спокоен, что это не была настоящая смерть, как показало будущее; но самочувствие было безнадежно: я, что называется, таял не по дням, а по часам. А доктор, меня лечивший, все торопил с операцией.

Серафим дал денег.

На другой день после моего приезда мне эти деньги были почти насильно навязаны двумя добры-

ми человеческими душами, которым я и без того был сверх головы должен, и меня увезли в Петербург к профессору Е. В. Павлову. Операция была сделана профессором — минуты считали — так тяжело было мое положение.

Вот что означали слова Серафимовы: ему воздух нужен. Его жест ручкой и путь указал мне к этому воздуху. Петербург лежит как раз в направлении того балкона домика моей бывшей усадьбы, который был виден во сне Татьяной.

Я выздоровел для докторов, по крайней мере, нечаянно. Месяцев шесть спустя, уже совершенно здоровый, заезжал в Петербург благодарить их за уход и труды. Они глазам не верили, чтобы можно было так поправиться:

— Вам операцию делали для очищения совести — вы должны были умереть. Теперешнее ваше здоровье — чудо, и только это чудо и могло вас спасти.

Это было чудом преподобного Серафима!

Петербург. 10 июня 1905 года

4.

Служка Божией Матери и Серафимов (Симбирский совестный судья Николай Александрович Мотовилов)

Последние слова последней беседы Батюшки о. Серафима со мною были следующие: «...так-то, ваше Боголюбие, укоряеми — благословляйте, гоними — терпите, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою, и претерпевый до конца той спасется! Грядите с миром в Воронеж!»

Сказаны они мне были 5 сентября 1832 г. при отправлении моем в первый раз в жизни в Воронеж.

(Из записок Н. А. Мотовилова)

Серафим! О святое и дивное имя! Как велик ты, великий преподобный, у Господа! О имени твоём скрежещут зубами беси и... трепещут!..

И велик же был их скрежет зубовный! С того священного дня, как Боголюбивый Государь, Божий Помазанник, исполненный и водимый Святым Духом, воплотив в Своем Лице всю народную веру, одномысленно с Православною Церковью преклонил

Свои колена со всем Своим многомиллионным народом у раки новоявленного угодника Божия, Серафима Саровского, — с того самого дня весь полк сатанинский, во главе со своим миродержителем и князем злобы поднебесной, восстал против того, кто еще в немощем человеческом теле одолел исконного врага человеческого рода.

Не стану поминать всей бешеной ярости, которая бессильно и бесплодно обрушилась на святые дни, на незабвенные июльские Серафимовы дни, единодушно пережитые всем православным миром во главе с его Богоданным Главой: ярость эта памятна всем, кто вблизи или вдалеке принимал участие в покаянной народной молитве у гроба и у раки преподобного Серафима, кто «среди лета пел» с народом «Пасху».

Господь посрамил сатанины замыслы: в дым разлетелось все их злоухищрение. Будущее покажет во всю ширь и мощь все значение для жизни русского духа недавно пережитых, перечувствованных и передуманных Саровских торжеств. Но и настоящее уже таково, что ясно стало видно исконным врагам России, как далеко ей при условии подъема веры до той преждевременной смерти, которую они уже, казалось, с победным кличем торжествовали.

Но злобная клевета, разбившись о неодолимую стену святости подвижника Христова, переменила направление и ударила, хотя и с ослабленной силой, во все то, что прямо или косвенно служило к прославлению святого Угодника.

Один из таких ударов пришелся по человеку, отдавшему все свои духовные силы на служение памяти

батюшки Серафима и основанной им Серафимо-Дивеевской женской обители, последнего на земле жребия Царицы Небесной. Это был симбирский и нижегородский помещик и симбирский совестный судья, потомственный дворянин Николай Александрович Мотовилов.

Вражья злоба, не одолев Серафима, навалилась всею тяжестью на Мотовилова и постаралась очернить и оклеветать его память в глазах всех тех, кто по Серафиме был заинтересован этою из ряду вон выходящею личностью. Она ославила его «сумасшедшим».

С помощью Божией и батюшки Серафима, я попытаюсь осветить мрак лжи, окутавший память этого мирского сподвижника и послушника преподобного отца нашего Серафима Саровского¹.

I.

В семье Мотовиловых, между теми, по крайней мере, ее членами, кто еще до сих пор дорожит семейными воспоминаниями, в глубине колыбели ее зарождения возникло и до сих пор держится предание, что родоначальником их был выходец из Литвы, князь Монтвид-Монтвил. Простой народ переделал эту фамилию на свой лад и прозвал чужеземца Мотовило, и под таким прозвищем он стал своим, уже русским человеком. От этого корня пошел русский род Мотовиловых.

¹ Очерк этот составлен мною на основании рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова, дополненных беседами со вдовою его, Еленю Ивановною, и сестрами Св. Дивеевской Обители.

Один из предков Николая Александровича Мотовилова, еще будучи Литовским князем, участвовал со своими людьми с Дмитрием Донским в Куликовской битве. В одной из ветвей мотовиловского генеалогического древа, если не ошибаюсь, — в роде сенатора Кассационного департамента Георгия Николаевича Мотовилова, — должен до сего времени храниться как родовая святыня образ (тельный) святителя Николая Чудотворца, надрубленный тяжелым басурманским мечом. Если он сохранился, то это теперь один из немногочисленных вещественных свидетелей первых лучей зари Московского царства¹.

У этого образа есть свое предание.

Отец Николая Александровича, Александр Иванович, в молодости своей полюбил девицу из старинного дворянского рода Дурасовых; но, воспитанная в Петербурге, успевшая свыкнуться со столичной жизнью, Марья Александровна Дурасова, к которой присватался Александр Иванович, не пожелала уйти с мужем в деревенское затишье и отказала ему в своей руке.

Борьба с чувством отвергнутой любви привела к тому результату, которым в доброе, святое, старое время люди сердца и долга увенчивали всякую борьбу, ставшую непосильною: они обрекали себя Богу и в одной только Божией помощи шли искать себе

¹ Этот образ принадлежал отцу Н. А. Мотовилова, Александру Ивановичу, как старшему в роде, но в малолетнее после отца сиротство Николая Александровича он достался Г. Н. Мотовилову. Николай Александрович всю жизнь скорбел об этом образе, но не мог добиться его возвращения.

спасения от нестерпимых борений своего духа. Тихие обители, посвященные Богу, за своею высокою монастырскою оградой, среди лесов, вдали от суеты мятежного мира, давали желанный приют изболевшим душам и в Христе отраду и успокоение.

Так было в те времена, такие к нам по времени близкие и такие по духу — увы! — далекие...

Саровская пустынь приняла неутешного Александра Ивановича в число своих послушников и, казалось, на всю жизнь скрыла его от всякой мирской заботы и горестей. Но Богу угодно было изменить твердое решение неутешного юноши.

Проходя послушание на просфорне, Александр Иванович стал уже готовиться к принятию пострига, но как-то раз, утомившись от непривычной работы, задремал и увидел дивный сон, определивший, вопреки его намерениям, всю его дальнейшую жизнь и имевший пророческое значение для Николая Александровича.

Едва успел задремать Саровский послушник, как вдруг увидал, что в просфорню входит Святитель Николай и говорит:

«Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем — он будет нужен Богу. Я — Святитель Николай и назначен быть покровителем Мотовиловского рода. Им я был уже в то время, когда один из родоначальников твоих, князь Монтвид-Монтвил служил в войске Дмитрия Донского. В день Куликовской бит-

вы татарский богатырь, поразивший воинов-инок Пересвета и Ослябю, ринулся было с мечом на самого Великого Князя, но Монтвид грудью своей отразил направленный смертельный удар, и меч воткнулся в образ мой, висевший на груди твоего предка; он пронзил бы и самого твоего родича, но я ослабил силу удара и рукой Монтвида поразил тарина насмерть».

Сон этот, как и следовало ожидать, изменил направление мыслей Александра Ивановича, и он вышел из Сарова. Вторичное предложение, сделанное им Дурасовой, не было отвергнуто; и от этого предсказанного брака родился 3 мая 1809 года первенец, которому и было дано имя Николай.

Это и был наш Николай Александрович Мотовилов.

II.

Мотовилов рано лишился своего отца. По восьмому году от рождения он остался сиротой с матерью, еще совсем молодою вдовой, и сестрой, года на два или на три его моложе. Большое состояние, оставленное Александром Ивановичем, заключалось преимущественно в населенных землях трех губерний — Симбирской, Нижегородской и Ярославской — и требовало неустанного попечения. Заботы о воспитании детей-малолеток, общий уклад нравственной и религиозной жизни старинного помещичьего быта, в котором еще высоко стояли идеалы супруги и матери, и главным, конечно, образом Божие изволение — все это заставило мать Мотовилова предаться с по-

корностью своей доле и не искать себе того, что ныне принято называть личным счастьем.

Это личное счастье прежние матери искали и всегда находили прежде всего в Боге, в Его Святой Церкви и в домоводстве, заключавшем в себе воспитание детей и заботу о сохранении для них состояния.

Помещичий быт старой Руси, тщетно ожидающий своего беспристрастного историка, знает много типов таких матерей и хозяек, которые в тиши своих деревень строили имущественное благополучие своих детей, а с ними и родины.

Первою утешительницей матери Николая Александровича в постигшей ее скорби была Церковь и ее верные служители, рабы Божии всякого звания, начиная с архиереев и кончая той Христу ради бродячей Русью, которая, отбросив всякое попечение о заботах завтрашнего дня, в молитвенном подвиге и лето, и зиму, и в весеннее распустье, и в осеннее ненастье обходит в поисках за святыми местами своим неустанным дозором бесчисленные грады и веси, дремучие леса, торные большие дороги и прихотливо бегущие пешеходные тропинки с трудом проходимых дебрей просторной России. От неприступных ледяных Соловков до вечно зеленого Афона и святынь Иерусалима, от Почаева и Киева до границ Восточной Сибири, до стен таинственного Китая доплескивается чистая волна исконного Православия, создавшего и прославившего могучую Россию. Обходит этот неустояющий дозор святыни Православия и по всем углам и закоулкам несет благодать святыни, раздавая ее верующею рукой всякому верующему Русскому сердцу.

Наивная вера, наивные речи! Дети-повествователи, дети-слушатели! Но кто слышал пламенные речи одних, кто умел подметить слезы умиления других, тот лицом к лицу видел, тот уста в уста целовал ее, нежно любимую, детски святую, благодатную Русь... От светлых Царских покоев, от знатного терема ближнего князя-боярина до промозглой от сырости и непокрытой нищеты хаты бедняка простолюдина, в те простые и верные времена вся несметная Христова богомольческая рать находила всюду себе приют и привет, теплый угол, яркий очаг сердечной любви и гостеприимного радушия.

Старая Русь умела понимать и ценить этот духовный подвиг своего народа. Забирались и тогда в это стадо овец Христовых волки из стаи сатанинской, но из-за случайных волков не порочили тогда чистого овечьего стада и золотым его руном одевалась непостыдно и безбоязненно и отогревала свое Русское сердце святая, чистая вера Русского человека.

III.

В начале XIX века мало еще была поколеблена вера русского захолустья: жизнь тогда не ведала той быстроты разноса духовной заразы, которой ознаменовалось так называемое наше время, — время пара, электричества, железных дорог, телеграфа, телефонов — всего, словом, того, что издергало и измочало нервы современного человечества. Сто верст представляли собой пространство в полсуток езды, и с 500—600 верст от больших центров, от столиц, начиналась уже русская захолустная жизнь, почти не затронутая

веяниями времени в своих вековых устоях. Захолустье, так неумно и зло высмеянное неглубоким острословием эпохи реформ и европейского обезьянничества шестидесятых и последующих годов, было тою истинною нивой, которая растила зерно русской исконной жизни и давала обильные жатвы, кормившие могучий государственный организм России. Дальность расстояния, с трудом преодолеваемая перекладными, почтовыми, «долгими», заставляла обывателя сидеть дома, в доме уметь находить и сосредоточивать все свои материальные и духовные интересы.

Жизнь протекала в семье, и вся в ней сосредоточивалась. Ехать было некуда, да и незачем; знали свой околоток, и знали его хорошо, основательно, точно; вдаль не стремились, а где родились, там и умирали. Дальние поездки предпринимались только по особой нужде, и притом с великою тугой сердечною.

Но для жизни духа и в те малоподвижные времена расстояниями пренебрегали, и поездки на месяц и более, верст за 400, за 600, не были в диковину для дедов наших и бабок. Нельзя было назвать это передвижение поездками — это были целые паломничества, обыкновенно организованные со всеми чадами и избранными домочадцами, и целью их бывали более или менее отдаленные монастыри с почивающими в них св. мощами Божиих угодников или живущими в них прославленными народною верой и просветленными богоугодной жизнью и Божественной благодатью старцами-подвижниками.

«Не в препретьельных земных премудрости словах, но в явлениях силы и духа» искали ответа ста-

рики наши на все запросы души человеческой и, верен Господь, — его получали.

Великое горе молодой вдовы потянуло ее за советом и благодатною помощью к великому Божьему угоднику, отцу Серафиму, в то время иеромонаху Саровской пустыни, окончившему подвиг затвора и начавшему принимать посетителей, которых стало собираться великое множество со всех концов центральной России в уединенную Саровскую пустынь. Слава отца Серафима, как человека высокой духовной жизни, уже и тогда гремела по всему верующему Тамбовскому и Средне-Поволжскому краю. Старики рассказывали, что бывали в Сарове дни, когда число приходивших и приезжавших к отцу Серафиму достигало десяти тысяч.

IV.

В первую свою поездку в Саров к отцу Серафиму вдова Мотовилова захватила с собой и своего Николеньку. Это было в 1816 году. Николеньке шел тогда восьмой годок. Мать с сыном ехали на Арзамас из своего имения, сельца Бритвина, Нижегородской губернии, Лукояновского уезда. В рукописях Мотовилова есть указания, что в Арзамасе одна всеми чтимая «блаженная» встретила с Мотовиловой и предсказала ее мальчику его незаурядную судьбу силы непонятной и отвергнутой миром, но угодной Богу.

Батюшка Серафим только что отворил тогда двери своей затворнической кельи, и одною из первых принятых им посетительниц была вдова Мотовилова с сыном.

В рукописях Николая Александровича мне удалось найти изображение от руки плана кельи отца Серафима в том виде, в котором она врезалась в его детскую память.

Обстановка кельи поразила мальчика настолько, что уже спустя много лет он помнил ее во всех подробностях. Особенно его детское воображение было поражено обилием горящих свечей в семи больших подсвечниках перед иконой Божией Матери. Но слова и смысл речей беседы отца Серафима с матерью от него утаился. В воспоминании его сохранился один только эпизод пребывания в батюшкиной келье. Скучно стало мальчику, привыкшему резвиться на деревенской свободе, и, пока мать внимала беседе богомудрого Старца, он стал бегать по келье, насколько позволяла ее обстановка. Мать с упреком его остановила. Но батюшка на ее упрек ребенку возразил:

— С малюткой Ангел Божий играет, матушка! Как можно ребенка останавливать в его беспечных играх... Играй, играй, деточка! Христос с тобой!

Эти слова, полные кротости и отеческой ласки, Мотовилов помнил всю жизнь.

Могло ли предчувствовать тогда детское сердце, что келья эта, в которой происходила беседа матери с Преподобным, впоследствии определит весь строй многострадальной жизни Мотовилова!

V.

Семейное ли благочестие, столь свойственное в те времена дворянским семьям, проживавшим безвыездно в своих поместьях, раннее ли знакомство с

людьми духовного подвига, с которыми любила проводить время благочестивая мать, предызбранность ли, сказавшаяся в знаменательном сновидении отца, но в Мотовилове рано проснулась религиозная любознательность, доставлявшая ему немало огорчений в отроческом и юношеском возрасте.

Узнав при изучении Священного Писания о Троичности во Едином Существе Бога, он стремился объяснить себе этот догмат явлениями видимой природы, чем в немалое приводил смущение не только простых сердцем своих деревенских наставников, но и законоучителей, готовивших его к поступлению в Казанский университет.

— Батюшка! — спрашивал он своего наставника. — Вот вы меня учите, что человек состоит из тела и души. А ведь мы по образу и подобию Божиему сотворены, стало быть, мы тоже троичны по существу?

— Ну не еретик ли ты?! Истинно, еретик! Говорю тебе — выших себя не ищи! Куда ты заносишься, куда ты заносишься? — спрашиваю я тебя!

И за словесным увещанием «еретика» обыкновенно следовало наставническое вразумление, от которого немало плакивал вразумляемый.

Мать тоже сильно огорчалась, боясь чрезмерной, как ей казалось, пытливости своего ребенка. В те добрые простые времена просто и по-детски веровали и зрелые люди.

Особенно ее страшило будущее ученье сына в шумном академическом городе Казани. Дух неверия и ересей, посеянный в умах дворянских вольнодум-

цев Екатерининского и Александровского времени ордой иноземных гувернеров и гувернанток, явившейся в Россию с готовою программой разрушения русских устоев, не мог этот дух утаиться от предчувствия сердца любящей и истово православной матери. Ну — как эта пытливость разума, теперь под ее крылом направленная к познанию Божественного, да обернется в противоположную сторону! А примеры тому бывали.

Уже тогда в провинциальном обществе начали поговаривать о масонах, как о секте таинственной, хотя и безобидной по внешности, но по всем признакам вероотступнической и вредной. Православный дух покойного ее мужа тоже прозревал гибель от масонства, которым, как новинкой, последним словом европейской образованности, начали увлекаться наиболее выдающиеся провинциальные деятели.

— Смотри, матушка, береги Колю от масонов, если меня не станет! Именем моим закажи ему не ходить в их богоборное общество — погубит оно Россию!

Такие речи слышал от отца и сам Мотовилов. Пытливый ум ребенка, конечно, не понимал, что такое за страшилище — масоны; вряд ли он даже мог сколько-нибудь обнять необъятное слово «Россия», но отцовские слова не пропали для него бесследно, и для Николая Александровича Россия и масонство остались навсегда двумя понятиями, из которых одно непременно должно было уничтожить другое.

Мотовилов на всю жизнь остался непримиримым врагом этого тайного и по существу глубоко революционного общества.

Но материнское вещун сердце не ошиблось в одном: университет со своими общественными науками, в которых никогда не поминается имя Божие, веселое, шумливое и, конечно, вольнодумное светское общество дворянской Казани — все это скоро в своем житейском водовороте закружило юного Мотовилова, будущего завидного жениха, как о нем, вероятно, втайне мечтала не одна маменька, — и светская жизнь, хотя временно и поверхностно, но все же успела, казалось, изгладить то духовное, что было в детстве посеяно в душе религиозного мальчика.

— Ну, маменька! — часто говаривал он матери, — у вас опять эти «искушения»!

«Искушениями» он называл странниц и монахинь, которых любила у себя поприветить Мотовилов. Слыша разговоры Николиньки не всегда скромные и о предметах нескромных, потупя глаза и перебирая четки, со вздохом и как бы про себя они тихо шептали, бывало:

— Искушение!

Не любил их в то время жизнерадостный Мотовилов. На радужном фоне веселья шумного света, к которому тянулось его сердце, эти смиренные фигуры с постническими лицами, в черном одеянии, пожилые, некрасивые, с молитвою Иисусовой на устах, должны были ему казаться таким темным и непривлекательным пятном...

Под невзрачною внешностью и истинное смирение многим кажется лицемерием. Кому нужны эти загнанные, забытые, жалкие, темные облики? Они —

режущий ухо диссонанс в победном аккорде нарядного мира!..

VI.

Но Божье призвание вело Мотовилова на иной путь — на ином пути он был нужен Богу.

В половине университетского курса с Мотовиловым произошел случай, необыкновенно характерный как для него, так и для той эпохи, которая его воспитала. В своих записках он туманно говорит, что «этот случай его поверг в такую бездну отчаяния, что он не мог его пережить, ибо должен был лишиться и своей дворянской чести, и дворянского звания и быть отдану в солдаты». По словам Елены Ивановны, этот случай, это страшное несчастье, так потрясшее Мотовилова, был поцелуй, брошенный им в университетском коридоре одной барышне. Поцелуй этот был замечен начальством, которое придало ему такое значение — на словах или на деле — кто знает, — что Мотовилов счел себя окончательно погибшим. Особенно его страшила мысль, что он убьет свою «маменьку». А любил он свою «маменьку» так, как только могло уметь любить его чистое сыновнее сердце.

Какая бездна отделяет чувства большинства современной молодежи от чувств того времени!..

В темную ночь из квартиры профессора Фукса, у которого Мотовилов жил в то время на квартире, он ушел к Черному озеру, известному всякому казанцу, и там решил утопиться. Уже он готов был в него броситься, но какая-то невидимая сила вдруг приковала его к месту, с которого он хотел кинуться в воду,

и в ночной темноте, над мрачными водами Черного озера, он внезапно увидал в ярком сиянии образ Казанской Божией Матери. Озаренный дивным светом Лик Пречистой укоризненно взглянул на юношу самоубийцу и бесследно скрылся в темноте ночи.

Это было первое знамение в его жизни.

История, угрожавшая Мотовилкову в университете, не имела для него последствий — выручил его из беды его квартирохозяин, профессор Фукс, удостоверивший, что «он за Мотовилова ручается» как за высоко нравственного юношу. Но дивное видение оставило глубокий след в его душе, и, хотя утехи мира все еще продолжали с неудержимою силою затягивать его в свои обманчивые сети, тем не менее событие на Черном озере положило начало совершившемуся впоследствии в нем глубокому духовному перевороту.

О времени его жизни в Казани после этого события мы не имеем достоверных сведений. Знаем только, что, по выходе его из университета со званием действительного студента, умерла его мать во время совместной с ним поездки на богомолье в Киев, оставив на его попечении все имения и пятнадцатилетнюю девицу, сестру.

Самому Мотовилкову шел семнадцатый год. Это было в 1826 году.

VII.

В те времена дворянская честь требовала обязательной службы Государству. Молодой человек, окончивший курс своего учения, должен был непременно служить или на коронной службе, или по выборам —

неслужащий дворянин был все равно что недоросль из дворян. Уклонение от службы Отечеству считалось таким позором, что ни одна девушка из порядочного семейства не пошла бы замуж за того, кто сколько-нибудь не прослужил в военной или гражданской службе Царю и Отечеству. Обществу тогда не служили — понятие общества поглощалось догматом Царя и Родины — им и служили. Конец Александровских и Николаевские времена строги были в проведении в жизнь государственных принципов.

А сердце Мотовилова уже было охвачено «страстью нежной».

В соседстве с его симбирскими деревнями жила в своих поместьях вдова Михаила Петровича Языкова, из старинного рода симбирских дворян Языковых. С ней жила и дочка-подросток, Катенька, девушка лет пятнадцати. Болезненная по природе, совсем больная ко времени выхода Мотовилова из университета, вдова Языкова никуда не выезжала из дому, гостей не принимала, кроме родных и близких соседей, и Катенька росла почти в полном одиночестве. Церковь, домашние богослужения и уход за матерью — в этом была вся жизнь молодой девушки, почти ребенка. В эту-то Катеньку, или Екатерину Михайловну Языкову, с двенадцатилетнего ее возраста и был влюблен Мотовилов. Миловидная девушка прельстила его сердце не столько своею внешностью, сколько внутренними качествами своей высокорелигиозной женственной души.

Нравился ли ей Мотовилов? Сказать трудно... Что касается самого Мотовилова, то надежда видеть люби-

мую девушку своей женой не покидала его много лет спустя после первой вспышки зароненной в его душу искры беззаветного чувства. Цельные были тогда натуры и любить умели подолгу, преданно и верно.

Но не Мотовилову суждено было овладеть чистым, девственным сердцем Языковой. Его ждало другое сердце, другая рука должна была с его рукой нести предназначенный ему тяжкий крест к прославлению великого Имени Божьего.

Божий избранник, вызванный к жизни явно выраженной Божественною волей, должен был пройти через горнило всяких страданий, всяких искушений, мук сердечных и физических, должен был понести всякую скорбь, всякое гонение, чтобы духовно очищенным и просветленным быть достойным совершить на земле великое дело Божие.

VIII.

Для деятельного христианина, для всякого воина Церкви Христовой, для всякого верного ее сына, а не наемника, глубоко поучительно ясное водительство Руки Божией в многострадальной и до сих пор не оцененной по заслугам жизни Мотовилова.

Теперь видна его заслуга: соблюдение для потомства мельчайших черт жития великого угодника Божия, преподобного Серафима, и процветание духовного детища Батюшки — Дивеева. Но и в современной нам оценке деятельности Мотовилова молва людская не отводит ему того высокого места в величественном здании великих Саровских дней, которое ему принадлежит по праву.

Следя шаг за шагом за жизнью этого великого духом и сердцем человека, по обрывкам рукописных его воспоминаний, по воспоминаниям о нем людей ему близких, — вдовы его, Елены Ивановны, и сирот батюшки Серафима, Дивеевских насельниц и молитвенниц, — нам, быть может, удастся восстановить в возможной яркости весь этот сложный, исполненный трагизма и, во всяком случае, незаурядный характер нравственного христианского мученика XIX века, истерзанного пытками душевными, и где же? в центре исконного Православия — в России.

Вернемся же к тем отдаленным уже для нас временам, когда влюбленный Мотовилов должен был вступить в самостоятельную жизнь, круглым сиротой, с девочкою-сестрой на руках и с большим хозяйственным делом на своем неопытном попечении.

Сердце Мотовилова во всем строе его жизни всегда было на первом плане. Веления практического смысла, холодные веления рассудка если и не были ему чужды как человеку в полноте современного ему образования, то рассудок всегда находился у него в подчинении сердечным влечениям. А мотовиловское сердце было во всем пламенное.

Чтобы получить руку Языковой, надо было служить — так, по крайней мере, думал Мотовилов, так думало тогда все дворянское большинство. Онегины и Чацкие только зарождались. И вот тут-то, на первых порах, при вступлении в новую жизнь самостоятельного человека, ему пришлось столкнуться с тайною, но уже великою и грозною силой масонства, с тем корнем пышно расцветшего впоследствии бурья-

на русского революционного движения, которое своим лжелиберализмом заразило цвет русского служилого и поместного дворянства.

«Вышедши из Императорского Казанского университета, — пишет Мотовилов на найденном мною, оторванном от какой-то тетради листе, — действительным своекоштным студентом 8 июля 1826 года, и на пути богомолья в Киев лишившись родительницы моей в 20-й день того же июля 1826 года, и оставшись круглым сиротой 17 лет от роду, имея сестру Прасковью, пятнадцатилетнюю, я через друга матушки моей, Надежду Ивановну Саврасову, вскоре познакомился с Симбирским губернским предводителем, князем Михаилом Петровичем Баратаевым, и вскоре сблизился с ним до того, что он открыл мне, что он гранметр ложи Симбирской и великий мастер Иллюминатской Петербургской ложи. Он пригласил меня вступить в число масонов, уверяя, что если я хочу какой-либо успех иметь в государственной службе, то, не будучи масоном, не могу того достигнуть ни под каким видом. Я отвечал, что батюшка, родитель мой, запретил мне вступать в масонство, затем, что это есть истинное антихристианство, да и сама, будучи в университете и нашедши книгу о масонах, в этом совершенно удостоверился и даже видел необыкновенные видения, предсказавшие судьбу всей жизни моей и возвестившие мне идти против масонства, франкмасонства, иллюминатства, якобинства, карбонарства и всего с ними тождественного и в противление Господу Богу имеющегося. Это так разозлило его и тем более в простоте сердца ему

открытое намерение мое вскоре по устройстве дел моих ехать в Санкт-Петербург для определения на службу в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию, что он поклялся мне, что я никогда и ни в чем не буду иметь успеха, потому что сетями масонских связей опутана не только Россия, но и весь мир.

Вскоре после того вышел закон, чтобы молодые люди, хоть и окончившие курс учения и получившие дипломы на ученые степени в высших училищах, не имели бы права отправляться на службу в столицу, а должны были бы три года послужить в губернии будто бы для ознакомления с процедурой провинциальной службы.

Срезанный на первых порах с ног, я, как говорится, сел как рак на мели».

Уверенность кн. Баратаева, что Мотовилову за отказ его вступить в члены масонской ложи ни в чем не будет успеха, оправдалась вскоре на деле. На открывшуюся вскоре вакансию должности почетного смотрителя Корсунского уездного училища Мотовиловым была выставлена своя кандидатура, и когда ему было дано знать от Совета Казанского университета и от Училищного Комитета, что он на эту должность избран, то Баратаев призвал его к себе и объявил:

— Этой должности вам не видать как своих ушей. И не только вы этой должности не получите, но и не попадете ни на какую другую государственную должность, ибо и Мусин-Пушкин (тогда попечитель Казанского учебного округа), и министр

князь Ливен — подчиненные мне масоны. Мое приказание — им закон!

С этого момента началось преследование или, вернее, травля Мотовилова, усилившаяся с течением времени до степени гонения, которое довело его в конце концов до такого нервного расстройства, что он заболел нервным ударом, приковавшим его к постели. В тяжких страданиях он промучился более трех лет. Его преследовали на службе, которой он, правда, все-таки добился, благодаря своей сверхъестественной энергии, помешали его браку с Языковой, создавали репутацию сумасшедшего и даже во времена губернатора Загряжского ухитрились подвергнуть личному задержанию по обвинению в государственной измене. От этого ареста он был освобожден лишь по приказанию министра юстиции, Дмитрия Васильевича Дашкова.

Не было клеветы, насмешки, тайных подвохов и ухищрений, которым не подвергла бы его политически-сектантская человеческая злоба.

Возникновение и жизнь масонских лож, их сила и значение в жизни России еще ждут своего правдивого историка, вернее, наблюдателя. Да и дождутся ли они его?.. Печатью глубокой тайны, в которую посвящены отдельные, и притом неведомые самой масонской армии, главнокомандующие единицы, покрыта сущность их деятельности, их средства и цели как былые, так и настоящие. Масонство, с уверенностью можно утверждать, существует и ныне, под другою личиною, но разрушительные его и главным образом антихристианские, точнее антихристовы цели остались всё те же.

Многострадальная жизнь Николая Александровича Мотовилова, с энергией отчаяния боровшегося за лучшие дворянские заветы прошлого, до фанатизма преданного Самодержавию, нравственно замученного исповедника Православной Веры, намеренно отторгнутого от полезной и глубоко патриотической общественной деятельности — поучительнейший пример того, что значило в то время, да, пожалуй, и в наше — открыто восстать против этой тайной, но великой подпольной силы.

Если бы Господь не отвел энергии недюжинной силы Мотовилова на другое, истинно богоугодное дело, ему пришлось бы преждевременно покончить свои расчеты с земною жизнью: масонская сила никогда не останавливалась перед тайным убийством тех, кого считала для себя опасными.

IX.

Для какого же богоугодного дела Господь отвел энергию Мотовилова от дел государственных, к вершению которых так тяготело истово русское сердце Мотовилова? Кто должен был быть непосредственным орудием Божьего промысления о земном назначении Мотовилова, предуказанного еще в знаменательном сновидении бывшего Саровского послушника, впоследствии ставшего отцом Николая Александровича?

Творение духа преподобного Серафима Саровского, Дивеевский женский монастырь, последний жребий Царицы Небесной на земле, будущая женская лавра и житие угодника Божия, нашедшее в Мотовиллове своего свидетеля и вдохновенного описателя —

вот то богоугодное дело, на которое был вызван к жизни Николай Александрович.

Преподобный отец наш Серафим Саровский — вот та видимая святая рука, изменившая и направившая стопы Мотовилова по иному пути, перепоясавшая его Божественною благодатью и поведшая его туда, куда он и не хотел, быть может, идти в то время, когда его юному, неопытному взору житейский путь мира казался таким заманчивым и блестящим.

Как велика была задача, ему предназначенная, показали уже отчасти великие Саровские дни. Будущее раскроет еще больше, еще значительнее несравненную тайну силы этих дней для обновления духа Православия, а с ним и величия Родины с ее мессианскою целью.

Служебные неудачи, тайная и явная злоба влиятельного масонства, не пощадившая даже его чистой любви к Языковой, рывшая ему всевозможные ямы и ловушки, в которые он в простоте юного сердца ежеминутно попадался, сломили богатырский организм Мотовилова, и, как я уже говорил, тяжкая болезнь приковала его к постели более чем на три года. В своих физических страданиях, усугубленных нравственными, круглый сирота с девочкой-сиротой, сестрой, на руках, без поддержки, без родного, бескорыстного участия (одна Надежда Ивановна Саврасова, друг его матери, его не оставляла), он обновился духовно и воззвал ко Господу, и Господь не преминул услышать голос скорби Своего раба.

К этому приблизительно времени относятся три знаменательные сновидения, которые ему дарованы

были как бы в предвещание судьбы его жизни и в откровение некоторых тайн Божественного домостроительства. Берем их описание из подлинной рукописи Мотовилова, уцелевшей на отдельном листе¹.

«**В первом** сне показан был мне неимоверно величайший не дом, а дворец батюшки моего в жизни будущего века. Две с половиной версты длины, полверсты ширины и четверть версты высоты; трехэтажный, с колоннами, каждая выточена из одной цельной небесной жемчужины; по архитектурному стилю похожи на ионический орден; оконные стекла все цельные внизу и вверху; по 25 сажен вышины и ширины, а в бельэтаже 25 ширины и 50 сажен вышины; крыша вся из чистого золота; стены из небесного мрамора, белейшего, чем самый лучший каррарский мрамор. Гора, на коей стоял этот дом, семь верст вышины, полого к нему простирающаяся, а в длину, верст в тридцать вокруг, сад из наипревосходнейших плодовых и вечно цветущих деревьев и кустарников. Я видел родителя своего, возставшего нетленным из гроба и вошедшего в оный, а мне невидимый кто-то сказал: «Вот это за святую, многомилостивую жизнь уготованный родителю твоему дом его в жизни будущего века».

Во втором сне показался мне мой, за грехи мои уготованный дом, весь в смоле, капающей с потолка от растопления раскаленными угольями. Но Господь

¹ Вообще, надо заметить, в бумагах мотовиловских, доставшихся мне для разбора, беспорядок был страшный — точно чья-то рука кому-то назло истрепала, раскидала и разорвала эти рукописи, таившие часто в себе драгоценнейшие сообщения.

сподобил меня выйти из него, и мне потом показаны были красоты Рая Божиего и Вечного Царствия Божиего и сказано: «Смотри же! — вышел ты во сне из дома вечной твоей гибели, выходи и на самом деле из нее в жизни, да спасешься, подобно родителю твоему, и на земле, и на небесах».

В третьем сне взяли меня с одра почти предсмертной болезни моей пятнадцать великих пустынных, святых угодников Божиих, а именно: 1) святой Марко Фраческий, 2) святой Онуфрий Великий, 3) святой Петр Афонский, 4) святой Иоанникий Великий, 5) святой Антоний Великий, 6) святой Макарий Великий, 7) святой Савва Освященный, 8) святой Герасим, иже на Иордане реке, и остальные, все подобные им, и привели меня к стене до небес вышиной и шириной до края земли, и поставили перед дверью 15 сажен вышиной и 5 сажен шириной; а за ними стояла толпа несметная людей: цари, патриархи, народоправители, бояре всех народов, митрополиты, архиепископы, епископы, священники, архимандриты, монахи, и мирские всякого звания — ученые, разночинцы, купцы, мещане, дворовые люди и крестьяне всех наименований. И все это стояло тесно, нивелирно, смешавшись, зря, без толку, тесно так, что если бы бросить яблоко между голов их, по их плечам, то оно покатилося бы, а не упало на землю. И святые Божии пятнадцать великих пустынников сказали мне: «Мы привели тебя сюда, к этой толпе прогневавших Господа Бога нечестивцев, и Господь Бог Вседержитель через нас, рабов Своих, велит тебе возвестить слово Его и суд Его Божественный о них. Скажи же

при нас им всем: цари, патриархи, народоправители, бояре, купцы, мещане, дворяне, ученые, и ремесленники, и мужики, священники, и монахи, и монахини, и люди всех наименований! Вы всецело во всем прогневили Господа Бога! Все древнее, святое, богоугодное, душеполезное и всеспасительное вы презрели, отвергли и омерзили в душах своих и дышите ненавистью ко всему богоугодному. Вы так преогорчили благодать Божию всеми мерзостями ваших нововведений, что фиал гнева праведной ярости Божией кипит негодованием, не растворенный ни самонаималейшею каплей сострадания к вам, богомерзким нечестивцам, и горе вам, если вы не покаетесь и не отвратитесь от богомерзких злоб ваших, и не взыщете вскоре пути истинного во всех мерзостях ваших покаяния перед раздраженным вами Господом Богом!.. Ну, говори же при нас все это им!..» И сколько я ни плакал, уверяя их, что я не смею и что, как только заикнусь им о том, они погубят меня; но они грозно возразили мне: «Если ты не возвестишь им всей этой воли Божией, то Господь погубит вместе с ними и самого тебя, да и те во веки веков станут на тебя жаловаться Богу. Если же они и прогневаются все до одного на тебя и захотят истребить тебя с лица земли, то защитит тебя Господь Бог в Троице Единый и Сама Госпожа, Пресвятая Богородица будет Заступница твоя противу всех их нападения на тебя. Иди же сквозь их и глаголи дерзновенно им эти слова милосердия и живота вечного, и Сам Господь благословит тебя, и Матерь Божия будет тебе Сама Помощницею во всем».

И я сказал им всё; и они выслушали всё и, наступаясь предо мною, стали давать мне дорогу между собою. Треугольник большой, на несколько сажень, открылся предо мною, и я, всем повторяя эти милостивые и щадливые слова Господни, мало не дошедши до конца треугольника, попробовал, как широка данная мне людьми дорога, и протянул крестообразно в обе стороны руки мои, и не хватило до людей на целый аршин от рук моих. И я не знаю, почему и зачем взмахнул я руками, и меня на аршин приподняло от земли кверху, так что я кружась полетел, как большая птица, вверх к поднебесью и увидел, что взлетел выше всех, а внизу подо мною — люди что черви кишат... Сначала я крайне испугался, думая, что упаду вниз и совершенно расшибусь в прах; но под меня подостлалась светлая, чистая и, как хрусталь, прозрачная перина, и я неизъяснимо возрадовался и сказал: «Господи! когда я там был с ними вместе внизу, какими они мне великими тогда казались и как величались они тогда предо мною! А теперь что стали они? не более червей, кишащих в навозной куче!»

С этим я проснулся».

Эти сновидения и тяжелая болезнь дарованы были Мотовилову в период его жизни от 19 до 22 лет.

Врачебная помощь, к которой неустанно он обращался во все время своей продолжительной болезни, оказалась бессильною. Измучив его тело, тяжкая болезнь очистила дух, и дух его обратился к Богу, Который и указал ему путь для исцеления тела и еще большего просветления духа.

Путь этот был — отец Серафим Саровский.

Когда-то, в детстве Мотовилова, батюшка видел его Ангела с ним игравшего; теперь этот же Ангел-Хранитель вел его вторично к Преподобному уже с тем, чтобы вручить его на всю жизнь руководительству божественного Старца.

Х.

Вот как описывает Мотовилов первую свою сознательную встречу с преподобным Серафимом.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители, великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неизмеримых, великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими я страдал неисцельно более трех лет.

1831 года 9 сентября батюшка отец Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжело больного, из сельца Бритвина, Нижегородского Лукояновского имения моего к батюшке о. Серафиму; 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7 сентября и 8-го, на день Рождества Божией Матери, удостоился я иметь две беседы первые с батюшкой о. Серафимом, до обеда и после обеда в монастырской кельи его, но исцеления еще не получил. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в ближнюю его пустыньку близ его колодца и четверо человек, носившие меня

на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находившемуся в беседе с народом, во множестве приходившим к нему, тогда, возле большой и очень толстой сосны и до сего времени (шестидесятые года истекшего столетия) на берегу речки Саровки существующей, на его сенокосной пажинке, меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня, он сказал:

— Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь.

Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все три главных способа лечения испытал, а именно: аллопатией — лечился у знаменитых в Казани докторов — Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Феодоровича Фукса, по знанию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга; гидропатией — на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губернии; взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана через ученика его, пензенского доктора Питерсона, — но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих, и затем ни в чем уже не полагаю спасения, и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатиею Божией. Но будучи грешен и не имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтобы Господь исцелил меня.

И он сделал мне вопрос:

— А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

Я отвечал:

— Верую!

— А веруешь ли, — продолжал он меня спрашивать, — что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие на людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может исцелить вас?

Я отвечал, что истинно всему этому всею душой моей и сердцем моим верую и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к нему.

— А если вы веруете, — заключил он, — то вы здоровы уже!

— Как здоров, — спросил я, — когда люди мои и вы держите меня на руках?

— Нет! — сказал он мне. — Вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы в конец!

И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне:

— Крепче стойте, тверже утверждайтесь ногами на земле... вот так! Не робейте! Вы совершенно здоровы теперь.

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

— Вот, видите ли, как вы хорошо теперь стоите?

Я отвечал:

— Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня!

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

— Ну, вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня всё крепко же стоите; идите же смело, батюшка мой, — Господь исцелил вас! идите же и трогайтесь с места!

Взяв меня за руку одною рукой своею, а другою в плечи мои немного поталкивая, повел меня по траве и по неровной земле около большой сосны, говоря:

— Вот, ваше Боголюбие, как вы хорошо пошли.

Я отвечал:

— Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!

— Нет! — сказал он мне, отняв от меня руку свою. — Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила. Вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же! — И стал толкать меня, чтобы я шел.

— Да этак я упаду и ушибусь! — сказала я.

— Нет! — противоречил он мне. — Не ушибетесь, а твердо пойдете...

И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал:

— Довольно уже! — и спросил: — Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно-

но исцелил во всем и во всем совершенно?.. Отъял Господь беззакония ваша и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне! Веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его, и прилепитесь к Нему всею душою вашею, и всегда крепко надейтесь на Него, и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжело изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий!..

И, довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым.

Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом.

Лишь только приехав, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исаия с двадцатью четырьмя старцами иеромонахами Саровскими встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостию Божиею, через великого старца Серафима мне во дни их дарованную. И сим благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда подобно-

го сему здоровья и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь. Часто в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом и в одну из бесед¹ его в конце ноября 1831 года имел счастье видеть его светлее солнца в благодатном состоянии наития Святаго Духа Божия».

XI.

Совершившееся чудо произвело на Мотовилова потрясающее впечатление и определило весь строй его дальнейшей деятельности на Божьей ниве.

Неотразимо влек его к себе после того преподобный Серафим. Мотовилов не мог не видеть в нем проводника Божественной благодати такой духовной красоты и силы, что перед этим дивным обликом в просветленных его очах побледнели и как бы временно стушевались все обманчивые прелести мира, к которым он прежде с такою страстностью тянулся. Благодатные дары прозорливости, исцеления, могучая, беспредельная сила молитвы Преподобного, этого как бы ангела во плоти, так близки были духу исцеленного и благодарного Мотовилова, так влекли этот дух к христианскому совершенствованию, невозможному во всей полноте без разрыва с миром, что Мотовилов с этого времени привязался к своему благодатному врачу всем своим пылким сердцем и весь отдался его руководительству, наслаждаясь почти постоянно его богомудрыми беседами. Едва ли не каждый месяц уезжал он из своих

¹ «Беседа о цели жизни христианской», помещаемая ниже.

поместий в Саров к Серафиму и по две, по три недели проживал под крылом своего наставника и благодетеля, почасту и подолгу пользуясь его интимным с ним общением.

А мир между тем все-таки врывается в его душу, не только не уставая в борьбе со стремлением его духа, но как будто все сильнее и яростнее нападая на него, увлекая его своими блестящими приманками, набрасывая на него свои соблазнительные сети.

Конечно, образ Языковой, олицетворенная первая любовь Мотовилова, восставал во главе всех остальных обольстительных призраков властных мирских воспоминаний, и, конечно, бедная, истерзанная душа в нем, и только в нем, искала всей полноты своего земного счастья.

«Ин суд Божий и ин суд человеческий!»

Эта тайная душевная борьба не могла утаиться от прозорливости Преподобного, и, когда она достигла уже степени великой сердечной муки, тщательно, впрочем, скрываемой от Батюшки, — так, по крайней мере, казалось Мотовилу, — батюшка Серафим вдруг, неожиданно, его спросил:

— Что же, ваше Боголюбие, вы всё хотите о чем-то спросить меня, да будто и не смее-[?] Говорите просто со мной, убогим Серафимом: я все, при помощи Божией, готов ответить вам, что мне Господь открыть соизволит!

«Я сказал, — так пишет в своих записках Мотовилов, — что я чрезвычайно люблю одну девицу дворянку, соседку мою по Симбирским моим деревням, и хотел бы, чтобы он, батюшка Серафим, по-

молился о ней ко Господу, чтобы Господь Бог нарек мне ее в невесты.

— А разве она очень хороша собой, — спросил он, — что вы ее так усердно и крепко любите, ваше Боголюбие?

Я отвечал, что она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, Божественное, что просвечивается в лице ее. Вид ее меня поразил еще, когда она была в двенадцатилетнем возрасте, и с тех пор я всесердечно полюбил ее.

— А почему же не красавица? — спросил меня отец Серафим. — По описанию вашему она должна быть таковою!

— Потому, — отвечал я, — что для полноты типичной красоты надо иметь большой рост, стройность корпуса, царственность взгляда и многое другое, чего она не имеет. Правда, в замену того она имеет нечто столько затрагивающее душу человека, чего и многие красавицы в себе не имеют...

— Да что же это такое? — спросил великий Старец.

— А это, — отвечал я, — то, что она как монастырка воспитана.

— Как? — переспросил он, — Как монастырка? Я не вник хорошенько в ответ ваш!..

— А это вот что я разумею под этим, — сказал я ему. — Отец ее, Михаил Петрович Языков, рано оставил ее сиротой, пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери Екатерине Александровне как в монастыре — всегда читы-

вала ей утренние и вечерние молитвы, и так как мать ее была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны и всенощные. Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери, и сама она стала как монастырка. Вот это-то мне в ней более всего и в особенности нравится.

Батюшка отец Серафим продолжал меня спрашивать:

— Что же, ваше Боголюбие, разве монастырки лучше воспитаны, чем светские девушки?

— Конечно, — отвечал я, — в большем страхе Божиим, с большею любовью к Богу и в большем благоговении, чем мы, мирские!

— А из чего вы это заключаете? — спросил он.

— Из слов Пахомия Великого, — отвечала, — когда ему была открыта от Господа Бога судьба будущего монашества и братия спрашивала у него: «Что же, отче, Господь Бог открыть тебе изволил о нас?» — он отвечал: «О нас, отцы святии и братия, Господь сказал, что мы всё монашеское исполняем так, как следует, и Он благословляет пути наши; но за нами имеющие жить монахи хуже нашего будут жить, ибо вполнину противу нас будут благоугождать Господу». «А далее, — спросили отцы, — что будет?» «О! — воскликнул Пахомий. — Что далее, то всё хуже и хуже будет, так что последние монахи уже ничего нашего, монашеского, делать не будут, а будут жить, как нынешние мирские христиане живут!» «А мирские христиане как будут жить?» — спросили отцы. «А мирские будут жить хуже скотов». «Как же спасутся они?» — спросили старцы.

И Пахомий отвечал им, что Господь сказать ему изволил: «Приидут скорби на них, и обрящутся выше отец своих». «Почему же?» — опять спросили старцы. «Вот почему, — отвечал Пахомий. — В настоящее время по преизбыточествующей в нас благодати Божией и по усердию нашему к делу спасения между нами находятся многие Боговдохновенные, прозорливые рабы Божии. Если падет кто-нибудь из нас — брат или сестра, то как бы ни было тяжело его падение, никто из нас по преизобилующей в нас Божественной любви к ближнему не поленится и на тысячеверстное путешествие, и на все великие трудности пойти, чтобы воздвигнуть падшего или падшую. Нам, следовательно, и много лучше, и много легче теперь, ибо брат от брата помогаем, удобь побеждает грех. А в те лютые и многобедственные времена монахи и монахини не только не станут помогать друг другу, но еще и сами друг друга станут повергать в гибель, и тогда придется всякому из любящих Бога спасать свою душу и пещись о ней, как пустыннику или пустынноце...» Так вот, батюшка, почему и думаю, что, как ни плоха теперь жизнь современного монашества, все же она подобна древней мирской христианской жизни. Поэтому-то девушка, воспитанная по-монастырски, по-моему, лучше будет воспитанной по-мирски... Вот это воспитание я так люблю и уважаю в Языковой.

Великий Старец глубоко-внимательно слушал мой ответ и как бы в забытьи спросил меня:

— А много ли лет теперь вашей предначерченной вам от Бога невесте?

Я отвечал:

— Пяти или шести лет она осталась сиротой после отца, десять лет жила при матери, да с полгода или несколько более матушка ее скончалась... Думаю, что ей теперь не более 16 или 17 лет!

— Что вы, батюшка, ваше Боголюбие! Нет, нет! Вашей, от Бога вам предназначенной невесте, теперь 8 лет и несколько месяцев, этак 3 или 4, а уж едва ли более 5 месяцев, а ведь по новому постановлению Синода нельзя мужчине моложе 18 лет, а девушке 16 — вступать в брак. Так не подождать ли вам вашей Богом предназначенной невесты, этак 8 или 10 лет? А то как же вам теперь жениться на ней? Никак нельзя — молода еще очень.

— Да, помилуйте, батюшка отец Серафим! — сказал я. — Как же молода? Ведь и по новому закону мне на ней жениться можно!

— Да о ком вы говорите мне, убогому Серафиму? — спросил он меня.

— О Языковой, — отвечал я, — о Языковой, Екатерине Михайловне!

— А! — отозвался он. — О Языковой!.. Ну, я не о ней говорю вам, а я, убогий, о предназначенной вам от Бога невесте говорю теперь, и ей, уверяю вас по Бозе, ваше Боголюбие, более 8 лет с несколькими месяцами теперь никак не будет!»

Беседа эта была в октябре 1831 года. Велико было в то время разочарование и вместе горестное недоумение Мотовилова!

На этом, однако, знаменательная для жизни Николая Александровича беседа не кончилась. С осо-

бенной резкостью и ясностью должен был быть обозначен поворотный пункт, изменявший в корень и твердо определявший направление его главной деятельности в будущем. Эта деятельность была охарактеризована Мотовиловым в том названии, которым он любил себя именовать и в записках своих, и в своей речи: «Служка Божией Матери и Серафимов».

XII.

«Помолчав немного, Батюшка продолжал¹:

— Ведь иное, ваше Боголюбие, просить Господа Бога, чтоб Он преднарек кому невесту — как вот вы, например, просите теперь, чтобыя, убогий, упросил Господа, чтоб Он вам преднарек в невесты Языкову, — а иное, когда Господь уже Сам кому какую невесту преднареши соблагоизволил — как вот, например, для вашего Боголюбия. Невесте вашей теперь не более 8 лет и 3, 4 или 5 месяцев. Уж это, поверьте, в точности верно, и сам я, убогий Серафим, вам в том свидетельствовать готов. А о судьбах Божиих и непостижимой неведомости их я, убогий, вот что сказать вам имею: известны вам из Библии Товит и сын его Товия?.. Вот сын Товита и молится, бывало, чтобы Господь ему такую-то именно невесту дал. А Сарра, дочь Рагуила, сродница Товина, в то же время, бывало, также молится Господу Богу, чтоб Он ей такого-то жениха дал. А Ангелы-то Господни обоих их молитвы святые и возносят к Престолу Вседержителя Бога... Вот Господь, видевши, что обои они одного и того же просят у Него, и

¹ Продолжение рукописи Мотовилова.

решил по Своей благодати соединить их обоих узами брака святого. А ведь между ними было несколько сот верст, и они друг друга не знали. Но Совет Божий столь тверд был о соединении их, что Господь даже бесу попустил быть около Сарры, который убивал всякого другого жениха, кроме Товии, который дерзнул бы прикоснуться к ней. Хотя она и за седмь женихов была выдаваема, но все семь поражены были смертью, ибо не им она была уготована от Господа Бога. Когда же Провидению Божьему благоугодно было соединить Товию и Сарру, то Товии Господь послал в спутники Архангела Рафаила, и он на пути к селению Рагуилову в реке Тигре поймал рыбу и велел Товии изъять из нее желчь для прогнания, как потом оказалось, духа злобы от Сарры. Так вот, ваше Боголюбие, каковы-то судьбы Божии! Кто бы мог подумать, чтобы разделенные таким дальним расстоянием Товия и Сарра вступили между собою в брак! Но невозможное от человек возможно у Бога!..

Тут батюшка о. Серафим приостановился и как бы задумался и, вдруг свернув речь на другое, внезапно спросил:

— А что, ваше Боголюбие, вы сделали с девушкой вашего дворового человека, что у вас жила?

XIII.

Я так и обмер, испугавшись и прозорливости Старца и вместе того, что как бы он не стал бранить меня за мой грех... Но Старец, не дожидаясь моего ответа, стал продолжать:

— Святая Церковь Господня в правилах своих соборных так узаконяет, что, если кто поемлет свободную девушку и живет с нею, тот обязан жениться на ней после, и это долг требует того. Ежели девица не пожелает того, то устроить ее жизнь настолько безбедно, чтоб она уже потом, по одной тяготе бедности, не могла впасть в новые грехи и всегда благодарила бы Господа.

После этих слов мне стало легче на душе.

— Я так и сделал! — сказал я батюшке о. Серафиму.

— Ну, — отвечал он, — и вельми хорошо, что так вы сделали, и да благословит вас Господь Бог!.. А были ли у вас от нее дети?

Я отвечал:

— Были: сын и дочь!

— Живы ли они?

— Нет!

— Ну, — сказал он, — когда нет, то да упокоит их Господь Бог во Царствии Своем. А когда бы живы были, то надлежало бы вам воспитать их в страхе Божием, ибо, ваше Боголюбие, не надобно презирать и незаконнорожденных детей — они не виноваты в своем появлении на свет. Да и родителей их лучше не осуждать, ибо неосуждение есть половина спасения... Был, например, случай в Греции: вельможа царский, ехавший через реку, увидел девушку, моющую платье. Пленившись ее красотой и узнав, что она дочь вдовицы, пребыл с нею. После того девица эта увидела сон, будто звезда пресветлая скатилась ей в утробу. Некий великий и Боговдохновенный старец, к коему

она и мать ее обратились, возвещая бывшее, объяснил им, что родится некто великий от этой дочери. И родился, батюшка, угодник Божий, Феодор Сикот, хранить которого к нему приставил Господь, кроме Ангела Хранителя, еще и великомученика Георгия Победоносца... Слава Богу! Вельми хорошо сделали вы, что наградили ту девицу и отдали ее замуж... Но, ваше Боголюбие, жизнь велика, и в жизни многое случается. Бывают и такие случаи, что вы ли или другой какой мужчина, хоть и не имеете не только никакого близкого дела с девицей, но даже и мало знакомы с нею, а девицу ту станут поносить за вас ли или за кого другого и станут говорить: ближняя-де она его и он-де живет с нею, то хоть и есть пословица, крайне, впрочем, негодная Богу, что быль-де молодцу — не укор, и хоть мужчин и не укоряют много за это, но девице, даже и сохранившей целомудрие, потеря честного имени и доброй славы — хуже смерти. Молю и прошу, ваше Боголюбие, не презрите словес и не забудьте убогой просьбы моей...

Тут Батюшка поклонился мне до лица земли и, вставши, продолжал:

— Если когда-нибудь где-нибудь девицу станут поносить за вас, что-де она ближняя и искренняя мотовиловская, а про вас будут говорить, что вы живете с ней, то хоть бы вы и вовсе не касались ее, прошу и умоляю вас — уважьте просьбу убогого Серафима — освятите ее себе!

— Как, Батюшка, освятить?

— Не об освящении говорю я: как чистая дева, она свята и без того. Освятите ее себе в подружие,

то есть поймите ее себе в жены, просто сказать — женитесь на ней!

И Батюшка снова, во второй раз, преклонился передо мною до лица земли. Я тоже припал к его ногам, и когда встал, то сказал ему:

— Да что это вы, Батюшка? О ком вы говорите? Ведь я уже сказал вам, что та девушка, которая жила у меня, уже пристроена, а новых, поверьте, с тех пор, как я задумал жениться на Языковой, а тем более, как стал бывать у вас, у меня уже нет ни одной.

— Эх, ваше Боголюбие, какие вы!.. Не о теперешнем времени я вам говорю, а о грядущем. Ведь я вам сказал, что жизнь велика и в жизни много случается. Так вот как с вами впереди случится, что вас станут укорять за какую-нибудь девушку, а ее поносить за вас, то вот тогда-то не забудьте просьбы и мольбы убогого Серафима — женитесь на девушке этой!

И Батюшка в третий раз поклонился мне, грешному, до лица земли, а я опять упал ему в ноги.

Вставши и прямо глядя мне в глаза, отец Серафим стал зорко в меня всматриваться и, как бы заглянув мне в самую душу, спросил:

— Ну, что же, батюшка, исполните вы просьбу убогого Серафима?

И я сказал:

— Если Бог удостоит исполнить, то постараюсь сделать, как вы желаете!

— Ну, — сказал отец Серафим, — благодарю вас! Не забудьте же эту девушку!.. А она, скажу

вамя, убогий Серафим, она как Ангел Божий и по душе, и по плоти...

Потом, помолчав некоторое время и всматриваясь в меня пронизательно, и как бы насквозь пронизывая меня своим взором, он добавил:

— Но, может быть, вы смутитесь, когда я вам скажу ее звание!.. Она — простая крестьянка!.. Но не смущайтесь сим, ваше Боголюбие: она и по праотцу нашему Адаму, и по Господе нашем Иисусе Христе сущая вам сестра!

Тут Батюшка стал говорить о том, как нам жить с будущею моею женой и беседу свою завершил повторением просьбы своей, умоляя не забывать ни просьбы своей, ни беседы; а затем отпустил с миром, ничего уже не говоря о Языковой».

XIV.

Когда создавался Серафимо-Дивеевский женский монастырь, он был маленькою, еще не признанною ни светскими, ни духовными властями общинкой, составленною из нескольких Бога ради живущих черничек, преимущественно крестьянского звания. Великого духа были эти первоначальницы будущей женской лавры, и великий подвиг веры и нищеты приняли они тогда на себя, эти чистые души. Участие преподобного Серафима в деле устройства и руководства этой беспримерной в русских летописях женской обители достаточно известно всякому, интересовавшемуся житием этого всея России чудотворца.

Одними из первых насельниц Дивеева были две сестры — Прасковья и Марья Семеновны Милюко-

вы, девушки крестьянского звания. С ними жила их родная племянница, дочь их брата Ивана, Елена, девочка лет шести.

За два года с небольшим — месяца так за три или за четыре перед исцелением Мотовилова, преподобный Серафим неожиданно велел двум сестрам Милюковым и другим бывшим с ними у него Дивеевским монахиням привести к нему маленькую Елену.

«Помню, — рассказывала мне сама Елена Ивановна Мотовилова (она и была тою маленькою девочкой Еленой), — привели меня к Батюшке в его пустыньку, что стояла в Саровском лесу. Я еще тогда совсем маленькая была и только начинала учиться грамоте. Батюшка взял меня на руки, поставил меня на стол в своей келье да и говорит тетке моей и другим с ней пришедшим сестрам:

— Кланяйтесь ей — по времени великая госпожа ваша будет!..

Они мне и поклонились: такая была вера в батюшкины слова. Тут он дал мне шесть азбучек.

— На тебе эти азбучки, — сказал он, — по времени они тебе пригодятся!

Были у меня в то время брат да сестра — стало быть всего было нас трое. Для кого же, — думали мы тогда, — еще-то три? А вышла замуж за своего Мотовилова, и было у меня ровно шесть человек детей, которых всех по этим азбучкам-то и выучила».

Припомним время беседы преподобного Серафима с Мотовиловым о предначерченной ему от Бога невесте. Беседа эта была в октябре месяце 1831 года. Елена Ивановна родилась 17 мая 1823 года.

«Предназначенной вам от Бога невесте теперь 8 лет и несколько месяцев, этак 3 или 4, а уж едва ли более 5 месяцев», — говорил тогда батюшка.

Это ли не чудо прозорливости?.. И как же такой благодатный дар должен был действовать на восприимчивую душу Николая Александровича!..

В указанное время Мотовилов не имел еще никакого понятия ни о Дивееве, ни о той роли, которую с течением времени он должен был играть в судьбах этого последнего на земле жребия Царицы Небесной.

Восьмилетняя в то время девочка, Елена Милюкова, еще того менее могла подозревать, что когда-нибудь выйдет замуж, да еще за богатого дворянина, который в будущем не постыит ни перед чем, чтобы исполнить завет своего Батюшки, и в мирском облике станет тем служкой Божией Матери и Серафимовым, каким он стал, по дивному смотрению Божию, впоследствии.

Воспитываемая в то время в зарождающейся монастырской общине двумя тетками, отдавшими себя всецело на служение Богу и Пречистой, она готовилась на всю жизнь остаться в монастыре. Могла ли думать она, как «монастырка» воспитанная, — «быть великой госпожой» для воспитавшего ее Дивеева?! Разве только в смысле духовном...

XV.

Как уже говорили мы, возможно частые свидания с божественным Старцем стали для Мотовилова настоятельною потребностью духа. И Старец, проникнув в глубь его душевную и видя способность его

пламенного сердца загореться неугасимым огнем великой любви к Богу, все ближе, все теснее принимал его в свое общение. Горячий патриот, воспитанный в духе Православия, проникнутый беззаветною верностью Престолу и родине на истовых началах Русской государственности, Мотовилов не мог не скорбеть и не ужасаться того, с какою головокружительною быстротой и силой стали врываться в устои русской жизни и главным образом в руководящее ею сословие разрушительные принципы французской революции.

Декабрьские дни, обесславившие русское дворянство, терзали его сердце верного дворянина, готового живот свой положить за своего Царя, за Помазанника Божия. Грозный призрак масонства, которому Мотовилов приписывал тайное руководящее значение во всех наступивших в Европе и России смутах¹, стоял перед его умственным взором с пламенеющим мечом отмщения за грехи вольнодумного общества, за главный его грех отступления от правой веры в Бога. Верное сердце трепетало за будущность родины.

Старец разделял его опасения и, одаренный великим даром изумительного прозрения, указывал ему те пути скорби, которые угрожают России, если она не покается в грехе надвигающегося отступления от Православия.

События грядущего раскрывались Старцем Мотовилову с ясностью панорамы, развертывающейся перед глазами изумленного сотаинника Серафима.

¹ Насколько справедливы были опасения Мотовилова, читатель может убедиться из последних статей, вошедших в эту книгу.

События Севастопольской войны, времена эмансипации, скорби Православной Церкви, даже время открытия своих мощей, которое наступит в царствование Императора Николая, «в душе христианина» — по выражению Преподобного — все это море пророческого прозрения в даль еще зарождающихся времен и событий захватывало дух и вело Мотовилова к предназначенной ему цели служения Богу на том поприще, которое должно было быть ему указано преподобным Серафимом. Проявления силы и благодати Божественного Промысла, действовавшего на глазах Мотовилова в Преподобном с таким явным и несокрушимым могуществом, постепенно создавали в Мотовилове стойкость и пламенность веры такой, которой не могли противостоять уже никакие сопротивные силы.

Для Николая Александровича наступало время исполнения третьего его сна, признанного преподобным Серафимом за сон пророческий. Назревало время борьбы за Православие, за Дивеев — дом Пресвятой Богородицы, за заветы батюшки отца Серафима. Наступало время страстного обличения, время подвига, тяжких испытаний, великих откровений, разрыва с победоносным миром и нестерпимой тяготы заушений, оплеваний — всей той муки сердечной, крест которой твердою и бестрепетною рукой был донесен Мотовиловым до своего праведного конца.

XVI.

Разрушилось последнее звено, связывавшее Мотовилова с прежнею его жизнью. Свойственная вся-

кому человеку на первых ступенях веры немощь коснулась и Мотовилова. Так была сильна его любовь к Языковой, что, вопреки предсказанию Преподобного, он решился сделать ей предложение и получил отказ. Это было в мае 1832 года. Языкову уже просватали за известного богослова, философа и поэта Хомякова.

Наказание Божие не замедлило постигнуть за неверие: Мотовилов тяжело заболел — у него вновь отнялись ноги.

В таком положении его привезли 3 сентября 1832 года в Саров. Об этом он пишет так:

«Когда в мае месяце 1832 года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болезни и отнятию по-прежнему ног. Страдавши в течение четырех месяцев, услышал я об открытии в Воронеже св. мощей святителя Митрофана и о святости жизни тамошнего епископа Воронежского, Антония, почему и пожелал я ехать туда и пожить по совету родных. Ближе на 200 верст было бы ехать через Пензу из Симбирского имения, но, помня великие милости Господни, через великого старца Серафима явленные мне, велел я везти себя через Саровскую пустынь в Воронеж. Хотел прежде всего ему первому заявить о моем втором бедствии, что и сделав, приехав 3 сентября 1832 года в Саров. Когда же меня принесли к нему, то он отечески принял во мне участие и, несколько побеседовав со мною, сказал:

— Помолимся Господу, чтоб Он возвестил нам: мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж.

И когда на другой день я опять был принесен к нему, то он сказал мне:

— Не по Бозе сказала, убогий Серафим, вашему Боголюбию, чтобы мне исцелить вас: Господь исцелит вас у мощей святителя Митрофана. Вот, батюшка, Господь и Божия Матерь, в сию ночь явившись мне, убогому, в 17-й или 18-й раз, изволили открыть мне всю жизнь вашу от рождения и до успения. И если бы Сам Господь не вложил персты мои в раны Свои гвоздиные и в Пречистое ребро Свое, копием пронзенное, я бы не поверил, что могут быть на земле такие странные жизни. И вся эта жизнь ваша будет исполнена таких причуд и странностей оттого, что у вас светское так тесно соединено с духовным и духовное со светским, что отделить их нельзя.

— Батюшка! — спросил его Мотовилов. — Что значат слова ваши — до успения? Или я скоро умру?

— Нет, ваше Боголюбие, не скоро вы умрете — вам еще надо быть пособником мне во исполнение всесвятой воли Божией. Успение — значит тихая, христианская кончина, которой вас Господь удостоит по истечении дней вашей земной жизни.

— Что же, Батюшка, какая же будет моя земная жизнь? — спросил Преподобного Мотовилова.

— Этого мне, убогому, не велено открывать вашему Боголюбию. Господь сказать изволил: «Рабам Моим даю все здесь на земле востерпеть, а в жизнь будущего века перевожу их совершенно очищенными от всякия скверны плоти и духа, и хотя Ангел смерти и допускается до разрешения союзов

тела их и души, но страдание смерти не прикоснется к их душам. Они умирают, точно как засыпают. Но ты ему не открывай всех обстоятельств его жизни, а только то, что дозволю, ибо если он узнает все и Я буду наказывать за грехи его, то он тогда может Мне сказать: «Господи, за что же Ты меня наказываешь, когда устами раба Твоего, Серафима, Сам же предрек мне, что так-то и так согрешу». А когда вздумаю Я награждать за правду его, им сделанную, то разве враг-диавол не будет иметь права, дерзнувши, так сказать: «Где эта правда Твоя, Господи, что Ты награждаешь его за ту правду, которую через Серафима Ты же ему Сам возвестил, что он ее непременно совершит; а ведь он верит Серафиму, как Самому Тебе, Господу Богу». Вот почему я, убогий, и открываю вам только то, что уже сказал вам... Так-то, ваше Боголюбие: укоряеми — благословляйте, хулими — утешайтесь, злословими — радуйтесь! Вот наш путь с тобою!.. Претерпевый до конца — той спасется. Грядите с миром в Воронеж — там и исцелитесь!»

Вот тут-то после последней своей беседы с Мотовиловым Преподобный и заповедал ему служение Божией Матери в лице Дивеевской обители. Он призвал двух сестер Мельничной общины — Евдокию Ефремовну Аламасовскую, бывшую при явлении Божией Матери в день Благовещения 1831 года (впоследствии — монахиню Евпраксию) и Ирину Семеновну Зеленогорскую, бывшую впоследствии третьей начальницей, чтоб они могли засвидетельствовать другим слова его.

Вложив в руки Мотовилова правые руки сестер и придерживая их своими руками, отец Серафим заповедал, чтоб они не только сами после его смерти обо всем подробно рассказали Николаю Александровичу, что и где и как Божия Матерь заводила через него, но чтобы все сестры ничего от него не скрывали, потому что Божьей Матери угодно, дабы Николай Александрович был назначен питателем обители. Затем Преподобный подтвердил, чтобы, по воле Царицы Небесной, Николай Александрович все знал об обители так же подробно, как известно ему самому. Обратясь же к Мотовилу, Батюшка приказал ему, чтоб он был в свое время свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме», и засвидетельствовал, что даже все строение, найденное после смерти Старца, выстроено не самопроизвольно им самим, а по назначению и указанию Царицы Небесной.

— И камешка одногоя, убогий Серафим, самопроизвольно у них не поставил! — сказал Батюшка, оканчивая свою речь.

«И давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам, — пишет Мотовилов, — Батюшка отпустил меня с миром в Воронеж, куда я и прибыл в 19-й день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября, на праздник Покрова Божией Матери, получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

XVII.

Это было последнее свидание с Преподобным. Воля Божия была объявлена, и с этого момента прежний Мотовилов умер для жизни колебаний и сомнений. Родился «непоколебимый в вере служка Божией Матери и Серафимов».

Но высокое это и чрезвычайное звание, недоступное для простого смертного, не могло быть дано человеку без особых испытаний. Обилие чудес и знамений, свидетелем которых был Мотовилов, общение с великим светочем Православия, общение близкое по существу к сотаинничеству, вся та глубина великой тайны спасения, заключенная в благодати Божией, которая ему была открыта Преподобным, величие, наконец, возложенной на него преподобным Серафимом миссии, — все это не могло не вызвать и величайших искушений со стороны исконного врага человеческого рода.

Дни Серафимовы близились к закату. Завет, данный Преподобным Мотовилову, уже указывал на то, что и счет этом дням был известен великому Старцу, и Старец, зная угрозы будущего, нависшие над головой своего служки, отправляя его в Воронеж, как бы передал его с рук на руки другому великому воину Христовой рати. Этот воин был еще при жизни прославленный святостью жизни и чудесами архиепископ Воронежский и Задонский Антоний I Смирницкий.

В лице Антония Мотовилов нашел себе другого благодатного покровителя и заступника против той сатанинской силы, которая втайне уже против него

ополчилась, чтобы помешать ему исполнить ту великую задачу попечения о Дивееве, которую возложил на него преподобный Серафим.

Божием произволением Николай Александрович был задержан в Воронеже после своего исцеления. В покоях архиепископа, принявшего в нем сердечное участие и полюбившего его, он занялся собиранием материалов для составления жития и описания чудес святителя Митрофана. Из одной атмосферы истинной святости Господь перенес его в другую, исполненную благоухания Святаго Духа Божиего.

Святитель Антоний ожидает исполнения времени, назначенного Богом, чтобы светом святости своей еще более просветить славу Воронежского края, уже сияющую в лице двух великих угодников Божиих, святителей Тихона и Митрофана.

К концу декабря 1832 года сердце Мотовилова, до того времени спокойное, стало тревожно. Святитель Антоний заметил это и спросил его, что с ним?

— Хочу ехать к батюшке Серафиму! — ответил Мотовилов. — Боюсь не застать его в живых, если промедлю.

Оставалось всего несколько дней до кончины Преподобного.

Духом своим провидя бесплодность поездки, зная, что Мотовилов уже не застанет батюшки Серафима в живых, и опасаясь потрясения еще не вполне его окрепшего организма, Святитель удержал его у себя до времени.

Утром 2 января 1832 года, в день праведной кончины Преподобного, в ранний час, Мотовилов, томи-

мый предчувствием, вбежал к Антонию в его внутренние покои. Святитель не дал ему слова выговорить и встретил его такими словами:

— Сегодня ночью около двух часов я видел старца, похожего на Вассиана¹. Старец этот пришел ко мне в великой славе, но лицо его было скорбно, и слезы текли по его ланитам.

— О чем ты, великий старец, так горько плачешь? — спросил я его. — В такой ты славе — тебе бы только радоваться, а ты плачешь!

— Не о себе плачу я, — душа моя наслаждается радостью невыразимою; но есть у тебя здесь одна помещица, — ее-то я оставил сегодня, — и о ней-то так скорбит и плачет душа моя!

— Владыко! Вы мне не говорите, вы жалеете меня: не Вассиан к вам являлся сегодня ночью — это Серафим был у вас! Это он, это душа его являлась к вам сегодня: помещица — это душа моя грешная, — о ней плачет мой Батюшка, отходя ко Господу. Скажите, Владыко, — умер Серафим?

— Да, — отвечал Святитель. — Батюшка Серафим сегодня ночью умер. Его уже теперь не застанете!

— Ах, Владыко, Владыко! Зачем же вы меня удерживали, когда я так хотел туда ехать?..

— Вы бы его все равно не застали в живых: три дня не доедешь от Воронежа до Сарова. Смирись — Богу так угодно!

— Владыко! Я сейчас еду.

¹ Известный иеросхимонах Киево-Печерской Лавры, у которого был Император Александр I.

— Ну, поезжайте с Господом.

В тот же день высокопреосвященный соборне отслужил по почившем панихиду, а 4 января Мотовилов выехал из Воронежа и 11-го прибыл в Саровскую пустынь через два дня после погребения о. Серафима.

XVIII.

Велика была скорбь Мотовилова, когда, по приезде в Саров, он увидел только свеженасыпанную могилу, скрывшую от него навеки того, кого он на земле больше всего любил, с тех пор как убедился, что не для него расточаются светом утхи радости и земной славы.

Неутешная его скорбь тронула суровых монахов Саровских и «в большое утешение великой скорби моей, — пишет Мотовилов, — что я не удостоился поспеть к погребению отца Серафима, игумен Нифонт благословил меня тем самым Евангелием, которое во вседневном употреблении у великого старца Серафима было в течение трех с половиною последних лет его жизни, имеющее сзади на переплете обгоревшее немного место в день его кончины; также образом Божией Матери Жизнодательницы, небольшим на кипарисе, тем самым, которым его благословила родительница его при дозволении навсегда остаться в Сарове. Мне отдали еще ту самую книжку — Алфавит духовный, с недостающими с начала несколькими листами, по которой он сам, великий старец Серафим, учился духовной жизни, и из двух крестов, всегда бывших на нем, — маленький крест, вырезанный его руками и обложенный серебром того

старинного серебряного рубля, который дала ему его матушка, отпуская его в Киев на богомолье и который был на нем».

Мотовилов тогда же купил дальнюю пустыньку отца Серафима и вместе с ближнею, уступленною Саровом Дивееву, перевез ее к сиротам Батюшки.

Это были первые шаги Николая Александровича на пути пожизненного послушания, наложенного на него Старцем. При его посредстве большая часть святыни, оставшейся после Преподобного, была передана в собственность неутешных Дивеевских сестер.

Но с этих первых шагов его на поприще служения Дивееву начались на него и нападения вражьи. Сила этих нападений была так велика, что, не имея мы свидетельства об искушениях такого рода в житиях святых угодников, казалось, трудно было бы поверить, что такая сила предоставлена Богом врагу нашего спасения.

Создавался последний на земле оплот веры, последний Дом Богородицы, до которого в последние времена не посмеет коснуться рука антихриста. Как же было не восстать врагу нашего спасения?

И с какою яростью произошло это восстание!

XIX.

Составитель Летописи Серафимо-Дивеевского женского монастыря, вдохновенный отец архимандрит Серафим (Чичагов)¹ вскользь коснулся этого страшного момента жизни Мотовилова. Он пишет так:

«Николай Александрович Мотовилов, человек горячего и искреннего сердца, был в то время холост

¹ Теперь епископ Кишиневский.

рукописи Мотовилова, у меня хранящейся и найденной среди такого хлама старых хозяйственных счетов, что можно было ее легко не заметить, как, вероятно, и не заметил ее отец архимандрит.

Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом коснулся разговор о вражьих нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в реальности явлений этой человеконенавистнической силы. Тогда Преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1001 ночи и 1001 дня с бесами и силой своего слова, авторитетом его святости, в котором не могло быть и тени лжи или преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей горькой действительности.

Пылкий Мотовилов так вдохновился повестью Старца, что от души воскликнул:

— Батюшка! Как бы я хотел побороться с бесами!..

Батюшка Серафим испуганно перебил его:

— Что вы, что вы, ваше Боголюбие! Вы не знаете, что говорите. Знали бы вы, что малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю, так не вызывались бы на борьбу с ними!

— А разве, Батюшка, у бесов есть когти?

— Эх, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, и чему только вас в университете учат?! Не знаете, что у бесов когтей нет. Изображают их с копытами, когтями, рогами, хвостами, потому что для человеческого воображения невозможно гнуснее этого вида и придумать. Таковы в гнусности своей они и есть, ибо са-

мовольное отпадение их от Бога и добровольное их противление Божественной благодати из ангелов света, какими они были до отпадения, соделало их ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить их никаким человеческим подобием, а подобие нужно — вот их и изображают черными и безобразными. Но, будучи сотворены с силой и свойствами ангелов, они обладают таким для человека и для всего земного необоримым могуществом, что, как и сказал я вам, малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятаго Духа, туне даруемая нам, православным христианам, за божественные заслуги Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения врагии!

Жутко стало тогда Мотовилкову. Тогда под защитой Преподобного он мог не бояться злобы сатанинской. Но легкомысленно-дерзкий вызов, по попущению Божию, не остался без последствий: он был принят.

Вот о том-то и плакала душа Преподобного, когда явилась в час своего разлучения с телом великому архиепископу.

XX.

По кончине преподобного Серафима, Мотовилов вскоре уехал в Воронеж просить благословения высокопреосвященного Антония на поездку в Курск, чтобы собрать сведения о родителях своего благодетеля и о жизни его в Курске и тем положить основание трудам своим по составлению его жития. Одно-

временно с этим трудом он, по поручению Владыки, должен был заняться составлением службы и акафиста святителю Митрофану.

Решивши посвятить себя делу служения Божией Матери и преподобному Серафиму, Мотовилов не мог скинуть со своей души тяготения к светской жизни и семейным радостям: он помнил предсказание отца Серафима о предназначенной ему невесте и об ее красоте и, не зная ее, ожидал ее. Но, не разрывая с миром и все-таки идя по пути духовного совершенствования, он не мог обойтись без духовного руководителя.

Серафима заменил Антоний. Не изменив своей вере в своего Батюшку, он отдался руководительству другого святого подвижника.

На поездку Мотовилова в Курск высокопреосвященный не сразу согласился и долго отговаривал его ехать, просил повременить и заняться лучше разбором рукописных и иных сведений о житии и чудесах святителя Митрофана, нужных для составления ему службы. Владыка прозревал страшную беду, грозящую Мотовилову во время этой поездки и хотел отдалить ее от Николая Александровича. Но пылкий и скорый на решения служка Серафимов и слышать не хотел об отсрочке своей поездки и медлил только, ожидая, что Владыка смиростивится и отпустит, видя его нетерпение.

Пришел, видно, час воли Божией, и Владыка наконец благословил поездку в Курск нетерпеливого Николая Александровича, но благословил как-то нехотя, с тугой сердечной.

Немного удалось собрать Мотовилкову сведений в Курске. Близкие родные, помнившие детство и юность Преподобного, кто перемер, кто отозвался забвением. Даже дом, в котором родился и воспитывался Преподобный, был разрушен, и на месте его выросли новые постройки. Нашелся один старик, сверстник Батюшки, который и дал ему сведения, вошедшие теперь во все издания жития Преподобного. Поездка в Курск и пребывание в нем было вполне благополучное. Гроза ждала на возвратном пути в Воронеж.

На одной из почтовых станций по дороге из Курска Мотовилкову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате проезжающих, он достал из чемодана свои рукописи и стал их разбирать при тусклом свете одинокой свечи, еле освещававшей просторную комнату. Одною из первых ему попала записка об исцелении бесноватой девицы из дворян, Еропкиной, у раки святителя Митрофана Воронежского.

«Я задумался, — пишет Мотовилов, — как это может случиться, что православная христианка, общающаяся Пречистых и Животворящих Таин Господних, и вдруг одержима бесом, и притом такое продолжительное время, как тридцать с лишним лет. И подумал я: «Вздор! этого быть не может! Посмотрел быя, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения!..» И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползающего в него облака, оно вошло в него всё, несмотря на все его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамени, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительно-ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступил период тягчайших мучений. В этих страданиях он вернулся в Воронеж к Антонию. Рукопись его дает такое описание мук:

«Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во сне и не в привидении три геенские муки. Первая — огня несветимого и неугасимого ничем более, как лишь одною благодатию Духа Святаго. Продолжались эти муки в течение трех суток, так что я чувствовал, как сожигался, но не сгорал. Со всего меня по 16 или 17 раз в сутки снимали эту геенскую сажу, что было видимо для всех. Престали эти муки лишь после исповеди и Причащения Святых Таин Господних молитвами архиепископа Антония и заказанными им по всем 47 церквам воронежским и по всем монастырям заздравными за болящего болярина раба Божия Николая ектениями.

Вторая мука в течение двух суток — тартара лютого геенского, так что и огонь не только не жег, но и согревать меня не мог. По желанию его высокопреосвященства я с полчаса держал руку над свечою, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. Опыт сей удостоверительный я записал на целом листе и к тому описанию рукою моею и на ней

свечною сажей мою руку приложил. Но обе эти муки Причащением давали хоть мне возможность пить и есть, и спать немного я мог при них, и видимы они были всем.

Но третья мука геенская, хотя на полсуток еще уменьшилась, ибо продолжалась только полтора суток и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание от неопишемого и непостижимого. Как я жив остался от нее! Исчезла она тоже от исповеди и Причащения Святых Таин Господних. В этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была — червя неусыпаемого геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и высокопреосвященнейшего Антония, не был виден; но я при этом не мог ни спать, ни есть, ни пить ничего, потому что не только я весь сам был преисполнен этим наизлейшим червем, который ползал во мне во всем и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность и, выползая через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо не даром подалось мне это свыше от Господа видение, да и не возможет кто подумать, что я дерзаю все Имя Господне призывать. Нет! В день Страшного Суда Господня Сам Он Бог, Помощник и Покровитель мой, засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного Промысла деяние, во мне Им совершенное».

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания Мотовилов имел видение своего покровителя, преподобного Серафима,

который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Только через тридцать с лишком лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцеления по великой своей вере.

XXII.

Адские, в буквальном смысле этого слова, муки Мотовилова, в облегчении которых принимал такое деятельное участие свят муж архиепископ Антоний, приблизили его окончательно к высокопреосвященному. Антоний полюбил его истинно отеческою любовью.

Эта любовь, эта интимность общения, которыми дарили Мотовилова два великих светильника Русской Православной Церкви — Серафим и Антоний, из которых один уже стал молитвенно признаваемым Преподобным, — одно это служит неопровержимым доказательством, что в Мотовилове Россия утратила необыкновенного по духовной силе человека, не только не использовав этой силы, но в досталь при жизни его наглумившись над многострадальным ее обладателем. А силы эти были заключены в непоколебимой, пламенной вере чисто исповеднического характера и огненной любви к Престолу и Родине.

Богатырский организм Мотовилова горел и на медленном огне сгорал от пожиравшего его пламени, зажженного сердцем, негодующим на видимое ему отступничество руководителей России от праведной веры отцов и от преданности Престолу. Его

не могло утешить пророчество, что «сему надлежит быть», он грудью стал против всего «сего», всем своим богатырским телом он лежал на пороге той открытой двери, через которую ломилась в Россию вся та вражья рать, которую несмысленные современники принимали за ангелов света, несших им будто бы великие идеи — свободы, равенства и братства, в действительности же — горе, смерть и разрушение.

Как было не признать тогда им, обольщенным вражьими видениями, в человеке, удостоенном величайших откровений, того «сумасшедшего», которым они его ославили.

Теперь Серафимова святость — ему защита. Но в то время ему суждено было испытать чашу горечи до дна, и он ее бестрепетно выпил, ни разу не поступившись ни верой своею, ни убеждениями.

Сердце обливается кровью, когда видишь в разрозненных бумагах его то там, то сям душу терзающие восклицания: «Христианин есмь! Слышите ли вы все?.. Аз христианин есмь!»...

Так восклицали только мученики первой зари христианства в ответ на подобные и жестокие крики торжествующего язычества: «Christianos ad leones!» — «Христиан — ко львам!»

Велика же была эта мука человеческая, что бумаге одной поверялась в таких криках душевного терзания! Воздадут они за Мотовилова в страшный день судный!..

Близость к Антонию, общение с ним в духе, враждебно настроенный к исповеднику мир заставляли Мотовилова все свободное от хозяйственных забот и хло-

пот о быстро развивающемся Дивееве¹ время отдавать высокопреосвященному. Шестьсот верст от Симбирского его имения, Пыльны, до Воронежа не были для него препятствием, да и вообще его душа не признавала никаких препятствий в исповедании своей любви и веры.

XXIII.

Однажды, в конце шестой недели Великого поста, Мотовилов был в Сарове у игумена Нифонта. Приближалась ни ранняя, ни поздняя Пасха. На дворе стояло в разгаре весеннее распустье, но вода еще в реках и озерах не трогалась. Чего-то добившись для Дивеева от игумена (тогда Саров принимал еще материальное участие в его судьбах), Мотовилов на радостях с места собрался в Воронеж к Антонию встречать Пасху.

— Безумне! Куда едешь в такую непогоду? Ведь тебя зальет по дороге водой! — воскликнул ужаснувшийся игумен, добро расположенный к Николаю Александровичу.

— Меня Антоний будет ждать. А лошади-то у меня вы сами знаете — какие², — объявил Мотовилов, и тут же велел запрягать, и уехал в Воронеж.

¹ Значение Мотовилова для Дивеева достаточно выяснено в летописи. Приложенный к этой летописи его портрет с надписью: «Благодетель Дивеевского монастыря» с достаточною силою указывает, что завет о. Серафима был им исполнен до конца.

² Мотовиловский конный завод был в свое время весьма известен в Симбирской губернии. Шестерик был им поднесен Государю Николаю I в подарок, за что Мотовилов был отдарен чудным бриллиантовым перстнем из Государева кабинета.

Мотовиловские кони не выдали, и в Великую Субботу часам к двум или трем дня он уже был в верстах в сорока или пятидесяти от Воронежа, в селе Княж-Байгора. Для сокращения пути ему надо было переезжать ниже прудовой плотины. Вешняя вода уже ломала лед и напирала на плотину. Крестьяне отговаривали переезжать по этому месту, утверждая, что плотину сейчас спустят, и советовали ехать в объезд. Ехать в объезд — значило опоздать к заутрени...

— Чего раздумывать! С Богом, пошел под плотиной! — крикнул Мотовилов. — Да пошел скорей!

Кони рванулись и стрелой помчались к другому берегу.

Не успели сани долететь до половины опасного пути, как спустили воду, и вода отвесною стеной сажени в три вышиной налетела на Мотовилова и покрыла его, кучера и тройку; Мотовилов успел только крикнуть:

— Святитель Митрофан, спасай!

И больше уже ничего не помнил.

Очнулся он уже на другом берегу. Взмыленная тройка тяжело носила боками, с которых ручьем текла вода. Кучер весь мокрый стоял около саней и расталкивал потерявшего сознание барина. Сани были полны воды.

Опрокинули сани, отлили воду, обтерли чемодан и опять:

— Пошел скорее — к заутрени опоздаем!

Но к заутрени Мотовилов не опоздал. Обмерзлый и обледенелый, он входил в покои архиеписко-

па как раз в тот момент, когда Владыка уже шел в церковь.

Владыка его встретил словами:

— Святитель Митрофан мне возвестил чудесное спасение ваше, и что вы прибудете к нашей заутрени. Переодевайтесь скорее и идем вместе воздать хвалу Господу Богу за избавление ваше от наглої смерти!

Чемодан с вещами Мотовилова оказался внутри сухим.

XXIV.

Эта заутреня памятна осталась Мотовилу. За литургией, которую служил архиепископ Антоний, он с умилением и ужасом видел его окруженным светом немерцающего сияния, и, когда Владыка выходил из алтаря благословлять народ и произносить молитву о вышнем благословении насажденного Господнею Десницей Его винограда, видел из уст Антония исходящий пламень в виде огненного языка, устремляющегося на служащих и на молящихся и окутывающего каждого из них своим неизреченным светом. Но не все удоставались прикосновения этого дивного пламени: некоторые, до которых пламень касался, светлели и начинали сиять тем же светом, что и Владыка; других этот Божественный пламень обходил, и они чернели, как уголь. В числе сослужащих был один протоиерей — его Мотовилов видел как бы всего опоясанным, как свивальниками, черными полосами. «Вид его, — пишет Мотовилов, — был как зебра, и впоследствии вскоре этот протоиерей был изобличен в каких-то дурных деяниях и извергнут из сана».

«На небе был я или на земле в эту Божественную службу — того я не знаю, — Бог знает», — вспоминает в великом восхищении Божий раб, Николай Александрович.

Во время богослужения архиепископ Антоний раза два проникновенно взглядывал на Мотовилова, и милостивый его взор точно вопрошал его:

«Видишь ли ты явления Божественной благодати, подаваемые истинно верным?»

И взор Мотовилова отвечал:

«Вижу, устрашаюсь и в велием благоговении безмерно радуюсь!»

Кто же мог верить в то время свидетельствам Мотовилова? Надвигалось преддверие шестидесятих годов: дух материализма уже зрел в воздухе — для него подвижников не существовало, и Мотовилов для него был или лжец, или сумасшедший. Но лжеца все же надо было опровергать, а сумасшедшего стоило ли?

После этой службы на Светлое Христово Воскресение оба сотаинника — великий архиерей и мирянин Мотовилов — две ночи не спали, проведя их в духовной беседе о совершившемся и о других тайнах дивного о грешных людях Божественного смотрения.

Куда девались записки об этих полных благодати ночах, мне неизвестно. В ворохе бумаг, доставшихся мне для рассмотрения, я этих записок не нашел. А они должны были быть...

Настало наконец время исполнения пророчеств преподобного Серафима о сочетании браком Николая Александровича с предначерченной ему от Бога невестой. В хлопотах о Дивеевском монастыре, часто его посещая, он в одну из своих поездок заболел и вынужден был около года пролежать в своем доме в селе Дивееве, вблизи монастыря. За эту болезнь он узнал свою невесту. Это была, как уже мы выше говорили, племянница двух великих духом Дивеевских монахинь Марии и Прасковьи Семеновых Милюковых, в то время семнадцатилетняя красавица, Елена Ивановна. Она жила в монастыре, носила «черненькое», но обетов послушания и монашества не принимала.

Как произошло это сближение, мне неизвестно, да я и не допытывался узнавать, несмотря на то, что имел возможность в беседах с Еленой Ивановной расспросить ее об этом: любовь — цветок нежный, касаться его может только близкая и тоже нежная рука; тем более нежен засушенный цветок пережитой старой любви, — как легко неосторожным движением осыпать его поблекшие лепестки!..

Но не трудно догадаться, на какой почве произошло это сближение: любовь к Серафиму, любовь к Дивееву — эти два чувства соединили в одну супружескую любовь сердца Николая Александровича и Елены Ивановны, и свадьба их состоялась в 1840 году при обстоятельствах, во всем согласных с предсказанием преподобного Серафима.

Желание Мотовилова исполнилось — Елена Ивановна была в полном смысле слова «как монастырка воспитана».

Эта свадьба еще более прикрепила Мотовилова к Дивееву: воспоминания детства и вся родня Елены Ивановны остались в этом дивном приюте Царицы Небесной, и он стал еще милее, еще ближе сердцу Николая Александровича.

Но мир не простил ему этой свадьбы, как не прощал ему ничего в его жизни: Николай Александрович с Дивеевым и нарождающейся семьей остался совершенно одинок на белом свете.

Так Серафим с отеческою любовью искоренял в нем все светское, жалостливо, но неуклонно ведя его к одному духовному.

А миру было над чем посудачить и было чем по поводу этой свадьбы оттолкнуть от себя Мотовилова. Зато в лице жены он нашел себе полноту радости жизни, — это была ему «истинная и по праотцу Адаму, и по Господе Иисусе Христе сестра».

XXVI.

После свадьбы молодые переселились на постоянное пребывание в Цыльну, симбирское имение Мотовилова.

Душевная болезнь, как теперь принято называть тяжкий недуг, которым страдал Николай Александрович, ни в чем не проявлялся, по крайней мере не проявлялся в той мучительной форме, которою он страдал в Воронеже. Только какая-то неотступная тоска грызла его по временам, всякий приступ

которой облегался Святыми Таинами и благочестивыми поездками в дальние и ближние монастыри — в Киев, Воронеж, Задонск, Саров и Дивеев. Это были излюбленные места его усердных паломничеств. Но и другие святые места Святой Руси привлекали его боголюбивую душу. Недаром преподобный Серафим его называл «ваше Боголюбие». Где только не пребывал за свою христианскую жизнь, кого только не перевидал этот горевший верою человек!.. Второй его благодетель, Антоний Воронежский, мирно почил в Господе. Но, сирота в міру, Мотовилов не оставался сирым в міре духовного совершенствования: в тесном общении он жил, можно сказать, со всеми истинными столпами Православия того времени.

Не на высотах иерархии искал он их, а в пустынях, вертепах и пропастях земных. Там, в сокровенной, таинственной тишине, незримой враждебному міру, во внутренней пустыне монастырской ограды, находил он тех безвестных тружеников великого христианского духа, которых весь мір недостоин и которыми еще и доселе сияют мало кому видимые, скромные насельники и насельницы православных русских монастырей.

В свободное от разъездов по делам Дивеева или по богомольям время Мотовилов отдавался воспоминаниям о Серафиме: и если в настоящее время могло быть так подробно и тщательно составлено житие Преподобного, то этим Православие более всего обязано Николаю Александровичу. Служа Дивееву, он не устал служить и Серафиму.

В таинственной глубине века между тем зарождались тяжелые для России события — приближалась Севастопольская война.

Мотовилов по-своему отнесся к народному бедствию: кто хотел и кто не хотел слушать, он всем говорил, что настало время покаяния, что «фиал гнева Господня» готов излиться на Россию за измену всем отечественным устоям, и главным образом за измену Православию. На него смотрели как на безумного и в глаза и за глаза высмеивали и, как могли, оскорбляли.

При первом выстреле, направленном на севастопольские бастионы с вражеских кораблей, он послал Государю, для отправки в Севастополь, копию иконы Божией Матери «Радости всех радостей», перед которою всю жизнь молился и в молитвенном подвиге скончался преподобный Серафим, и в горьком предчувствии ждал гнева Божьего.

События доказали, что Мотовилов не ошибался.

В записках Мотовилова мне пришлось найти чрезвычайно интересный эпизод из эпохи Севастопольской обороны, оставшийся совершенно неизвестным. Дух времени пытался утаить его от служащего ему рабски мира.

Умер великий Государь Николай Павлович.

Севастопольская война уже кончилась. Настали великие дни коронации Императора Александра II. Мотовилов был в числе других дворян выбран в депутацию от нижегородского дворянства на коронационные дни в Москву. На одном из вечеров у князя Ивана Феодоровича Звенигородского ему довелось

встретиться с одним из героев Севастопольской обороны, адмиралом Петром Ивановичем Кислинским. Мотовилов не преминул поинтересоваться, что стало с посланною им покойному Государю иконой и была ли она доставлена в Севастополь. Кислинский ему ответил:

— Икона Божией Матери была от Государя прислана, но наш светлейший¹ на нее не обратил никакого внимания, и она долгое время хранилась в каком-то чулане, пока сам Государь не запросил, куда она помещена. Тогда ее разыскали и поставили на Северную сторону, и только Северная сторона, как вам известно, и не была взята неприятелем. Да чему вы удивляетесь? У нас еще и не такие дела дельвались... Как-то раз я был у светлейшего, и мы с ним засели играть в шахматы. Вдруг входит адъютант и докладывает, что явился гонец от архиепископа Херсонского Иннокентия и хочет видеть главнокомандующего. Не отрываясь от игры, светлейший сказал:

— Спросите у него, что ему нужно?

— Гонец сказал, что ему нужно лично видеть вашу светлость!

— Ну, зовите!

Вошел гонец.

— Что тебе нужно? — спросил главнокомандующий.

— Владыка прислал меня доложить вашей светлости, что он прибыл к Севастополю с чудотворною иконой Касперовской Божией Матери и велел про-

¹ Князь Меншиков.

свить встретить ее, как подобает, у врат Севастопольских. Владыка велел сказать: се Царица Небесная грядет спасти Севастополь.

— Что, что? Как ты сказал? Повтори!

— Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь!

— А! Так передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную — мы и без Нее обойдемся!

Так закончил светлейший свой разговор с гонцом архиепископа. А дальше вот что было: ответ этот был передан Иннокентию во всей тяжести его грубой и кощунственной формы.

Тогда Владыка решил: «Нас не принимают, так мы сами пойдем!» — и велел везти святую икону впереди себя на бастионы.

Вдруг ему объявляют, что икона нейдет, что лошади стали. «Понесем тогда», — сказал Владыка. Но икона не дала себя нести дальше Северной стороны. Ее нельзя было сдвинуть с места. Видя это чудо, отслужили Царице Небесной молебен на Северной стороне, и Владыка увез икону обратно.

Каково это было слышать пылкому сердцем Мотовилкову!¹

¹ Нечто подобное совершилось и в минувшую несчастную Японскую войну с иконой Царицы Небесной «На двух мечах», предназначенной видением и верою жертвователей для защиты Порт-Артура. Порт-Артур так и не видал в стенах своих этой иконы.

XXVII.

Пришли наконец и шестидесятые годы. Состоялось долгожданное православноверующею Россіей торжество открытия св. мощей святителя Тихона Задонского.

В день открытия, за литургией, Мотовилов стоял в алтаре, молился и горько плакал о том, что Господь ему не посылает того исцеления, которого, по обещанию преподобного Серафима, ждала его измученная душа. Во время пения Херувимской он взглянул на горнее место и увидел на нем святителя Тихона. Святитель благословил плачущего Мотовилова и стал невидим.

Мотовилов сразу почувствовал себя исцеленным.

Кто опишет радость исполнившейся веры?!

С этого момента Мотовилов уже не принадлежал себе, а отдал всего себя на служение Богу. Сменявшиеся на его глазах события внутренней русской жизни хоть и огорчали его, хоть всё по-прежнему он ненавидел ото всей своей души возмущавший его дух времени, которого он никогда иначе не называл, как «духом антихриста, близ грядущего в мір», но міру уже он почти перестал досаждать своими обличениями и пророчествами. Только один раз не вытерпело горячее мотовиловское сердце.

Справляли «лучшие люди» открытие новых тогда земских учреждений, конечно, справляли, как водится, пышным обедом. Мотовилов был на этом обеде. Слушал он, слушал витиеватые речи только что народившихся ораторов губернских парламентов да вдруг как вскочит с бокалом в руке:

— Высоко поднимаю я свой бокал за скорейшую гибель того учреждения, которого основание вы так торжественно празднуете. Не погибнет оно, так погубит оно Россию. Высоко поднимаю я бокал, чтобы мельче разбить его оземь, чтобы не мог никто сказать — я пил из мотовиловского бокала за гибель России!

Разбил бокал и ушел с праздничного обеда.

Так завершилась вся политическая карьера последнего из могикан старого дворянского русского духа.

XXVIII.

Последние годы своей жизни Мотовилов окончательно предался странничеству.

По всему простору Руси великой видели его красную шубку. Так и звали его «барин в красной шубке». От Тихона к Митрофану, от Серафима к канавке Царицы Небесной в Дивеев, от Антония и Феодосия к Александру Невскому — по всем святым местам, с жаждой, неутолимою жаждой святыни, переходил и переезжал этот служка Божией Матери и Серафимов.

С годами то, что люди называли в нем странностями, увеличивалось все более и более. По Дивееву, который он любил до самозабвения, во всякую погоду — в мороз ли, в дождь, в солнцепек — всегда ходил он с непокрытою головой, считая священным долгом хоть раз в сутки обойти всю канавку Царицы Небесной. Когда случалась гололедица и ходить по довольно высокому валу этой канавки было невозможно, он становился на четвереньки и так на четве-

реньках и шел по этому святому для него месту, по которому, как говорил преподобный Серафим, прошли Стопочки Самой Царицы Небесной.

Одни над ним смеялись, и таких было много, чересчур даже много; ну а были и такие, которые умиленно плакали. Кто как понимал, конечно.

Христа ради юродивая, Дивеевская блаженная, великая раба Божия, Пелагия Ивановна Серебренникова, его считала своим и звала его Николкой.

— Безумный ты, Николка! Такой же безумный, как и я! — говаривала ему блаженная. И любила же она его!

В марте или в апреле 1878 года, как-то утром, Мотовилов рассказал Елене Ивановне свой сон:

— Видел я сегодня, матушка, во сне Царицу Небесную. Милостиво Она так на меня взглянула да и говорит мне: напиши-ка в Задонск к Зосиме¹, чтоб он выслал тебе точную копию Моей иконы, которая служит запрестольным там образом. Когда ты ее получишь, то Я тебя поведу по таким святым местам, которые ты еще не видал, и покажу тебе таких святых угодников Божиих, о которых ты и не слыхивал.

— Вот, матушка, и думаю я написать наместнику и игумену Задонскому — пусть вышлет мне эту икону.

— Куда ж ты ее денешь? Ведь у нас вся образная увешана иконами! — отвечала ему Елена Ивановна.

— Куда-нибудь да денем!

¹ Зосима — наместник и игумен Задонского монастыря в семидесятих годах прошлого столетия.

Так и написал Зосиме. На это письмо Зосима, приятель Николая Александровича, отвечал так:

«Знаю я, что у тебя места в образной уже нет. Образ большой и, прости, выслать тебе его не могу».

«Опечалился тут мой Мотовилов, — рассказывала мне Елена Ивановна. — Но не прошло и недели, опять письмо от Зосимы: просит прощения за отказ и пишет, что не успел он отправить письма своего с отказом, как в следующую же ночь увидал во сне Царицу Небесную, с угрозой ему выговаривающую, как он смел не исполнить мотовиловской просьбы. «Икона, — так пишет он, — тебе вышлетя, как только мы ее напишем».

Получили мы икону эту в июле месяце. Место ей нашел-таки мой Мотовилов. Смотрю — начал он класть под икону эту деньги. Завернет в бумажку и положит. Так и день, и другой, и третий. Ну, думаю, собирается, стало быть, к святым местам, денег набирает. Так прошло времени немало, а он все никуда не едет. Как-то раз вошла я в комнату, где висела эта икона: глядь — на полу валяются те деньги, что он столько времени собирал. Я и кричу ему:

— Николай Александрович, а Николай Александрович! Так будешь собирать деньги, ехать будет ко святым местам не на что!

Пришел он на мой зов, собрал деньги, пересчитал; как будто побледнел немного, но не сказал ничего и спрятал деньги в стол. Прошло после этого немного времени, заболел мой Мотовилов, лег в постель и стал все хиреть и хиреть, — доктора и болезни никакой определить не могли, — а через де-

вять дней и умер; не умер, а заснул тихо-тихо, как ребенок. В день кончины и Таин Святых причастился. Тут только поняла я, что это были за святые места и Божии угодники, которых обещала ему показать Царица Небесная.

За три дня до смерти застала я его утром такого веселого, такого радостного.

— Видел я, — говорит, — наш двор полон — все мои святые благодетели у нас на дворе собрались. Вот радость-то!

А на третий день скончался. Похоронили мы его в Дивееве, и, кажется мне, сколько собрал Мотовилов мой денег под образом, столько и стоили мне его похороны».

Такой рассказ я слышал от Елены Ивановны.

А вот что я слышал от келейницы покойной Дивеевской игумении Марии, матери Елизаветы: «Николай Александрович, уезжая перед своей смертью в Симбирскую губернию в свое имение, был совершенно здоров. Прощаясь с нами, сказал: «Ну, прощайте, матери! Бог даст, хоть бочком, да протащите меня к себе». Мы в этих словах усмотрели, что Николай Александрович говорит о жизни будущего века, про уготованные Богом Дивееву обители. А вышло, что он свою смерть предрекал. Привезли его хоронить к нам, по его завещанию. Хотели внести в наш Рождественский храм, а гроб-то был большой и не мог войти в двери храма — они ведь у нас, знаете, узкие, — и пришлось внести «бочком»; так бочком и протащили».

Кончина Мотовилова случилась 14 января 1879 года. К этому времени в Дивееве ждали икону

Нерукотворенного Спаса, которую должен был прислать с войны брат одной из Дивеевских монахинь. Монахиня эта все бегала к блаженной Пелагее Ивановне узнавать, скоро ли привезут икону. О мотовиловской болезни в Дивееве не знали.

— Вот подожди: сперва Николку привезут, а там и икону, — отвечала блаженная.

Так и вышло. Тело Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и Серафима, привезли для погребения в Дивеев, а за ним привезли и икону.

Так окончилась многострадальная жизнь. Такова история Мотовилова.

Блаженный он был, блаженно и умер.

Кто посмеется над этой историей, а кто, может, и горько задумается.

О, как бы я желал задуматься над этой историей моему читателю!

5.

**Дух Божий явно почивший
на отце Серафиме Саровском
в беседе его о цели христианской жизни с сим-
бирским помещиком и совестным судьей
Николаем Александровичем Мотовиловым
(Из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова)**

За месяц до Высочайшего повеления об ускорении производящегося в Святейшем Синоде дела о прославлении святого угодника Божия, Серафима Саровского, Господь привел меня опять в Саров и Дивеев. Из трех современниц о. Серафима, которых я встретил в первую свою поездку, я застал в живых одну только Елену Ивановну Мотовилову. Вскоре после моего отъезда, в 1900 году, отошла в селение праведных мать Ермиония; на Пасху, два года спустя, за ней ушла и мать Еванфия.

Сильно за эти годы сдалась и Елена Ивановна: согнулся стан, стали меркнуть еще так недавно светлые и пронизательные очи. Серафиму не нужно уже земных свидетелей его праведности, он зовет их к себе в места вечного упокоения видеть и разделять с ним его славу, ту нетленную и вечно неувядающую

славу, которую Господь от века уготовил всем любящим Его, «идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко светила»!

Но свежесть ума и памяти не покинула еще родной старушки. Прошлое живет и расцветает в ее воспоминаниях, и время не имеет власти над ними!..

По просьбе моей и с разрешения игумении, Елена Ивановна дала мне целый короб бумаг, оставшихся после покойного ее мужа, Николая Александровича. Всякий, кто интересовался житием о. Серафима, должен знать это имя, которое так тесно связано с именем Батюшки и устроенной им Дивеевской женской обители. Непонятым жил этот человек, неоцененным и умер, но был он при жизни «служкой Серафимовым», как он сам любил называть себя, таким и после смерти остался. В бумагах его довелось мне найти такое сокровище, которое по справедливости может быть названо величайшим свидетельством веры. Этой драгоценностью, с сохранением всей своеобразности слога сороковых годов минувшего столетия, на котором она написана, я и желаю поделиться с православным читателем.

*Истинно, истинно говорю вам:
верующий в Меня, дела, которые
творю Я, и он сотворит, и больше
сих сотворит...*

(Ин. 14, 12)

I.

«Однажды, — пишет в своих записках Мотовилов, — это было в Саровской пустыни, вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 го-да, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной¹ общины Дивеевской. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

— Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

¹ При Дивеевской общине в начале ее существования о. Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название «мельничной» та часть обители, в которую, по завету Старца, должны были приниматься одни лишь девицы.

Я отвечал, что это именно я и есть.

— Ну, так, — сказала она, — иди к Батюшке — он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему, в келлию его. Батюшка о. Серафим встретил меня в самих дверях сеней своих и сказал мне:

— Я ждал ваше Боголюбие! И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь!

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях Саровских устроенной. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

— Нет, повыше сядьте!

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

— Нет, ваше Боголюбие! На самую верхнюю ступеньку садиться извольте. — И, усадив меня, прибавил:

— Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского

помещика Манторова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня откроит двери великий Старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой ближайшей ко входу в сени сей кельи келейник о. Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью, и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима.

Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

— Глуп я был, о. Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт — великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и весьма много его уважаю за его святую, но лишь для одного только батюшки о. Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываясь, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня — я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах Батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же о. Павла, что Батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: «Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Сера-

фима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда никого не смей: не дал Бог тебе этого дара — ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его». Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал Старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась, и батюшка, о. Серафим, проводив сестер, сказал мне:

— Долго задержал я вас, ваше Боголюбие, не взыщите! Вот, сиротки мои нуждались во многом: так, я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью!

В келье этой своей монастырской он пробеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, Саровским гостиником, на другой день после ранней обедни ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II.

Целую ночь проговорили мы с о. Гурием про о. Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке о. Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши, и ничего не закусивши; и целый день до поздней ночи, не пивши, не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили

к великому Старцу, и все отходили, не получив его благословения, а, постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки о. Серафима: в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея, из уездного города Нижегородской губернии Балахны, и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дожидаться отворения дверей великого Старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам о. Гурий вечеру уже позднему наставшу очень смутился и сказал мне:

— Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы¹. Но я сказал:

— Нет, батюшка о. Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки о. Серафима, хоть бы мне и голодную смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

И батюшка о. Серафим весьма немного погодя действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

— Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолв-

¹ Надобно знать девственный Саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх о. Гурия.

ствую; а вот завтра — милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так — после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйста с о. Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею — вы изнемогли...

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал о. Гурию:

— Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйста ко мне на ближайшую мою пажнинку — там меня обрящете; а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец, да сподобился, однако же, не только узреть лицо о. Серафима, но и слышать привет его Богодухновенных словес, так утешила меня! Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием невообразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил, не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличения, а все сказанное сейчас

мною есть не только сушная истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти, выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?!

III.

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка о. Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

— Господь открыл мне, — сказал великий Старец, — что в ребячестве вашем вы усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с 12-летнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я, действительно, ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

— Но никто, — продолжал о. Серафим, — не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божьи, твори добро — вот тебе и цель жизни христианской. А не-

которые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: вышших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вотя, убогий, Серафим¹, растолкую вам теперь, в чем, действительно, эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. **Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святого Божьяго.** Пост же, и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святого Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святого Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: «Всяк иже не собирает со Мною, той расточает». Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: «Во всяком языке бойся Бога и делай правду, приятен Ему есть». И, как видим из последовательности священного повествования, этот «делай правду» до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: «Пошли во Иоппию

¹ Батюшка произносил свое имя, как все курияне, не Серафим, а — «Серахвим».

к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой». Итак, Господь все свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни паки бытия. Но для этого надо начать здесь правой верой в Господа нашего Иисуса Христа, Сына Божия, пришедшего в мир грешных спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал евреям: «Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете — видим, и грех ваш пребывает на вас». Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанное и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатью Духа Святаго, и притом, как сказано: «Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его».

Так-то, ваше Боголюбие! Так в стяжании этого Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божияго.

— Как же стяжание? — спросил я батюшку Серафима. — Я что-то этого не понимаю.

— Стяжание все равно что приобретение, — отвечал мне он, — ведь вы разумеете, что значит стяжание денег. Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание, или наживание денег, а у дворян сверх того — получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос, уподобляет жизнь нашу торжищу, и дело жизни нашей на земле именуется куплею, и говорит всем нам: «Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть», т. е. выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары — это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых не доставало елея, сказано: «шедши купите на торжищи». Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые гово-

рят, что недостаток елєя у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божияго не доставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они, и сколько именно приносят, благодати Духа Божияго, и говорится в отеческих книгах: «Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его — во дно адово». Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: «Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: 1-я Божия, всесовершенная и всеспасительная, 2-я собственная своя, человеческая, т. е. если не пагубная, то и не спасительная, и 3-я бесовская — вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра,

а не ради Христа. Вторая — собственная воля наша научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то и, как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же — воля Божия и всеспасительная в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго, как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оценить не могущего. Оно то, это стяжание Духа Святаго, собственно, и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без которого и спасения никому нет и быть не может, ибо: «Святым духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим единством священнотайне». Сам Дух Святой вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержителя, и сопребывание с духом нашим Его Тройческого Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и преуготовляет в душе и плоти нашей престол Божию и всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божию: «Вселюся в них и похожу, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои». Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дожидаться и Жениха, пришедшего во полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на тор-

жище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище — жизнь наша; двери чертога брачного затворенные и не допустившие к Жениху — смерть человеческая; девы мудрые и юродивые — души христианские; елей — не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, т. е. от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, — в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших. Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, т. е. невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: «Се стою при дверях и толку!..», разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал быя, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божиим! «В чем застану, в том и сужу», — говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечением и печальми житейскими, ибо кто стерпит гнев Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: «Бдите и молитесь да не внидите в напасть», т. е. да не лишитесь Духа Божия, ибо бдение и молитва приносит нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших, как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например,

в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно. А до молитвы уже это никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность — и богатому, и бедному, и знатному, и простому, и сильному, и слабому, и здоровому, и больному, и праведнику, и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: «Не мене ради, грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!..» — и воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божияго, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь Бог бдящими, в полноте даров Духа Его Святаго! Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздухе, Грядущего

со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающим всякия благостыни и небесныя, и земныя?! А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим, беседовать удастаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: «Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша», когда уже пришел Он к нам, воеже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, т. е. с тем, чтобы смиренно и с любовью сретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все-таки стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйста, дескать, ко мне! То я поневоле должен был бы сказать: что это он? из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: «Упразднитесь и разумеите, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесусь на

земли», т. е. явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним, как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и с другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобным. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, т. е. что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но, когда, при всемогущей силе веры и молитвы, соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благодати, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творит; а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души, и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда Израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божияго на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть «огнь поядая все нечистое», и в общение с Ним не может войти никтоже от скверны плоти и духа.

IV.

— Ну, а как же, Батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите?

— Стяжуйте благодать Духа Святого и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благодати Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невестественных и не по четыре или по шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение, бдите и молитесь; много дает Духа Божияго пост, поститесь; более дает милостыня, милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле, не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: «Непрестанно молитесь», но да ведь, как помните, и прибавляет: «Хочу лучше пять словес реши умом, нежели тысящи языком». И Господь говорит: «Не всяк глаголяй Ми, Господи, Господи! спасется, но творяй волю Отца Моего», т. е. делающий дело Божие, и притом с благоговением, «ибо проклят всяк, еже творит дело Божие с нерадением». А дело Божие есть: «да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа». Если рассудить правильно о запо-

ведях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, т. е. вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал быя, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали про себя, в Духе ли Божиим вы обретаетесь или нет, и если — в Духе Божиим, то, благословен Бог! — не о чем горевать: хоть сейчас — на Страшный Суд Христов! Ибо «в чем застану, в том и сужду». Если же — нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святой, изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святой не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: «Пожену враги моя и постигнуя, и не возвращусь, дондеже скончаться, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногама моима».

Так-то, батюшка! Так и извольте торговать духовно добродетелью. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свечи возженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свечи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне бла-

годати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное, при раздавании его, оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более приумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать Самаряныне: «Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз ему дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приисотекущий в живот вечный».

V.

— Батюшка, — сказал я, — вот вы всё изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго, как о цели христианской жизни; но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святой может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

— Мы в настоящее время, — так отвечал Старец, — по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом, до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: «И виде Адам Господа, ходящего в рай» или когда читаем у апостола Павла: «Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами». Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: «Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?» А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского видения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: «Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителя в ноздрях моих?», т. е. как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святой со мной пребывает. Если бы я хулил Бога, то Дух Святой отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрях моих. Таким точно образом говорится и про Авраама, и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, а Иаков даже и боролся с Ним. Моисей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столб облачный и огненный, или, что то же, — явная благодать Духа Святого, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святого люди не во сне видели и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. А все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем

ей по гордости ума нашего вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущим и жаждущим правды Божией. Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится — «вду-ну Бог дыхание жизни в лице Адама первоизданнаго и созданнаго Им от персти земной», — что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная из персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как батюшка святой апостол Павел утверждает: «Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествие Господа нашего Иисуса Христа». И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, т. е. благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мир посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над прочими Божьими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы неимущим внутри себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть и душу и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутри себя неимущим. Когда же вдунул Господь Бог в лице Адамово дыхание жизни,

тогда-то, по выражению Моисееву, и «Адам бысть в душу живу», т. е. совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него, как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек премудрее и многозначительнее его. Когда Господь повелел ему нарећи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божию, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разумеать и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его и беседу святых Ангелов и язык всех зверей, и птиц, и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Таковую же премудрость, и силу, и всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра

Адамова в Едеме сладости, в раи, насажденном Им посреди земли. Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией, и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа, и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла — преждевременно и противно заповеди Божией — узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мир Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий «не убо бе в міре, яко Иисус не убо бе прославлен». Однако это не значит, чтобы Духа Божияго вовсе не было в міре, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только отвне, и признаки Его пребывания в міре были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения

рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Божественного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам виде Бога и день Его и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божияго или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагоприятной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим безчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такою силой, как в народе Божиим, но проявление Духа Божияго действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы пророчицы, сивиллы, которые обрекали свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной и Вседержителя и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому Боголюбезному ее исканию не непричастными Духу Божию, ибо сказано: «Языки, неведущие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают». А истину так ублажает Господь,

что Сам про нее Духом Святым возвещает: «Истина от земли возсия, и правда с небесе приниче».

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, неведущих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, т. е., батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святой действует в человеке и как именно и по каким наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святой, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мир.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святого понимания, не было бы людям ни по чем возможности узнать в точности, — пришел ли в мир обетованный Адаму и Еве Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистыя Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятого Духа Божияго 300 лет, потом на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святого, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мира, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святого ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна Пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего

Господу Богу в храме Божьем и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть обетованный міру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамовскую благодать Всесвятаго Духа Божияго. Но мало сего — ведь говорил же Он им: «Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не придет в мір; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет Его в мір, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глагола им еще сущи в міре с ними». Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемждо из них седших и вошедших в них, и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся Ея силе и действиям. И вот эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем верным Христовым в Таинстве Святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших указанных Святою Церковью местах нашей плоти, как вековечной хранильницы этой благодати. Говорится: «пе-

чать Дара Духа Святаго». А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика и столь необходима, столь живоносна для человека, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, т. е. до срока обозначенного свыше по промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле — на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить. И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то во веки пребыли бы святыми, непорочными и изъятными от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божиим, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божияго и делаемся в многообразных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нея на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ея, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Хри-

ста ради к приобретению Духа Святого, внутрь нас действующего и внутрь нас царствие Божие устрояющего. Слово Божие недаром говорит: «Внутрь вас есть царствие Божие и нужно есть оно, и нуждницы е восхищают». То есть — те люди, которые, несмотря на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи приидти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть узы их, такие люди являются потом действительно перед лице Божие паче снега убеленными Его благодатию. «Приидите, — говорит Господь, — и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их». Так некогда святой таиновидец Иоанн Богослов видел таких людей во одеждах белых, т. е. одеждах оправдания, и «финицы в руках их», как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь «Аллилуия». «Красоте пения их никтоже подражати можаше». Про них Ангел Божий сказал: «Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей» — испраша страданиями и убелиша их в Причащении Пречистых и Животворящих Таин Плоти и Крови Агнца непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение мира, присно и доньне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше напутие живота вечнаго во ответ благоприятен на Страшном Судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа

жизни, которого хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небесе Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертью смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется «Язвою бесов», ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI.

Еще, ваше Боголюбие, долженья, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющагося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам слова Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. «Аминь, аминь, глаголю вам, всяк живой и веруяй в

Мя не умрет во веки»; имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет во веки, но будет воскрешен благодатью Господа нашего Иисуса Христа, вземлющаго грехи мира и туне дарующаго благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему миру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: «в Том живот бе и живот бе свет человеком», и прибавлено: «и свет во тьме светится и тьма Его не объят». Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при Крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом безценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: Авва Отче! не до конца прогневайся на нераскаянность эту! — а потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании которой, как о цели жизни христианской, я и говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатью Божию и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так Богоотец Давид сказал:

«Светильник ногама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем». То есть — благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих? И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него — так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фаворе. Великий свет объял Его и «быша ризы Его, блещущия яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц». Когда же Моисей и Илия явились к нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, «облак — сказано — осени их». И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ея.

VII.

— Каким же образом, — спросил я батюшку о. Серафима, — узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

— Это, ваше Боголюбие, очень просто! — отвечал он мне, — поэтому-то и Господь говорит: «Вся проста суть обретающим разум...» Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не ищем этого разума Божественного, который не кичит¹, ибо не от мира сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение Ему. Про этот разум Господь сказал: «Бог хочет всем спастися и в разум истины прийти». Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: «Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?...» Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что «отверз им тогда Господь разум разумети Писания». Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и проникнутые им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: «изволися Духу Святому и нам» и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную на пользу всем верным — так св. апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божияго... Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто?

¹ Не гордится.

Я отвечал:

— Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божиим. Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка о. Серафим отвечал:

— Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божиим и как должно разуть Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

— Надобно, — сказал я, — чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда о. Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божиим с тобою!.. Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

— Не могу, Батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли!..

О. Серафим сказал:

— Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами также светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божияго, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько на ухо сказал мне:

— Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: «Господи! Удостой его ясно и телесными глазами видеть то

сошествие Духа Твоего, которым Ты удостоиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!» И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим! Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолубивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь — Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе, в середине солнца, в самой блистательной яркости его полуденных лучей, лицо человека с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный и простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня и великого Старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

— Что же чувствуете вы теперь? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенно хорошо! — сказала я.

— Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

— Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

— Это, ваше Боголюбие, — сказал батюшка о. Серафим, — тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: «Мир мой даю вам, не якоже мир дает, Аз даю вам. Аще бо от мира были бысте, мир убо любил свое, но якоже избрах вы от мира, сего ради ненавидит вас мир. Обаче дерзайте, яко Аз победих мир». Вот этим-то людям, ненавидимым от мира сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете; «мир — по слову апостольскому — всяк ум преимуществ». Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от мира сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому: он свыше даруется от Самого Господа Бога, почему и называется миром Божиим... Что же еще чувствуете вы? — спросил меня о. Серафим.

— Необыкновенную сладость! — отвечала.

И он продолжал:

— Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: «От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоя напоиши я». Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным улаживанием. От этой-то сладости наши сердца как будто

тают, и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

— Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка о. Серафим продолжал:

— Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостью, ибо Дух Божий радостотворит всё, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: «Жена егда рождает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мир. В мире скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости ваша никтоже возмет от вас». Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той «ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготова Бог любящим Его». Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготована там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на земле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и

достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: «Терпящие же Господа, тии изменяют крепость, окрилотеют, яко орли, потекут и не утруждаются, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений...» Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам в мале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никтоже возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же еще вы чувствуете, ваше Боголюбие?

Я отвечал:

— Теплоту необыкновенную!

— Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?!

Я отвечал:

— А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

— И запах, — спросил он меня, — такой же, как из бани?

— Нет, — отвечал я, — на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей, я любил танцевать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка о. Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

— И сама, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас — так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему!.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святой словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: «Теплотою Духа Святаго согрей мя!» Ею-то согреваемые пустыnnики и пустыnnицы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: «Царствие Божие внутрь вас есть». Под царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многообразным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напоая сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: «Царствие Божие несть пища и питье, но правда и мир о Дусе Святе». Вера наша состоит

«не в препретьельных земныя премудрости словах, но в явлении силы и духа». Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: «Суть нещии от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят царствие Божие, пришедшее в силе...» Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну, уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

— Не знаю, Батюшка, — сказал я, — удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

— А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого мира, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божиим, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взывается правая вера в Него и Сына Его Единороднаго. За это и подается обильно

свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненного любовью к Богу и ближнему — вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. «Сыне, даждь Ми сердце твое! — говорит Он, — а все прочее Я Сам приложу тебе», ибо в сердце человеческом может вмещаться царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: «Ищите прежде царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Вестъ бо Отецъ ваш небесный, яко всех сих требуете». Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной, мы всех сих требуем, т. е. всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к отечеству небесному. На это опираясь, св. апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастья и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнить закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к отечеству небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы,

восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благодати Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. «Жатвы бо много, — говорит Господь, — делателей же мало». Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в царствие Божие, принесли Ему плоды — ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему, один — вместо двух — четыре, другой вместо пяти — десять. О Милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. «Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое». Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благодать во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это, и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы по-

думали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! «Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зренья на лица. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его», лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего небесного, истинно по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы «яко зерно горушно», и оба двинут горы. «Един движет тысячи, два же тьмы». Сам Господь говорит: «Вся возможна верующему», а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: «Вся могу о укрепляющем мя Христе». Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: «Веруй в Мя дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просите ничевоже во Имя Мое, ныне же просите и примете...» Так-то, ваше Боголюбие, всё, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, всё воспримете, лишь бы только то было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: «Вся, яже единому от меньших сих сотвористе, Мне сотвористе». Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь

же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том **крайняя** нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его; благ Господь всяческим, щедрит же и дает и непризывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будут всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой, с того самого времени, как лицо о. Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою».

На этом месте заканчивается мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого Старца! Пыль, галочки и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц — всё в одной куче, вперемешку одно с другим и всего весу 4 пуда 25 фунтов. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?!

Разбирая этот хаос, натываясь на всевозможные препятствия — особенно почерк был для меня камнем преткновения — я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут, среди всей этой макулатуры, нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранный фраза: «батюшка о. Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда я не вытерпел и взмолился: батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего «служки» из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?

От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, — отвечал мне о. Серафим, — что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благодать Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и **не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого міра...**»

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках, среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда? перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная Церковь начинает просить:

«Преподобне отче Серафиме! Моли Бога о нас!»

19 мая 1903 года

Послесловие

Первое появление в печати рукописи Н. А. Мотовилова, озаглавленной мною «Дух Божий явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым», вызвало, к великому для меня прискорбию и вместе в обличение «духа времени», много недоуменных толков даже в той среде, которая, по благодати учительства, должна была, казалось бы, стоять во главе угла Православной Церкви. Осуетившееся

человеческое сердце, по всем признакам, не могло вместить в себе во всей полноте того откровения, которое заключали в себе драгоценные слова рукописного свидетельства сотаинника преподобного Серафима, и отказывалось принять и верить возможности проявления действия наития Святого Духа Божия во всей полноте очевидности в смертном человеке.

«Вы с Мотовиловым проповедуете что-то вроде того сектантства Лабзина, которое процветало в известный период царствования Александра I, когда тоже благодать Духа Святого хотели видеть только в очевидных ее проявлениях: в теплоте, свете и благоухании. Отсюда недалеко и до «прелести!» — Такие речи пришлось мне слышать вскоре после появления рукописи Мотовилова в печати.

Прошу простить меня всех православных, которых мой малый труд писателя мог повергнуть в соблазнительное недоумение, но вина моя только в том, что я не с достаточной силой подчеркнул, что чувственные проявления благодати Святого Духа, почившего на преподобном Серафиме, были даны просветленному зрению Мотовилова лишь **по молитве Старца** и по молитве же святого Старца как явление это, так и боговдохновенная эта беседа сохранена памятью Мотовилова «не для него одного, а через него для всего мира». Нет и не может быть ничего общего между самочинным сектантом Лабзиным и Мотовиловым, всю свою жизнь находившимся в общении и под руководством старцев, из которых один Святою Церковью прославлен как угодник Божий и Преподобный, а другой (Антоний Воронежский) таковым смиренно

почитаются всеми православными сердцами. Первый и, можно сказать, основной признак сектантства и «прелести» есть **самочиние**, а этот-то именно признак и отсутствует в данном случае.

Но обратимся лучше по этому поводу к свидетельству самой Церкви в лице удостоверения ее Преподобных. Вот что свидетельствует преподобный Феогност: «Хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невестественно соединяющей с Богом невестественный ум, и сподобился увидеть, как в зеркале, ожидающее тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого, **как принявший обручение Духа и стяжавший Небесное Царство внутри себя яснейшим и определеннейшим очищением души**; но не потерпи разрешиться от плоти, непредваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом, и будь благонадежен, что получишь это известие, когда приблизится кончина твоя, если то полезно»¹.

По содержанию этих слов преподобного Феогноста святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем «Слове о смерти» рассуждает так: «Ощущение духовное, о котором говорит преподобный Феогност, называется очень справедливо в Отеческих писаниях **известованием**, по свойству решительной достоверности. Оно производится **наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческия духовныя объятия кающагося и недоумевающаго грешника**. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о ко-

¹ Аскетическое сочинение преподобного Феогноста помещено в Христианском Чтении за 1826 г., ч. XXIII.

торой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает душу от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека, соединяет его с Богом, влечет всего человека в ту чудную молитву, которую возглашает к Богу из человека Дух Божий. **Вся кости** такого человека **рекут** неизреченным духовным благодарением и славословием: **Господи, Господи, кто подобен Тебе? Ты — избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его. Душа** такого человека **возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его.** Духовное ощущение это столь сильно, что, наполнив собою человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам — короче сказать — оно есть водворение в душе Царствия Божия. Стяжавший это ощущение **ктому не себе живет, но Богу.** У подвергшихся самообольщению и бесовския прелести бывает **мнение такого ощущения**, и отличается от благодатного по противоположным ему плодам»¹.

Итак, да не будем более смущены в сердце нашем и будем под руководством и за молитвы старцев наших, наших духовных отцов, стяжевать благодать Духа Святаго в тех Ему одному доведомых мерах, в которых Ему благоугодно будет снизойти на нас,

¹ Вспомним св. Дионисия Ареопагита, который в письме своем к монаху Демофилу поведал об ученике св. апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях и, по причине чистоты ума его, очень способном к Боговидению. Карп был в таком духовном преуспевании, что никогда не начинал Божественной литургии прежде, нежели благодать Святаго Духа явно не осенит его. (Слово о смерти еп. Игнатия. С. 237.)

грешных. Необходимо надо помнить, что та мера наития Святаго Духа, о которой ведется речь преподобного Серафима и которая изображается великим его послушником, Н. А. Мотовиловым, по выражению самого Преподобного: **«не всегда и великим пустыникам подается Господнею милостью. О торжество нашей веры! Но то ли еще ожидает ее, когда исполнятся «времена и сроки»!..»**

Ей, гряди, Господи Иисусе!

6.

Отец Серафим и суд над убийцей

(Из воспоминаний товарища
прокурора-лютеранина)

I.

Один близкий мне по давнишним дружеским отношениям человек, занимающий в настоящее время видную должность по судебному ведомству, служил когда-то в должности товарища прокурора в округе тамбовского окружного суда. Он заведовал в те времена следственным участком, в котором расположена Саровская пустынь. По воспоминаниям о службе, с которой были связаны дни его молодости, он заинтересовался впечатлениями, вынесенными мною из моей поездки в Саров и в Дивеев, и прочитал ее описание, когда-то напечатанное в «Московских Ведомостях» и теперь составившее предмет предшествующего очерка. Лютеранин по официальному вероисповеданию, индифферент по религиозному духу, не без пристрастия к толстовщине и рационализму, он, конечно, вполне скептически отнесся ко всему тому, что я в поездке своей усматривал чудесного...

— А знаешь, брат, — вывел он заключение из прочитанного, — ты, сдается мне, немножко — того!.. От впечатлений твоей поездки отдает запахом — как бы сказать тебе не в обиду — некоторой умственной ненормальности. Я, конечно, знаю тебя с малых лет, не смею заподозрить твою искренность, но тем страшнее и безнадежнее мне показалось твое умственное настроение. Говорить в наше время о каких-то чудесах, да еще во всеуслышание, — это, братец ты мой, такие признаки, от которых недалеко и до желтого дома. Твой Серафим, бесспорно, был отменно хороший человек, и может быть, и монахом он был хорошим с вашей узко-православной точки зрения, но ты его памяти плохую услугу оказываешь своим умственным неустройством или, вернее, расстройством. Если ты приписываешь многое в твоей жизни его влиянию, то хорошо же ты выставляешь это влияние, раз оно может вести к таким печальным последствиям... Брось, друг дорогой, скандалить себя на весь образованный мир, к которому ты все-таки принадлежишь, хотя бы только и официально, — по твоему университетскому диплому, — и употреби свои досуги на что-нибудь более полезное!

С этого завелся между нами продолжительный разговор, перешедший в спор, который, как и все споры, особенно наши российские, не привел ни к каким положительным результатам. Первоначальная тема спора отошла на задний план и незаметно для нас обоих стусеивалась. Собеседник мой также незаметно перешел в область воспоминаний о своей прежней службе в Темниковском уезде и попутно вспом-

нил о своих посещениях на перепутьях Саровской обители.

— Правду говорить, — заметил мой приятель, — к о. Серафиму и у меня в душе, где-то там глубоко, сидит какое-то странное для меня чувство: не то чтобы я его почитал как святого и не то чтобы я к нему относился как к простому человеку. Я знаю — человек такая ничтожная пылинка в величии мироздания, что Богу, Которого и имя-то мы не смеем произносить без трепета, изменять ради этой пылинки Свои непреложные законы было бы даже как будто и странно...

— Простите, я перебыю вас, вы сказали — непреложные законы?

— Да, сказал.

— Стало быть, признаете как их, так и Законодателя. Почему же вы эти законы называете непреложными? О Боге вы, по-вашему, и говорить не смеете, а волю Его как Законодателя умаляете, поставляя Его ниже данных Им законов.

— В природе я этих изменений не вижу. Некоторые случайные как бы отклонения только могут подтвердить незыблемость самого закона... Но прошу тебя меня не перебивать, а то мы опять заспорим... Итак, чудеса или так называемые чудеса — это и есть невероятное и немыслимое изменение Богом того или тех законов, которые Им установлены от века. Знаю я ведь это, и твердо в этом уверен, а ведь вот поди ж ты, объясни странности человеческой логики: в доме у меня хранится как святыня кусочек мантии о. Серафима, да еще добытый-то как? Пу-

тем преступления, совершенного мною, представителем и стражем закона!..

— Любопытно знать, как это случилось!

— Да вот как! У меня, как тебе неизвестно, со дней еще моей молодости была всегда склонность к рассуждению о тленности нашей жизни. От этой склонности рождалась и любовь к уединению в местах более или менее безлюдных. Любил я днем и иногда даже ночью заходить на кладбище, в этот таинственный и тихий город мертвых, и там предаваться философии пессимизма... Недаром излюбленный мною философ — Шопенгауэр... Правда, жизнь и иные, менее возвышенные склонности моего характера заставляли меня делать, и даже более часто, чем ты знаешь, скачки от пессимизма к эпикурейству чистейшей воды, но эти житейские сальто-мортале не мешали мне вновь возвращаться к дорогим могилам. Келья монаха казалась мне гробом, но только открытым и исполненным еще большего трагизма, и проездом через Саров я частенько заходил в келью о. Серафима для размышлений на излюбленную тему.

В те времена вещи, оставшиеся после о. Серафима, не хранили так зорко, как теперь, и свободный к ним доступ никому не возбранялся, тем более мне, лицу из начальства. И вот, братец ты мой, уж и не знаю, как это случилось — воспользовался я тем, что в келье никого, кроме меня, не было, и взял да от мантии о. Серафима и отрезал небольшой кусок и спрятал его себе на память.

— Ловко! А можно спросить, для каких целей вы это деяние совершили?

— Определенной цели, помнится, не было. Пожалуй, сделал я это тогда, как дети иногда говорят, просто так. Тем не менее впоследствии этот кусочек материи мне пригодился в домашнем обиходе — жена к нему постоянно прибегает всякий раз, как заболят детишки...

— И что же?

— Да как тебе сказать? Должно быть, помогает, если не перестает прибегать.

— Плохо это вяжется с вашим рационализмом убежденного лютеранина — ведь вы наши святыни зовете же фетишами, а разрешаете семье заражаться фетишизмом?!

— Фетишами я хоть их и называю, но веры в них умалять в верующих не считаю себя вправе, благо она помогает. Вера — дело великое, конечно, вера разумная. Вон, вера в науку какие чудеса творит! Подыми-ка наших дедов да покажи им чудеса современной техники — пожалуй, и глазам своим не поверят!

— То же совершается и с нашей верой в Бога и в Его святых, только предмет нашей веры беспрельдно выше земной науки. Святые, благодаря этой вере, видят и творят чудеса, а мы в нашей несовершенной пока оболочке можем только пользоваться плодами их подвига веры. Признавая одну веру, как вы можете решиться отвергать другую? Это что-то неладно!

— Ну вот, опять заспорили! Моя вера в науку — дело разума: результаты ее очевидны, прогресс — осязателен...

— Я бы не стал с вами спорить, если бы одновременно с верой в науку у вас не было бы веры в Бога, тогда и разговаривать нам было бы с вами не о чем. А то ведь и наша вера не без разума, и результаты ее для нас еще более очевидны. Ваша вера душевная, а вера Божиих угодников духовная. Цели только различные: одни временные и тленные, а другие вечные и бессмертные...

— Ну, понес! Какие там — вечные и бессмертные? Откуда эта нелепость? Все тленно, все смертно! Бессмертен прогресс, бессмертно человеческое совершенствование!..

— Хорошо совершенствование! И этот абсурд вы решаетесь утверждать, вы, криминалист, стонущий от бремени возрастающей человеческой преступности, которую призваны судить? Если по этим плодам судить о дереве — хорошо же это дерево?!

— Я вижу — ты не хочешь выслушать, что я начал тебе рассказывать об о. Серафиме. Неужели тебе не интересно знать, почему я решился совершить похищение из его кельи? Ведь это, братец, не лишено некоторого психологического интереса — ты послушай только!..

II.

В те времена, увы, далекие, когда я заведовал Темниковским участком, в Тамбовских краях была уж очень сильна в простом народе вера в о. Серафима. Была ли она так же сильна и в других местах России, и в других классах ее общества, я не знаю: тогда еще о подобных тебе странниках, находящих себе приют в «Мо-

сковских Ведомостях», что-то еще не было слышно. Но в тех краях она была очень крепка.

Дивные Саровские места с их вековым бором, на многие версты окружающим Саровскую пустынь, гостеприимство братии — все это довольно часто заставляло меня останавливаться в Саровской гостинице во время моих служебных разъездов по участку. Насколько позволяла мне моя невосприимчивость к психическим заболеваниям на религиозной подкладке, я воздерживался от поклонения Серафиму, но все же, вероятно, до известной степени не мог уберечься от микроба веры в этого человека и не чувствительно, смутно, но все-таки заразился.

Была как-то раз в Темникове выездная сессия окружного суда, и мне надлежало быть на ней представителем обвинительной власти. В Темников мною был командирован заблаговременно письмоводитель, а сам я где-то замешкался в дороге и приехал как раз накануне заседания. Потребовал я к себе на квартиру дела, назначенные на следующий день, и послал за ними своего письмоводителя. Дела он принес, и я хотел было за них приняться; смотрю — мой письмоводитель что-то мнетя, но не уходит.

— Что вам? — спрашиваю.

— Вас, ваше высокоблагородие, там какая-то баба спрашивает!..

— Где там? Какая баба?

— Там, в сенцах! Она еще вчера целый день вас порывалась видеть.

— Что ей нужно? Скажите, что я занят: некогда мне!

— Да я говорил!

— Ну и что же?

— Не уходит!

— Да скажите же толком, что ей нужно? Подите узнайте!

— Да я знаю!

— Ну, так чего же вы тянете? Что ж ей нужно? Говорите!

— Завтра ее мужа судят по делу об убийстве пильщика из саровской артели. Он в убийстве обвиняется, муж то есть ее!

— Ну, судится так судится! Виноват — обвинят, не виноват — оправдают. Так ей и скажите, и пусть отправляется с Богом!

— Да я ей уже говорил так. Она все не уходит — вас видеть желает.

— Что же я ей до суда-то сделать могу? Рас толкуйте ей, пожалуйста, и не мешайте мне заниматься!

— И толковал, и силой гнал — не уходит. Стоит плачет, — мне, говорит, прокурора самого надо!

Взяла меня тут досада, и с сердцем, чтобы только отвяжаться, велел я позвать к себе эту бабу.

Вошла бабенка молоденькая, почти ребенок. Рожица вся от слез опухшая. Увидала меня и прямо в ноги.

— Не причинен мой убивству, не причинен!

Валяется в ногах, голосит:

— Помилосердуйте! Не причинен душегубству! Станьте за отца, за мать!

А слезами так и заливается.

Жалко мне ее стало. Начал я ее успокаивать и так и этак. Ничто не берет. Промаялся я так с ней добрых полчаса. Обещал ей, наконец, — знаешь, как у нас это делается, чтобы отвязаться, — «всяческое содействие». Не взяло и это — плачет:

— Ты его вовсе оправь!

Каково это было слышать лицу прокурорского надзора!.. На счастье меня тут что-то точно осенило...

— Да ты, — говорю, — помолись отцу Серафиму — он лучше моего оправит твоего мужа.

Сказал и обрадовался. Смотрю: моя баба встала с полу, перекрестилась и спокойно, спокойно поклонилась мне в пояс:

— Спасибо тебе на добрых речах, господин! Батюшке нашему я помолюсь, да и ты нас, грешных, попомни!

С тем и вышла.

«Ловко, — подумал я, — отделался. Спасибо Серафиму!»

Взялся я за дела и за первое — за Саровское убийство. Рассматривая его, я вскоре восстановил в своей памяти всю картину производившегося о нем следствия.

С год назад в саровских лесах работала наемная артель пилющиков на Саровских лесопилках. Один рабочий из этой артели был найден убитым. Обстановка преступления, вскрытие трупа, раны, нанесенные орудием, похожим на пилу, некоторые другие данные, которых я уж теперь не припомню — все это указывало на то, что убийство было совершено кем-нибудь из членов артели. По этому делу следо-

ватель собирался привлечь чуть ли не всю артель, но так как убийство совершено было по побуждениям, не обнаружившимся ни в полицейском дознании, ни в предварительном следствии, и так как члены артели были, казалось, сами к нему прикосновенны в той или другой степени, то истинный виновник убийства ускользал от бдительного ока правосудия... Ты, пожалуйста, не улыбайся: око наше со следователем было очень бдительно... Следователь таскал к себе на допрос артель чуть не каждый день. Измором изводил. Но как ни изводил, а дело, казалось, вот-вот должно было вылететь в трубу и быть направлено к прекращению.

Как вдруг к следователю явился один малый из этой несчастной артели и объявил себя убийцей. Рассказал всю обстановку преступления с такими подробностями, что для следователя не оставалось никакого сомнения, что убийцей был, действительно, он. Повинную свою убийца объяснил муками совести и страданием неповинных товарищей.

Итак, на основании, как у нас пишут, изложенного, крестьянин Тамбовской губернии Темниковского уезда, имярек, предавался на завтра суду Тамбовского окружного суда с участием присяжных заседателей по обвинению в грозной статье Уложения о наказаниях, карающей за предумышленное убийство солидной порцией каторги.

Восстановив в памяти все обстоятельства дела, я убедился, что каторжная песня моего завтрашнего пациента спета и что ему уже никакие Серафимы не помогут.

С сознанием исполненного долга и победы над возбужденными в моей душе сомнениями я лег спать и, уверяю тебя, никаких знаменательных снов, до которых ты такой охотник, не видел.

III.

На другой день во время заседания по саровскому делу я заприметил среди публики мою вчерашнюю просительницу и удивился ее полному спокойствию — точно не она валялась вчера у меня в ногах с воем и причитаниями. А говоря по правде, спокойствию этому неоткуда было и взяться. Судебное следствие, хотя и непродолжительное, ввиду сознания подсудимого, дало такой материал, что моему молодцу никак нельзя было миновать каторги. Обвинительная моя речь ограничилась несколькими сакраментальными словами с требованием обвинения по всем выясненным уликам: перлы обвинительного красноречия, по моему мнению, должны были только бесплодно утрудить внимание присяжных.

Были в деле, правда, кое-какие намеки на то, что убийство могло произойти и в драке, но я их постарался обойти молчанием — слишком для меня были ясны улики тягчайшие. Защитник подсудимого по назначению от суда этим воспользовался и просил поставить и этот вопрос на разрешение суда совести.

Я не дал себе труда возражать — для меня все вопросы казались разрешенными в смысле каторжной работы для подсудимого, а может быть, кто знает, и вчерашний эпизод был еще жив в памяти, скло-

няя меня на милость... Впрочем, нет! Милости в моем сердце не было. Повторяю — я был уверен как в составе преступления, так и в наказании каторгой.

Не прошло, братец ты мой, и пяти минут с ухода присяжных в совещательную комнату, как они уже вернулись в залу заседания. Я папироски не успел выкурить.

— Виновен ли, — раздался в зале голос старшины присяжных, — крестьянин такой-то в том, что с заранее обдуманном намерением лишил жизни крестьянина такого-то?

— Нет, не виновен!

Я точно с неба свалился.

По второму вопросу, поставленному по просьбе защитника, присяжные дали ответ утвердительный и признали подсудимого заслуживающим снисхождения.

Арест при полиции и церковное покаяние — вот и вся ожидаемая мною каторга. Я невольно вспомнил об отце Серафиме. Конечно, я не отнес этого события к сверхъестественному его вмешательству в бабьи слезы, но и простой случайностью мне в ту пору это не показалось.

Эпизод этот глубоко мне врезался в сердце; кусочек мантии о. Серафима я уже потом отрезал.

IV.

Прошло с того времени сколько-то месяцев. Я как-то летом заехал в Саров. Зашел к о. игумену — славный был такой монах и не глупый. За чайком разговорились. Я вспомнил о темниковском деле.

— А что, батюшка, у вас все та же артель пильщиков работает, что и прежде, когда у них убийство случилось?

— Все та же! А что это вас так интересует?

— Так! Вспомнил об этом деле да и спросил... А малый, которого судили, где теперь — не знаете?

— Да со старой артелью у нас работает. Хороший человек.

— Будто уж такой хороший?

— А то нет! Как назовете вы человека, который из чувства товарищества, один, было хотел понести наказание за грех всех?

— Как так?

— Изволите ли видеть: убитый был у них в артели на плохом счету. Воровал ли он у них, или еще какие за ним проделки водились, того я доподлинно не знаю, только артельные крепко его недолюбливали. Надо же было, истинно по вражьему наущению, греху такому случиться: повздорь он под пьяную руку с артелью, да и артель-то была подвыпивши — ну и вспомнились тут шумевшим головам старые счета. Долго ли до греха! Началась свалка, в свалке и убили. Кто убил? Били все, может, и этот судимый тоже бил — как это знать? А когда начался суд да дело, стали артель-то по судам таскать, так артель и порешила тому и вину на себя принять, чей жребий вынется. Решили, значит, что лучше, чем всем погибать, погибать одному, тем более что грех был общий. Вот вашему подсудимому-то и выпал жребий тяготу всех понести. Семьи его артель бы не бросила, если бы ему довелось идти на

каторгу, только, видно, Бог отвел — теперь с товарищами работает.

Я рассказал о. игумену, что произошло тогда перед судом в Темникове.

— Ну и что же он? — спросил я.

— Приписал, конечно, как и ты бы приписал, заступничеству о. Серафима, даже, помнится, какую-то из Божественного цитату привел о суде Божиим и человеческом и в довершение перекрестился. Ну, да он монах! На то и профессия!

Перекрестился и я.

Батюшка, отец Серафим! В день памяти святой твоей кончины, вспоминая молитвенно о твоей чистой, святой душе, славящей с Херувимами и Серафимами в селениях горних Приснославимаго в Троице Всемогущаго Бога, молим тебя — воспомяни нас молитвенно перед Престолом Всевышняго! Молит тебя о том Церковь Христова Святая, тяжело страждущая в своих членах. Молит тебя и мир православный, верующий уже давно тебе, как Божиему угоднику, молит о том, чтобы в наказаниях, на нас праведно ниспосылаемых, мы понесли не превыше разумения нами содеянного и непрестанно творимого зла и греха!

2 января 1903 г.

Как верный свидетель и сказатель того, о чем повествует моя книга, я не смею не покаяться перед моим читателем в грехе неточности рассказанного мною в этом очерке со слов моего приятеля. Произ-

шел со мною этот грех не преднамеренно и не ради красного словца, а по вине памяти. По требованию друга моего и по моему обещанию, ради полноты истины, исправляю при втором издании моей книги невольный грех мой.

Саровскому убийце не снисхождение было дано, а он был совершенно оправдан присяжными.

Это-то более всего и поразило моего товарища прокурора, а теперь председателя одного из окружающих судов. Слава Богу, дивному во Святых Своих!

7.

Эпизод из жизни старца Оптиной Пустыни, иеросхимонаха отца Амвросия

«Проходит образ міра сего», но «праведник во веки живет». Невольно мысль от Саровского старца о. Серафима, пренебрегая почти вековым расстоянием во времени, переносится к другой святой личности, нашему современнику — о. Амвросию Оптинскому. 10 октября 1901 года исполнилось десятилетие со дня кончины этого боговдохновенного Старца. Чье православное сердце не забьется от прилива сладостного чувства любви, исполненной благоговейного трепета, при произнесении этого дорогого имени! Чьи православные уста не прошепчут при этом священном воспоминании тихой молитвы о блаженном Старце к Господу и к Старцу в горние страны его вечной обители, с упованием на силу его предстательства за грешный мір перед Страшным Престолом Всевышнего.

Лил дождь, шумел из нависших, низко бегущих туч октябрьский осенний ветер, когда многотысячная толпа всякого звания и состояния сирот «батюшки

Амбросима» (так звал его простой сердцем, но крепкий верою серый люд) провожала его прах из Шамординской женской обители¹ в место последнего его упокоения — в Оптину Пустынь. Но ни дождь, ни ветер на всем пятнадцативерстном пути не могли или не смели потушить горевшие у переносимого на руках гроба свечи.

Какою радостью увенчанной любви и веры горело тогда многотысячное сиротское сердце!

Не затемнить октябрьской непогоде современно-го отступничества того яркого света, которым дивно сиял духовный облик угодника Божия!

Я не знал лично батюшки. Сердце, отуманенное человеческими заботами, одурманенное радостями и утехами міра, не нуждалось в духовном просветлении. Тьма принималась за свет, вера казалась суеверием, гордый ум, отравленный патентами на зрелость и на высшее образование, поклонялся только патентованным человеческим высокомерием идолам, которым было принято поклоняться в образованном человеческом стаде: до монахов ли тут было, да еще из семинаристов?!

Дорого бы я теперь дал, чтобы вычеркнуть из жизни эти десять лет и хоть бы глазком одним взглянуть, хоть бы денек один застать из жизни этого подвижника, столько человеческих слез утершего

¹ Знаменательно, что начиная с отца Серафима, все наши великие старцы, все наши столпы Православия, основывают женские монастыри — таков о. Амвросий, о. Иоанн Кронштадтский, о. Варнава от Черниговской, о. Герасим из Тихоновой пустыни.

своею слабою старческою и такой беспредельно-любящей рукой!

В том краю, где я живу теперь, есть высокообразованная семья коренных дворян-землевладельцев, родовитых по своему происхождению и добрых православных по исповеданию. Мало таких осталось в краю нашем, к великому горю для Руси Православной!

Семья эта при жизни отца Амвросия пользовалась его духовным руководством.

От главы этой милой семьи я слышал следующий рассказ о Старце, еще неизвестный в печати. Передаю его со слов рассказчика.

I.

«Пока жив был отец Амвросий, я и семья моя пользовались благодатными советами святого Старца. Два раза в год, а то и чаще, по нужде или из-за радости свидания, я один или с женой, со всеми чадами и домочадцами ездили в Оптину и всякий раз возвращались оттуда буквально окрыленные и просветленные любовью Старца и его мудрою, исполненною благодати беседой. И после его кончины, горько нами оплаканной, нас невольно тянуло в те места, которые освящены были его земным пребыванием.

В одну из таких поездок, уже по смерти батюшки, я встретился в Оптиной с одним из прежних посетителей батюшкиной кельи, с которым я в ней в былое время неоднократно встречался. Стали мы с ним, как водится, вспоминать обоим нам дорогое про-

шное, вспомнили, между прочим, и некоторые случаи прозорливости нашего общего духовного руководителя. Собеседник мой, художник-иконописец, имеющий в Козельске¹ иконостасную мастерскую, часто, если только не постоянно, работал в храмах Оптиной Пустыни и потому имел особенное счастье во всякое время видаться с незабвенным Старцем.

— Велика-с была у Старца прозорливость, и многих она от горьких бед спасала, — вздохнув от наплыва воспоминаний, сказал мой собеседник, — от гибели человека похищала и преступников, можно сказать, из когтей дьявола вырвала. И ведь как все это Старцем прикровенно делалось, что и невдомек, бывало, станет, к чему он это делает или к чему речь ведет; а потом-с, глядишь, благодать-то и скажется, да ведь какая благодать-то-с!..

Со мною такой-то вот случай был, что только теперь, уже три года спустя старцевой кончины, во всей темноте этот я случай уразумел, а по своей грешности в те поры судил бы Старца-то!

Заинтересовал он меня:

— Расскажите, что такое у вас было?

II.

— Извольте-с! Не малое это было дело, да и не малым оно кончилось — спасением четырех, извольте видеть, душ христианских!

Незадолго до кончины Старца, годочка этак за два, надо мне было ехать в Оптину за деньгами: ико-

¹ Уездный город Калужской губернии. От него в трех верстах расположена Оптина Пустынь.

ностас там мы делали и приходилось мне за эту работу от настоятеля получить довольно крупную сумму денег. Получил я свои деньги и перед отъездом зашел к отцу Амвросию благословиться на обратный путь. Домой ехать я торопился — ждал на следующий день заказ большой получить — тысяч на десять, а заказчики непременно должны были на следующий день быть у меня в Козельске.

Народу в этот день у Старца, по обыкновению, была гибель. Прознал это он про меня-с, что я его дожидаясь, да и велел мне сказать через своего келейника, чтобы я вечером зашел к нему чай пить.

Хоть и надо было мне торопиться ко двору, да честь и радость быть у Старца и чай с ним пить были так велики, что я рассудил отложить свою поездку до вечера, в полной уверенности, что успею ко времени попасть в Козельск и не упустить заказчиков. Приходит вечер, пошел я к Старцу. Принял меня Старец такой-то веселый, такой-то радостный, что и земли под собою не чаю. Продержал меня Батюшка, ангел наш, довольно так долго — уже почти смерклось — да и говорит мне:

— Ну, ступай с Богом! У меня ночуй, а завтра благословляю тебя идти к обедне, а от обедни чай пить заходи ко мне!

«Как же это так!» — думаю я... Ну, да не посмел Старцу перечить. Переночевал, был у обедни, пошел к Старцу чай пить, а сам скорблю о своих заказчиках и все соображаю: авось, мол, успею хоть к вечеру попасть домой в Козельск... Как бы не так!.. Отпили чай. Хочу-с это я Старцу сказать:

благословите домой ехать! А он мне и слова не дал выговорить:

— Приходи, — говорит, — сегодня ночевать ко мне!

У меня даже ноги подкосились, а возражать не смею, сами знаете-с, какое у нас, у детей его духовных, было послушание!

III.

Прошел день, прошла ночь. Наутро я уже осмелел и думаю: была не была, а уже сегодня я уеду — авось денек-то меня мои заказчики подождали... Куда тебе! и рта мне не дал Старец разинуть.

— Ступай, — говорит, — ко всенощной сегодня, а завтра к обедне. У меня опять сегодня заночуй!

Что за притча такая?.. Тут уж я совсем заскорбел и, признаться, погрешил на Старца: вот те и прозорливец! точно не знает, что у меня, по его милости, теперь ушло из рук выгодное дело! И так-то я был на Старца непокоен, что и передать вам не могу-с. Уж не до молитвы мне было тот раз у всенощной — так и толкает в голову: вот тебе твой старец! Вот тебе и прозорливец!.. Свистит теперь твой заработок!

Ах, как мне было в то время досадно!

А Старец мой, как на грех, ну точно вот, прости Господи, мне в издевку, такой меня после всенощной радостный встречает. Горько мне, обидно стало: и чему, думаю, он радуется?.. А скорби своей все-таки вслух высказать не осмеливаюсь.

Заночевал я таким-то порядком-с и третью ночь. За ночь скорбь моя немного поулеглась: не воротишь

того, что плыло да сквозь пальцы уплыло!.. Наутро прихожу от обедни к Старцу, а он мне:

— Ну, теперь пора тебе и ко двору. Ступай с Богом. Бог благословит! Да по времени не забудь Бога поблагодарить!..

И отпала тут от меня всякая скорбь. Выехал я себе из Оптиной, а на сердце-то таково легко и радостно, что и передать невозможно... К чему только сказал это батюшка: по времени не забудь Бога поблагодарить!.. Должно, думаю, за то, что Господь во храме три дня подряд удостоил побывать... Еду я домой не спеша и о заказчиках своих вовсе не думаю: уж очень мне отрадно было, что батюшка со мной так обошелся.

Приехал-с я домой, и что бы вы думали?.. Я в ворота и заказчики мои — за мной: опоздали, значит, против уговору на трое суток приехать.

Ну, думаю: «Ах ты мой старчик благодатный! Уж подлинно — дивны дела Твои, Господи!»

Хороший я тогда имел от этих заказчиков заработок. Хоть бы повек так работать.

Однако не тем еще все это кончилось. Вы послушайте-ка, что дальше-то было!

IV.

Прошло с того случая времени немало. Помер наш отец Амвросий. Года два спустя после его праведной кончины заболевает у меня мой старший мастер. Доверенный он у меня был человек и не работник, а прямо — золото. Жил он у меня бессходно годов поболе двадцати. Заболевает к смерти. Послали мы за

священником, чтобы поисповедовать и причастить — пока в памяти. Только смотрю, идет ко мне от умирающего священник да и говорит:

— Больной вас к себе зовет, видеть вас хочет. Торопитесь — как бы не помер!

Прихожу к больному, а он, как увидел меня, приподнялся кое-как на взлокоточки¹, глянул на меня да как заплачет:

— Прости мой грех, хозяин! Я ведь тебя убить хотел...

— Что ты, Бог с тобой! Бредишь ты!..

— Нет, хозяин, верно убить хотел!.. Помнишь, ты из Оптиной запоздал на трое суток домой приехать? Ведь нас трое, по моему уговору, три ночи подряд тебя на дороге под мостом караулили, на деньги, что ты за иконостас из Оптиной вез, позавиствовали. Не быть тебе в ту пору живым, да Господь за чьи-то молитвы отвел тебя от смерти без покаяния. Прости меня, окаянного, Бога ради, отпусти, ради Христа, с миром мою душеньку!..

— Бог тебя простит, как я прощаю!

Тут мой больной захрипел и кончаться начал. Царствие Небесное его душеньке! Велик был грех, да и велико ж было покаяние!..

— Вот-с, батюшка вы мой, сколь велик был Божий старец! Через сколько лет сказалась его, батюшки, прозорливость! Вот с чего он и радостен и светел-то был, когда в Оптиной меня задерживал: четыре души спасал батюшка — меня от смерти без покаяния безвременной, а убийц моих от вечного осуждения!»

¹ На локоточки.

И собеседник мой¹, и я, умиленные, растроганные до глубины души, благоговейно перекрестились и мысленно оба молитвенно погрузились в воспоминание о духовной красоте облика небесного посланника на эту скорбную и грешную землю, каким всю свою многотрудную и часто страдальческую жизнь был Оптинский старец, отец Амвросий.

Наше время — время всяких чудес и знамений. Как из рога изобилия сыплются «чудеса» спиритизма, гипнотизма, мантевизма, х-лучей, радия и иных прочих явлений мира еще неведомого новейших открытий.

Дух времени, он же и «князь мира сего», не скупится на средства одурманивать ослепленное им человечество; ослепленное, оно думает, что творит свое, и эти чудеса и знамения стремится противопоставить чудесам и знамениям рабов Божиих, Христовых подвижников.

Тщетные усилия!

«Всякое доброе дерево приносит и плоды добрые — по плодам узнаете его!» А где благо от чудес и знамений современной лженауки?! Все пустота и призрак, за которым стоит человеческое горе. Не усиливается ли оно год от году? Не доходит ли оно уже до степени мученичества?!

17 сентября 1901 года

¹ Собеседник этот, иконописец Николай Дмитриевич Михайлов, с которым мне довелось впоследствии познакомиться лично, умер в Козельске весной 1910 года.

8.

Отец Егор Чекряковский

*И поднял милоть Илии, упавшую
на него, и пошел назад, и стал на
берегу Иордана.*

(4 Цар. 2, 13)

I.

Еще при жизни отца Амвросия Оптинского, хотя и очень незадолго до его праведной кончины, по нашим орловским местам прошла среди народа слава про отца Георгия Коссова из села Спас-Чекряка Болховского уезда. Последние годы о нем заговорили с особенным интересом, и, как водится, заговорили на разные лады: одни с восторгом, усматривая в нем непосредственного преемника по благодати о. Амвросия, нового прозорливца, которому открыто сокровенное человека, для которого и в будущем нет тайного, что не было бы ему явным; другие — и таких, конечно, было между нашим братом большинство — отнеслись к нему предвзято-недружелюбно, даже прямо враждебно. Среди этих последних ходи-

ли слухи, что его «смиряли», хотели «запретить» за то, что он «сбивает» простой народ, по-особенному служит, что к нему ходят гадать, что он плодит суеверие и в без того суеверном и невежественном народе... чего только в хулу не говорили!..

Но ходили и другие слухи. Рассказывали, что кем-то подосланные убийцы хотели убить его в церкви, но что внезапно у них отнялись руки и ноги и только по молитве батюшки убийцы были исцелены, покаявшись в своем злодейском умысле. О даре прозорливости о. Егора создались целые легенды со слов очевидцев, на себе испытавших силу этого дара.

Как бы то ни было, а о. Егор стал известен не в одной только Орловской губернии, и толпы богомольцев разного звания потекли потоком отовсюду в захолустное, неизвестное село Спас-Чекряк Болховского уезда, Орловской губернии.

Поток этот вот уже лет двенадцать не только не иссякает, но с годами все более и более усиливается. Особенно возрос он со дня кончины блаженной памяти старца отца Амвросия Оптинского.

— Батюшки Абросима наследник, — говорят про него в простом народе.

— Милоть Илии на Елисее, — говорят от Писания кто поначитаннее.

И идет и едет к нему русский человек с полной верой, не мудрствуя лукаво, и с удовлетворенным сердцем возвращается от него по домам, разнося великую и добрую славу про «своего» батюшку по всему простору Руси Великой.

«Свой» он русскому человеку.

II.

— Поедьте к отцу Егору! Не раскаетесь, что меня послушались, — говорил мне года три или четыре назад в морозное Рождественское утро старичок, приказчик соседнего с моим имения. «Барин» в этом имении не живет, и он там почти круглый год остается за хозяина, Антоныч — так его зовет округа — пользуется в ней доброй репутацией как старичок богобоязненный и нищелюбивый и как верный слуга своему барину. И то, и другое стало в редкость в современных «наемниках». Эти драгоценные качества Антоныча привязали меня к старику, и он «стал вхож» ко мне в дом запросто, как свой человек, как равный.

И в это утро мы с ним за разговорцем попивали чаек и рассуждали о переживаемых «лукавых» временах, к которым Антоныч относился крайне недоброжелательно.

— Я без батюшки о. Егора теперь ничего не делаю, — говорил Антоныч. — Да и как делать-то? Как оберечь себя по нашим временам от человеческого коварства? Теперь и в своей семье смотри в оба — в сыне ли, в дочери ли — не то друг, не то враг сидит. О посторонних уже и говорить нечего: у тех одно в голове — как бы тебя оболванить, дураком поставить да ободрать как липку. Вот такие-то, как о. Егор, нам грешным только и спасение: приедешь к нему, душу ему свою окаянную выложишь, совета спросишь и уедешь от него — на сердце-то легко-легко! Присоветует дело какое, — идешь на него с открытыми глазами: знаешь, что толк будет...

Первый раз, я вам скажу, к о. Егору меня жена по-тащила — я сам ехать не хотел. Ну, она, известно — баба, пристала ко мне: едем да едем! Нужды мне тогда особой в о. Егоре не было. Ну, чтобы от-вязаться, взял да и поехал с ней. Приехали. Батюш-ка нас принял особо, у себя в доме, а я ему прямо: батюшка, я к вам приехал с хладной душой — меня баба к вам притащила! Никаких у меня чувств сей-час к вам нет, да и нужды не предвидится... Слово за слово — поговорили мы с батюшкой и разогрелось во мне сердце — всю ему душу открыл. Открываю ему душу-то свою, а сам плачу. Вот как я тогда пла-кал — в жизнь свою так не плакал!.. Сподобил меня тогда Господь и поговорить у о. Егора. Пришла пора уезжать; я и говорю батюшке: батюшка! а теперь-то у меня к вам душа теплая... Ничего себе — улыбнул-ся: ласков был к нам батюшка.

Советов тогда я у него никаких не просил, но душа моя так разгорелась, что и высказать не могу. Решил я тогда, что ничего без о. Егора предпринимать не буду. И пришел к тому срок. Есть у меня земельки клочок своей собственной — десятин тридцать пять во Мценском уезде. Сын мой там хозяйничает. До-ходов, конечно, с такого клокa взять неоткуда — дай Бог прокормиться. Ну, сын, дело его, известно, моло-дое, скучать начал: барышей, видишь ли, мало!.. Как раз на эту пору, под Малоархангельском, в селе Зи-новьеве, у господ Анцыферовых, что ли, руда желез-ная объявилась. Наехали туда бельгийцы и стали завод строить. Народищу туда повалило видимо-невидимо. Провели к заводу ветку от Курской дороги, стали

печи доменные возводить. Помните, народ тогда от нас весь на «свои шахты» убежал — рабочих в экономию достать было неоткуда. Известно, заводская жизнь — развратная жизнь! А кому теперь, Бога-то позабывши, развратной жизни не хочется!..

Взгомонился тут и мой сынишка: продадим да продадим нашу землю! Купим у завода участок, выстроим лавку — деньги лопатой загребать будем!.. Так он мне надоел — пристал как лист банный да, признаться, и сбивать уже меня начал... Вспомнил я тут о. Егора да и говорю сыну-то своему: поезжай к батюшке — как он благословит, так и сделаем! Сын-то было заартачился; чего, мол, спрашивать — сам видишь, что дело выгодное, Ну да я уперся.

Съездил сын. Вернулся, голову повесил.

— Что невесел? — спрашиваю.

— Батюшка не благословил, — говорит. — «Меняй, говорит, землю на иную, если найдешь лучше, а о заводских лавках забудь и думать на два года. Нынче стоит завод, а что-то еще через два года с заводом будет! Польстишься на большое, малое потеряешь!»

— Стало быть, — говорю, — не благословил и из головы вон!

— Да как же это? Может, это он к чему иному? Ведь дело-то выгодное!

— Да так же! — говорю. — Не наше дело рассуждать! Ты что же это — Бога искушать, что ли, ездил? Нечего с тобой растабарывать, и заводу твоему от меня — крышка. Сиди дома да хозяйствуй по-старому!

Что ж бы вы думали? Ровнешенько через два года завод тот самый, бельгийский, прикрылся, а теперь, говорят, с ветки даже все шпалы растащили, по кирпичу постройки миллионные разносить начали. Можно ли было это тогда думать?!

Вот, батюшка вы мой, какова-то у о. Егора прозорливость!

Я знал эту неудачную бельгийскую эпопею. Совершилась она у меня на глазах и на моих глазах, не успевши расцвести, отцвела. Никакое человеческое предвидение не могло бы предусмотреть того заключительного краха, которым увенчалось увлечение обаявшей всех рудной горячкой; тем более нельзя было его предусмотреть, что в этом увлечении участвовал крупными капиталами практический Запад.

Большая вера маленького человека спасла его от разорения.

— Вы меня, мой батюшка, простите, коли что не так скажу, — продолжал Антоныч, — а к отцу Егору вам стоит поехать. Дива дивного там насмотритесь! Какие там дела на пустыре батюшка разделяет: храм выстроил большой каменный — хоть в губернию, дом строит для деревенских девочек-сироток, трехэтажный, тоже каменный. Школа там у него какая верстах в двух — им же выстроена. Стоит вам, отец родной, поехать на гулянках. Время теперь свободное — какие дела на праздниках? Взяли да и поехали!

Я решил ехать.

III.

В народе живет поговорка: «Кто на море не бывал, тот Богу не маливался». Бывал я на море, но или море не так было грозно, или глагол Божий еще не касался тогда моей души, но на морея, помнится, Богу не молился. Черноземные поля моей родины, экономические грозы современной сельскохозяйственной жизни были для меня моим морем, на котором я вспомнил о Боге. Неустроенность, вернее — расстройство русской черноземной сельской жизни, необеспеченность жизни самого сельского хозяина и его семьи, зависящая от многочисленных причин, сплетающих изо дня в день над его головой роковую паутину, в которой безнадежно бьется его горемычное существование — все это заставило меня одно время серьезно задуматься о скорейшей ликвидации всех моих хозяйственных дел и искать новых путей для обеспечения себе безбедной старости. Назрели и другие вопросы внутренней моей жизни, на которые я сам не мог подобрать удовлетворительного ответа и тайну которых нельзя было открыть тем, кто в міру называл себя моими друзьями. Ко времени моего разговора с Антонычем всей этой душевной накипи собралось столько, что я прямо-таки обрадовался предстоящей поездке к отцу Егору. Велика и настоятельна была потребность высказаться, найти своей душе такого руководителя, который бы от Бога был призван врачевать раны бедствующих душ человеческих.

Таким человеком, по рассказам Антоныча, мне представлялся отец Егор...

Было ясное морозное утро, когда мы с Антонычем на другой день нового года, года три тому назад,

выехали из Орла на Болхов, держа путь к о. Егору. Праздничный Орел уже весь проснулся. На улицах, которыми нам надо было ехать, чтобы выбраться на простор большой дороги, встречались знакомые, но никто бы из них не признал в моей фигуре, закутанной в простую овчинную шубу, в компании с убогим на вид старичком Антонычем, того, кого в свете называют «человеком из общества». Ехали мы с Антонычем на одной лошади в простых деревенских розвальнях с наскоро сбитым задком, обшитым простой рогожей. Совсем по-простому была обставлена наша поездка: в кульке под сиденьем кое-какая провизия, четверка чаю, фунта два сахару да в ногах — клочок сена для лошади: не то прасолы, едущие на ярмарку, не то кто из крестьян побогаче, с базара возвращающиеся домой, — вот на кого были мы с Антонычем похожи, когда наш конь, раскачиваясь на рыси размашистым перевальцем, заставлял нырять розвальни по ухабам орловских улиц.

Обыкновенно разговорчивый, Антоныч в дороге оказался неважным собеседником: как будто весь запас его красноречия израсходовался на убеждения меня в необходимости поездки к о. Егору. Казалось, теперь он сосредоточился на конечных ее результатах: оправдается ли в моих глазах репутация батюшки, сумею ли я с его простотой и верой отнестись к тому, что сам он признавал святыней. Может быть, в душе своей он и раскаивался, что подбил меня с ним ехать, боялся холоду, которым наш брат, вкусивший от плодов цивилизации, умеет иногда безжалостно обдать разогревшуюся теплотой веры душу просте-

ца. Тщетно пытался я разговорить старика: он отвечал нехотя, односложно. Замолчал и я.

Мороз крепчал. Зимняя дорога из Орла на Болхов представляла собой точное подобие разбушевавшегося моря: саженные ухабы, выбоины, раскаты... Наши розвальни не хуже любой рыбацкой лодки метались как полоумные то вверх, то вниз, то вбок, то вовсе набок, а надежный конь все тем же размашистым, как будто ленивым, тротцем отхватывал у пространства убегающие версты.

Невесел зимний пейзаж черноземного большака: редкие деревнюшки, по крышу засыпанные снегом; ровная безбрежная снежная пустыня, изредка разрезанная бичом черноземных полей — глубокими оврагами; кое-где чернеющиеся вдаль, точно оглоданные, рощицы, жалкие остатки былых лесов, бывшего приволья; встречные и попутные обозы, окутанные, точно дымочком, паром от усталых, выбивающихся из сил, заморенных клячонок. Не слышно стало на большаке резвого колокольчика, залиvistых бубенцов господской тройки, еще недавно веселивших сумрачные ракиты, в два ряда, с обеих сторон, окаймлявшие большую дорогу. От ракит, и от тех почти не осталось воспоминания: деревенская бедность и распушенность срезали их под самый корень на топливо, пожгла их на корню ребячья безжалостная шалость. Под корень подрублен и старый помещичий быт. Кое-где еще маячат полуобгорелые пеньки прежнего приволья... Скоро и их не станет!.. Доброе старое ушло безвозвратно, а нового доброго что-то плохо видно...

Морозу надоело щипать нас с Антонычем за нос. Он схватился и за наши ноги, стал щекотать за спиной, ломить колени.

— Хорошо было бы погреться, Антоныч!

— Вот этап, а за ним сейчас будет и Каменка! Там на постоялом и обогреемся. Двор хороший!.. Чайком побалуемся да и Воину (так звали нашу лошадь) дадим отдохнуть — небось ему все плечи, бедному, от ухабов разломило.

Среди поля, у самой дороги, стоит двухэтажное каменное здание. Стекла выбиты. На дворе, окруженном высокой каменной стеной, — ни души. Холодом и злобой веет от этих мрачных стен.

— Неужели здесь бывают арестанты?

— Отчего же им не бывать? Бывают.

— А как же стекла-то? Ведь там ветер гуляет хуже, чем в поле.

— Стекла-то? А долго дело их позаткнуть. Небось не замерзнут. Ведь это не дворец, а этап: чуть стало холодно — марш в дорогу! Дорога-то, она тебя живо разогреет!

Коротко и ясно! Гордиев узел устройства тюрем Антоныч разрубил не без некоторой логики: «не дворец, а этап!»

Очевидно, бедному Антонычу не были своевременно преподаны основы тюремоведения. Ну, да на то он и Антоныч!..

IV.

— К отцу Егору жаловать изволите? — спросил меня, подавая самовар, хозяин постоялого двора, пока

мой спутник во дворе под навесом убирал Воина: накрывал попоной и за решетку яслей накладывал ему его порцию зеленого, душистого сена.

— К нему!

— Батюшка удивительный! Великий, можно сказать, батюшка. Много у него народу бывает. И из господ и из купцов тоже к нему ездят. Большое от него людям утешение!.. Доброе дело надумали!

— А вы хорошо батюшку знаете?

— Батюшку-то? Я-то? Да кому же и знать его так, как я его знаю! Еще как поступал в Спас-Чекряк, в село, то есть ихнее, они нам очень хорошо известны; батюшка у нас постоянно останавливался, как в Орел ездил. И первый раз он у нас останавливался, как из Орла к своему месту с матушкой своей ехал... Не чаялось мне тогда ему живым быть... А что вышло-то!..

— Почему не чаялось?

— Уж больно квел¹ был — кровью кашлял. Думалось: где ему вытерпеть на таком месте, на котором и здоровые-то не уживались: село-то — уж больно плохое!

— Чем же оно так плохо?

— Э, батюшка! — вмешался в наш разговор подошедший Антоныч. — Чем плохо село? Тем оно и плохо, сударь мой, что жить там попу не при чем. Село — рвань какая-то, прости Господи! Народ беднеющий, к храму мало приверженный. Да и где ему к храму прилежать, когда от села до храма версты две не то три будет киселя месить! Какая погода, а в непогодь-то и не соберешься!

¹ Орловское выражение, значит — слабый.

Компания наша собралась за мирно кипящим самоварчиком. Антоныч разложил из кулечка на стол немудрые снеди. Пригласили и хозяина присесть с нами.

— Вы, — обратился к Антонычу хозяин, — видно, у отца Егора бывали, — вам, стало быть, и рассказывать нечего, какая в Чекряке для священника допреж была жизнь погибельная. А вот барин не знают, так не поверят, что там можно было с голоду насидеться. Церковь — развалюшка, старая-престарая. Дом для священника — одна слава, что дом: решето, а не дом — на дрова продать — денег напросишься. Скучость во всем такая, что не приведи Бог. Для священников место, прямо надо говорить, погибельное. Оттого там до отца Егора никто и не уживался.

— Ну, а он-то как там ужился?

— Стало быть, на то дана ему была от Бога такая сила: благодать ему Господь послал! Батюшка отец Амвросий Оптинский к тому же благословил: с того пошел и жить на пользу нам, грешным. Теперь увидите сами, чего только отец Егор на своем пустыре не понастроил. Дела там у него не человеческие, а прямо Божьи творятся! В народе к нему вера крепка больно.

— Чем же он внушил к себе такую веру?

— Не он внушил — Бог внушил! Разве может на себя человек что принять, если ему не дано на то будет власти от Бога? Ведь это вы, господин, и сами понять можете! Священников у нас в епархии человек до тысячи наберется, а батюшка Егор один. Те, которые и на виду, а он в захолустье, а народ к нему

льнет. Кто же, как не Господь, путь к нему указал народу? Прозорливцем слывет он у народа. Да как и не слыть, когда все по его словам сбывается?! Я и на себе, и на людях испытал, каковы слова-то батюшки. Примеров много, всего не упомнишь... Вот, скажем, недавно к нему одна болховская мещанка, мне знакомая, ходила. Осталась она после мужа бедной вдовой с малыми детишками. Пришла к отцу Егору, плачет-разливается: «Что мне, — говорит, — батюшка, делать? Есть-пить с малыми детьми мне нечего, а отойти от детей в услужение нельзя — детей не на кого оставить». «Купи, — говорит батюшка, — корову, молоком детишек корми, а остальное продавай — вот и сыта будешь». «Рада бы, — говорит, — купить, да не на что». А батюшка ей: «На, — говорит, — тебе двадцать рублей, на них и корову себе купишь».

Пошла это она от него да думает: «Где же за двадцать рублей купить такую корову, которая и самих бы кормила, да и на сторону молока еще давала? И за полсотки такой коровы не купишь!» — Смотрит — у самого Болхова мужик ведет корову. — «Стой! продаешь корову?» — «Продаю!» — «Какая корове цена?» — «Двадцать рублей!» Отдала деньги, привела корову домой, а она, глядь, с полным молоком. По молоку корове сто рублей цена. Прознала про эту покупку соседка ее, баба с достатком, да и позавидовала. Пошла, никому слова не говоря, к отцу Егору да и стала ему жаловаться, что ей с малыми детьми есть-пить нечего. Батюшка дал ей 18 рублей на покупку коровы. А у ней у самой, у ехиды, своя корова была. Пришла она домой, ан своя-то коро-

ва — здоровенная была — кверху пузом валяется — издохла, значит. Тут баба моя свету не взвидя скорее назад к батюшке каяться: «Обманула я вас, окаянная! Господь меня покарал за мою зависть подлую». Простил ведь батюшка. «Ступай, — говорит, — да вперед людям не завидууй, а на деньги, которые тебе дал, купишь себе корову». Так и вышло — ни полушки баба не приплатила.

А то еще вот: вдовец и вдова в Болхове, из купцов, задумали между собою в законный брак вступить. Поехали к батюшке за благословением. Батюшка их благословил. «Бог, — говорит, — вас благословит, женитесь, только не этим мясоедом». Едут от него нареченные-то да между собой рассуждают: дорого нам то, что батюшка благословил венчаться. Но не все ли равно — этим ли мясоедом или другим! Повенчались на этот мясоед, вопреки батюшкиным словам. Приехали от венца ко двору, а от дома-то одни головешки дымятся; пока от церкви доехали, дом-то и сгорел как свечка.

Вот, батюшка, каково его не слушать, когда за советом к нему едешь!

А сколько он добра делает и не перечесть, кажется!

Есть у нас в Болхове купец богатый. Народу он на своем веку обидел без конца. Своим родным и тем не давал пощады: только попадись — давил да гнул кого попадя. Нищих немало понаделал. Под старость богомолен стал: жертвователем заделался, на монастыри да на церкви кушами стал отваливать. Прослышал он, что отцу Егору из де-

нег стало тесненько: зачал свой храм, что теперь в Чекряке, каменный, а на достройку выходит не-дохватка. Поехал к батюшке наш богате́й да и го-ворит ему: наслышаны мы, мол, что деньгами вы нуждаетесь, так пожалуйста вам от меня на построе-ние храма 20 тысяч от нашего усердия. А батюшка ему: «храмы Бог строит, а мы, люди, у Него при-казчики. По-людскому, по-приказчицъему, спасибо тебе на жертве, ну а Хозяин твоих денег брать не велит». — «Как так?» — «Да очень просто; деньги ваши больно человеческими слезами подмочены, а такие Богу неуютны. Родные твои кровные от тебя по міру с протянутой рукой гуляют, а ты думаешь у Бога от их слез деньгами откупиться! Не возьму от тебя и миллиона; возьму, когда ублаготворишь то-бой обиженных».

Что ж бы вы думали? Ведь привел в совесть богатея-то нашего: теперь всех своих родных, кого обидел, на ноги ставит — дворы им строит, деньга-ми оделяет. Сторонних, им обиженных, и тех разы-скивает, чтобы обиды свои выправить.

Вот как наш батюшка людей на путь направляет! Не соберешь и не расскажешь всего, что слышишь, или сам, бывает, видишь из дел батюшкиных. Одно слово — великий пастырь Божий.

Пока шла беседа, Антоныч так и впивался в меня своими серенькими глазками. Казалось, они так и го-ворили, смаргивая от времени до времени набегаю-щие слезинки умиления: ну, не прав ли я был, когда звал тебя к отцу Егору? Видишь, что про него и дру-гие говорят? Не у меня одного такая вера в батюш-

ку. Уверуй и ты, маловерный, в силу Божью, которая в Его слуге совершается!..

Удивительное дело — духовное богатство верующей христианской души! Всякое другое достояние люди стараются удержать для себя; это же расточается рукой неоскудевающей. Даже богатство любви и дружбы, чувств, наиболее возвышенных из всех человеческих чувств, никто делить с посторонним не станет, а будет беречь их для себя и для того человека, к которому он эти чувства питает, ревниво их укрывая от чужого глаза. О материальных благах и говорить нечего — ими делятся только праведники. Богатство же веры только тогда и может считаться богатством, когда человек им делится с ближним. Горько бывает не то, когда черпают из сокровищницы твоей веры, а то, когда твоим сердечным разданием пренебрегают.

Такое чувство, должно быть, испытывал и Антоныч, когда выслеживал, не подметит ли во мне зарождения той веры, которой и сам он пламенел.

Подметил ли он что во мне? Только повеселел мой Антоныч.

В Болхов мы приехали поздно ночью, вернее — под самое утро. До батюшки в Чекряк оставалось верст 15—17. Надо было покормить Воина и самим отдохнуть. Решили с Антонычем выехать в Чекряк часов в восемь утра, чтобы поспеть к отцу Егору часам к десяти, когда, по своему обычаю, батюшка в церкви начинает читать канон молебный к Пресвятой Богородице.

— Туда ли едем, Антоныч?

— Ну, вот еще! К батюшке едем и вдруг заплутаем! Небось за добром, а не за худом едем... Плутать! Когда же это видано? Едем Бога ради и плутать будем! Тоже скажете! Вот сейчас будет деревня, а за деревней — лоштинка, за лоштинкой — лесок, а за леском сверток¹ к батюшке, а там и усадьба его самая будет. Диви² бы я тут ни разу не был, а то ведь тоже зимой ездили.

Действительно, вскоре на бугре показалась деревня. Зимняя дорога среди снежной пелены желтела в гору мимо крестьянских гуменников. Стояло ослепительное морозное утро. На гумнах молотили хлеб.

— К отцу Егору эта дорога будет?

— К отцу Егору? Та-то, та-то, батюшка! Из Болхова-то вы маненечко крючку дали... ну да и тут проедете. Вон за горкой — сарайчик, за сарайчиком дорожка низом пойдет, лоштинкой значит. Там тебе будет лесок, а за леском и на батюшку сверток налево будет. Дорога одна. Другой дороги нетути. Езжайте с Господом!..

— Видишь, Антоныч. Промахнулись мы с тобой — крюку дали, а ты говорил — не заплутаем.

— Да и то не плутаем. Говорят, дорога одна. А что крюку дали, так брешут они, прости Господи! Дулебы³ они были, Дулебы и есть! То — дорога одна, то — крюку дали — эх, деревня!

¹ По-орловски — поворот.

² Если бы.

³ Дулебами в Орловской губернии зовут жителей Болхова с уездом.

Бодро поскрипывая подковами и взметая тонкую морозную пыль, выбрался верный слуга Воин к сарайчикам и крупной рысью, точно чуя близкий отдых, помчал нас вниз к лошадке, темневшей на снежном покрове своим перелеском..

— Вот тебе и отец Егор!..

Антоныч как-то сразу, неожиданно, перешел со мною на «ты», снимая шапку и крестясь на показавшийся за небольшою рощицей, на бугорке, высокий белый каменный храм, внезапно точно выросший своим ярко-зеленым куполом из блистающей яркими искрами снежной пустыни.

У меня замерло сердце. Отчего оно замерло? В предчувствии ли того, что сейчас, лицом к лицу, я предстану перед силой Божией, избравшей для своего проявления никому неведомый, пустынный, заброшенный уголок великого Русского царства, забытый, униженный, презренный всеми, даже пастырями своими покидаемый, точно зачумленный? Из понятной ли боязни встретиться и, быть может, даже говорить с человеком избранным, для которого по благодати Божией открыто сокровенное человека?..

Кажется, будь я один, без Антоныча, я с места бы вернулся домой, не заезжая в Чекряк. Но как было не взглянуть на того, кто, в глазах простых сердцем, заменил им в этой юдоли плача старца Амвросия, великого печальника горя русского!

Жутко мне было, но вместе с тем и радостно. Это радостное побороло все остальные чувства...

— Видишь за лесочком-то церковка красненькая? Это батюшкина, в которой он и доднесь служит:

большой-то храм еще не отделан. А вот и дом для сироток! Ишь какую махинушку воздвигает! А вон и «странная», где мы с тобой остановимся. Слава Тебе, Господи, доехали! Слезайте, батюшка. Я лошадку-то наскоро отпрягу, повожу ее маленько да под навес поставлю, а вы бегите скорее в церковь: кажись, уже прошел батюшка... Эй, милые! прошел батюшка в церковь? — обратился Антоныч к бегущим богомолкам.

Те что-то впопыхах ответили и промчались мимо.

— Прощел и есть. Бегите скорей! Эк, дело-то какое! Ну как опоздали?! Да бегите же! Я сейчас одним махом сам примчусь!

Я подхватился точно на пожар и через могилки, засеянные по дороге от «странной», побежал прямо в красневшуюся передо мною церковь.

VI.

Маленькая, тесная церковка, вида весьма древнего, уже была переполнена народом, когда запыхавшись вбежал по верхним ступеням ее убогого крыльца. Народ стоял все более простой — мужики да бабы; было больше баб. Кое-где темным пятном на красневшем фоне разноцветных платков и желтых нагольных полушубков выделялись шубы городского купеческого покроя. Таких было немного.

Я подошел к свечному ящику. Нестарая, повязанная черным платочком женщина продавала свечи. Я заметил, что все выложенные на ящике свечи были двухкопеечные. Народ подходил, брал свечи,

клат деньги, но сдачи не требовал: клали и пятаки и двугривенные; прозвенел чей-то полтинник...

Я тоже положил не то рубль, не то полтинник.

Народу было много, но тишина стояла полная. Все были сосредоточенно серьезны и молчаливы.

Я взял три свечи и, пробираясь через толпу, пошел их ставить к местным образам в иконостасе. За левым клиросом у какого-то образа уже теплилось множество свечей и было заметно, что вся масса народа ютилась и жалась к этому образу. Батюшки в храме не было видно.

Положив поклон, я поставил свечку Святителю Николаю.

Несмотря на тесноту в церкви, в ней было холоднее, чем на открытом воздухе. От холода восковая свечка ломалась в руках при постановке в подсвечник. Перед образом Богоматери свеча моя, уже поставленная, свалилась и зажженным концом упала на шитое полотенце, украшавшее Лик Пречистой...

Из-за моего плеча порывисто протянулась чья-то рука, успевшая вовремя подхватить падавшую свечку... Я оглянулся и... обомлел от неожиданности: в пол-оборота от меня стоял сам батюшка... По век не забыть мне того впечатления, какое оставила в моей душе эта первая моя с ним встреча! Я был потрясен; даже испуган, как если бы из образа Иоанна Крестителя, каким его обыкновенно пишут на иконах, вдруг вышел сам Предтеча Господень. Облик отца Егора в старой, заношенной ризе, обвисшей на его высокой, сухощавой фигуре мятыми складками потертой от времени парчи; его темные с большой проседью волосы,

закинутые со лба назад непослушными, мелко вьющимися, точно крепированными прядями, с одной прядкой, непокорно сбившейся на дивный, высокий лоб; реденькая бородка, небольшие усы, открывающие характерный, сильный рот, в котором так и отпечателся характер стойкий, точно вычеканенный из железа; небольшие глаза, горящие каким-то особенным ярким внутренним огнем, и взглядом, глубоко, глубоко устремленным внутрь себя из-под глубоких, резких складок между бровями — вся фигура отца Егора поразила меня сходством с тем, кто по преданию рисуется нашему верующему представлению, как «глас вопиющего в пустыне». Та же пустыня окружала отца Егора, но только не та знойная берегов Иордана, а наша холодная, снежная... Правда, со времен Крестителя успел остыть и огонь души человеческой!..

Привычной, твердой рукой батюшка поставил мою свечку и, не глядя на меня, не глядя ни на кого, пошел опрашивать и зажигать сам лампадки перед образами.

Я стал у правого клироса, где было немного поспокойнее от толпы, прижавшейся ближе к левому. Глаз не мог я оторвать от отца Егора. Вихрем в голове моей проносилась вся история Христовой Церкви на земле, вся история ее младшей дочери, Православной Русской Церкви, исполненная дивных образов ее верных воинов, несших ей победные венцы в борьбе с внутренними и внешними врагами, с врагами земными и врагами злобы поднебесной...

Передо мною, очевидно, был один из таких воинов.

Порывистой, быстрой походкой отец Егор вошел в алтарь. Через минуту он вышел оттуда, неся в руках аналой и толстую книгу в старинном кожаном переплете... Толпа почтительно и бесшумно подалась назад и открыла доступ батюшке к левому клиросу, сзади которого перед иконой Царицы Небесной уже горели бесчисленные свечи.

Все молящиеся как-то насторожились в благоговейном молчании...

Тихо, проникновенно и вместе властно раздался призыв отца Егора:

— Три поклона Божией Матери!

И вся толпа, как один человек, во главе с батюшкой, разом опустилась троекратно на колени.

Где-то в отдаленном углу церкви раздалось чье-то всхлипывание. Многие как опустились на колени, так и остались в этом положении...

Среди всеобщей тишины, нарушаемой изредка глубокими вздохами, стал читать батюшка молебный канон к Пречистой, поемый во всякой скорби и обстоянии:

«К Богородице прилежно ныне притецем, грешнии и смиреннии, и припадем, в покаянии зовуще из глубины души: Владычице, помози на ны милосердовавши, потщиися — погибаем от множества прегрешений, не отврати Твоя рабы тщи, Тя бо и Едину надежду имамы!»

И опять:

«К Богородице прилежно ныне притецем...»

Какой проникновенный, исполненный беспредельной веры голос читал эти чудные, покаянные слова!

Толпа замерла. Казалось, вся ее бесчисленная скорбь слилась в одно общее молитвенное напряжение и голос отца Егора уже не был его голосом, а голосом всей этой народной груди, захлебывающейся от едва сдерживаемых рыданий; и слезы, бесшумные, тихие слезы текли из глаз многих.

«Моление теплое и стена необоримая, милости источниче, мірови прибежище, прилежно вопием Ти: Богородице Владычице, предвари и от бед избави нас, Едина вскоре предстательствующая».

Это была теплая, неотступная просьба. Чудилось, что Та, к Кому относилась эта просьба, была тут, с нами, что Она слышала нас, слушала благосклонно Своего верного служителя, скорбела с нами нашими скорбями. Веровалось, что Она нас, рабов Своих, «не отвратит тщи», что не тщетны наши на Нее надежды...

Прочел батюшка часть канона, взошел на солею, снял стаканчик лампы от образа Божией Матери и с лампадой этой в руках, не глядя ни на кого, все с тем же устремленным в глубь себя взором, пошел по народу, знаменуя маслом из лампы на челе и руках молящихся Крест Господень.

— Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа! Как звать?

— Андреем, батюшка... — Фекла, батюшка!..

Антоныч оказался около меня; на щеках следы слез.

— Смотрите, как батюшка-то маслицем крестит. Ведь ни на кого не смотрит, а никого не обойдет, всех маслицем помажет. У кого разве есть грех ве-

ликий на душе, нераскаянный, того только и обойдет. Да это редко бывает. Был, рассказывают, такой случай, так тот, кого батюшка обошел, тут же, говорят, на людях и покался... К нам идет: встаньте с колен, батюшка!

Я встал. Отец Егор, близко не дойдя до меня, пошел в сторону...

Неужели я такой грешник? Мне жутко стало.

Отец Егор внезапно очутился около меня.

— Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа! Как звать?

— ...Сергий! — я чуть не забыл от неожиданности своего имени. Батюшка помазал мне крестообразно лоб. Я подал мои руки. Он сам перевернул их ладонями кверху. На ладонях сделал тот же знак креста и пошел дальше.

Масло потекло у меня по лбу. Мне стало неприятно: зачем он это делает? Ведь не всякому, подумалось мне, может нравиться запах лампадного масла и это ощущение на лице жирного, липкого. Никто этого не делает. Бьет на оригинальность, и притом еще весьма нечистоплотную. Скверно у меня стало на сердце... Посмотрел я на соседей, посмотрел на Антоныча: не замечу ли на чьем лице того же ощущения брезгливости? У всех на лицах было одно выражение — серьезного, сосредоточенного благоговения.

Мне до боли стало вдруг стыдно: или веруй по заповеди Христовой, как младенец, или не место тебе здесь, среди этих простых и чистых сердцем, верующих, не мудрствуя лукаво, своему Богом поставленному пастырю. Я почувствовал себя

виноватым и перед своей совестью, и перед этими окружающими меня «младенцами». Не дух ли гордости, самомнения, не дух ли противления Богу, тайно в каждом из нас гнездящийся, открыл протестующе свое мрачное пребывание, лишь только знамение Креста Господня коснулось меня рукой благодатного пастыря? При этой мысли душа моя как-то просветлела... а уже среди все той же благоговейной тишины в храме опять стали звучать слова канона.

«Предстательницу Тя живота вем и Хранительницу тверду, Дево, и напастей решащу молвы, и налоги бесов отгоняющую: и молюся всегда от тли страстей моих избавити мя...»

Остальную часть канона до самого конца я простоял без лукавого мудрствования.

Батюшка еще три раза прерывал чтение канона, обходя молящихся с лампадами от Спасителя, Николая Чудотворца и с Евангелием, которым он благословлял каждого с какою-то особой проникновенностью, давая его целовать и затем возлагая его на голову богомольца. Жутко стало мне, когда, благословив Евангелием каждого в отдельности, он взошел на амвон и крестообразно, широким крестом осенил им всю церковь; точно словом Божиим он изгонял из храма всю нечисть наших душевных помышлений, а может быть, — кто это знать может, — и видимых его духовному взору врагов нашего спасения. Скрытое от нас для нашего земного испытания, для испытания нашей веры, не может не быть открыто подвижникам веры, прошедшим всякие искусы и по-

бедившим. При последней трубе обетований наших будет ли мир глумиться над тем, чего теперь не видит, не понимает и отвергает?!

Благословив по окончании чтения канона молящихся крестом, как и с Евангелием, подходя к каждому богомольцу, отец Егор прочитал молитвы на освящение воды, снес аналой на солею, вынес из алтаря копие, употребляемое при проскомидии, и небольшую луженую кастрюлечку, взял их в обе руки и сам стал перед аналоем. Народ столпился перед ним. У каждого в руке была какая-нибудь посуда, наполненная водой. Степенно, без толкотни и давки, богомольцы подходили к батюшке и подавали ему свою посудинку. Батюшка брал ее, выливал воду в свою кастрюлечку, погружал в нее копие, делая им в воде троекратно крестное знамение.

— Во имя Отца и Сына и Святаго Духа! На что берешь воду?

При этих словах батюшка выливал освященную воду через леечку обратно в поданную посуду.

— Девочка моя вот уже третий годок от Покрова с печки не поднимается. Как захворала, все лежит да лежит: вся уж иссохла, бедная. Помолитесь, батюшка!

— Как звать твою девочку? Каких лет?

— Пятнадцати годочков, батюшка! с Великого поста шестнадцатый пошел. Зовут Парасковьей.

— Параскевой! Помолюсь — Бог поможет: у Бога милости много.

— Я уж ее, батюшка, и по докторам возила, и в больницу клала — все нет помощи! Хужеет девочке.

— Бог даст, твоя девочка скоро выздоровеет. Каяться надо: грех небось есть на твоей душе, в котором не повинилась? Господь иногда в детях за нераскаянный грех родительский взыскивает.

— Всем грешна, окаянная! Благословите, батюшка, у вас поисповедоваться!

— Бог благословит! Останься, пока народ схлынет!

Какая-то молодая бабенка сует батюшке в руку целую четвертную бутыль.

— На что берешь воду? Куда столько?

— Батюшка! Я — дальняя. Себе беру, да соседи просили. Твоя водица-то скольким от болезней помогает. Беспременно наказывали и на ихнюю долю воды твоей хоть по чуточки принести.

— Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа! Что ты воду моей зовешь? Не моя она, а святая, Самим Богом через меня, грешного священника, освященная. Господь через нее по вере помогает людям в болезнях.

— Простите, батюшка!

— Бог простит!

— Батюшка! муж со мной больно плохо живет!.. — Батюшка! сын ушел, пятый годок не шлет весточки!.. — Батюшка! благословите мне лавку открыть!.. Батюшка...

И на все запросы, на всякий крик сердечного, давно наболевшего горя у отца Егора находилось слово привета, утешения, совета. В каждом его слове, в каждом совете его чувствовалось такое знание человеческого сердца, такое проникновение в самую глубь

народного быта, душевной жизни народа, что ни один подходивший, иногда приступавший к нему с глазами, красными от невысохших слез, не уходил от него с лицом непросветленным. Чувствовалось, что каждый получал свое утешение и именно то, которого жаждала и без отца Егора не находила его скорбная, измученная душа. Говорят, отец Амвросий обладал именно этим свыше ниспосланным даром.

Около часу простоял я в своем уголке, с невыразимым волнением наблюдая эту удивительную, никогда не виданную картину. Холод в церкви пронизал меня наконец сквозь теплый полушубок, а волна ищущих совета и утешения не только не отливала, а еще, казалось, все возрастала: уходил один, на его место приходило двое, трое. Двери храма отворялись поминутно, и холодный ветер с надворья врывался беспрепятственно, леденя внутренность и без того холодной церкви. Я чувствовал, что мерзну, а батюшка, казалось, не чувствовал ни мороза, ни усталости — все тот же бодрый и участливый его голос раздавался по церкви. Что за удивительная сила духа! И этот-то человек «уж больно квел был — кровью кашлял!»

Антоныч, уже успевший добраться до батюшки, с двумя бутылочками святой воды (одну прихватил, добрый старичок, для меня), побежал своей торопливой, семенящей походкой в «странную» хлопотать мне о самоварчике. Я хотел дожидаться выхода отца Егора из церкви, чтобы просить его принять меня отдельно от других богомольцев, но и меня мороз выгнал вслед за Антонычем греться в «странную». Народу еще много оставалось в церкви; были и желающие

исповедоваться. Отцу Егору труда оставалось еще по крайней мере часа на три.

«Странная» отца Егора — довольно длинное одноэтажное здание. Оно было все переполнено народом. Нам с Антонычем был отведен номерок — маленькая, тесная комнатка в одно окно с убогой мебелью. Вся постройка выглядела довольно ветхой. Пахло сыростью... Не за житейским комфортом едут к отцу Егору!

Антоныч уже готовил мне чай, сидя за кипящим самоварчиком.

— А ты что ж чай не пьешь?

— А я у батюшки благословился исповедоваться. Грехи-то ему сдам — назад легко будет ехать.

— Когда же приобщаться? Завтра обедни не будет!

— А запасными-то? Христос один. Может, сегодня же и благословит Господь сподобиться за молитвы батюшки.

— Как же это так, Антоныч, без подготовки? Ведь поговорить надо, в церковь походить!

— Э, батюшка! Мы — люди дорожные, а дорожные — что больные! Да я ведь разве самовольно — я с благословения отца духовного. И то сказать: сколько ни готовься — не пригодишься по грехам своим до самой гробовой крышки! А благословит Бог, сразу чист станешь. Ты к Нему, к Богу-то милосердному, не лезь со своим достоинством, а говори Ему: раб я Твой смердящий и недостойный, но во всем да будет воля Твоя! Вот и вся подготовка! Сокрушение нужно, мой батюшка, от всего сердца! Так-то!

О, если бы Господь дал каждому из нас проникнуться всей глубиной высказанной истины! Не утратило ли сердце современного человека способности сокрушаться о своей греховной грязи перед чистотой бесконечной?!

VII.

Недолго просидел я за самоваром и опять ушел к церкви — боялся пропустить выход отца Егора. В церковь я не пошел, а остался ожидать его выхода на паперти: я видел все для себя важное, а стоять в церкви и выслушивать человеческие горести, поверяемые пастырю, мне казалось уже недостойным любопытством. Но еще долгих часа два пришлось мне дожидаться выхода батюшки: исповедники его задерживали. От начала канона прошло часов пять. Наступили ранние зимние сумерки. Хотя на дворе было теплее, чем в церкви, я опять начал дрогнуть; а отец Егор все еще не выходил.

Прошли из церкви мимо меня две одетые по-городски женщины.

— Скоро выйдет батюшка?

— Должно быть, сейчас — в церкви, кажется, больше никого нет!

Я остался один. Начинало темнеть. Весь народ попрятался от крепчайшего мороза по теплым уголкам, где кто мог найти себе местечко. Прошло еще с четверть часа томительного ожидания. От пронзительного холода я начал дрожать как в лихорадке: мороз предательски забрался под полушубок. Наконец взвизгнула на застывших тяжелых железных петлях

дряхлая дверь, и отец Егор вышел из церкви, разговаривая с каким-то человеком. Он сам запер церковные двери, попробовал, хорошо ли заперт замок, и, заметив, вероятно, мое ожидание, стал прощаться со своим собеседником.

— Бог благословит! Поезжайте с Богом! Пошли вам Господь милость Божию! — говорил батюшка, пока тот принимал его напутственное благословение.

Я тоже подошел под благословение. С каким-то особым, если можно так выразиться, дерзновением, широким иерейским крестом он благословил меня. Мы вдвоем пошли рядом. Легонькая, потерявшаяся ряса на вытертых от времени простых овчинах, старый вязаный шарф на шее, на голове облезлая меховая шапка меха совершенно неопределенного — совсем бедный, бедный дьячок из беднейшего прихода. И рядом с этим — трехэтажный дом для сирот, новый трехпрестольный храм! Этот не «своих си» ищет!

— Батюшка! Я — дальний, можно вас побеспокоить на дому? — мне очень с вами нужно переговорить!

— Милости просим, пожалуйста! Пошли Господь милость Божию! Поговоримте, поговоримте!

По дороге к дому отца Егора навстречу нам подбегали богомольцы — кто принять благословение, кто с вопросом, кто опять за советом. Точно чутьем каким учуяли, что идет батюшка: выползли из теплых закоулков, где сидели спрятанными. Господи! как это сил хватает у этого человека! Что за удивительное терпение!.. Только у самого дома оставили его в покое.

С отцом Егором мы вошли в дом через кухню. Серенькая обстановка дома вполне подходила к батюшкному одеянию. На столе приготовлена несложная трапеза: в поливной глиняной полумиске лежит нарезанная крупными кусками вареная, давно уже остывшая говядина, «христославная» черствая лепешка из плохой ржаной муки, банка из-под французской горчицы с простой горчицей... Других «разносолов» не было.

— Погрейтесь, пока я переоденусь, у печки, а то вы, я вижу, застыли.

У меня, действительно, от холода даже коленки дрожали.

В кухню кто-то вошел. Послышался разговор. Чей-то недовольный голос раздался довольно громко:

— Да дайте же вы, наконец, хоть поесть батюшке!

— А как же покойничка-то? Ведь его проводить надобно!

— Не уйдет ваш покойник. Надо ж пожалеть живого-то человека — ведь не железный! — долетали до меня негодующие восклицания.

Из внутренних комнат вышел отец Егор и прошел мимо меня, направляясь в кухню.

Я стоял и грелся около печки. В комнате было довольно холодно. Прибежал карапуз-мальчик лет двух. Вся рожица замазана кашей. Посмотрел на меня удивленно, не то испуганно, и затопал обратно своими неверными ножонками. В соседней комнате возились дети. Вошел батюшка.

— Вот дело-то какое! В село надо ехать поднимать покойника, пока еще не вовсе стемнело. Вы уж меня простите! Зайдите вечером, часиков в восемь.

Я рад был этой отсрочке: хотелось разобраться в своих впечатлениях. Я не мог не признаться себе, что обстановка домашней жизни отца Егора на меня подействовала расхолаживающе: в моей голове как-то не могло связаться представление о духовности с кучей ребятишек, с обстановкой захолустного семейного священника, самого, казалось, заурядного «попа», да еще «попа» времен отживших. Теперешние священники в селах, особенно из молодых, куда на вид развитее и образованнее, ближе и по обстановке и по развитию нашему брату из «цивилизованных»! Что мне, человеку выдавшему всякие виды и еще находившемуся под гипнозом разных, так называемых европейских, идей, мог дать Чекряковский батюшка? Потрясающее впечатление первой встречи незаметно для меня предательски стушеввалось: замазанная кашницей рожица, «христославные» лепешки — назойливо лезли в глаза, низводя образ отца Егора с высоты, на которую его вознесло мое воображение... Конечно, только воображение?!

VIII.

Совсем остыл мой пыл к отцу Егору, когда часу в восьмом вечера я пришел к нему для условленной беседы. Надо будет, думалось мне, отделаться от нее под каким-нибудь благовидным предлогом, попросить благословения да завтра ехать пораньше домой, тем более, что Антоныч успел «сдать свои грехи» и причаститься. Душа моя испытывала тягостное чувство разочарования и даже некоторого озлобления: за что, в самом деле, я перенес муку зимнего путеше-

ствия, без сна, без еды, лишенный малейшего признака удобства, к которому привыкло мое избалованное, изнеженное тело?

У батюшки меня опять просили подождать: кто-то был у него в гостях. Тонкая перегородка отделяла меня от жилых комнат. Слышался разговор о самой что ни на есть обыденщине деревенской жизни. Голос отца Егора вмешивался в разговор такой заурядный, такой безынтересный.

Ну что я приехал искать себе здесь? Что удовлетворяет какого-нибудь Антоныча, может ли дать удовлетворение мне?! Я злился. Полчаса, проведенные в ожидании, показались неделей.

В начале девятого часа вышел за мною отец Егор, такой приветливый и ласковый, что у меня немного отлегло на сердце. Я попросил благословения, и как-то сразу на душе стало легче и радостнее.

Не успели мы с отцом Егором усесться за столиком в его гостиной, как он меня буквально, что называется, с места огорошил таким вопросом, который в немногих словах охватил все сокровенное моей души, всю ее многолетнюю тайную скорбь, все то главное, о чем я хотел было вести с ним беседу, пока еще не полонял моего сердца сомневающийся дух противления. Я остолбенел. Слезы подступили к самому горлу. Откуда ему все это открыто? Тайна моей души читалась им, как в открытой книге; и речь простая, исполненная теплоты и ласковой задушевности, лилась целительным бальзамом, врачуя незажившие раны, бодря мою унылую душу. Я молчал, а слезы тихо катились, изумленные, радостные...

Я не могу рассказывать об этой беседе...

Так вот она, эта прозорливость! Совершившееся превзошло все мои ожидания. Но как обнаруживался этот благодатный дар?! Батюшка все время говорил не то полувопросами, не то полуутверждениями: он точно хотел скрыть значение этого дара, усиливаясь словам своим, представлявшим для меня целое откровение, придать форму обыкновенной интимной беседы старшего с младшим.

Скажу одно: я получил полное утешение — мне был дан ответ на все мучительные запросы моего сердца. Не так-то это легко было сделать...

— Ну, как вам понравилась наша церковка?

— Дивная, батюшка! Не одно столетие, должно быть, пережила она? Такие церкви теперь только на картинках разве рисуют.

— Правда ваша — древний храм! Я застал в нем антиминс, освященный еще во времена царевны Софии Алексеевны. Совсем заваливалась церковь-то, когда я поступил сюда на служение.

— Как это вам Бог помог устроить все, что мне довелось здесь у вас видеть?

— Сила Божия в немощи нашей совершается. Пока человек рассчитывает на свои силы, до тех пор нет проявления соспешествующей силы Божией. А вот оставили тебя твои силы, ближние твои отступили от тебя, нет спасающего: тут-то и возопи с верой и смирением! А Бог-то, Он тут как тут. Скор и внезапен Он, Милосердный, на помощь всем, призывающим Его во истине. Кажется: вот-вот затоптали человека люди и обстоятельства; а он возопил к Богу

из глубины душевной, и вот — где топтавшие?! Моя жизнь прошла через такие-то искусы. Когда петля, казалось, захлестывала меня, помог Господь, да как помог-то! через старца Амвросия — блаженная ему память, угоднику Божью!

— Как же это, батюшка, случилось?

— Извольте, расскажу! Я из этого тайны не делаю, да и нельзя делать тайны из проявлений Божественной силы и благодати. К тому же и касается вся эта история больше отца Амвросия, чем меня, многогрешного... Немоощь нашу вы уже изволили видеть. Со дня моего поступления в здешний приход я уже успел, по милости Божией, кой-что восстановить, кое-что поправить. Но когда я сюда приехал, меня оторопь взяла — что мне тут делать? Жить не в чем, служить не в чем. Дом — старый-престарый; церковь, пойдешь служить, того и гляди — самого задавит. Доходов почти никаких... Прихожане удалены и от храма и от причта. Народ бедный; самим в пору еле прокормиться... Что мне было тут делать?! Священник я в то время был молодой, неопытный, к тому и здоровьем был очень слаб, кровью кашлял. Матушка моя была сирота бедная, без всякого приданого. Поддержки, стало быть, ни оттуда, ни отсюда не было, а на руках у меня еще были младшие братья. Оставалось бежать. Так я и замыслил.

На ту пору велика была слава отца Амвросия. Пустынь Оптиная от нас верстах в шестидесяти. Как-то по лету — ночь бессонная — взгомозился я от думушек... Ни свет ни заря, котомку за плечи да и пошел к нему отмахивать за благословением ухо-

дить мне из прихода. Часа в четыре дня я уже был в Оптиной. Батюшка меня не знал ни по виду, ни по слуху. Прихожу в его келью, а уже народу там — тьмы: дожидаются выхода батюшки. Стал и я в сторонке дожидаться. Смотрю — он выходит да прямо меня через всех и манит к себе:

— Ты, иерей, что там такое задумал? Приход бросать? А? Ты знаешь, Кто иереев-то ставит? А ты бросать?! Храм, вишь, у него стар, заваливаться стал! А ты строй новый, да большой каменный, да теплый, да полы в нем чтоб были деревянные: больных привозить будут, так им чтоб тепло было. Ступай, иерей, домой, ступай да дурь-то из головы выкинь!.. Помни: храм-то, храм-то строй, как я тебе сказываю. Ступай, иерей. Бог тебя благословит!

А на мне никакого и знака-то иерейского не было. Я слова не мог вымолвить.

Пошел я домой тут же. Иду да думаю: что же это такое? Мне строить каменный храм? С голоду дома чуть не умираешь, а тут храм строить! Ловко утешает, нечего сказать!

Пришел домой: кое-как отделался от вопросов жены... Ну что ей было говорить? Сказал только, что не благословил старец просить перевода. Что у меня тогда в душе происходило, кажется, и не передашь! Напала на меня тоска неотвязная. Молиться хочу — молитва на ум нейдет. С людьми, с женой даже не разговариваю. Задумываться стал.

И стал я слышать и ночью и днем — больше ночью — какие-то страшные голоса. «Уходи, — говорят, — скорей! Ты один, а нас много! Где тебе с нами

бороться! Мы тебя совсем со свету сживем!..» Галлюцинация, должно быть...

— Батюшка, я верую!

— Ну да! Что бы там ни было!.. Только дошло до того, что не только во мне молитвы не стало, — мысли богохульные стали лезть в голову; а придет ночь — сна нет, и какая-то сила прямо с постели стала сбрасывать меня на пол, да не во сне, а прямо въяве: так-таки поднимет и швырнет с постели на пол. А голоса-то все страшнее, все грознее, все настойчивей: «Ступай, ступай вон от нас!»

Я в ужасе, едва не мешаясь рассудком от перенесенных страхов, опять кинулся к отцу Амвросию.

Отец Амвросий, как увидал меня, да прямо, ничего у меня не расспрашивая, и говорит мне:

— Ну, чего испугался иерей? Он один, а вас двое!

— Как же это так, — говорю, — батюшка?

— Христос Бог да ты — вот и выходит двое! а враг-то — он один... Ступай, — говорит, — домой, ничего вперед не бойся; да храм-то, храм-то большой каменный, да чтоб теплый, не забудь строить! Бог тебя благословит!

С тем я и ушел.

Прихожу домой; с сердца точно гора свалилась. И отпали от меня все страхования. Стал я тут и Богу молиться. Поставишь себе в церкви аналойчик за левым клиросом перед иконой Царицы Небесной, затеплишь лампадочку, зажжешь свечку да и начнешь в одиночку в пустом храме канон Ей читать, что теперь читаю. Кое-что из других молитв стал добавлять.

Смотрю: так через недельку, другую — один пришел в церковь, стал себе в уголку да со мной Богу вместе молится; там — другой, третий, а тут уже и вся церковь полна стала набираться. А как помер батюшка отец Амвросий, народ его весь начал к Чекряку прибиваться: советов от меня да утешений ищут: без отца Амвросия-то жутко стало жить на своей вольной волюшке. Трудно человеку в наше время — без руководителя! Ну да я — какой руководитель! Вот был руководитель и утешитель — это отец Амвросий! Тот и впрямь был всяких недугов душевных и телесных врачеватель!.. Впрочем, по вере ищущего, Господь по обетованию Своему не отказывает человеку в его прощении во благо и через недостойных пастырей, «Его бо есть и миловать нас и спасти», Ему и слава, и благодарение во веки веков. Аминь.

Я вспомнил многострадальный день отца Егора, исполненный невероятного терпения любви и кротости... И ты-то, родной, считаешь себя, по глубокому твоему смирению, недостойным! Что же тогда мы? мы, уже почти возложившие на свою десную и на чело начертание апокалипсического зверя?!

Отец Егор умолк. Надо было прощаться; приближалась полночь. Пятнадцатичасовой трудовой день отца Егора должен же был когда-нибудь кончиться, хотя ни во взгляде, ни во всей фигуре батюшки не было видно и признаков малейшего утомления.

Я вспомнил, что хотел его спросить о своих делах. Рассказал ему о них, высказал свои соображения о их устройстве, свои опасения за будущее...

— Помолимся завтра. Бог поможет, что-нибудь и посоветую! — Я подошел под благословение и поцеловал благословляющую меня руку. Отец Егор неожиданно и к великому для меня смущению поцеловал мою.

Смирение души великой!

IX.

К позднему зимнему рассвету удалось мне забыть тревожным сном переутомления и от тяжелого, беспокойного пути, и от пережитых впечатлений. Всю ночь скрипели двери «странной»: народная волна то отливала из Чекряка, то вновь прилиwała — шли и ехали, уходили и отъезжали почти безостановочно, скрипя полозьями саней, позвякивая бубенчиками. «Странная» была переполнена, а народ продолжал прибывать, несмотря на усиливающийся мороз и легкую «пыльцу»¹, шумевшую в поле.

Милоть Илии на Елисее! Благословение отца Амвросия на подвиги отцу Егору! Сила Божия, совершающаяся в немощи!.. Веру народную не обманешь, не подкупишь; она, как вольная птица, знает врожденным инстинктом, где вить свое гнездо. Вьет она его там, где вольнее пища, куда труднее доступ хищнику, где «не в сильном ветре, раздирающем горы и сокрушающем скалы, не в землетрясении, не в огне, а в веянии тихого ветра» ей является Господь, как являлся некогда Илии Фесвитянину, великому проку Израиля...

Антоньч успел причаститься в то время, как я стоял на паперти, дожидаясь выхода отца Егора. По-

¹ «Пыльца» — начинающаяся метель.

груженный в свои думы, я не заметил, как он проскользнул мимо меня. В нашем тесном номерке, свернувшись калачиком на коротком, жестком диванчике, он проспал всю ночь безмятежным сном младенца. Да он, сподобившийся принять Господа в великом и страшном Таинстве Святого Причащения, действительно имел право быть младенцем.

Наутро канон и последующие беседы с народом у отца Егора не были так продолжительны. Часу в третьем дня, идя той же знакомой тропой из церкви к его дому, отец Егор обнял меня правой рукой за плечо, поглядел на меня серьезно и вместе ласково и сказал:

— Дела своего не бросайте, земли не продавайте! Помните, сила Божия в немощи совершается. Что задумали было, того не делайте. Бог и те же люди помогут! Годок, другой трудно будет, надоедно, а там и сами не заметите, как все устроится. Ведь могут быть и урожаи лучше, и цены выгоднее! Не правда ли? ведь могут?.. Пошли Господь милость Божию! Езжайте с Господом! В земле ищите и дохода и утешения — Господь благословит! Только не сомневайтесь!..

После всего виденного и испытанного мне уже было не до сомнений. Скажи мне в ту пору отец Егор идти в Орел босиком, я бы не задумался ни минуты это исполнить.

Через час Воин уже вез нас с Антонычем обратно на родину.

По возвращении домой я совсем было свалился больной в постель от бессонных ночей и тягостей

зимней дороги. Святая вода отца Егора за сутки меня оправила и поставила на ноги.

С милым моим спутником, Антонычем, мы мирно вновь взялись за свой труд.

Х.

Прошло месяца два. Наступил март. Настала ранняя, по времени года, весна. Дожди и яркое солнце пригрели бугорки, зашумели внешней водой овраги, стали синеть и вздуться мелководные наши речонки и реки.

В самом начале распутия я получил от некоего бельгийца, прикосновенного к когда-то нашумевшему на всю Россию кожинскому¹ делу, письмо, по которому было видно, что бельгийские капиталы были не прочь вступить со мною в некоторые деловые отношения. В ответном письме я просил своего корреспондента пожаловать для личных переговоров. Еще мой ответ не успел дойти по назначению, как горничная моя утром рано мне доложила, что меня хочет видеть какой-то иностранец.

Это был мой бельгиец, бедовый и юркий мужчина лет тридцати, с профилем, напоминающим Наполеона I. Из беседы с этим завоевателем конца XIX века выяснилось, что он инженер и явился ко мне как представитель бельгийской акционерной компании, до которой дошли слухи, что в моем имении находятся залежи огнеупорной глины. Компания эта поручила ему удостовериться в

¹Кожин, бывший липецким предводителем дворянства, спекулировал на своей и крестьянской железной руде.

справедливости этих слухов и затем купить у меня имение для устройства грандиозного кирпичного завода, «avec un capital de cinq millions de francs, monsieur»¹.

Для меня затевалось совершенно неожиданно новое дело. Взятые были образцы глины и отправлены в Бельгию. Через короткий сравнительно промежуток времени оттуда были присланы весьма утешительные вести: анализ глины дал прекрасные результаты и мне предложили за мое имение свыше четырехсот рублей за десятину. В то время в нашей местности цена за десятину не превышала двухсот рублей. Бельгиец, ведущий со мною переговоры, был уполномочен заключить со мною нечто вроде предварительного договора впредь до приезда специального уполномоченного из Бельгии.

«Что же это отец Егор-то?» — подумалось мне.

Я передал все нужные для договора планы и документы своему бельгийцу, но договора писать все-таки не решился без совета отца Егора. Подробно и обстоятельно написал я ему письмо в Чекряк, спешно прося его совета и благословения.

Стоял разгар весеннего распутия. Шла полая вода. Мосты на дороге в Болхов частью были сорваны, частью затоплены. Мое письмо к отцу Егору взялись доставить с обратным ответом за пятнадцать рублей и то только потому, что староста вольных ямщиков, оказалось, питал большую веру в батюшку. Другие не брали письма ни за какие деньги.

¹С капиталом в пять миллионов франков, милостивый государь!

Без ответа от отца Егора я на сделки с бельгийцем не решался, несмотря на то что нетерпеливый иностранец подгонял меня, что называется, «во всю».

Надо ли говорить, что я ему не открывал истинной причины своей нерешительности: такие причины разве могут идти в счет между людьми дела?!

До известной степени я переживал муки Танта-ла. Ответа от отца Егора не было, хотя я знал, что мое письмо ему доставлено. Мне был даже передан его словесный ответ:

— Сам ему почтой напишу!

Так прошел месяц, другой... Бельгиец меня заваливал письмами и телеграммами. Наконец назначен был и день приезда ко мне уполномоченного из Бельгии, а ответа от отца Егора не было.

Наступили веселые дни веселого мая. Я решил ехать сам в Чекряк.

Отец Егор меня встретил словами:

— А письмо-то ваше я получил. Небось вы на меня посердились маленько: ответ-то мой вам к спеху был нужен. Уж вы меня простите! Я и писать к вам собирался; да сяду писать, возьму перо... а писать-то что? Ведь дела-то нет никакого! Ведь правда? Нет ведь дела никакого?

— Как же, батюшка, нет? Дело сейчас только за мной да за вашим благословением!..

А отец Егор, не слушая меня:

— Ведь дела-то нет никакого! Вот и отложил я к вам писание-то свое: думаю, посердится, а там и преложит гнев-то свой на милость!

Потом оказалось, что с бельгийцами у меня, действительно, никакого дела не вышло: состоялось Высочайшее повеление о Кожине¹. Блудливые бельгийские капиталы оказались трусливы как зайцы; и планы мои, вероятно, украшают теперь, в качестве воспоминаний о русских варварах и далекой Татарии, кабинет на родине моего бельгийского инженера.

О нем я уже не имел с тех пор ни слуху ни духу. Таков-то отец Георгий Коссов из села Спас-Чекряка Болховского уезда Орловской губернии.

Не стоит ли одесную его один из тех Ангелов, которых в последние дни Господь пошлет собирать своих верных со всех четырех ветров земли?!

14 мая 1903 года

¹ Кожин был уволен повелением этим из предводителей дворянства.

9.

**Одна из тайн Божияго
домостроительства. Святая Русь.
Искатель града невидимого.
Иеромонах Скита Оптиной Пустыни
отец Даниил (Болотов)**

Во дни великого патриарха Александрийской церкви, Афанасия, в городе Констанции, на острове Кипре, епископом был один из замечательнейших прозорливцев Христовой Церкви, блаженный Нифонт. Истинно пророческого духа был этот великий муж и видел духовными очами своими самое отдаленное будущее так, как мы не можем видеть и настоящего...

— Как, — спросит читатель, — неужели мы не видим настоящего?

— Не видим, — отвечу я, — а если бы видели, то давно бы уже облеклись во вретисце и покалялись в тяжких согрешениях, которыми прогневали едва ли не до конца правосудие Божие. А где покаяние наше?.. Не видно его что-то?..

Так вот, этого-то зрителя тайн Божественного домостроительства и спросил однажды преподобный Григорий, ученик его:

— Спрошу тебя, отец, — открой мне, — есть ли еще на земле святые Божии подвижники, которые бы, сияя добродетелями, как Ангелы, были бы подобны Антонию Великому, Иллариону, Павлу и другим многим, явным и тайным, — их же знает один Бог?

И отвечал Блаженный:

— Сын мой! До скончания века не оскудеют святые. Но в последние годы святые эти скроются от людей и будут угождать Богу в таком смиренномудрии, что в Царстве Небесном явятся выше первых чудоносных отцов. Будет же им такая награда за то, что в те дни не будет пред их очами никого, кто бы творил чудеса, и люди сами от себя восприимут усердие и страх Божий в сердцах своих.

Духовная ночь ниспала на грешную землю! Глухая, беспросветная, черная ночь! Тяжелые, мрачно нависшие тучи заволокли далекий горизонт и с севера, и с юга, и с запада, и с востока; нависли грозовые тучи и над нашей головой... Душно, тягостно, давит грудь, трепещет боязливое сердце... Грома еще не слышно; но сгустившаяся туча дрожит от огненных вспышек где-то высоко над тучами реющих молний. Душа замирает, не видя, но чувствуя, как близятся еще далекие, неслышные громы небесные и как уже горит пожаром разгорающихся стихий там где-то глубоко-глубоко, высоко-высоко над тучами разгневанное небо, опускающееся, чтобы сжечь и землю и все дела земли — «блудницы великой, с которою любодействовали цари земные, и от великой роскоши которой разбогатели купцы земные, ибо грехи ея дошли до неба, и Бог воспомянул неправды ея» (Апок. 18, 3 и 5).

Ой, страшно!

Уйдем от этой ночи, скроемся в дома наши, отыщем трепетной рукой в божничке страстную свечку — скорей, скорей зажжем ее пред нашей домашней святыней, пред Ликом предвечного Агнца, Понесшего на Себе грех мира, — наш грех; падем ниц, обливаясь слезами, пред Пречистой Заступницей рода христианского...

Под Твою милость прибегаем, Богородице Дево!..

Зажжем же скорее наши свечи! Не стало еля в светильниках наших: побежим скорее к купующим — авось успеем!.. Помилуй нас, Боже, помилуй нас.

Свечки наши — это те неведомые миру, но Богу ведомые святые угодники Божьи, которые, как прозревал некогда Блаженный Нифонт, не оскудеют до скончания века; они скроются от людей, но не укроются от благоговейного взора и последних христиан, таких же, как они, странников и пришельцев на земле, как и они, не имеющих града zde пребывающего и взыскующих града грядущего, — невидимого града в небесных обителях Отца Небесного. Горят эти свечечки воска ярого чистым пламенем Божественной любви и веры еще и в наше лукавое и многобедственное время; и кто, хотя бы спотыкаясь на каждом неуверенном шагу и падая, идет по тому же, что и они, пути, от того не утаится их смиренномудрие: его найдет по дороге к «невидимому граду» испытующее око усталого и немощного их спутника, как бы ни укрывало оно себя тайной «вертепов и пропастей

земных». Пусть не заглядывает туда высокомерное презрение «одевающихся в мягкие одежды» и пирующих в раззолоченных чертогах міра; но мы с тобою заглянем туда, дорогой мой читатель! Зажжем же эти свечечки, поставим их в свещник и выставим на маленькое наше окошко: во тьме сгустившейся ночи свет из малого оконца далеко будет виден, — глядишь, — на его яркий огонек и набредет, с Божьей помощью, какой-нибудь измученный ложью блуждающих огней мирского болота, отчаявшийся уже в своем спасении путник.

Дай Бог!

I.

В воскресенье 25 ноября 1907 года, в половине второго пополудни, в Скиту Оптиной Пустыни, отлетела к Господу праведная душа иеромонаха о. Даниила, в міру — потомственного дворянина Дмитрия Михайловича Болотова, свободного художника Петербургской академии художеств. Отец Даниил происходил из того рода Болотовых, который во дни слета Екатерининских орлов дал известного творца «Записок Болотова», а в наши дни — четырех иноков: его самого, брата — схимонаха и сестер — игумению-схимницу и схимонахиню.

С отцом Даниилом Господь свел меня лет 8—9 тому назад, когда мне впервые довелось посетить великую духом старчества Оптину Пустынь. На него, как на выдающегося члена святого братства, указал кто-то мне из Оптиных монахов в ответ на мою просьбу — дать мне возможность побеседовать с та-

ким иноком, который мог бы мне помочь распутать сети коварных противоречий между «злой наукой» мира с ее делами и деятельным христианством. Когда монах этот назвал мне фамилию о. Даниила, в моей памяти мгновенно восстал давно забытый облик молодой, красивой и оригинальной по складу ума девушки, которую я часто во дни ранней моей юности видел в доме покойной моей матери. У нас она известна была под именем Sophie Bolotoff. Блеснул этот облик светящимся метеором и исчез навсегда с горизонта моей родной семьи; и только уже много лет спустя, когда и моего оголенного сердца коснулось дыхание христианской жизни, отыскался для меня вновь след этого метеора, но уже на ином небе и между другими звездами; в житии великого Оптинского старца, о. Амвросия, отыскался он. Но самого метеора уже не было: он унесся в премирное пространство первой игуменьей основанного старцем Амвросием Шамординского женского монастыря, схимонахиней Софией.

Вспомнилась мне эта страничка давнишней моей жизни, и подумалось: не брат ли о. Даниил этой Sophie Bolotoff?

О. Даниил оказался, действительно, ее родным братом.

Общность ли воспоминаний, связанных с почившей сестрой-игуменьей, или другое что, не менее общее в душах наших на почве христианского искания пути к «невидимому граду», — не знаю, но вышло так, что я сердечно сблизился со Старцем. Он переступал за шестидесятую грань своего возраста и уже

более десяти лет был монахом; я стремительно мчался, гонимый вихрем моей жизни, к сороковому моему лету и никогда и в мыслях не имел стать монахом. Но перед ним и мною лежал один путь: им познанный, а мне желанный — Христос. На Нем мы сошлись. Им и в Нем полюбили друг друга...

По академии отец Даниил был товарищем, если не ошибаюсь, Репина и Васнецова. Портретист по специальности, он в свое время был в немалой славе в избранном и высокопоставленном петербургском обществе. Не была эта слава многошумящей, как слава Репина, не блистала она сиянием духовного гения богатыря самобытной русской кисти Васнецова: слава художника Болотова была из тех, которая дает уверенность в завтрашнем дне, и день этот окружает почетом, обеспечивает хорошим заработком, а вечер жизни — старость озаряет радостью тихого покоя.

В монастырь он пошел уже немолодым человеком, в преполовлении века: ему исполнилось ровно пятьдесят лет, когда дверь скитской кельи отгородила его от дел мира. Что привело его в это преддверие христианского рая? Искание этого рая, искание «града невидимого», Небесного Иерусалима, по пути к которому много веков шла Святая Русь благочестивых царей, благоверных цариц, князей, бояр, купцов и смердов — всех лучших строителей земли Русской, всей той ее соли, которая была истинной, еще не обуювшей солью земли, светом мира. Этого «невидимого града» с детских лет искала и жаждала хрустальная душа отца Даниила. Не от нижних, а от вышних было его пламенное сердце, горевшее деятельной апо-

стольской верой; и это-то сердце безошибочно и верно указало ему и легчайший путь к «невидимому граду» — в отвержении от мира и от всего, яже в мире.

«Я был девятилетним ребенком, — рассказывал мне о. Даниил, — и жил со своей семьей в тульском имении моих родителей. Дом наш в деревне был старинный помещичий дом: из передней — зала, из залы — гостиная, целая анфилада так называемых парадных комнат, огромных, со старинною громоздкою мебелью, и мало уютных. Жилая половина была в стороне, и в нее вела из залы дверь, открывавшаяся в длинный коридор. Первая комната в этой половине, если считать от залы, была для приезжих, и в ней обыкновенно стояли большие приданные сундуки моей матери, окованные жостью. В этой комнате было одно «италианское» окно почти во всю ширину ее наружной стены. Мы — дети, когда уже станет темно, всегда очень боялись проходить по вечерам мимо этой «приезжей» комнаты, и родители наши, воспитывая в нас мужество, часто командировывали нас, когда смеркнется, с разными поручениями из парадных комнат в жилые. Едва преодолевая страх, мы должны были бегать мимо этой до сердцебиения жуткой «приезжей». Я хорошо помню и даже, кажется, сейчас чувствую, как трепетно сжималось тогда мое детское сердце.

И вот, раз я вижу сон: будто меня поздно вечером зачем-то послали через этот страшный коридор в спальню. С трепетом отворил я дверь из залы и принимаюсь, прежде чем перешагнуть через порог, мысленно себя успокаивать: чего, мол, бояться? Раз-

бойникам зайти неоткуда — все окна и двери запечаты кругом; да и волк по той же причине ниоткуда не пролезет — чего тут бояться?.. С этими мыслями я отважно вступаю в коридор. Дверь в «приезжую» открыта, и сквозь итальянское ее окно льется яркий лунный свет уже позднего вечера. Только это я стал пробираться мимо двери «приезжей», как на меня вдруг пахнуло холодом и сильный порыв ветра дунул на меня с такою силою, что я перепугался до полусмерти. Смотрю: итальянское окно раскрыто настежь, и наружный воздух свободно врывается с ветром в страшную комнату... Куда тут девалась моя смелость!.. Да так и разбойники и волки могут залезть! — испуганно заколотилось в моем сердце, и я точно приковался от страха к одному месту... В то же мгновение вижу: в открытое окно влетает в ярком сиянии Ангел. Крылья белоснежные сверкают ослепительным блеском. Стан и плечи опоясаны орарем, как у диакона перед причащением; одежды, точно тканые из света. Рост величественный, и сам Ангел красоты неописанной. В руках у Ангела была большая плетеная корзина.

Влетел Ангел в комнату, поставил корзину на пол и рукой манит меня к себе. Страх мой мгновенно прошел, и мне вдруг все стало интересно. Я доверчиво вошел в комнату, и Ангел взял меня и посадил в корзину. Я сел в нее, и ее края скрыли меня до самого подбородка. Взял мой Ангел корзину в руки, взмахнул крыльями и вылетел со мною вместе вверх к поднебесью. И виделя, как мы поднимались, как летели над макушками деревьев, как свер-

кали огоньки в окнах родного дома и жилых хозяйственных построек, как мы летели все выше и выше и как постепенно ступеньками где-то далеко внизу очертания усадьбы, окрестных деревень и, наконец, самой земли. Над нами темнело одно ночное небо с серебряной луной и сверкающими звездами, а под нами непроницаемой завесой стояла непроглядная ночь. И в таинственной тишине неудержимого, могучего полета, среди необъятного пространства, я, замирая от жуткого и необъяснимо сладкого чувства, возвысил из корзины свой детский голосенок и спросил:

— Куда ты летишь, Ангел?

— К Богу! — услышал я ответ.

И мы понеслись еще быстрее, еще стремительнее вверх. И вдруг ночь сменилась ярким светом, бесконечно ярче света земного солнечного дня.

Кругом нас — ярко-голубой воздух и ничего другого: одно неизмеримое, неопишемое пространство... И мы летим все выше и выше...

Среди этого воздушного голубого простора впереди себя я вижу огромный дуб с громадными ветвями, и дуб этот срублен; стоит рядом с ним и его пень; а кругом все тот же неизобразимый воздушный простор неоглядного неба... Долетел Ангел до этого дуба и остановил свой могучий полет, вынул меня из корзины и посадил на пень, а сам сел рядом со мною на ствол срубленного дерева... А за Ангелом — ветви дуба, густые, широковетвистые...

Я опять спросил Ангела:

— Где мы, Ангел?

— На полдороге к Богу! Отдохнем здесь, а там... опять полетим дальше! — ответил мне мой Хранитель.

Долго ли, коротко ли мы так сидели: только вдруг я чувствую, что Ангел меня легонько толкнул своим коленом. Я взглянул на него и вижу, как он внезапно точно весь подтянулся и одними очами с трепетом показывает мне от себя вправо, за ветви дуба. Я взглянул туда, а Ангел, продолжая очами указывать на то же место, шепчет мне тихо, чуть слышно:

— Бог!

И за ветвями дуба, в невероятном, именно неприступном свете увидел я облик «Ветхаго Денми» невыразимой, непередаваемой благодати. От этого света я не мог Его разглядеть подробно; видел только как бы в треугольнике. Лицо неопишуемой красоты, доброты, любви, милости и совершенства такого, которому нет никакого подобия на земле и быть не может... и с этим я проснулся».

II.

— Еще с раннего детства, — рассказывал мне в одну из многочисленных с ним бесед старец Даниил, — у меня была склонность, очевидно, уже врожденная ко всему, что так или иначе касалось вопросов веры и Церкви. В детстве, конечно, не было мне никакого дела до вопросов: детскому умишку все в этой области было ясно, и вся вера сводилась к Божьему храму, к Богу, к Богородице, к Ангелам да к святым угодникам — и вся она представляла собою совершенно реальный мир, отнюдь не менее дей-

ствительный, чем весь окружавший мое детство видимый мир. Мир этот, недоступный и непостижимый большинству современных умников, для детского моего сердчишка — был не только понятен, но даже и доступен, потому что жил в сердце и им властвовал почти — как очевидность, ну, как например: воздух, вода, небо, мать, как отец или брат и сестры. Божий храм мне был до такой степени свой, так чувствовал я себя в церкви как дома, что раз, лет трех или четырех, я забрался даже через открытые Царские врата в алтарь во время Богослужения и там стал ручонками забавляться на престольной одеждой, пока моей проделки не заметили и с ужасом не вывели проказника из алтаря... Как теперь видите, эта детская проделка не лишена была таинственного значения и знаменовала мое теперешнее иеромонашество; но тогда она не была истолкована в этом смысле, и мне порядком за нее попало.

Настроение всей окружавшей меня родной семьи было глубоко религиозное, и, с тех пор как я начал учиться и жить уже сознательною жизнью, вместе с внешним учением ум мой стал питаться словом Божественного Писания и творений св. Отец. В этом великом деле образования христианской души мне особенно помогала моя старшая сестра, Мария, несколько лет тому назад окончившая свою подвижническую земную жизнь схимонахиней Макарией в Шамординском монастыре. С ней вместе мы читали Слово Божие, вместе с ней, несмотря на наш юный возраст, углублялись, в мерах нашего юного разума, в дивные откровения святоотеческого писания. Так

проходило мое детство, так пролетали дни моей беззаботной юности, пока не стукнуло мне семнадцати лет, когда настало время определять меня к делу; а дело это было — живопись, к которой у меня дарование определилось с тех пор, как я научился брать карандаш в руки. Свезли меня в Петербург и определили в Академию художеств. Поселился я жить в Петербурге на Васильевском острове, поближе к своей академии, и стал усердно заниматься живописью. Но и в шумный Петербург, несмотря на мои юные годы, я привез с собою ту же духовную настроенность, которой меня наградило мое детство. Вечера после занятий в академии я по большей части проводил дома, изредка навещая добрых знакомых да кое-когда поигрывая с товарищами на билиарде. Мало с кем в Петербурге находилось у меня общего: не вмещал в себя дух веселящейся столицы того, чем привыкла питаться и жить душа моя, и я сиднем сидел в своей комнате, предаваясь излюбленному с детства чтению. Не тянул меня обольстительной приманкой своих развлечений этот, по выражению Оптинских старцев, «безгрешный город», безгрешный потому, что «ни в чем для себя греха не знает»; а я уже знал значение греха, знал и наказание за грех смертью. Не смерти я хотел, а жизни вечной, которую тоже знал по вере, и по вере своей к ней всей душой стремился.

У хозяев квартиры, от которых я снимал комнату «со столом и с мебелью», кроме меня, были и еще жильцы — семья, состоявшая из мужа и жены, которые почему-то все никак между собою не могли поладить; и часто до слуха моего в одинокую мою келью

доносились их споры, шум, гневные окрики, а иногда даже и грохот едва ли не рукопашной свалки... Есть же, право, на свете такие супружеские пары, которые, соединясь друг с другом навек, из супружеского мира и согласия, каким должен быть всякий правильный христианский брак, умеют создать совершенное подобие нескончаемой войны и раздора. Таков был союз и моих соседей... Сначала меня тревожило это немирное соседство; но дни шли за днями, и как человек с некоторым терпением ко всему привыкает, так привык и я к обычным ссорам моих сожителей. Привык же я к этому до того, что уже мог спокойно заниматься излюбленным моим чтением творений христианского духа. Читал же я их обыкновенно так, как советуют св. Отцы Церкви; если — говорят они — в уединенном чтении твоём Слова Божия встретится тебе нечто неудобовразумительное и ты, не имея доброго и мудрого наставника, не поймешь его, то не останавливайся над ним, но смиренно, попросив просвещения и вразумления от Отца светов, продолжай свое чтение далее и будь уверен, что в следующий раз, когда дойдешь до непонятого тобою места Священного Писания, оно станет тебе понятным.

И вот, в один вечер сидел я за Библией, читая Евангелие от Матфея, и остановился над словами Спасителя нашего: «И Царь скажет им в ответ: так как вы сделали это одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне» (Мф. 25, 40). «Что бы это, — подумал я, — могло бы значить? Как это так: Бог, Творец, Святой, Безгрешный, Независимый, Самодовлеющий — и так Себя равняет с чело-

веком, что как бы даже отождествляет Себя с ним? Может ли быть, чтобы, не накормивши или не напоивши заведомого для меня злодея, я бы не накормил и не напоил Его Самого, Царя и Бога моего?..» Такая, говорю, мелькнула у меня мысль в голове. За ней, несомненно, стали бы роиться и другие — да они было и зароились, — но я тотчас же остановил «бурю помышлений сомнительных», поступив по правилу св. Отцов, и стал читать дальше... В это мгновение обычная соседская распря между супругами внезапно с чего-то обострилась: раздались гневные восклицания страшных угроз, поднялся шум переходя от угроз к действию — начиналось что-то вроде драки... В ту же минуту в голове моей ярко нарисовалась картина возможной уголовщины: убийство, участок, полиция, следователь, суд; я — в свидетелях — словом, во мгновение ока я попал в фантастический вихрь всевозможных бедствий; а бедствия эти могли осуществиться на деле, потому что глава этой супружеской четы был характера бешеного и, когда выпьет лишнее, — что с ним случалось нередко, — то уже себя не помнит... Молнией из сердца в голову ударила мысль: беги на помощь слабейшему!.. У изголовья моей постели висело небольшое распятие — деревянный крест с вырезанным на нем рельефом Спасителя. Распятие это следовало со мною повсюду: куда бы я ни шел или ни ехал, я прятал его на грудь под жилетом; размера распятие это было небольшого, и за жилетом его не было видно. Схватил я этот крест к себе на грудь, кое-как застегнул сюртук и, перекрестившись, кинулся умиротворять сосе-

дей. И была пора: еще бы мгновение, и муж успел бы раскроить жене череп тяжелым бронзовым подсвечником, которым он уже замахнулся на нее, когда я вскочил к ним в комнату.

— Что вы делаете? — крикнул я не своим голосом. — Остановитесь! Ведь вы ее убьете! И это сильный-то над слабым!.. Грех, грех!

Смертельный удар, занесенный над головою уже валявшейся на полу бедной женщины, был отведен моим внезапным, как буря, появлением. Женщина поднялась с пола; и в ту же минуту с бешеным воплем «Ах ты, мальчишка, молокосос!» муж со всего размаху швырнул мне в голову подсвечник. Направленный удар не пришелся по голове, — я инстинктивно откинулся назад, — а хватил меня в грудь с такою силою, что я пошатнулся и едва не слетел с ног, а безумец выскочил вон из комнаты.

Кое-как успокоил я бедную мученицу, посидел с нею, мысленно благодаря Бога, что Он не допустил совершиться убийству, и вернулся в свою комнату, все еще взволнованный тяжелой семейной драмой, которой мне довелось быть участником.

Сбежавший муж в эту ночь домой не возвращался.

Когда я несколько пришел в себя от пережитого волнения и стал раздеваться, то вспомнил, что у меня под сюртуком крест. Бережно ощупал его, и хотел было его вынуть, и тут заметил, что он расколот надвое; и надвое был переломлен распятый на нем Спаситель: весь направленный на меня обезумевшей рукой убийственный удар Он принял на Себя.

И мгновенно я понял тут слова Его: «Что сотворите единому от малых сих, то Мне сотворите».

А на другой день вчерашний безумец явился ко мне, смиренно принося извинение за свое буйство. И с той поры у соседей моих стало что-то совсем тихо: у Господа, вы ведь сами знаете, всего много.

III.

Как живой стоит передо мною почивший Старец. Вижу его несколько сутуловатую, высокую, худощавую фигуру, с головой, волнуемой при каждом порывистом движении уже поредевшие серебряные пряди длинных, седых волос, обрамляющих высокое, белое, как будто из слоновой кости выточенное, чело, из-под которого любовно и кротко, но вместе и пронизательно глядят лучистые добрые глаза. Вижу его красивые, тонкие пальцы с благородно очерченными ногтями, с таким искусством владевшие артистическою кистью и вместе с таким благоговением и верою слагавшиеся в именованное перстосложение, когда кто подходил под его иерейское благословение, слышу его глубокий и несколько глуховатый басок, так приветно встречавший всякого, кто переступал порог его заваленной в совершенном беспорядке всякой неразберихой кельи, где чего-чего только не было: эскизы карандашом, этюды красками, палитры, кисти, краски, книги, иллюстрации, бутылки с фотографическими ядами, судки с остатками братской пищи, самоварчик не желтой уже, а зеленой от времени и недостатка ухода меди... Там, на мольберте, — начатая и еще неоконченная икона; рядом, на другом — этюд го-

ловки; а на стуле, на ящике с красками — кусок белого хлеба и яичная скорлупа от яичка, которое скушал о. Даниил немножко в отступление от строгого скитского устава — чего-чего только не валялось и не уживалось вместе в самом хаотическом беспорядке в «вертепе и пропасти земной» этого странника и пришельца, этого гражданина Небесного Иерусалима — града невидимого...

— А, вот это кто! — гудит басок в ответ на молитву входящего — «Боже наш, помилуй нас», с которою входят посетители монашеской кельи.

— Так это вот кто! О мой добрый, хороший мой!

И когда Старец бывал в особенном духе, то это восхищение переделывалось им и как будто обращалось не к мужчине, а к женщине; и басок гудел еще нежнее, еще приветливее:

— О добрая моя, хорошая моя! Не забыла еще старого Даниила?

И, несмотря на доброту и благоуветливую мягкость характера Старца, во всей его фигуре, в резких очертаниях его характерного лица было что-то сильное, львиное, но льва кроткого, того льва, который в «невидимом граде» ляжет рядом с ягненком, «Герасимова льва», иже при Иордане-реке возил на себе воду для братии Преподобного.

— Наш добрый дяденька! — звали его Шамординские монашки от стара до мала, производя родство это от своей первоначальницы — игумении, матушки Софии, сестры Старца: она — матушка им, а он — брат ее и, стало быть, им — дяденька. Так и

оставался им, семистам сестрам, отец Даниил «дяденькой» до самой своей смерти.

— Ну разве не лев — наш о. Даниил! — воскликнул раз один юноша — академик старшего курса Киевской Духовной академии, прослушав в моем номере Оптинской гостиницы одну из многочисленных бесед — проповедей, которые, в духе чисто апостольском, любил перед всякой аудиторией развивать этот позднейший из чистейших преемников благодати апостольского учительства и служения. «Добрый дяденька» и «кроткий лев» — это был весь о. Даниил, монах и художник, интеллигент и искатель «невидимого града», теперь уже его обретший в том Царстве, где несть болезнь, ни печаль, но жизнь бесконечная.

Я сказал, что батюшка о. Даниил любил проповедовать перед всякой аудиторией, где бы она для него не собиралась, кто бы только не пожелал его слушать. И он постоянно был на проповеди Божьей славы, Божьего Слова, настаивал на истине и во время и не во время, пел Богу своему, дондеже бысть. При покойном великом старце, о. Амвросии Оптинском, по болезненности своей редко выходившем из кельи, на о. Данииле лежала, с благословения Старца, обязанность приводить к вере и истине тех из смущенных духом интеллигентов, которых тянула в Оптину к старцам еще не уснувшая навеки совесть, стнящая и плачущая об утрате Бога. Обремененный недугом, сотнями посетителей всякого звания и духовного устройства, духовным окормлением многих монастырей и своей обители Оптинской, великий Старец не всегда мог уделять достаточно

времени, чтобы разбирать сложную махинацию сомнений и мудрствований интеллигентной души, и такую душу он часто доверял переработке пламенно-красноречивого и верующего о. Даниила. В летнее время, когда и до сих пор еще бывает в Оптиной большой наплыв паломников к Оптинским старцам, а во дни старца Амвросия и того больше, о. Даниил почти не жил в своей скитской келье; его разбирали, как говорится, нарасхват: то на гостиницу, а то и просто в отъезд из монастыря к окрестным помещикам, в числе которых были люди высокого положения в свете, богатые или знатные, собиравшие под свой гостеприимный кров на летний отдых едва ли не со всех концов России представителей и представительниц расшатанной в своих устоях русской мысли. И там, где, казалось, уже совсем замирало религиозное чувство, искаженное современными лжеучениями или равнодушием к вере, гремело и там апостольское слово о. Даниила. И к слову этому прислушивались, и слово это чтили...

— Было это лет сорок тому назад, — так однажды рассказывал мне о. Даниил. — Я был молодым художником и жил в Петербурге. Направление шестидесятых годов в области духа вам известно. На ту пору сила этого направления была настолько значительна, что из слоев образованных она стала проникать и в простой народ. Хотя по званию своему потомственного дворянина и по свободной профессии художника я должен был быть представителем этого духа, но, благодаря моей настроенности, уже вам известной, веяние его не коснулось моего сердца.

Немножко одиноко было мне с такою настроенностью в петербургском обществе, но так как я был человек общительного характера и нетерпимостью своих суждений в то время еще не отличался, то меня зачастую приглашали на вечеринки к добрым знакомым. Я не всегда отказывался от этих приглашений и иногда на вечеринках этих засиживался и до поздних петухов по большей части за религиозными спорами; эта область всегда была моей стихией.

Случилось мне раз каким-то образом засидеться в одном знакомом доме у Таврического сада. Было что-то около двух часов ночи. Вышел я из гостей и попал в прескверное положение: за вечер прошел мокрый снег, облившийся затем дождем, — и вся эта петербургская каша схватилась легким морозцем с добрым сквознячком, на перекрестках доходившим до степени шторма. На улице ни одной души: ни пешей, ни конной и ни одного извозчика. При таких-то скверных обстоятельствах мне от Таврического сада предстояло добираться до 12-й линии Васильевского острова, где находилась моя квартира, что представляло собою добрых 7—8 верст пути, по образу пешего хождения. Памятной осталась мне эта ночь!..

Но вдруг, среди необозримого пустыря совершенно безлюдной улицы, в зловещем вое ветра, к великой своей радости, услышал звон копыт об обледеневшую мостовую и стук колес приближающегося экипажа. Вскоре показалась и извозичья пролетка, запряженная добрым рысаком. Хозяин запряжки сидел под поднятым верхом пролетки и, видимо, направлялся на отдых. Я его окликнул; он взглянул из-под

верха и махнул рукой, что означало нежелание его рядиться со мною, и хотел уже было продолжать свой путь далее... Я бросился к нему с воплем:

— Ради Бога, свези меня домой. Что хочешь возьми, только довези меня до дому!

— А где дом-то ваш?

Я сказал.

— Эва, к рожну какому! Нет, барин, не по пути: ко двору пора!

Несмотря на кажущуюся решительность отказа, я уловил в голосе извозчика нотку соболезнования и пристал к нему, что называется, с ножом к горлу. Смягчилось извозничье сердце, и я, облегченно вздохнув, через минуту уже катил по направлению к своей 12-й линии.

Путь был неближний, а петербургские извозчики — народ разговорчивый. Прокатив меня один небольшой перегон доброй рысью, мой извозчик придержал свою лошадь и пустил ее легким труском, а сам, обернувшись ко мне в пол-оборота, повел со мною такую беседу:

— Дивные дела творятся на свете, господин! Слышь, сказывают, что господа Бога отменили: ни души, мол, нет, ни Бога, и всему делу, по-ихнему, выходит голова — обезьяна. Диковинное дело. Жили-жили люди, всё в Бога верили, а вон оно что напоследок вышло!.. Надысь вот, не хуже тебя барина возил, видать, что из ученых, из «образованных»: уж он мне толковал-толковал об этом об самом; и теперь я будто и сам вижу, что дураки мы все были: ведь и впрямь, Бога-то нет.

— Откуда же ты это взял?

— Да вот от него, от барина-то этого самого!

— Ну, да ведь то — барин: ему и книги в руки. Ты-то сам как об этом думаешь?

— Чего ж тут думать? Кто Бога видел? Я вот не видал, ты не видал, кого ни поспросишь — никто не видал. А не видали, значит, чего не видали, того, стало быть, и нет.

— Эх ты какой! А Америку ты видел?.. Нет! стало быть, и Америки нет?

— Я-то хоть не видал, зато другие видели.

— Ну, другие видели, а ты им поверил?

— Как же не верить, когда видели. Да вон о ней и в книгах пишут: ну, значит, и есть она, эта самая Америка.

— Ну вот, друг милый, так-то люди и Бога видели и тоже о Нем в книгах писали и пишут. Стало быть, и по-твоему должно выходить, что Бог есть.

— Какие ж это люди Бога видели?

— А Божьи угодники! Они и Господа Иисуса Христа видели, и Богородицу, и других святых Божьих. А что видели, о том и говорили и писали.

— Ну уж этому, барин, трудно что-то верится! Америку там твою, раз она на земле, нетрудно видеть: поехал туда на чугунке, что ли, или там на пароходе — вот и увидал. А Бог-то, разве к Нему доедешь, чтобы на Него поглядеть?

— Зачем же к Нему ехать, когда Он везде?

— Везде?.. Отчего же ни ты, ния, ни иные прочие, кого я ни спрашивал, Его не видели?

— Оттого, что не теми глазами смотрели.

Этот ответ мой так озадачил возницу, что он даже попридержал лошадь и оборотился ко мне почти уже всем корпусом...

— Глазами не теми? — недоверчиво и с полунасмешкой переспросил он меня. — Ну, барин, ты уж это, видно, тово! Какими ж еще глазами смотреть-то?

— А ты, брат, не дивись тому: у человека есть и другие глаза, кроме тех, которыми ты вот теперь на меня смотришь. Эти глаза — плотские, а то есть глаза духовные: ими-то только и можно видеть и Бога и Святых Его.

Извозчик повернулся ко мне спиной и, махнув кнутом, дал ходу своей лошади. Но, должно быть, слово мое, как ни показалось оно ему диким и безумным, а все-таки работало в его сердце. Проехал он одну улицу и опять стал придерживать лошадь, а там вновь заговорил со мною, но уж без насмешки в голосе:

— Задал же ты мне задачу, барин!.. Глаза какие-то другие в человеке нашел, каких ни у кого нет. Какие такие глаза? Неужто ж человек, по-твоему выходит, четырехглазый?

— А ты думал — двуглазый? Конечно, четырехглазый. Да мало того: не только четырехглазый, но и четырехухий.

— Ну, это ты, барин, похоже, с ума, что ль, свихнулся — зачитался, видно; это с вашим братом, говорят, бывает.

— Твое дело: хочешь меня слушать — слушай; а не хочешь — я к тебе не навязываюсь.

Очевидно, мои слова задели за живое моего со-
впросника: он опять повернулся ко мне почти всем
корпусом и, пристально взглянув на меня, — насколько позволял ему видеть меня свет уличных фона-
рей, — заговорил со мною с явным на сей раз лю-
бопытством:

— Ну и чудной же ты, погляжу я на тебя, ба-
рин! Такихя, признаться, еще и не видывал. Сказы-
вай: как это, по-твоему, люди с двумя глазами и с
двумя ушами да бывают четырехглазые и четыреху-
хие. Сказывай, а мы послушаем!

— А вот как!.. Ты теперь, как меня свезешь в
12-ю линию, куда поедешь?

— Домой!

— А дом твой где?

— Да на извощичьем дворе. Где ж извощичьему
дому-то и быть в Питере?

— А еще у тебя дом есть?

— Известно есть: на родине в Калужской губер-
нии, при всем хозяйстве — мы тоже не какие-нибудь
бездомные.

— И жена у тебя есть, и дети на родине-то?

— Как не быть? Сказал тебе: живем при всем
хозяйстве.

— Ну, теперь послушай же меня, да послушай
внимательно, что я тебе говорить буду!.. Вот свезешь
ты меня в 12-ю линию, пойдешь к себе на извощичий
двор, отпряжешь лошадь, задашь ей корму, сам чем-
нибудь поужинаешь и завалишься спать. А кругом
тебя — всё извощики, и все спят, храпят, и воздух
небось тяжкий, и темно, и грязно... Так это?

— Так.

— Слушай теперь дальше! Лег ты спать. Ни о чем ты теперь не думаешь, разве только о том, сколько ты денег за день наездил, да есть ли тебе барыш, да сыта ли будет лошадь. А то и вовсе ты ни о чем не подумаешь, только бы заснуть поскорее да получше выспаться... Ну вот, заснул ты, и — диво! — лег ты спать на извощичьем дворе и вдруг видишь, что ты у себя на родине, в деревне. Видишь ты свою бабу, ребятишек, там, своих видишь. Мало того: заводишь с бабой своей разговор о том, о сем, что, значит, до вашей деревенской жизни касается. И баба твоя тоже с тобою говорит; и ты все, что она тебе рассказывает, слышишь... Там, глядишь, корова твоя с поля вернулась, замычала — и ее ты видишь и слышишь. Мальчонка твой маленький, глядишь, бегал, бегал да споткнулся, упал и ушибся — заплакал: и ты все это видишь и слышишь. Бывало с тобой так-то?

— Чудной ты, право: ну как же не бывать? Бывало.

— Ну, а если бывало, то должен ты теперь знать, как так бывают люди и о четырех глазах, и о четырех ушах.

— Как так! Мне это что-то невдомек.

— Да очень просто: ведь сам же говоришь, что видал и слышал свою бабу, пока сам был на извощичьем дворе в Питере, а баба твоя далеко в деревне. Говори: видел ведь и слышал?

— Видать видел и слышать слышал. Да ведь то во сне!

— А ты не виляй, что сон. То-то и чуднее еще, что сон: во сне-то у тебя небось глаза закрыты; закрыты они у тебя или нет?

— Известно, закрыты.

— Какими ж ты тогда глазами видишь?

— Как какими?

— Ну да — какими?

— Известно, своими!

— Да ведь они у тебя закрыты?

— Известно, закрыты.

— А видишь?

— Вижу.

— И слышать слышишь?

— И слышать слышу.

— Ну, понял ты теперь, что у человека есть и другие глаза, и другие уши, которыми он так же может и видеть и слышать, но только не всегда, а когда его тело и душа находятся в особом состоянии? В такое состояние простые, обыкновенные люди приходят только во сне, и только во сне и может их душа смотреть своими, а не телесными глазами. Отчего так — только во сне? Да оттого, что мы, люди плотские, только и думаем, только и живем, что плотскою жизнью, плоть свою развиваем и холим, а о душе нисколько не думаем, способности ее не развиваем и даже не знаем, какие есть у нее и способности-то.

— Чудеса! А ведь правда. Диковинный ты человек, барин! Экое слово загнул! и ведь правда истинная... Так, по-твоему, значит, и Бога так-то можно видеть, и угодников святых? О душе только, значит,

надо больше заботиться, чем о теле, глаза душе открывать. Только как же это сделать?

— Да так, как это сами Божьи угодники делали. Ты вот простой человек, и вся думка твоя только о простом: о хозяйстве, о бабе, о прибытке да о хлебе насущном. О чем твои думки, о том и видения теми-то твоими глазами, которые видят только тогда, когда другие твои глаза спят. А вот у угодников Божиих, которые ни о чем мирском и телесном не пекутся, а всю жизнь свою посвящают Богу, у тех эти вторые, духовные глаза благодатью Божиею открываются так, что они и мир духовный видят наяву так, как мы наши сонные видения. И Бога Христа Спасителя они так-то могут видеть и видали, и Богородицу, и других себе подобных Божиих угодников видеть сподоблялись, да не в призраках или мечтаниях, а истинно, въяве. Вот, друг ты мой, эти-то святые, которые не чета ни нам с тобою, ни тому барину, что тебя ученым своим глупостям учил, эти-то вот святые, имея открытые Богом свои очи, все это нам для укрепления веры и передали. Они передали, а мы, зная, что в устах их не было лжи, а только одна святая правда, им всем сердцем и поверили. И знаем мы, и веруем твердо, что если и сами поведем подобную праведную и богоугодную жизнь, то и мы тех же небесных видений можем удостоиться, если только то будет угодно Богу... И вот, друг мой милый, многие из нас Америки не видали, а было время, что и вовсе об ней не знали, а поверили на слово, что она есть, первому, кто в ней побывал, а по нем и другим, там побывавшим; а ведь те люди, бывает,

и жизни-то были несправедной и лживой. А ведь поверили ж? Как же нам не верить тем, кто и жизнью своею, и смертью удостоверил свою святость?.. Понял ли ты, друг, теперь мои речи?

— Ну, барин! Теперь, кажись, ты на всю жизнь задачу задал. И понял я и не понял, а вижу, что твоя правда... Спасибо тебе, родной, на речах твоих сладких!

Тут уж и 12-я линия была близко, и, подъехав к моей квартире, мы душевно распростились с моим совопросником. Он было и денег с меня не хотел брать; насилу уж я уговорил его взять хоть полтинник. О результате же этой беседы мы только на том свете узнаем.

IV.

Было это жестокой зимой 1905 года. Не морозами, не вьюгами жестока была зима та, а событиями недоброй памяти. Бушевало тогда российское море: забастовки всякого рода, вплоть до забастовок умалишенных и калек в домах призрения и благотворительности; кровавые бунты в Москве, Петербурге, в Одессе, в Екатеринославе, Киеве, Кронштадте... А в Оптиной, куда на эти безумные дни водворила меня и укрыла милость Божия, тихо-тихо было под снежным саваном ослепительной зимы, только что засыпавшей все дороги и тропинки из осатаневшего в дикой злобе мира. Закрылся путь оттуда в тихую обитель Царицы Небесной. До Оптиной ли было тогда разгоревшемуся пламени страстей человеческих?!

В келье о. Даниила, в знакомом уже читателю художественном ее беспорядке, приветливо и игриво кипел и мирно бурлил «зеленый» самоварчик, наставленный своеручно самим хозяином; и мы вдвоем с батюшкой попивали чаек с вареньицем происхождения, несомненно, шамординского и изделия одной какой-нибудь из семисот его «племянниц». Отец Даниил был в духе беседы, а это знаменовало, что я не уйду от него, не сорвавши какого-нибудь цветка его удивительного богословствования. Разговор зашел о смуте в умах современного человечества.

— Одурели, мой батюшка, современники наши, — так повел свое слово о. Даниил, — и, думается мне, едва ли не навовсе одурели. Думаю же я так потому, что дурость-то эта пошла от самого корня бытия, от понятий о Боге. Отвергли теперь люди Божодарованное Откровение, извратили его на свой, едва ли не бесовский, лад до полнейшего извращения всякой истины. Не вылезть им, боюсь, из того болота, в котором они увязли со своими ножками да с чужими рожками. Удивления достойно, как спутались теперь умы в понятиях о взаимоотношениях человека к Богу и обратно: прямо не знаешь, изумляться ли и негодовать или уйти в затвор да плакать. Особенно в смуте этой повинна богословствующая баба; а ее теперь среди воюющей на Бога интеллигенции развелось видимо-невидимо. С этим бабьем мне летом довольно-таки пришлось повозиться в имении одной нашей соседки, знатной и правоведающей старушки. Сама-то она — раба Божия и верная старческая дочка; ну а уж окружающие ее, которые летом

из Петербурга и из нашей губернии собираются под ее воскрилия!.. Вот, не угодно ли, образчик наших с дамами собеседований, на которые меня удостоивают приглашением по той причине, что старушка хозяйка верит моей способности обращать заблудшие души в лоно Православия... Зашла речь о любви, о милосердии Божиим, о его безграничности, о всепрощении; знаете, в том духе, который на руку одним вора и убийцам, но от которого кровь стынет в жилах у рядового христианина. Я позволил себе противопоставить и одно из других свойств Премудрости Божией — правосудие. На меня с места напали, доказывая, что Православие совсем не понимает Бога: Бог есть любовь, а православный Бог — инквизитор. Перед этим поддельным богом, придуманным для устрашения поработанного жрецами человечества, православная доктрина поставила с одной стороны воображаемый рай, а с другой — ад и заставила инквизитора этого совать людей туда и сюда по своему произволу. Какая же это, извольте видеть, по-ихнему, любовь, которая за миг земной, хотя бы и грешной, жизни наказывает вечной мукой, да еще в утонченной жестокости какого-то вечного огня и неусыпающего червя... И пошло и поехало тут — по-нашему — кощунство, а по-ихнему — «критика», что ль, «чистого разума», уж и определить не умею. «Где ж, — кричали мне, — милосердие вашего Бога? Взгляните на эти скорби, разочарования, обиды, притеснения всякого рода, которыми так полна человеческая жизнь, из-за которых, невольно озлобляясь, падают и, по-вашему, гибнут человеческие души; часто, если толь-

ко не всегда, причины этих падений лежат вне человека, — неужели же ему нести ответственность за следствия?»

Многое было наговорено тогда мне, бедному монаху, чего даже и не упомнишь, но что не без дьявольского таланта изложено в еретической энциклопедии графа Толстого, этого кумира современного безумия. Вижуя, что меня припирают к стене князи и княжны и судии человеческие требуют ответа. Отвечать им от Писания — они из писания признают только толстовское лжеевангелие. Что тут делать?.. Выждаля, когда иссяк поток их красноречия, перекрестился мысленно да и повел свою речь так:

— Вот, — говорю, — я вас выслушал до конца, но так ли я вас понял? Что хотели вы мне доказать? Что Бога нет, и Он придуман своекорыстными жрецами? или что Он есть, но не благ? Или же, — что Он есть и что Он благ, но какой-то другой, а не Православный, т. е. не такой, о каком к исходу уже второй тысячи лет неизменно учит Православие, ложно, по-вашему, хотя до сих пор и неопровержимо, истолковывая Его любовь, милосердие и правосудие? Заметьте, — и правосудие, потому что и оно есть Одно из свойств предвечной Софии — Премудрости Божией. Так, стало быть?.. Ну-с, а я теперь вам, милостивые государыни, поведу свой сказ о Боге Православном так же, как и вы, от примеров повседневной жизни, от подобия, постараюсь вам показать, что Бог есть, что Он благ, что Он правосуден и что только Православие и разумеет Его истинно таким, как Он есть, конечно, в пределах о Нем Открове-

ния и нашего отменно ограниченного разума. У нас, в Оптиномском Скиту, перед окнами моей кельи около храма, растут два высоких бальзамических тополя. Семнадцатую уже весну наблюдаю я за жизнью этих творений Великого Художника и очень хорошо, поверьте, изучил внешние проявления этой благоуханной жизни. Вот-с, вижу: пришла весна, начало пригревать теплое весеннее жизнерадостное солнышко, стали на тополях разбухать почки... Как же они в то время хорошо пахнут, аромат-то от них какой в то время бывает!.. Затем, вижу: закапали крупные алмазы теплого весеннего дождичка... сильнее, все сильнее — глядь! а из почки-то уж клюнул клейкий благовонный листочек... Там ветерок поднялся, сперва тихенький, ласковый, смотришь, — усилился, стал шуметь, перешел в ветер: закачались тополевые ветки, стали друг о дружку тереться тополевые листочки, к родимой ветке прижиматься и с соседками ее шушукаться. Весело им и радостно: крепко держатся родимые ветки за родное дерево — нечего бояться ни ветра, ни бури!.. А там — не успеешь взглянуть, — ан, листики выросли уже в листья, покрыли и украсили родимое дерево, укрыли от непогоды небесных птичек, дали в летний зной прохладу и тень человеку... Знакома ведь и вам такая картина?.. Ну, конечно, за весну не одна, так другая ветка и с почками и с листьями возьмет да и обломится, отвалится от ствола, смотришь — и валяется на земле под деревом до своего времени... А над всей этой картинкой Божьей природы сияет теплое-претеплое, любовное солнышко... Видели вы, сударыни, что сотворило

это солнышко с ветвями, которые на стволе удержались?.. Ну-с, а то же солнце, что же оно, оставаясь таким же любовным, сделало с теми, с отломившимися ветками? А вот что! Пока те, которые крепко за свое дерево держались и естественно развивались в первозданной красоте своей, эти гибли: ветер их сорвал, дождь намочил и, смешав с грязью, заставил гнить; а пригрело солнышко — высушило и обратило в прах... Неужели же это животворящее солнце вы назовете инквизитором? «Аз есмь Лоза истинная, а вы — рождие», ветки, — сказал Господь. Будете добровольно держаться двухтысячелетнего дерева Православной Христовой Церкви, как держались грешные и многогрешные ваши предки, — и разовьет вас от силы в силу Бог — Солнце духовное, во всю красоту разовьет Он вас, от Него вам и здесь данную и там, в той высшей жизни, обещанную. А отломитесь — неужели же скажете по совести, что только для одних вас нет Его милосердия. В Православной Церкви живет вся полнота Христова. Он ее создал, Он ее укрепил, ее не сломить ни вам, ни даже врагам адовым.

Я не спросил о. Даниила, каково было впечатление слушателей от его проповеди: с меня довольно было и моего впечатления.

Видишь ли ты, читатель, моего батюшку?

V.

Без малого четыре месяца пришлось мне прожить в Оптиной в те страшные для России, а для всего мира роковые, дни. Почему роковые, — я, если Богу

будет угодно и буду жив, поведаю моим читателям в свое время¹, а теперь обращусь пока опять к возлюбленному моему Старцу.

— Батюшка! — спросил я однажды в эти памятные дни. — Почему и как оставили вы мир и стали монахом? Почему вы именно скит Оптинский выбрали местом своего отрешения от мира?

— Обыкновенно принято там в миру думать, — отвечал мне старец, — что в монастырь нашего брата загоняют неудачи, разочарования в жизни, больше же всего, с легкой руки поэтов, — несчастная любовь. У меня в жизни ничего подобного не было. Я только следил с духовной точки зрения за этапами своей жизни и по ним судил, куда ведет меня, душу мою, Рука Божия. Это незримое тайноводительство чувствуется всякой христианской душой, если только она внимлет голосу своей божественной совести и не оплотнялась до той степени, что всю свою жизнь сосредоточивает на куске насущного хлеба да на низменных удовольствиях. Мое благодатное детство, юность моя в беседе с Отцами и детьми Церкви, — брат — монах, сестры — монахини — все это, да и многое другое, вело, вело меня да и привело к старцу Амвросию в Оптину. Он был духовным отцом и Старцем сестры моей, игумении Софии, он определил ей ее подвиг, он же и меня привел к тихой пристани. Помните Ангела, несшего меня в корзине к Богу? Помните срубленный дуб, за ветвями которого я увидел Бога? Так вот, дуб этот оказался Старцем Амвросием, а пень

¹ Это время настало: смотри последнюю статью этой книги «Близ грядущий антихрист и царство дьявола на земле».

дуба — моя скитская келья... В жизни моей, кроме этого знаменательного сонного видения, были еще и другие, не менее знаменательные. Вот что привиделось мне во дни моей юности и что тоже оставило во мне глубокий след на всю мою жизнь.

Видел я луг, и на лугу протянулась тропинка. Мне надо идти куда-то к определенной цели, и другой дороги, кроме этой тропинки, нет. Идущая, и в руках у меня плетеный хлыстик. Только вдруг вижу: на тропинке, оборотясь ко мне страшною пастью, сидит невероятной величины лев с громадною косматою гривой. Я остановился в ужасе. Обороняться нечем: не хлыстиком же! Кругом — пустыня. Помощи ниоткуда. Посмотрел я, посмотрел да и думаю: двух смертей не бывать, а одной не миновать — обойду-ка я, попробую, это страшилище, авось оно сыто и меня не тронет. И обошел я его с правой стороны. Обошел да и гляжу назад. Смотрю: лев обернул в мою сторону голову, и смотрит мне вслед, и, видно, хочет за мною потянуться, да не может, и только рычит протяжно так, бессильно и жалобно... «А! — думаю. — Так вот ты какой! Только пугаешь, а никакой тебе силы не дано». И пошел я себе спокойно тою же тропинкою дальше. А дальше, опять впереди меня, смотрю: тигр на той же тропинке смотрит на меня свирепыми, кровожадными глазами; и вот-вот готов этот тигр на меня прыгнуть. Я было опять сробел, да вспомнил льва и уже смелее обошел это пугало и тоже справа. Оглянулся: тигр смиренхонько лежит на своем месте... Пошел дальше. Вижу: стоит на тропинке истукан на удивительно затейливом и

красивом пьедестале и уходит истукан этот головою своею в небо. Подивился я такому чуду. «Эка, — подумал я, — штука! И на что и кому она такая нужна?» И обошел я этого истукана уже без всякой боязни, но только слева, а не справа.

На этом — сновидение мое кончилось. Как ножом врезалось оно в мою память, хотя я и не очень-то уяснял себе его значение. Сознавал я только одно, что лев и тигр — это на тропинке моего пути к небу мои и человеческие страсти; истукан головою уходящий в небо — моя и тоже человеческая гордость, которая на затейливом пьедестале науки и знания воздвигла себе престол и думает быть равной Всевышнему. Сознавая, что мне этим сновидением дано знать, что каким-то образом обойду эти препятствия. Но как? Этого я уразуметь не был в состоянии.

И еще я видел сон, когда уже был художником, окончившим академию. Собирались мы, художники, бывало, в трактирчике около академии и за чайком отдыхали от трудового дня в беседах об искусстве и о разных других материях высокого полета. Чтобы размять утомленные сидячею и стоячею работою члены, поигрывали мы и на бильярде — все в том же трактирчике.

Как-то раз, вернувшись домой поздно ночью из этого места художнического отдохновения и почитав кое-что из творений св. Отцов, которыми я и тогда не переставал интересоваться, я лег спать и опять увидел нечто знаменательное.

Видел я себя идущим по берегу какой-то широкой и бурной реки. Волны так и бегают косматыми бараш-

ками, обгоняя друг друга, сталкиваясь между собою и рассыпаясь жемчужными брызгами... На моем берегу, на котором я стою, составлены пирамидой бильярдные кии, а у меня в руках тоже кий; и мне надо непременно перебраться на тот берег... Через реку, вижу, положено на столбах одно бревно, все мокрое и осклизлое от водяных брызг. От моего берега бревно это укреплено на столбах на высоте человеческой груди, и другие люди, которых я тоже вижу и которым нужно так же, как и мне, на тот берег, берут из пирамиды кии, подставляют их к бревну, по ним влезают на него и, балансируя с киями в руках, стараются перебраться через реку. Большинство скользят и падают с бревна в воду, со страшными усилиями вновь на него вскарабкиваются, опять скользят, опять падают и тонут уже безвозвратно в бурном течении.

Смотреля, смотрел на эту трагедию да и задумался... Как тут быть?... «Стой! — думаю я. — Да ведь я же умею плавать. Чем мне лезть на скользкое бревно и с него неизбежно свалиться в воду, поплыву-ка я сразу через реку». Так я и сделал и в несколько взмахов очутился на другом берегу. Стал я на песке, смотрю: а на мне платья-то моего и нет и я полуголый остался в одном нижнем белье...

Запали мне в сердце эти сновидения, вспоминался мне часто и мой Ангел, носивший меня в корзине к Богу, и говорило мне сердце, что неспроста они и что рано ли, поздно ли, а должно будет совершиться их исполнение. Я ждал, а жизнь шла своим порядком, рассеянная, поверхностная — художническая, словом, жизнь.

В то время сестра моя, София, уже была готова принять монашество. Вызвала она меня к себе из Петербурга и повезла к о. Амвросию. И когда я увидел в первый раз великого Старца в его келейной обстановке, сломленного своим тяжким многолетним недугом, лежащим на диванчике, когда я увидал эту толпу труждающихся и обремененных, которая изо дня в день стремилась и жалась к его страдальческому ложу — я сразу вспомнил сон своего раннего, далекого детства... «Так вот он, — сказал я себе, — мой срубленный дуб, так вот они, его многолиственные ветви!..» А тут еще батюшка меня встретил словами:

— А ну-ка, Дмитрий Михайлович, расскажи мне, какой ты сон видел!

Я рассказал свои сны, свое духовное неустройство... А мысль все одно и все неотступно твердила: вот он, твой полупуть к Богу, вот тот дуб, за ветвями которого ты узрел свет Самого Триипостасного! Из темной ночи вынес-таки тебя незримо и таинственно твой Ангел на могучих своих крыльях к светлой радости познания и служения истине.

А батюшка меня спрашивает:

— А зеленые листья были у твоего дуба или уже поблекшие?

— Кажется, уже блекнуть начинали.

— Ну, так торопись же, Дмитрий Михайлович, переплывать свою реку, раз умеешь плавать: пора проститься с миром, с его львами, тиграми и истуканами. Посиди при мне на пенечке моего монастырского дерева, пока еще не облетели с него листья!

Батюшка меня тут же поисповедовал и благословил в обратный путь, но с тем, чтобы я торопился устроить все свои дела, выполнить все заказы по портретной живописи и немедленно возвращаться в Оптину.

Год потребовался мне для сведения и заключения счетов с миром. Не хотел он меня отпускать от себя: заказы так и сыпались, один другого заманчивее, почетнее, выгоднее. Сам Айвазовский принял горячее участие в моих быстрых и внезапных успехах; но пень старого дуба, сила Амвросиевой благодати перетянули. И вот, я — в Скиту, которому пригодился данный мне Богом талант, расписываю во славу Божию святые храмы Оптиной и Шамординой и уже чую тот вожденный берег за той уже пролетевшей половиной моего пути, к которому меня, снявши с пня и посадив вновь в корзину, понесет в великом и страшном полете к Богу мой пока еще незримый Ангел-Хранитель.

VI.

Если использовать весь запас моей памяти об импровизаторском проповедничестве этого двустороннего художника кисти и слова, то мог бы выйти целый отдельный томик образцов его вдохновенного красноречия. Подойдем же теперь к тому моменту жизни на земле о. Даниила, который подвел конечный итог его земному странствованию и повел его в град невидимый, столь вожденный его праведной христианской душе.

В августе 1907 года выяснилось, что мы с женой призваны поселиться, доколе угодно будет Богу, на святой земле Оптиной Пустыни. На Покров Пресвятой Богородицы мы уже окончательно переехали туда на постоянное жительство, и тут связь моей духовной дружбы с о. Даниилом спаялась последним, крепчайшим звеном той непрерывной цепи, которая впервые сковалась лет девять тому назад.

Ослабел наш Старец. «Лев преподобного Герасима» только минутными вспышками вдохновения изредка напоминал прежнего льва пламенного красноречия; но «добрый дяденька» оставался все тот же и как будто сделался еще добрее, если бы только можно было о. Даниилу стать добрее, чем добра и благодатна была его духовная природа. Его доброта только стала тогда как будто беспомощнее, и он, как дитя, не столько мог сам давать, сколько к себе требовать ласки; и когда мы поселились в Оптиной, он стал частенько похаживать к нам за этой лаской из своей скитской одинокой кельи, еле-еле передвигая свои усталые, отходившиеся уже на белом свете ножки. Болезни в нем никакой не было; он просто таял, как догорающая свечка, но иногда, как это и бывает с огоньком такой свечки, он внезапно вдруг вспыхивал ярким пламенем былой энергии, и опять по-былому лилась горячая речь и гудел вдохновенный басок его проникновенного слова. Несмотря на двадцать лет отрешения своего от мира, он болел его скорбями и ужасался перед той враждой и злобой, которая разделила людей на партии, готовые по взаимной ненависти своей истребить друг друга.

— Ну, не глупы ли люди? — возмущался Старец. — Смотрите, как они разделяют себе подобных на лагеря и партии, извергающие из себя пламя взаимной ненависти! Только возродившийся из пепла демон богоотступничества и нового язычества мог создать такое деление. Истинное христианство его не знает да и знать не может. За всякую скорбь, за всякое лишение, претерпеваемое здесь за Имя Христа или ради Христа обещано сторичное воздаяние и здесь и на небе; да кем обещано-то? Самим Богом, слово Которого есть непререкаемая истина. Ну вот, пришли ко мне в первый раз вы. Я вас не знал раньше. Допустим, что не знаю и теперь. Ни мысли ваши, ни намерения, ни цель вашего знакомства со мною неизвестны. Не зная, кто в лице вашем переступил порог моей кельи; но христианин во мне наперед уверен, что вы — друг, и не только друг, но и благодетель. Вошло с вами добро любви ко мне, несете вы для меня дары вашей дружбы: вы, так сказать, мне платите наличным рублем из раскрывшейся для меня вашей кошницы. Но если не доброе, а злое таит против меня ваше сердце, то мнимым злом этим вы мне ходатайствуете сторичное вознаграждение от Того, Кто обязался заплатить сторицею все мои убытки. Зло, от вас на меня находящее, это уже не рубль, а сто рублей по векселю или здесь, или на том свете. И вексель этот мне непременно будет оплачен там, в небесном банке Самим Богом, лишь бы я разумел, что от меня требуется одно — смиряться, терпеть и любить ненавидящих меня и обидящих напрасно... А теперь что? — негодовал о. Даниил. — Смотрите, уже и света Божьего

не стало видно от дыма и смрада ненависти, разносимой по всем ветрам и делами и словами, особенно развратным печатным словом! Куда идет мир?

— К антихристу, батюшка! — вставил я свое слово.

— Да, — к нему! И поверьте мне: он близок, презренный, гораздо ближе, чем многие думают. Современной анархии только и по плечу, что власть дьявола на месте благого ига Христа... Вспоминаю я проповедь одного иерея, которую мне довелось раз слышать во дни моей академической молодости. Случилось мне быть у литургии в Андреевском соборе на Васильевском острове... Туда я часто хаживал, и там же был протоиереем и мой духовник, о. Александр¹, муж высокой духовной жизни... Вместо «запричастного», вышел на амвон говорить слово какой-то священник в епитрахили, но не из местных соборян, которых я всех знал. Видно было, что он откуда-то был прислан своим начальством говорить в соборе очередную проповедь, и это «откуда-то», судя по внешнему облику проповедника, не было модным местом богомоления того петербургского общества, которое одно только и усвоило себе это именование. По облику своему вышедший на амвон пастырь-проповедник был, что называется, из простеньких и даже захудалых: рясочка на нем была едва ли не многошвейная; епитрахильку ему в соборе сунули старенькую, расхожую, многодержанную; да и сам-то он был какой-то серенький — не то старичок, не то преждевре-

¹ Пишущий эти строки не уверен, что таково было имя духовника о. Даниила, а переспросить теперь уже не у кого.

менно увядший, выцветший, облетевший человек лет сорока — пятидесяти, тятнувший на своем веку всякой нужды и горя и не по годам состарившийся. Такие священники в былые времена ютились на окраинных бедных приходах столицы среди чухонского и мелко-чиновничьего населения Гавани и Охты. Возшел этот проповедник на солею как будто не очень смело, но и без робости, хотя перед ним, как нарочно, в этот день стояла толпа богомольцев что ни на есть из сливок Василеостровского «общества»: разряженные барыни, офицерская молодежь; были и военные генералы, а если судить по седине бакенбард и осанистой представительности, то и штатских особ не ниже IV класса табели о рангах было немало. Вся эта благополучная, довольная светская толпа уже шумливо вступила между собою в беседу и, конечно, менее всего расположена слушать такого неизвестного и непредставительного проповедника... Грешен, и я тогда подумал: «Ну, что ты, бедняга, найдешь сказать, чтобы заставить слушать себя это собрание?» — и жалко мне стало его, и грустно. Тем не менее что-то меня выдвинуло из толпы к нему поближе, и я стал у правого клироса, так что мне и его да и толпу было прекрасно видно...

— Братие и сестры! — начал было довольно скромно свою проповедь священник; но, заметив, что обращение его не произвело никакого впечатления на праздную толпу, он вдруг уже громко и со властью воскликнул:

— Братия, а братия! Прислушайтесь-ка к тому, что сказало вам ныне чтенное Евангельское слово!

Все как-то разом вострепнулись и замолкли. А он продолжал:

— Если не все из вас, zde стоящих, это слово слышали, то я уж для всех повторю его, чтобы оно поглубже запечатлелось в сердцах ваших, ибо грозно и многозначительно слово это. Слушайте же! Словом сегодняшнего Евангелия Господь зовет всех вас, грешников, в свои объятия. «Приидите, — зовет Он, — ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы». Это в одном Евангелии говорит Он так, в том, которое посвящено ныне празднуемому Св. Церковью Преподобному. Слышите ли, как призывает вас Бог? Он не только зовет, но Он просит, умоляет, обещает награду, обещает упокоить, дать душе вашей всякое удовлетворение, такую награду, о которой святой апостол Павел уверяет нас, и око не видело, и ухо не слышало, ибо нет на земле по величию и радости подобной награды. Мало того, Творец наш Небесный обещает нам Сам даже слугою нашим быть, если только мы отзовемся на глас Его, нас к Себе призывающий — помните? «В дому Отца Моего, — говорит Он, — обители многи суть, а если не так, то Я пойду приготовить вам». Видите: Сам слугою вам быть хочет — иди только в объятия Мои, которые Я перед тобою открываю, ибо «приходящего ко Мне не иждену вон». Примечайте же, что вам, христианам, верующим в Него, уготовано: какая честь, какая радость, какая великая награда только за то, что вы отозвались на зов Его, взяли на себя Его благое иго и легкое Его бремя и научились от Него Его смирению и кротости. Запомните же,

что эти блага, этот безмерный почет уготован только вам и никому более... Ну, теперь обратим свой слух к другому сегодняшнему, дневному Евангелию, вещающему о конечном Страшном Суде Господнем и о воздаянии коемуждо по делом его. И тут вы слышите сладчайший зов Господень, но уже не как призыв и мольбу, а как определение по Божественному нелицеприятному суду Его. «Приидите, — глаголет Господь, — благословеннии Отца Моего, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира». И здесь Господь дает уже окончательное подтверждение тому, что Царство вечной жизни и радостного блаженства, Царство покоя уготовано вам, и наследниками его вас зовет Он, утверждая ваше на него право по закону как бесспорных наследников. Ну чего бы, казалось, и вернее, и лучше всех этих обетований, которым не миновать исполниться, ибо они — глагол Божий! Так нет же! Он нас зовет — мы не слышим и слушать не хотим; Он умоляет — мы не внемлем; Он предлагает все средства к получению уготованного Царства — мы их отвергаем и даже не желаем ими воспользоваться, пренебрегая очищающими нашу скверну Таинствами Церкви, не желая жить жизнью христианской. Кто же виноват будет в том, что вы услышите иной, грознейший глас Бога нашего: «Отойдите от Меня все творящие беззакония, не вем вас; идите в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его?» Видите: то блаженное Царство от века уготовано вам, а огонь — не вам, а диаволу с его отпадшим от Бога воинством. Вы не захотели идти к Богу, ну и отправляйтесь тогда... Аминь!»

Надо было видеть о. Даниила, когда он со свойственной ему силой, откуда-то вновь вернувшейся, вспоминал эту проповедь неизвестного смельчака священника!..

— И что ж? — спросил я батюшку. — Слушатели не растерзали проповедника?

— Да, — ответил он. — Впечатление он произвел и на меня и на толпу огромное. Теперь бы его, конечно, растерзали если не в клочья, то в газетах; но тогда время было хоть и плохое, да все же не теперешнее: целее был христианин, была еще чутка к добру и злу человеческая совесть...

— А знаете, — помолчав немного, сказал о. Даниил, — что мне вдруг пришло в голову: должно быть, очень приблизилось к нам время Страшного Суда и кончины века...

— Что это вам вздумалось?

— Да уж не говоря о многом, что ясно свидетельствует о спелости земной жатвы для уборки ее в житницу Божию, заметьте, как исполнилось ныне Слово Господне о том, что человек сам от слов своих осудит или оправдает себя. Помните в Евангелии от Матфея в главе 12 в стихах 36-м и 37-м что сказано? — «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься и от слов своих осудишься». Теперь обратите внимание, что в день Страшного Суда Господь — Судия, как пастырь стада, отделяет овец от козлищ, — одних по правую сторону, а других по левую; овец — направо, козлов — налево. Еще: помните притчу, тоже отно-

сящуюся к последнему Суду, о пшенице и плевелах? В этой притче «жатва есть кончина века», во время же жатвы Господь скажет жнецам — Ангелам Своим отобрать пшеницу от плевел. Итак, сведите вместе все это Богооткровенное знание: не заметите ли вы открывающейся в нем тайны величайшей трагедии самосуда над самим собою современного человека?.. Не знаю, как вы, а мне ярко теперь выраженное деление человеческого рода на два враждебных лагеря — **правых и левых** представляется глубоко знаменательным и в высочайшей мере трагичным: **это ведь полная картина Страшного Суда над овцами и козлищами, над правыми и левыми.**

Уборка урожая, видимо, близ, при дверях; и как мало кто хочет это видеть!..

VII.

14 ноября, в день Рождественских заговен, о. Даниил пришел к нам и объявил:

— Насилу треплюсь, а все к вам тянет. Стар стал, слаб стал!.. Сегодня исполнилось ровно двадцать лет, как я вступил под благодатный кров Ски-та Оптиной Пустыни. Приехал я пятидесяти лет, а теперь мне семьдесят. В нашем роду 70 лет — предельный срок, до которого мы доживаем, а за его пределом жизнь гаснет: стало быть, и мой срок пришел — пора домой!

И было по всему видно, что пришла, действительно, пора старцу собираться в путь ко граду невидимому, в тот путь, из которого еще никто не возвращался, но куда каждого из нас призывает любовь Божия

и все те, кто нас любил, кого мы любили, кто раньше нас ушел туда и был удостоен стать блаженным гражданином Небесного Иерусалима. О вера наша, о любовь и премудрость Божия!..

И в этот приход свой к нам обронил о. Даниил жемчужину из неистощимой сокровищницы благодатных впечатлений пути своей жизни. Сидел он у меня на мягком кресле, под окном моего кабинета, у самого рабочего стола, на котором я пишу теперь во славу Божию и в честь почившего Старца хвалебные эти строки. Сидел он молча, сосредоточенно и вдруг говорит:

— Да! Человеку суждено единою умереть, а потом — суд. Этот суд ко мне уже приблизился. Но будет и другой — Страшный Суд, всемирный и живым и мертвым. Приблизился и этот. Я вам не рассказывал, кажется, своего сновидения, о котором мне сердце говорит, да во многом и жизнь показала, что оно благодатно и, стало быть, истинно. Я уже говорил вам, что когда я жил в Петербурге, то постоянно ходил к церковным службам в Андреевский собор, настоятель которого был моим духовником. Так вот, в то уже давно прошедшее время, увидел я такой сон, почти даже видение: где-то в знакомой мне стране, даже на каком-то очень знакомом месте, но которого я, однако, признать в точности не могу, вижу, строится громадный, изумительный по красоте и необычайной, ослепительной белизне, величественный храм. Строителей его не вижу, но вижу и знаю, что храм строится и работы в нем не прерываются ни на мгновение. Так прекрасен был храм этот, что я, как

художник и любитель чистой красоты, настолько им заинтересовался, что пожелал войти внутрь постройки. И только сделал я шаг вперед, чтобы войти в открытые западные ворота храма, как был властно удержан на месте какой-то невидимой силой и чей-то голос сказал мне:

— Стой! Никто не войдет сюда иным путем, как этим: смотри!

И я увидел, что пред воротами храма стоит аналой; на аналое — Крест и Евангелие, а за аналоем, как во время исповеди, стоит мой Андреевский духовник протоиерей в епитрахили и поручах... «А, — подумал я, — так вот оно что: туда, значит, нельзя войти без покаяния и исповеди!» — и я смиренно подошел к протоиерею. А уже около него стояло и толпилось множество народу, который так же, как и я, хотел приткнуться внутрь того храма. Была ли мне тогда исповедь или нет, — того я не помню, но ясно помню, что духовник накрыл меня своею епитрахилью, дал мне поцеловать Крест и Евангелие, и я уже беспрепятственно и смело вошел во ворота храма. И, войдя в него, я остановился как бы в некотором благоговейном ужасе: одним взглядом окинул я сразу все строящееся здание — и внутренний его вид, и наружный — и увидел, что оно уже почти окончено постройкой, что стены его выведены почти до купола и что даже сводится и самый купол. Но не из камней, как мне издали казалось, возводилось это удивительное здание, а из человеческих тел, плотно уложенных рядами, точно притесанных друг к другу; и головы этих тел служили внутренней и внешней об-

лицовкой стен этого храма... Храм из человеческих тел и голов! Это было зрелище до того поразительно-величественное и потрясающее, исполнено оно было такого глубокого пророческого значения, как мне это даже в то время и во сне показалось, что убоялось мое сердце и вострепетало от этого видения... И кто-то невидимый повел меня по лестнице подмостков, и привел меня к иконостасу, и указал мне то место, на которое должен был лечь и я как новый камень дивного здания. И увидел я, что это место было во втором ярусе иконостаса, где обычно пишется лик Апостольский... Хотел было я подняться повыше, чтобы с самого верха осмотреть здание, но не мог...

— Тут твое место! — сказал мне невидимый... и я проснулся.

Видение это было мне лет сорок, если не больше, назад, но и до сих пор оно хранится моею памятью, как будто я его видел только сегодня. Тогда же, конечно, я понял, что храм этот должен был представлять собою созидание вечной Церкви Христовой; понимая, что здание это уже вот-вот будет готово; понял и то, чем все это должно кончиться — все это я тогда же понял; но место, мне, недостойному, уготованное, я уразумел только теперь перед исходом моей грешной души из грешного моего тела: недостойный я иерей, но благодать, мне данная в священстве, идет преемственно от тех великих, чьи святые лики пишутся во втором ярусе священного иконостаса... Кто бы мог тогда подумать, что в питерском художнике кроется будущий Оптинский иеромонах?.. Дивны дела Твоя, Господи!..

VIII.

Жемчужина эта была последним мне на земле даром о. Даниила.

Несмотря на день ото дня усиливавшуюся слабость, Старец все еще был на ногах и, хотя с остановками в пути от скита до монастыря, которые он называл «станциями», он продолжал ежедневно ходить то к нам, то к больному монаху о. Герасиму, то к больной фельдшерице, редкой по душевной красоте рабе Божией, приютившейся, как и мы, у Оптинской ограды, под крыло святой Обители. Последний раз мы встретили о. Даниила, Божьего старца, у калитки наших ворот, когда он с трудом на ослабевших своих старческих ногах подвигался к нам, чтобы дать, должно быть, нам последнее свое целование; но мы шли к вечерне перед исповедью и только вернулись с ним на одну минуту к себе в дом распорядиться, чтобы его в наше отсутствие напоили чаем: было уже морозно, и Старец озяб. Это было последним его выходом из кельи, с этого вечера он ослабел уже до того, что его и по келье водили под руки. Но все-таки, хотя и с посторонней поддержкой, Старец ходил до последней своей минуты, до той минуты, когда над ним стали читать канон на исход души.

Накануне его смерти я пришел к нему за час до скитской всенощной, которую хотел отстоять в Скиту. Старец сел на камышовом кресле около стола; за этим столом мы, бывало, много раз пивали вместе чай из «зеленого» самоварчика и вели тихие беседы. Перед о. Даниилом стояла миска с ушицей: ее в ком-

натной печке изготовил ему сосед его по келье, монах о. Иов. Но Старцу было уже не до ухи: он тяжело дышал и, видимо, томился. Меня он узнал, обрадовался и даже как будто оживился.

— А, вот кто пришел! О мой добрый — пришел навестить: спасибо!

Ласково и с нежной любовью такими словами встретил меня Старец.

— Батюшка! — сказал я. — Вам сегодня, точно, как будто лучше?

— Нет! Слабею... дышать трудно. Боли никакой нет, а вот дышать трудно... Пора домой!.. Боже, милостив буди ми грешному!..

И, повторяя вместе с каждым вздохом стесненного дыхания эти слова мытаревой молитвы, Старец склонил свою голову к моей голове (я сидел с ним рядом) и плотно ко мне прижался, как малый ребенок к родимой матери.

— Вот, так мне лучше... Дышать лучше!

И действительно, дыхание его как будто стало свободнее.

— Скажите женке вашей милой, — вполголоса, прерывистым шепотом говорил он мне, — что я умираю, что я очень, очень благодарен ей... что я посылаю ей мое благословение... и там за нее буду молиться...

У меня слезы ручьем полились из глаз... Тут опять Старец стал томиться и пожелал прилечь на свою постельку, на твердое иноческое свое ложе. Его подняли и довели до той кельи, которая двадцать лет служила ему спальней.

— Вот, хорошо! — сказал он, упавши своим изможденным, точно выветрившимся телом на тонкий, как лист, тюфяк своей кровати... Я побыл в келье минуты две-три. В Скиту заблаговестили ко все-нощной. Я подошел к постели Старца; о. Иов его окликнул:

— Батюшка, благословите Сергея Александровича!

Старец приподнял свою высохшую ручку для благословения и совсем упавшим голосом, но ясно прошептал:

— Бог благословит!

Этим святыми словами заключились все мои беседы с отцом Даниилом. В живых я его уже более не видел... Ночью в два часа его приобщили Свя-тых Таин.

— Молю Бога, — сказал он, причастившись, — чтобы Святые Его Тайны укрепили меня настолько, чтобы дойти до кельи о. игумена и благословить в последний раз племянниц.

Его племянницы, Долинины-Иванские, дочери единственной мирской сестры о. Даниила, — послушницы в Шамординском монастыре.

И Господь его укрепил и исполнил его предсмертное желание; его могли довести до кельи о. Скито-начальника, где он в полном сознании благословил двух юных племянниц и мою жену, поспешившую к нему принять его последнее благословение. Всех он узнал, всех утешил своею любовью, сколько сил для любви оставалось в его обрацавшемся в землю теле. Это было часа за три до его кончины.

Перед самой кончиной, всего за несколько минут, когда уже над ним читали отходную, скитский иеродиакон Моисей¹ спросил умирающего Старца:

— Батюшка, вы узнаете меня?

— Узнаю, — ответил он. — Дьякон!

Отцу Моисею показалось, что он сказал не «дьякон», а — «Яков», и он возразил:

— Не Яков, батюшка, а Моисей!

— Да, да! Иаков, сын Иосифа! — подтвердил Старец и закрыл глаза.

Что хотел он этим сказать, но это осталось тайной; то не был предсмертный бред, потому что на следующий затем вопрос о. Моисея «А чувствуете ли вы, батюшка, страх перед смертью?» — Старец внятно ответил:

— Иду к Господу: чего ж мне бояться?.. Он сказал: «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененные...» Я потрудился... иду... к Господу!

Это были последние на земле слова подвижника любви, слова и веры. Совсем уже ослабевшей рукой он донес до помертвевших губ свое распятие, верного и неизменного спутника своего на пути к граду невидимому, коснулся его холодными устами, и... вдруг, широко раскрыв тускнеющие очи, остановил он устранный взгляд свой на какой-то невидимой точке, трижды вскрикнул тонким младенческим голосом: а! а! а!.. и благоглаголивые уста с тихим последним, едва заметным вздохом сомкнулись и замолкли, унеся тайну предсмертного страха и восклицания навеки.

¹ Теперь иеромонах Оптиной Пустыни.

Перед смертью о. Даниил пожелал принять схиму. Узнав об этом желании, отец Игумен-скитоначальник пошел к Старцу.

— Отец Даниил! — спросил он. — Ты желаешь, чтобы мы тебя посхимили?

— Желаю.

— Будь по-твоему, — сказал о. Игумен, — но ответь мне сознательно и твердо: может ли и силен ли Господь восставить тебя от одра болезни, по принятии схимы, здоровым?

— Конечно, может.

— А можешь ли ты, восстав здоров, исполнить все обеты схимы? Откажешься ли ты совсем от міра, которому ты проповедуешь? Затворишься ли в келии своей и не выйдешь более никогда за скитскую ограду, как бы ни был ты нужен там, в міру, с которым ты немолчно беседуешь?

— Да?! — задумался Старец.

— Ну, вот, видишь, отец, — продолжал Игумен, — ты, видимо, сам этого вопроса решить не можешь. А я знаю тебя, знаю, что ты не откажешься от своей проповеди и от общения с людьми за монастырской оградой, которые тебя любят. Что же ты принесешь Господу, если нарушишь обеты схимы?

— Да, страшно! — ответил Старец. — Нет! Уж лучше так, без схимы!..

Так иеромонахом и отошел о. Даниил к Господу, отказавшись от высшего монашеского чина ради любви к тем, кого он любил и по плоти и по духу и кто сам его любил в міру и жаждал его вдохновен-

ного слова. Был он апостолом Слова, апостолом и отошел в обители Отца Небесного. На том только свете узнаем мы, какое звание выше; но знаменательной мне показалась та часть видения им человеческого храма, над разгадкой которой он при жизни своей не задумывался и которая объяснилась мне только с его смертью:

«Хотел было я подняться повыше, чтобы с самого верха осмотреть все здание, но не мог... «Тут твое место!» — сказал мне невидимый... и я проснулся...»

Да, он проснулся теперь, возлюбленный наш Старец, от сна призраков грешной земли там, на своем месте, в Небесном Иерусалиме, граде невидимом; и верится и хочется верить, что высоко то место в Очах Творца и Бога нашего. Ему же да будет от нас слава и благодарение за все во веки. Аминь!

10.

Небесные обители

Тяжело стало жить на свете исповедническому христианству. Беды от сродников, беды от лжебратий — беды и напасти отовсюду. Самые благие по виду намерения обращаются во зло, и зло всех видов, всех именованій железным, все теснее и теснее сдвигающимся кольцом стремится прервать последнее дыхание правды на земле. Брат христианин, да не утушит пламени твоей веры, да не охладит пыла твоих упований видимое и только внешнее торжество преходящего мирового зла над вечным светом Божественной истины! Нам, исповедникам веры Христовой, не дано иметь в жизни этой «града зде пребывающа», а заповедано «взыскание грядущего». Конечное торжество зла на земле и видимое его воплощение в лице уже предчувствуемого многими верными антихриста будет и конечным торжеством Господа нашего Иисуса Христа и Его истины на «новой земле, под новым небом, идеже правда обитает». Отступит смерть, заключится диавол и аггелы его в «озеро огненное», погибнет от дыхания Уст Исккупителя

сын погибели, человек греха — антихрист, и конечное уступит место бесконечному в неизмеримой, неисследимой, неопиcуемой вечности.

Твердо и все тверже и тверже стой и укрепляйся в этой надежде, брат мой! Слово Божие не мимо идет, и скорее небеса прейдут, нежели не исполнится малейшее из обетований Божиих.

А ждать уже недолго.

В одну из поездок моих к рабам Божиим, еще и доселе сеющим пшеницу Божию чистую в простых сердцах, смиренных знанием, но великих верою (не о себе я тут веду речь), довелось и мне, искателю, встретить на пути своих паломничеств дивную Старицу, уже не человека, а почти ангела во плоти. Она жива еще и до сих пор, эта великая душа в многострадальном, изможденном без малого тридцатилетнею болезнью теле. Народ зовет ее «Параскевой болящей», знает ее давно и давно привык ее любить и верить ее вдохновенному слову живой и деятельной любви к ближнему. От праведника до разбойника всяк человек, переступающий порог ее кельи, ближний чистой ее душе, родной ее любвеобильному сердцу.

Не раз и я бывал на беседе у этой дивной рабы Божией.

Не забыть мне никогда святости взгляда ее уже потухающих от бремени лет и тяжести неисцелимого недуга очей. Повеков мне не забыть внезапно вспыхнувшего в их глубине яркого луча неземного света, которым она просветила меня при первой моей встрече с нею. Где я уже видел этот взгляд? Чьи земно-

родные очи так на меня глядели?.. Серафимовы то были очи: так с портрета преподобного Серафима у Елены Ивановны Мотовиловой взглянул на меня батюшка, когда дал мне, неизвестному и странному, в дар до сих пор — вот уже пять лет прошло — сохранившийся апельсин Дивеевской игумении Марии. Святая чистота и ясность неба отразились в этих очах, в этом дивном взгляде. Так ли будут смотреть там друг на друга спасенные и родные души? Там — великое, неизвестное, но такое близкое сердцу слово!.. Обитатели небесные!.. О вы, возделенные исстрадавшемуся от земной неправды сердцу! Благословенные!..

— Что ж, — говорила мне «болящая Параскева», — тут мало времени поскорбишь, поплачешь, а там зато возрадуешься, да еще как возрадуешься-то!

— Матушка! Крест-то свой трудно уж очень нести — тяжелее он кажется крестов других людей-то!.. Вот в будущее смотришь — за Родину скорбишь, за себя, за семью: что ждет всех нас, что грозит России? Ведь во многое уже проникает сердце... Тяжко жить на свете!

— А ты себя знай! Чего о других судить да рязать? За мир скорби, да и себя не забывай готовить. Скоро всех позовет Господь к ответу, и ты своего ответа не минуешь. Оттого тебе да и другим крест-то стал больно тяжек, что антихрист близко и сатане власть дана большая.

— Я и сам это чувствую, да не могу смирить сердца; слишком уж оно к земле привязано.

— Вот что тебе скажу я: не дано нам знать времен и сроков «их же положи Отец во власти Своей»,

но о близости Страшного Суда и временах близких к антихристу нам рассуждать даже заповедано. «От смоковницы, — говорит Господь, — возьмите подобие... » Так-то, верно я тебе говорю, что он уже в мире. Во что обратили матушку-Россию, страну нашу православную, его безумные слуги! Да вот, чего тебе еще больше. Наш монастырь, в котором я свой начал полагала, весь от матушки игумении до последней послушницы обращался к Оптинским старцам. При старце Макарии, предшественнике батюшки о. Амвросия Оптинского, игуменьей у нас была Павлина, великой души старица и раба Божия. Так ей батюшка, отец Макарий, как-то раз сказал по духу: «Вот что, мать, ни ты, ни дети твои со внуками до антихриста не доживут, а правнуки твои узрят пришествие Господа во славе». Сосчитай-ка: не пришло ли уж время правнукам матушкиным на свет объявиться...¹ А все-таки скорбеть тебе не о чем: хоть и страшное приходит время, но скорбями всякая христианская душа в рай входит. Всяк призывающий Имя Господне спасется. А как там хорошо-то...

Светлая радость дивного видения озарила святое личико праведницы. У меня захолонуло на сердце...

— Матушка, что же там-то...

— Одно скажу: несказанно хорошо, сладко... Нет у людей слов, чтобы передать о той радости, которая ожидает там любящих Бога. Молись — у Господа милости много.

¹ Игуменья Павлина скончалась, сколько помнится, 65 лет в 1875 году.

«Болящая» замолкла и закрыла глазки. Светленькая, просветленная каким-то внутренним сиянием не то созерцания чего-то необычайно радостного, не то благодатной силой молитвы, лежала она на своем страдальческом, многолетнем одре тяжкого недуга. Я тихонько, боясь нарушить безмолвие святыни, вышел из полумрака ее кельи, озаренной тихим мерцанием огонька лампы.

Да, несомненно есть они у Бога, эти небесные обители, которых так у Него много и которые готовит Сам Христос, Спаситель мира, всем призывающим Его святое Имя во истине.

Смерть, — где твое жало! Ад, — где твоя победа!

«И если бы в жизни этой привременной, — говорит великий тайновидец преподобный Серафим, — тело твое было бы струп один, и в язвах твоих заживо кишели черви, и вся храмина твоя исполнена была гнетущим тебя смрадным червем, то все это ты ни во что бы почел, если бы узрел радость блаженства будущей жизни...»

Ему ли не были открыты все тайны Божественного домостроительства нашего спасения...

Прошло немного дней после моей беседы с «болящей Параскевой», Господь привел меня в Скит Оптиной Пустыни. В его затишье, недалеко от смиренной его деревянной церкви, ютится место вечного упокоения скитских молитвенников. Ничем не выделяется эта спелая нива Божьих избранников от окружающего ее тихого отшельнического мира: ни ограды, отделяющей мир отошедших от мира живущих, ни пышных памятников с многоречивыми эпитафиями,

ни склоненных над могилами плакучих ив, которыми в замену своих слез так любит осенять свои могилы веселье жизнерадостного мира...

Все тут общее между живыми и мертвыми за общей, отделяющей их от внешней суеты оградой. Да оно и понятно: живые мертвецы монашеских обетов, для которых смерть — приобретение, зачем им чуждаться своих мертвецов. Пловцы мятежного житейского моря, к чему им заграждать себе желанный вход в безмятежную пристань...

Любил я в мои редкие... редкие — уввы, посещения Оптиной навещать этот тихий приют «странников и пришельцев». С чем сравнить чувство задумчивой, как бы самоотрешенной грусти, навеваемое каменными и чугунными плитами с полуистертыми временем и непогодой краткими надписями: «Иеромонах Иона», «Монах Варнава»...

Отошла тайна одной жизни, наступила тайна другой... Что-то теперь зрят они, миру безвестные, Богом любимые, что зрят они там, за этой глубокой синевой участливой ласки бездонного, беспредельного, необъятного неба?!

Обители небесные ихже око не виде, ухо не слыша и на сердце не взыдоша благая, яже уготова Господь любящим Его.

Лет 8—10 тому назад, вскоре после кончины батюшки о. Амвросия, на скитском братском кладбище до последней Архангельской трубы, под смиренным могильным холмиком, скитская братия упокоила последние останки того, кто при жизни был любим под именем монаха Николая, более известного под

прозванием Турка. Кто он был в міру, откуда явился в Оптину, никому из скитян, за исключением старца Амвросия и скитона начальника Анатолия, не было известно. Нерусское произношение выдавало, что не русский он был родом; по произношению и по смуглому обличью закрепили за ним его прозвище, и с ним ушел он в свою могилу.

Вот что поведал мне о монахе Николае Турке один раб Божій из мирских, капитан и вместе комендант одной из больших узловых железнодорожных станцій; важнее же всего — искренний и беззаветный искатель правды Божией.

«Среди скитской братии в Оптиной Пустыни довелось мне, — сказывал так мой комендант, — свести знакомство с одним монахом. Удивительный был он человек и необыкновенно-цельного христианского, аскетического мирозозерцания. Довольно сказать, что в Скит он явился в чине полковника не то генерального штаба, не то артиллерии полковником, словом, из ученых и еще сравнительно молодым человеком — лет 35, не больше. И чего, по мирским понятиям, этому странному человеку было нужно? Редко ведь кому так, по внешним признакам, жизнь улыбалась, а он пришел в Оптину, да так там и остался. Тогда еще в Скиту начальствовал о. Амвросій. Необычно, в расцвете сил и быстрой служебной карьеры, поступил в монастырь мой полковник; необычно и повел свою жизнь в монашестве. Был там в Скиту великий протест из самых простых монахов; нес он послушание привратника, был уже он человек годам к шестидесяти, а может, и более, и был замечателен только

вечно благодушным настроением да еще тем, что лето и зиму — круглый год — сиживал у скитских врат, на своем посту, без шапки да за трапезой мешал в свою миску разом все кушанья, которые и ел только для виду. Простец он был великий и не без затаенного юродства. Над ним добродушно посмеивались, но более внимательные замечали в нем глубокого делателя молитвы Иисусовой. Звали его Борис. Вот этого-то Бориса и взял себе в образец смиренномудрия ученый полковник, духовное же делание свое на пути монашеском вручив руководству отца скитоначальника, великого старца о. Анатолия.

Теперь оба эти светильники монашеского духа уже отошли в святые обители Отца Небесного.

Поначалу не все доверяли искренности и чистоте намерений моего полковника — думали, вероятно, что его сердце искало духовно-чиновной карьеры: иеродиакон, иеромонах, архимандрит, а там, пожалуй, и епископ — на эту духовно-иерархическую лестницу можно было бы, по мнению некоторых, и променять военную карьеру; но недоверчивости скоро пришлось уступить место другим чувствам: монах Варнава¹ (так в монашестве звали полковника) упорно отказывался от всяких монашеских отличий и около десяти лет вел уединенную, молитвенную жизнь, не выходя из подражания смиренномудрию Бориса и послушания Старцу-скитоначальнику.

Отошли в селения праведных скитоначальник о. Анатолий и древний уже старичок привратник, а

¹ Имя вымышленное, из опасения оскорбить чувство смирения о. иеромонаха.

монах Варнава все оставался тем же рядовым монахом, пока не наступил час воли Божией и не вывел его, нового делателя, на пожелтевшую, уже близкую к зрелости ниву Господню пастырем словесных овец Его богоизбранного стада.

Вот этот-то о. Варнава мне поведал и дивную повесть о монахе Николае Турке. Я постараюсь вам рассказать ее речью самого о. иеромонаха. Выслушайте ее, запечатлейте ее поглубже в вашем сердце и, придет время, поделитесь ею с теми, кто еще не утратил великого сокровища простой чистой веры.

«Жил я уже в Скиту довольное время, — рассказывал мне о. Варнава, — вы ведь хорошо знаете нашу скитскую жизнь: тихая, безмятежная жизнь! Да и может ли она быть иной, когда всякая скорбь истинному монаху в радость и тот только монах, кто, как старей лапотъ, оттопан и истрепан... Но особенно хорошо в лунные благовонные летние ночи: чувствуешь и слышишь в эти ночи, как живет и дышит и поет вечную славу своему Богу земля-кормилица. Выйдешь из кельи: кругом благоговейная, премудрая тишина. Тихим огоньком перед святыней образов теплятся по братским кельям неугасимые лампы. Весь воздух скитский напоен ароматом его цветов, смолой его соснового бора, благоуханием молитвенных воздыханий тайных рабов Божиих. Чистые сердца, неведомые враждебному для них миру... Сколько еще их по православным обителям!..

В одну из таких ночей зашел ко мне в келью монах наш, ныне покойный Николай, которого мы все звали Туркой. Станный он был; всегда застенчивый

и молчаливый, болезненный и как-то всех сторонившийся человек, хотя мы все его как-то невольно любили. Ни к кому по кельям он не ходил даже днем, а тем более ночью, но на этот раз его приход ко мне не мог показаться мне необычайным: о нем я уже был предварен скитона начальником о. Анатолием. Незадолго до прихода ко мне Николая Турка, о. Анатолий призвал меня к себе да и говорит:

— Знаешь ли ты, что у нас в Скиту, по великой милости Божией, есть свой Андрей Христа ради юродивый...

— Как это так, батюшка?..

— Да, есть у нас такой человек, который в теле ли или не в теле, — Бог знает, — но был еще при жизни восхищен в небесные обители. Это наш Турка. Я благословляю ему прийти к тебе в келью, а ты его расспроси хорошенько да и запиши с его слов, что от него узнаешь. Только держи все это в тайне до его смерти.

И вот, в эту летнюю лунную ночь зашел ко мне по послушанию этот раб Божий и на своем ломаном русском языке поведал мне свое сказание о тех небесных обителях, которые ему были показаны его Ангелом-Хранителем... Что это было за дивное сказание! Сердце мое трепетало от нечеловеческого прилива неизреченной радости торжествующей, оправданной надежды. А речь лилась из уст Николая, и лицо его светлело и светлело, пока не стало прямо-таки сиять каким-то необычайным внутренним светом. И жутко мне было, и страшно, и по-неземному радостно.

Что говорил он мне, всё это найдете в житии преподобного Андрея Христа ради юродивого. Для меня был важен только вид его бесконечного торжества, славы, отпечатлевшейся на его сияющем лице угодника Божия. Так мог говорить только истинный тайнозритель. Я мог только от времени до времени голосом, прерывающимся от неописуемого волнения, просить его продолжать, не умолкать говорить... Но он уже кончил и только прибавил со светлой, блаженной улыбкой:

— Ну, что ты еще знать хочешь, чего еще допытываешься... Придет время — сам увидишь. Что еще тебе сказать, да и как сказать тебе... Ведь на человеческом языке нет тех слов, которые могли бы передать, что там совершается, ведь на земле и красок-то тех нет, которые я там видел. Как же тебе все это передать... Ну, вот послушай, что я тебе скажу: ты знаешь ведь, что такое хорошая музыка... Ну вот я слышал ее, только что слышал: она у меня звучит в ушах, она поет в моем сердце — я ее все еще продолжаю слышать. А ты ее не слышал. Как же, какими словами могу тебе рассказать о ней, чтобы и ты по моим словам мог бы ее слышать и со мною вместе ею наслаждаться?... Ведь не можешь.... Так и того, что я там видел, невозможно пересказать человеку... Довольно с тебя и того, что это так...

Последние слова он сказал мне с какой-то особой силой и точно с угрозой...

Умер наш Николай, и только после его смерти о. Анатолий открыл нам, что был за угодник Божий:

— Не думайте, что это был простой смертный. Простому смертному не дается такой милости от Бога. Наш Николай был мучеником за Имя Христова и за исповедание Его Святого Имени. Когда его омывали после кончины, то все тело его оказалось исполосованным страшными рубцами. Из него ремнями вырезали мясо на его родине, в Турции, за его обращение ко Христу, заставляя отречься от нашего Спасителя. Он не отрекся и с Божией помощью избег дальнейших страданий от руки мучителей. К нам, в Оптину, его прислал из Шамордина о. Амвросий, которого Николай нашел по его всероссийской славе¹, и знали о нем, кто он и что он, только великий Старец да я, недостойный духовник его».

В дни скорби, переживаемые теперь страдающей Родиной, ввиду грядущих тягчайших искушений, надвигающихся зловещей угрозой на верных детей Св. Церкви, да послужит моя немудрая, но истинная повесть эта к укреплению духа и веры моего брата-читателя. Не имеем мы «града zde пребывающа»; все упования наши — не от мира сего, который еще прежде, чем возненавидеть нас, возненавидел Того, Кто обетовал нам в дому Отца Своего приготовить нам нетленные обители. И теперь, когда все заботы мира устремлены на создание земного благополучия, царства всеобщей сытости и удовлетворения низших животных потребностей человека, обрати, брат мой, свой взор к небесному, духовному, выс-

¹ О. Амвросий последние полтора года своей жизни проживал в устроенном им Шамординском женском монастыре.

шему... Вмале поскорби, поплачь, и да утешит, и да упокоит тебя милость Господня во веки веков бесконечная там, где ты призван к вечному царствованию с твоим Господом, в тех небесных обителях, где и теперь уже радуются все святые Божии и с ними Оптинский протест — Николай Турка.

Царское Село, 23 июня 1905 г.

11.

Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле!

Господи, оружие на диавола крест Твой дал еси нам: трепещет бо и трясется, не терпя взирати на силу его.

(Октоих 8-го гласа)

Писания Божественная известуют должника быти сего, иже сам что приемиши туне от Господа иным сего не изъявляет: зане аки нечто украде от Церкви, егда утаевает могущее пользовати иных.

(Св. Амвросий Медиоланский. Четь-Минеи.
Октябрь 14-й. Житие Мчч. Гervasия,
Протасия и Кельсия)

Знаешь признаки антихристовы, не сам один помни их, но и всем сообщай щедро.

(Св. Кирилл Иерусалимский)

I.

Грозные предчувствия. Мировое значение России. Первые шаги XX в. Серафимовы дни и их значение. Записки Мотовилова: беседа прп. Серафима о Царской власти, о злоумышляющих против нее и о бедствиях Православной Церкви. Что ждет Россию и мир?

Молиться надо!..

Что-то грозное, стихийное, как тяжелые свинцовые тучи, навалилось непомерною тяжестью над некогда светлым горизонтом Православной России. Не раз омрачался он: с лишком тысячелетняя жизнь нашей родины не могла пройти без бурь и волнений в области ее духа, но корабль Православия, водимый Духом Святым среди ярившихся косматых волн, смело и уверенно нес Россию к цели ее, намеченной в Предвечном Совете. Стихали бури: и по-прежнему, в безбрежном просторе вечности, в неудержимом своем беге к определенной цели, наш православный корабль рассекал смирявшиеся и вновь покорные волны.

Бог избрал возвеличенную Им Россию принять и до скончания веков блюсти Православие — истинную веру, принесенную на землю для спасения нашего Господом Иисусом Христом. Мановением Божественной Десницы окрепла Православная Русь на диво и страх врагам бывшим, настоящим и... будущим, но только при этом неременном условии — соблюдения в чистоте и святости своей веры.

С непонятной жаждой новизны стремились мы вступить в новый XX век. Точно некая незримая сила толкала нас разорвать необузданным порывом цепи, связующие наше настоящее со всеми заветами прошлого, насильнически вынуждая забыть, что только в великих заветах прошлого и было заложено зерно той жизни и значения, которыми мы пользуемся в этом видимом мире. Наши первые враги на пути нового столетия ознаменовались ярко и резко выраженными стремлениями сбросить с себя ярмо устоев

нашей духовной жизни, — и в безумии своем мы первый удар нанесли под самое сердце свое, в наше Православие. Эпопея воинствующей толстовщины, проповеди непризнанных лжеучителей, направленные к разрушению семейных начал, к осквернению таинства брака; наконец, в недавние дни откровенная и открытая проповедь «свободного соращения из Православия» и им подобные, как туча отравленных змеиным ядом стрел, пущенная несметною ратью из вражеского стана, укрепленного почти поголовным равнодушием к вере наших отцов, закрыла от нас, кажется, навсегда свет Самого Солнца правды...

Так писал я в 1901 году в книге моей «Великое в малом», с ужасом внимая отдаленным громам надвигавшейся на Россию и на мир грозы роковых бедствий. И не один я слышал эти приближавшиеся громы: слышали их все веровавшие Богу своему в простоте детского сердца и не внимавшие обольстительным учениям премудрости века сего, учениям бесовским; слышали все, от среды которых не был отъят «Держай» — благодать Духа Святаго¹, подаваемая одним только смиренным и послушным овцам Христова стада; слышала их вся Церковь верных, чуждых церковного обновления в прикровенно-антихристовом духе. Все слышали, но не все говорили открыто, потому что не все умели говорить, как бы хотели.

¹ И с нею неразрывно связанная благодать помазания от Духа Святаго, даруемая Православному Самодержцу во время Священного Его коронования на Царство. Отсюда, при утрате веры в Бога, — отступление от неверных Св. Духа и отъятие от них Самодержавной Царской власти.

Большинство братьев наших умело только молча страдать и молча плакать в незримой миру тишине своей уединенной к Богу молитвы.

И вскоре, в дни плача нашего и нашей великой скорби, даровал нам Господь нового великого заступника и ходатая, преподобного отца нашего Серафима Саровского.

И в великие Саровские, Серафимовы дни, когда казалось, что само небо спустилось на землю и лики Ангельские с ликами певцов земли «среди лета пели Пасху», воспевая хвалу Богу, дивному во святых Своих; в те дни для верного и чуткого сердца православного русского человека благоволил Господь воочию явить тайну величия и мощи России, тайну, заключенную в единении Помазанника Божия — Царя с его народом и со Христом, без Которого никто ничего творить не может, а народной души чрез Царскую веру и свою — с Богом и Его Преподобным, великим к Богу ходатаем за Православную землю Русскую.

Бог говорил в Сарове с народом Своим, новозаветным Израилем, с Россией, последней на земле хранительницей Православной Христовой веры и Самодержавия, как земного отображения Вседержительства во вселенной Самого Триипостасного Бога.

И через самого Преподобного говорил России Господь слово Свое о том же, о том, как нужно ей хранить и оберегать во всякой чистоте и святине великую ту тайну, которой крепка была Россия от смутных своих дней даже до сего дня.

Напомним России слово это устами самого Преподобного. Не поможет ли напоминание этого Рус-

ским людям оглянуться на себя и опомниться, пока еще не поздно, пока не услышали еще они грозных слов Божиих:

«Се, оставляется дом ваш пуст!»

Вот что в ночь с 26-го на 27 октября 1844 года в Саровской пустыни было записано симбирским советным судьей, Николаем Александровичем Мотовиловым, близким человеком и сотаинником преподобного Серафима:

«...А в доказательство истинной ревности по Бозе приводил батюшка Серафим святого пророка Илию и Гедонеа и, по целым часам распространяясь о них своею Боговдохновеннейшею беседою, каждое суждение свое о них заключал применением к жизни собственно нашей и указанием на то, какие мы и в каких наиболее обстоятельствах жизни можем из житий их извлекать душеспасительные наставления. Часто поминал мне о святом царе, пророке и Богоотце Давиде и тогда приходил в необыкновенный духовный восторг. Надобно было видеть его в эти неземные минуты! Лицо его, одушевленное благодатью Святаго Духа, сияло тогда подобно солнцу, и я, — поистине говорю, — глядя на него, чувствовал лом в глазах, как бы при взгляде на солнце. Невольно приводил я себе на память лицо Моисея, только что сошедшего с Синая. Душа моя, умиротворяясь, приходила в такую тишину, исполнялась такою великою ревностью, что сердце мое готово было вместить в себя не только весь род человеческий, но и все творение Божие, преизливаясь ко всем божественною любовью...

— Так-то, ваше Боголюбие, так, — говаривал Батюшка, скача от радости (кто помнит еще сего святого Старца, тот скажет, что и он его иногда видывал как бы скачущим от радости), — «избрах Давида, раба Моего, мужа по сердцу Моему, иже исполнит вся хотения Моя...»

Разъясняя же, как надобно служить Царю и сколько дорожить его жизнью, он приводил в пример Авессу, военачальника Давида.

— Однажды он, — так говорил батюшка Серафим, — для утоления жажды Давидовой прокрался в виду неприятельского стана к источнику и добыл воды и, несмотря на тучу стрел из неприятельского стана, пущенных в него, возвратился к нему ни в чем невредимым, неся воду в шлеме, сохранен будучи от тучи стрел только за усердие свое к Царю. Когда же что приказывал Давид, то Авесса отвечивал: «Только повели, о Царю и все будет исполнено по-твоему». Когда же Царь изъявлял желание сам участвовать в каком-либо кровопролитном деле для ободрения своих воинов, то Авесса умолял его о сохранении своего здоровья и, останавливая его от участия в сече, говорил: «Нас много у тебя, а ты, Государь, у нас один. Если бы и всех нас побили, то лишь бы ты был жив, — Израиль цел и непобедим. Если же тебя не будет, что будет тогда с Израилем?...»

Батюшка отец Серафим пространно любил объясняться о сем, хваля усердие и ревность верноподданных к Царю и, желая явственнее истолковать, сколько сии две добродетели христианские угодны Богу, говаривал:

— После Православия они суть первый долг наш русский и главное основание истинного христианского благочестия.

Часто от Давида он переводил разговор к нашему великому Государю Императору¹ и по целым часам беседовал со мною о Нем и о царстве Русском; жалел о зломыслящих противу Всеавгустейшей Особы Его. Явственно говоря мне о том, что они хотят сделать, он приводил меня в ужас; а рассказывая о казни, уготовляемой им от Господа, и удостоверяя меня в словах своих, прибавлял:

— Будет это непременно: Господь, видя нераскаянную злобу сердец их, попустит их начинаниям на малое время, но болезнь их обратится на главу их, и на верх их снидет неправда пагубных замыслов их. Земля Русская обAGRится реками кровей, и много дворян побиено будет за великого Государя и целость Самодержавия Его; но не до конца прогневается Господь и не попустит разрушиться до конца земле Русской, потому что в ней одной преимущественно сохраняется еще Православие и остатки благочестия христианского.

Однажды, — так пишет далее в тех же своих записках Мотовилов, — был я в великой скорби, помышляя, что будет далее с нашею Православною Церковью, если современное нам зло все более и более будет размножаться, и, будучи убежден, что Церковь наша в крайнем бедствии как от преумножающегося разврата по плоти, так равно, если только не многим более, от нечестия по духу чрез рассеивае-

¹ Николаю I.

мые повсюду новейшими лжемудрователями безбожные толки, я весьма желал знать, что мне скажет о том батюшка Серафим.

Распространившись подробно беседою о святом пророке Илии, он сказал мне на вопрос мой между прочим следующее:

— Илия Фесвитянин, жалуясь Господу на Израиля, будто он весь преклонил колена Ваалу, говорил в молитве, что уж только один он, Илия, остался верен Господу, но уже и его душу ищут изъяти... Так что же, батюшка, отвечал ему на это Господь? — «Седьм тысяч мужей оставих во Израили, иже не преклониша колен Ваалу». Так если во Израильском царстве, отпадшем от Иудейского верного Богу царства и пришедшем в совершенное развращение, оставалось еще седьм тысяч мужей, верных Господу, то что скажем о России? Мнюя, что во Израильском царстве было тогда не более трех миллионов людей. А у нас, батюшка, в России сколько теперь?

Я отвечал:

— Около шестидесяти миллионов.

И он продолжал:

— В двадцать раз больше. Суди же сам, сколько теперь у нас еще обретается верных Богу!.. Так-то, батюшка, так-то: ихже предудеде, сих и предъизбра; ихже предъизбра, сих и предустави, ихже предустави, сих и блюдет, сих и прославит... Так о чем же унывать-то нам!.. С нами Бог! Надеющийся на Господа, яко гора Сион, и Господь окрест людей Своих... Господь сохранит тя, Господь — покров твой на руку десную твою, Господь сохранит вхождение твое

и исхождение твое отныне и до века; во дни солнце не ожжет тебе, ниже луна нощию.

И когда я спросил его, что значит это, к чему говорит он мне о том, — К тому, — отвечствовал батюшка отец Серафим, — что таким-то образом хранит Господь, яко зеницу ока Своего, людей Своих, **то есть православных христиан, любящих Его** и всем сердцем, и всею мыслию, и словом, и делом, день и ночь служащих Ему. *А таковы — хранящие всецело все уставы, догматы и предания нашей Восточной Церкви Вселенской и устнами исповедующие благочестие, Ею преданное, и на деле во всех случаях жизни творящие по святым заповедям Господа нашего Иисуса Христа.*

В подтверждение же того, что еще много на земле Русской осталось верных Господу нашему Иисусу Христу, православно и благочестно живущих, батюшка отец Серафим сказал некогда одному знакомому моему, — то ли отцу Гурию, бывшему гостиннику Саровскому, то ли отцу Симеону, хозяину масличенского двора, — что однажды, быв в духе, видел он всю землю Русскую, и была она исполнена и как бы покрыта дымом молитв верующих, молящихся к Господу...»

Рассказанное здесь со слов записей Мотовилова относится по времени к началу 30-х годов прошлого столетия. С тех пор прошло почти восемьдесят лет.

Время бежит; беззакония умножились, проникли даже в самое сердце народное. С развитием в народе грамотности не столько Слово Божие распространялось среди «малых сих», сколько слово человеческое,

«премудрость века сего», «наука зла». Уже не дымом благовонным молитв верующих, молящихся к Господу, покрывается Русская земля, а угольным смрадом фабрик, заводов, паровозов, омерзительною вонью бензиновых моторов, реющих над облаками, бороздящих молниеподобно во всех направлениях землю. Весь этот чад гордости человеческой, как вызов Богу, несется к небу от злобы и проклятий социальной ненависти, развившейся на почве борьбы бездушного капитала с замученной, озлобленной и непрестанно озлобляемой душой фабричного и заводского рабочего и дьявольски искусно обезземеленного уже дворянина и обезземеливаемого крестьянина, выкидываемых злым духом века сего на холод и голод улицы, в ряды всемирного бесприютного пролетариата.

Сохранили ли мы Православие? Бережем ли Церковь Святую?

Бережем ли Богом дарованное Самодержавие?

Охраняем ли мы всею силою любви своей Божественного?

Нет.

Что же ждет Россию за измену вере и верности отцов своих?

Что ждет весь мир с падением Православия и Самодержавия в России?

Пусть на вопросы эти ответит то жестокое и страшное, что последует за сим в дальнейших главах настоящего очерка.

Не снимается с тебя твоя воля, читатель: хочешь — верь; не хочешь — не верь! Но, прочтя со вниманием то, что в очерке этом изложено и не мною

вымышлено, сверь изложенное со Словом Божиим, с современными тебе мировыми и русскими событиями и — считай себя своевременно предуведомленным.

Молитвами Богородицы и всех Святых, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных.

II.

Знаменательное движение в области вселенской церковной религиозной мысли. Епископ Графтон и его записка. Уния англиканской и восточной Православной Церкви. Энциклика Пия X. Кризис римско-католической Церкви. Принц-аббат Макс Саксонский. Общецерковное ожидание конца мира и явления антихриста.

Начало XX столетия ознаменовалось чрезвычайно важным и в высшей степени знаменательным движением в области вселенской церковной религиозной мысли, которое на короткое, правда, время поразило общественное внимание, даже современного мира, вообще мало склонного к углублению в вопросы религии и Церкви и в соотношении их к запросам и ожиданиям человеческого прогресса и цивилизации. В самый разгар увлечений мнимыми победами культуры, когда вдумчивому наблюдателю стало достаточно ясным стремление оматериализованного человеческого духа поставить свой престол наравне с Божиим и стать равным Всевышнему, когда даже в России, избравшей Божественное Откровение Христа в руководство для своей государственной жизни, стало заметным, а теперь едва ли и не преобладающим торжество антихристианского духа, когда даже в ней стало возможным преклонение целой массы поклонников пред

Львом Толстым¹, как пред кумиром и «единым истинным христианином» — в это самое время раздался вещий голос Вселенской Церкви, призывающий путем пересмотра и определения своих верований к устранению из них всего самоизмышленного и на почве истины, к соединению всего христианского мира в одно неодолимое духовное стадо. Так в 1901 или 1902 году Константинопольская Вселенская Патриархия возбудила вопрос о том, нет ли уже достаточно подготовленной почвы для признания православия старокаатоликов. В свою очередь англиканская Церковь также проявила усиленную деятельность в тех же интересах церковного объединения. С особенной же силой это стремление к единству сказалось в американской епископальной Церкви, выразившись в записке ее представителя, епископа Графтона, посетившего Россию в 1903 году.

«Кажется, — так писал еп. Графтон в этой записке, — если мы не ошибаемся, ныне, вместе с возвышением духа ревности к Церкви, у всех христиан возрастает желание сблизиться между собою, и это в такое именно время, когда стали яснее обнаруживаться многообразные козни сатаны и возможно уже стало видеть знамение Сына Человеческого, предреченное Спасителем мира».

В развитие идеи сближения христиан всего мира между собою и соединения Церквей в Единую Вселенскую Церковь, в Англии в 1905 году была учреждена «уния англиканской и Восточно-православной Церквей», с 1907 года имеющая свое отделение и в

¹ Умершим в отлучении от Церкви.

Америке. Председателем этой унии со стороны православных в Америке состоит преосвященный Рафаил, епископ Бруклинский, а со стороны англикан — Э. Паркер, епископ Нью-Гемпширский¹. Уния эта развивает все большую и большую деятельность, и уже видится то время, когда при внешнем враждебном давлении на христианскую Церковь, обе ветви англиканской и американской епископальной Церквей сольются с Греко-Российским Православием.

Престол католического Рима не только не остался чужд общему голосу западной Церкви, но со свойственной ему властью и резкостью в одной из папских энциклик, изданных вскоре по восшествии на папский престол Пия X, высказал и предвидение роковой мировой развязки в лице явления **уже родившегося в мире, по мнению Римского первосвященника, антихриста**. «Внимательный наблюдатель, — так говорит помянутая энциклика, — не может не исполниться опасения, что уже не далек конец мира и что антихрист уже пришел на землю: с такою резкостью всюду попирают религию и борются против Богооткровенной веры, с такими усилиями стараются порвать какие бы то ни было отношения человека к Богу. Напротив, — и это по апостолу

¹ По сведениям «Московских Ведомостей», почерпнутым из нью-йоркской газеты «Свет» (№ 40), в конце 1910 года в Цинциннати состоялось собрание этой унии, представленное духовенством и мирянами англиканской Церкви из Китая, Японии, Южной Америки, Африки, Австралии. Одних епископов было 106 500 священников и несколько тысяч мирян. Нашему еп. Рафаилу была предоставлена честь благословить собрание.

признак антихриста, — человек самого себя поставил на место Бога».

Еще упорствует в надменности своей гордый Рим и в лице князей своей церкви еще не идет на соединение с Православным Востоком иначе, как только в образе лицемерной унии или не менее лицемерно так называемого «русского католичества» под главенством «непогрешимого» папы-царя. Но и ветхого Рима многовековое упорство ломается извне и изнутри под напором торжествующего масонства, модернизма, мариавитизма и искреннего стремления в лучших сынах римской Церкви к познанию истины.

Так, недавно принц Макс Саксонский, католический аббат и известный теолог, в исследовании своем о якобы «схизме» Православной Греко-Российской Церкви, пришел к открытому заключению, что Восточная наша Церковь не отступила ни от одного из догматов и не привнесла ничего самоизмышленно-нового в чистоту исповедания Вселенской Апостольской Церкви.

Таким образом, с великою радостью для православноверующего сердца надлежит отметить, что все подразделения и ветви христианства, в которых сохранилась и еще горит священная искра искания чистой христианской истины, обращают свои взоры и упования на наш Православный Восток, сохранивший в себе во всей полноте всю чистоту первоначальной соборно-апостольской истины и не допустивший в свои недра ничего из новшеств Церквей Запада. И в то же время с любовью и вместе со страхом, умеряемым христианской надеждой, отмечаем, что

религиозная мысль Запада в стремлениях своих обрести чистую христианскую церковную истину, ближайшею своею целью поставляет найти пути к объединению в Православной всех ветвей Вселенской Христовой Церкви, основанием к тому выставляя чаяние предреченного Спасителем явления знамения Сына Человеческого, опасение близкого конца міра и явления міру антихриста в качестве беззаконного вершителя судеб отступившего от Бога человечества.

III.

Слово прп. Ефрема Сирина об антихристе

Что же говорит Православный Восток по поводу предвидения западными Церквями близкого конца міра и явления міру антихриста? Определил ли он, кто будет этот антихрист? Что говорит он о времени явления его?.. Св. Ефрем Сирин в «Слове на пришествие Господне, на скончание міра и на пришествие антихристово» рассуждает так¹:

«С болезнью сердца начну речь о том бесстыднейшем и ужасном змие, который приведет в смятение всю Поднебесную, и в сердца человеческие вложит боязнь, малодушие и страшное неверие, и произведет чудеса, знамения и страхования, «якоже прельстити, аще возможно, и избранныя» (Мф. 24, 24), и всех обманет ложными знамениями и призраками чудес, им совершаемых. Ибо попущением Святаго Бога по-

¹ «О последних событиях, имеющих совершиться в конце мира», изд. Козельской Введенской Оптиной Пустыни.

лучит он власть обольщать мір, потому что исполнилось нечестие міра и повсюду совершаются всякого рода ужасы. Посему-то Пречистый Владыка за нечестие людей попустит, чтобы мір был искушен духом лъсти, потому что *так восхотели человеки — отступить от Бога и возлюбить лукавого*¹.

Велик подвиг, братие, в те времена, особливо для верных, когда самым змием с великою властью совершаемы будут знамения и чудеса, когда в страшных призраках покажет он себя подобным Богу; будет летать по воздуху, и все бесы, подобно Ангелам, вознесутся пред мучителем. Ибо с крепостию возопиет, изменяя свой вид и безмерно устрашая всех людей. *Тогда, братие, окажется огражденным, непоколебимым имеющий в душе верный знак — святое пришествие Единородного Сына Бога нашего*², — как скоро увидит сию неизреченную скорбь, отвсюду приходящую на всякую душу, потому что совершенно ни откуда нет у ней ни на земле, ни на море никакого утешения, ни покоя; как скоро увидит, что весь мір в смятении, что каждый бежит укрыться в горах и одни умирают от голода, другие истаевают, как воск, от жажды, — и нет милующего; как скоро увидит, что всякое лицо проливает слезы и с сильным желанием спрашивает: «есть ли где на земле Слово Божие», и слышит в ответ: «нигде!» Кто перенесет дни сии, кто стерпит невыносимую скорбь, как скоро увидит смешение народов, которые от концов земли идут увидеть мучителя и многие поклоня-

¹ Курсив наш (С. Нилус. — Ред.).

² Курсив наш (С. Нилус. — Ред.).

ются мучителю, с трепетом взывая: «Ты наш спаситель!» Море мятется, земля иссыхает, небеса не дождят, растения увядают, и все живущие на востоке земли от великого страха бегут на запад, а также живущие на западе солнца бегут на восток. Бесстыдный же, прияв тогда власть, пошлет бесов во все концы смело проповедовать: «Великий царь явился во славе; идите и видите его!» У кого же будет такая адамантова душа, чтобы мужественно перенести все сии соблазны? При одном воспоминании о змие прихожу я в ужас, помышляя в себе о той скорби, какая постигнет людей в сии времена, помышляя о том, сколь жестоким к человеческому роду окажется сей скверный змий и сколько злобы еще большей будет он иметь на святых, которые могут противостоять его мечтательным чудесам. Ибо много найдется тогда людей благоугодивших Богу, которым в горах и местах пустынных можно будет спастись многими молитвами и сердечным плачем. Ибо Святой Бог, видя их несказанные слезы и искреннюю веру, умиласердится над ними, как нежный Отец, и соблюдет их там, где они укроются; между тем как всескверный змий не перестанет отыскивать святых и на земле, и на море, рассуждая, что уже воцарился он на земле и все уже подвластны ему. И не сознавая своей немощи и той гордыни, от которой пал, замыслит, несчастный, воспротивиться в тот страшный час, когда Господь придет с небес. Впрочем, приведет в смятение землю, устрашит всех ложными *чародейными*¹ знамениями.

¹ Курсив наш (С. Нилус. — Ред.).

*В то время, когда придет змий, не будет покоя на земле; будут же великая скорбь, смятение, замешательство, смерти и глады во всех концах*¹. Ибо Сам Господь наш Божественными устами изрек, что «такая скорбь не бысть от начала создания» (Мк. 13, 19). Мужественная нужна будет душа, которая бы могла сохранить жизнь свою среди соблазнов. Ибо если человек окажется хотя несколько беспечным, то легко подвергнется нападениям и будет пленен знамениями змия лукавого и хитрого.

Много молитв и слез нужно нам, чтобы кто-либо из нас оказался твердым в искушениях, потому что много будет мечтаний, совершаемых зверем. Он сам богоборец и всех хочет погубить. Ибо такой способ употребит мучитель, что *все должны будут носить на себе печать зверя*², когда во время свое, т. е. при исполнении времен, придет он обольстить всех знамениями; и в таком только случае можно им будет покупать себе снеди и все потребное, и поставить надзирателей исполнять его повеления. Заметьте чрезмерную злокозненность зверя и ухищрения его лукавства, каким образом начинает он с чрева, чтобы человек, когда будет приведен в крайность недостатком пищи, вынужден был принять печать, то есть злочестивые начертания не на каком-либо члене тела, но на правой руке, а также на челе, чтобы человеку не было уже возможности правою рукою напечатлеть крестное знамение и также на челе назнаменовать святое Имя Господне или славный и честный

¹ Курсив наш (С. Нилус. — *Ред.*).

² Курсив наш (С. Нилус. — *Ред.*).

Крест Христа Спасителя нашего. Ибо знает, несчастный, что запечатленный Крест Господень разрушает всю силу его; и потому кладет свою печать на правую руку человеку, потому что она запечатлевает крестом все члены наши; а подобно и чело, как свещник, носит на высоте светильник света — знамение Спасителя нашего. Ибо для того, без сомнения, употребляет таковой способ, чтобы Имя Господа и Спасителя да и неименуемо было в то время; делает бессильный (обольститель), боясь и трепеща святой силы Спасителя нашего. Ибо если кто не будет запечатлен печатью зверя, тот не пленится и мечтательными его знамениями. Притом и Господь не отступает от таковых, но просвещает и привлекает их к Себе.

Поелику Спаситель, вознамерившись спасти род человеческий, родился от Девы и в образе человеческом поправ врага святою силою Божества Своего, то и он умыслит воспринять образ Его пришествия и прельстить нас. Господь наш на светоносных облаках, подобно страшной молнии, приидет на землю, но не так придет враг, потому что он отступник. Действительно от девы, только оскверненной, родится его оружие, т. е. антихрист; но сие не значит, что сам враг воплотится; придет же всескверный, как тать, в таком образе, чтобы прельстить всех; придет смиренный, кроткий, ненавистник неправды, — как сам будет говорить о себе, — отвращающийся идолов, предпочитающий благочестие, добрый, нищелюбивый, в высокой степени наружностью своею прекрасный, постоянный, ко всем ласковый. При всем этом, с великою властью совершит он знамения, чудеса и страхования и прии-

мет хитрые меры всем угодить, чтобы в скором времени полюбил его народ. Не будет он брать даров, говорить гневно, показывать пасмурного вида, но благочинною наружностью станет обольщать мир, пока не воцарится. Поэтому, когда многие народы и сословия увидят такие добродетели и силы, тогда вдруг возымеют одну мысль и с великою радостью провозгласят его царем, говоря друг другу: «Найдется ли еще человек столь добрый и правдивый?» И скоро утвердится царство его, и в гнев поразит трех царей. Потом вознесется сердцем и изрыгнет горечь свою этот змий, смятет вселенную, подвигнет концы ее, всех притеснит и станет осквернять души, не благоговение уже в себе показывая, но при всяком случае поступая как человек суровый, жестокий, гневливый, стремительный, беспорядочный, страшный, отвратительный, ненавистный, мерзкий, лютый, губительный, бесстыдный, который старается весь род человеческий вринуть в пучину нечестия. Многочисленные произведет он знамения, но ложно, а не действительно. И в присутствии многочисленной толпы, которая будет восхвалять его мечтательные чудеса, издаст он крепкий глас, от которого поколеблется место, где собраны предстоящие ему толпы и скажет: «Все народы, познайте мою силу и власть!» В виду зрителей будет переставлять горы и вызывать острова из моря, но все это обманом и мечтательно, а не действительно. Впрочем, прельстит мир, обманет многих; многие поверят и прославят его, как крепкого бога.

Тогда сильно восплачет и вздохнет всякая душа; тогда все увидят, что несказанная скорбь гнетет их

день и ночь, и нигде не найдут пищи, чтобы утолить голод. Ибо жестокие надзиратели будут поставлены на место, и кто только имеет у себя на челе или на правой руке печать мучителя, тому позволено будет купить немного пищи, какая найдется. Тогда младенцы будут умирать на лоне матери; умрет и мать над своим детищем, умрет также и отец с женою и детьми среди торжища, и некому похоронить и положить их во гроб. От множества трупов, поверженных на улицах, везде зловоние, сильно поражающее живых. С болезнью и воздыханиями скажет всякий поутру: «Когда наступит вечер, чтобы иметь нам отдых?» Когда настанет вечер, с самыми горькими слезами будут говорить сами в себе: «Скоро ли рассвет, чтобы избежать нам постигшей скорби?» Но некуда бежать или скрыться, потому что все будет в смятении — и море и суша. Глады, землетрясения, смущение на море, страхования на суше. Множество золота и серебра и шелковые одежды не принесут никому пользы во время сей скорби, но все люди будут называть блаженными умерших, преданных погребению, прежде нежели пришла на землю эта великая скорбь. И золото, и серебро рассыпаны на улицах, и никто до них не касается, потому что все омерзело.

Но все поспешат бежать и скрыться, и нигде им не укрыться от скорби; напротив того, при голоде, скорби и страхе, будут угрызать плотоядные звери и пресмыкающиеся. Страх внутри, извне трепет. День и ночь трупы на улицах. Смерд на стогнах, зловоние в домах; голод и жажда на стогнах, глас рыдания в домах. С рыданием встречаются все друг с другом —

отец с сыном, мать с дочерью. Друзья на улицах, обнимаясь с друзьями, кончают жизнь; братья, обнимаясь с братьями, умирают. Увядает красота лица у всякой плоти, и вид у людей — как у мертвецов. Все же поверившие лютomu зверю и принявшие на себя печать его — злочестивое начертание оскверненного, — приступят вдруг к нему и с болезнью скажут: «Дай нам есть и пить, потому что все мы истаем, томимые голодом, и отгони от нас ядоносных зверей». И этот бедный, не имея к тому средств, с великою жестокостию даст ответ, говоря: «Откуда, люди, дам вам есть и пить? Небо не хочет дать земле дождя, и земля также не дает вовсе ни жатвы, ни плодов». Народы, слыша это, возопиют и прольют слезы, не имея утешения в скорби; напротив того, другая неизреченная скорбь приложится к их скорби; а именно та, что так поспешно поверили мучителю. Ибо он, бедный, не в силах помочь и себе самому, — как же он им может оказать милость? В те дни великое будет горе от многих скорбей, причиненных змием, от страха, и землетрясения, и шума морского, от голода, и жажды, и угрызения зверей. И все принявшие печать антихристову и поклонявшиеся антихристу, как благому богу, не будут иметь никакой чести в Царстве Христовом, но вместе с змием будут ввержены в геенну.

Но прежде нежели будет сие, Господь, по милосердию Своему, пошлет Илию Фесвитянина и Еноха, чтобы они возвестили человеческому роду благочестие, дерзновенно проповедали всем боговедение, научили не верить из страха мучителю, говоря и вопия: «Это

лесть, о человеки! Никто да не верит ей нисколько, никто да не повинуется богоборцу, никто из вас да не приходит в страх, потому что богоборец сей скоро будет приведен к бездействию! Вот святой Господь грядет с неба судить всех поверивших знамениям его». *Впрочем, немногие тогда захотят послушать и поверить сей проповеди пророков*¹.

Многие из святых, какие только найдутся тогда в пришествие оскверненного, реками будут проливать слезы к Святому Богу, чтобы избавиться им от змия, с великою поспешностью побегут в пустыни, и со страхом будут укрываться в горах и пещерах, и посыплют землю и пепел на главы свои, в великом смирении молясь день и ночь. И будет им даровано от Святаго Бога сие: благодать Его отведет их в определенные для сего места, и спасутся они, укрываясь в пропастях и пещерах, не видя знамений и страхований антихристовых, потому что **имеющим видение без труда сделается известным пришествие антихриста**. А кто имеет ум (обращенным) на дела житейские и любит земное, тому не будет сие ясно; ибо всегда таково свойство привязанного к делам житейским — хотя и услышит, но верить не будет и даже погнушается тем, кто об этом будет говорить. А святые укрепятся, потому что отринули всякое попечение о сей жизни.

Восплачут тогда — и вся земля, и море, и горы, и холмы; восплачут и светила небесные о роде человеческом, потому что все уклонились от Святаго Бога и поверили лести, приняв на себя вместо животворящего Спасителя Креста начертание сквер-

¹ Курсив наш (С. Нилус — Ред.).

ного и богоборного. Восплачут земля и море, потому что в устах человеческих прекратится вдруг глас псалмов и молитв; восплачут великим плачем все церкви Христовы, потому что не будет священнослужения и приношения.

По исполнении же трех с половиною лет власти и действий нечистого, и когда исполнятся соблазны всей земли, придет наконец, по-сказанному, Господь, подобно молнии, блещущей с неба, придет Святой, Пречистый, Страшный, Славный Бог наш с несравненною славою в предшестве Его славе чинов Архангельских и Ангельских; все же они — пламень огненный; и река (потечет) в страшном клокотании, полная огня; Херувимы с поникшими долу очами и Серафимы, летающие и закрывающие лица и ноги крылами огненными, и с трепетом взывающие: «Возстаните, почившие, се пришел Жених!» Отверзутся гробы, и во мгновение ока пробудятся все колена земные и воззрят на святую лепоту Жениха. И тьмы тем и тысячи тысяч Архангелов и Ангелов — бесчисленные воинства возрадуются великою радостью; святые и праведные и все не принявшие печати змия и нечестивца возвеселятся. Мучитель со всеми демонами, связанный Ангелами, также все принявшие печать его, все нечестивые и грешники связанные будут приведены пред судилище. И Царь дает на них приговор вечного осуждения в огонь неугасаемый. Все же не принявшие печати антихристовой и все скрывавшиеся в пещерах возвеселятся с Женихом в вечном и небесном чертоге со всеми святыми в беспредельные веки веков».

IV.

Цель настоящего труда. Лжемессии Израиля. Запись под 1848 годом из летописи Оптиной Пустыни. Слова Оптинского старца Макария. Письмо игумена Антония (Бочкова). Предсказание Оптинского старца Макария Белевской игуменнии Павлине.

Приведя в предшествующей главе церковно-авторитетное мнение преподобного Ефрема Сирина о личности антихриста, его явлении, деяниях, состоянии мира во дни его, о Втором славном пришествии Господа нашего Иисуса Христа и Страшном Суде Его, я предлагаю интересующимся подробной разработкой этого вопроса обратиться к ученому труду об антихристе профессора Московской Духовной академии Беляева и к вышеупомянутой брошюре, интересной как по месту ее составления (Оптина Пустынь), так и потому что автор ее, один из Оптинских иеромонахов, при составлении ее пользовался если не сотрудничеством, то, во всяком случае, благословением и указаниями великого Оптинского старца Амвросия. Цель настоящего труда не научно-богословское исследование данного предмета, а скромная попытка рядового христианина и верного сына Православной Церкви представить возможно подробный и полный отчет во всем том, что о ясных признаках возможности близкого явления антихриста и конца мира стало ему **достоверно** известным или от старческих преданий современных нам подвижников православно-христианского духа, или из общения с людьми одинаковой с ним настроенности и упований, хотя и высших по духовному развитию в меру возраста Христова и,

наконец, по личным наблюдениям над явлениями духа и знамениями времени, которые по тем или другим причинам привлекли на себя внимание автора предлагаемого очерка.

Прошли века со времени приведенного выше свидетельства об антихристе прп. Ефрема Сирина; пронеслись над человечеством сокрушительные бури в области вечного его духа; не раз христианский мир содрогался в трепетном ожидании явления «презренного», «человека греха и сына погибели»; и жестоковыйный, до времени ослепленный Талмудом, каббалой и богоборством ветхозаветный Израиль успел за это долгое время восторженно принять и с отчаянием отвергнуть 25 лжемессий¹, которых со дней Мессии Истинного ему тщетно представляло его фарисейство и книжничество, — а настоящий антихрист не явился до сих пор даже и нам, сынам XX одряхлевшего в беззакониях века; не пришел и Спас наш судить живых и мертвых...

«Где обетования пришествия Его? Ибо с тех пор, как стали умирать отцы, от начала творения, все остается так же» (2 Пет. 3, 4).

Между тем тихое веяние Духа Святаго уже предвещало смиренномудрие верных о том, что исполня-

¹ (*Drumont. La Tance Juive. P. 126*) Аббаты Леманы считали 25 лжемессий: Февда, в Палестине в 45 г.; Симон Волхв, в Палестине 34—37, Менандр, в те же года; Досифей в Палест. 50—60; Вар-Кохба, в Палест. 138 г.; Моисей, на Крите, 434; Юлиан, в Палест. 530 г.; Сириец, в царствование Льва Исавра, 721 г.; Серен, в Испании 724 г.; другие во Франции, в Персии, в Аравии, в Моравии, в Месопотамии, в Австрии, в Индии, в Голландии и последний Саббатай Цеви в Турции в 1668 г.

ются «времена и лета, ихже положи Отец в Своей власти».

В Летописи повседневной монастырской жизни святой Оптиной Пустыни, не без воли Божией ставшей со смертью Льва Толстого известной всему миру, записано под 1848 годом следующее: «С наступлением 1848 года настали бедствия в Европе почти повсеместно. Во Франции 24 февраля — революция, ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России. Везде мятежи, нестроения. В России: холера, засуха, пожары... 26 мая, в среду, в 12-м часу дня загорелся губернский город Орел... Сгорело 2800 домов; на воде барки сделались добычею пламени. В Ельце сгорело 1300 домов...»

В той же Летописи под тем же годом читаем: «Июнь 24-е число. Четверток. Праздник в Скиту дня Рождества св. Иоанна Предтечи. Пополудни в три часа зашла страшная туча с молнией и громовыми ударами с юго-запада при 20° тепла. Она разразилась страшною бурей с проливным дождем и градом. От этой тучи во многих местах Козельского уезда¹ произошли разрушения, в особенности же в Оптиной Пустыни. На церквах Казанской и Больничной разломало на части железную крышу, сорвало кресты; на колокольне поколебало главу со шпилем и вырвало кровельный лист; на корпусах трапезном и братском, что возле колокольни, и на казначейском повредило железные крыши; во многих других местах

¹Калужской губернии, где расположена Оптина Пустынь.

повредило черепичные крыши и изгороди, полома-
ло множество садовых плодовых деревьев. В Ски-
ту упавшею сосною повредило башню, что на конном
дворе; а с юго-западной стороны тоже упавшею со-
сною разбило два каменных столба в скитской огра-
де. А в монастырском лесу поломано и вырвано с
корнем до двух тысяч самых толстых сосен. Страш-
ная буря! Никто не запомнит такой!»...

По поводу этой бури великим старцем Макарием¹
Оптинским, учителем старца Амвросия, были сказа-
ны следующие многозначительные слова:

«Это страшное знамение Божьего гнева на от-
ступнический мир. В Европе бушуют политические
страсти, а у нас — стихии. Началось с Европы, кон-
чится нами».

Разбирая архив Скита Оптиной Пустыни, я на-
шел в нем между прочим замечательное письмо игу-
мена Черменецкого монастыря, Антония (Бочкова),
писанное в том же 1848 году Оптинским старцам:

«Благодарю о. Иоанна², что меня вспомнил и по-
трудился написать. Кажется, теперь и раскольникам
и православным следует подумывать не о своих лич-
ных делах, а о грядущем Божиим гневом на всех, ко-
торый может, яко сеть, захватить всех живущих на
земле. Революция во Франции не есть частное зло,
а только воспламенение тех подкопов, которые под-

¹Скончался 7 сентября 1861 года и погребен в Оптиной
Пустыни.

²Иеросхимонах Иоанн из бывших раскольников, впослед-
ствии подвижник — апологет Православия и обличитель рас-
кола. Скончался в скиту Оптиной Пустыни 4 сентября 1849
года.

ведены под всю землю, особливо европейскую, яко хранительницу просвещения и духовного и мирского. Теперь страшен уже не раскол, а общее европейское безбожие. **Времена язычников едва ли не оканчиваются.** Все Европейские ученые теперь празднуют освобождение мысли человеческой от уз страха и покорности заповедям Божиим. Посмотрим, что сделает этот род XIX века, сбрасывающий с себя оковы властей и начальств, приличий и обычаев. Посмотрим, каков будет этот новый Адам в 48 лет, который теперь возрождается из европейской благородной земли, какова будет эта зловещая птица, высиженная из гнезда парижского? Это яйцо уже давно положено: оно еще в 1790-х годах согревалось и вылупившийся Наполеон хотя и обжег себе крылья на пожаре московском и как будто мы вместе с ним простились и с войной, и с общими потрясениями, но, видно, это был только один болтун, а настоящий высидок явится в наше преблагополучное время, во дни мира и утверждения. **Если восторжествует свободная Европа и сломит последний оплот — Россию, то, чего нам ожидать, судите сами.** Я не смею угадывать, но только прошу премилосердаго Бога, да не узрит душа моя грядущего царства тьмы»¹.

¹Игумен Антоний (Бочков) происходил из именитого петербургского купеческого рода. Отец его был петербургским городским головой. Игумен Антоний получил утонченно европейское образование и посвятил себя и его на служение Богу. На склоне лет, во время одной из московских эпидемий он испросил себе разрешение ухаживать за больными в чернорабочей больнице, там заразился сыпным тифом и скончался, положив душу за други своя.

Тогда еще не было дано восторжествовать свободной Европе над Россией: Самодержавие было в крепких руках Императора Николая I; на страже Православия стояли два Филарета — «святой и мудрый» — и сонм иерархов, как звезды на тверди небесной. «Держай» Апостола Павла (2 Фес. 2, 7) не был еще взят от среды.

Прозревая это, великий Оптинский старец Макарий говорил игумении Белевского женского монастыря, Павлине, испуганной проявлениями в тех же годах отступления от Христовой веры руководителей Русского народа:

— Ни ты, ни дети твои, ни внуки до времен антихристовых не доживут, а правнуки твои пришествие Господа во славе узрят.

Игуменья Павлина скончалась в конце 70-х годов прошлого столетия лет шестидесяти восьми от роду... Не годятся ли ей в правнуки деятели и вершители судеб современной России?..

V.

Письмо бывшего обер-прокурора Святейшего Синода, графа Александра Петровича Толстого в Оптину Пустынь об одном замечательном сновидении. Толкование его старцем Амвросием Оптинским.

В 1866 году бывший обер-прокурор Святейшего Синода, граф А. П. Толстой, писал в Оптину Пустынь:

«Один благочестивый священник Тверской епархии видел во сне обширную пещеру, слабо освещенную одною лампадою. В пещере много духовенства.

За лампадой образ Божией Матери. Перед образом стояли в облачениях: архипастырь Московский Филарет (находящийся в живых) и покойный протоиерей г. Ржева, отец Матвей Константиновский, родитель означенного священника, в жизни своей отличавшийся особым благочестием. Все стоят в безмолвии и страхе. У входа в пещеру — сам священник и одно мирское лицо, духовный сын о. протоиерея; оба они дрожат, а войти не смеют. Среди безмолвных молений слышатся ясно следующие слова: «Мы переживаем страшное время — доживаем седьмое лето». С этими словами пробуждение в большом волнении и страхе. **Сон повторяется до трех раз все тот же, без малейшего изменения, явный и страшный.** Ни священник, видевший это, ни духовный сын отца Матвея — оба решительно ничего не понимают — ни что значит сон этот, ни кем он послан...»

В Оптиной Пустыни тогда старчествовал преемник о. Макария, великий старец Амвросий, святая жизнь которого, мудрость и прозорливость известны Православной России едва ли не в той же степени, в какой прославлен был Богом в среде верных великий молитвенник и чудотворец земли Русской, отец Иоанн Кронштадтский. Старец отец Амвросий на письмо графа Толстого дал такой ответ:

«...Чтобы не оставить вас без ответа, скажем несколько, как думаем об этом, основываясь на свидетельстве Божественных и святоотеческих писаний.

Были примеры, что некоторые доверялись всяким снам, впадали в обольщение вражие и повреждались. Поэтому многие из святых возбраняют до-

верить снам. Св. Иоанн Лествичник в 3-й степени говорит: «Верующий сновидениям во всем неискусен есть, а никакому сну не верующий любомудрым похвастаться может». Впрочем, сей же святой делает различие снов и говорит, каким верить можно и каким верить не должно, «Бесы, — пишет он, — нередко в ангела светла и в лицо мучеников преобразуются и показывают нам в сновидении, будто они к нам приходят; а когда пробуждаемся, то исполняют нас радостью и возношением; и сие да будет тебе знамение прелести. Ибо Ангелы показывают нам во сне муки, и суд, и осуждение, а пробуждшихся исполняют страха и сетования. Когда мы во сне верить бесам станем, то уже и бдящим нам ругаться будут. Тем только верь снам, кои о муке и о суде тебе предвозвещают; а если в отчаяние приводят, то знай, что и оныя от бесов суть» (Отд. 28).

А ближайший ученик Симеона Нового Богослова, смиренный Никита Стифат, еще яснее и определеннее пишет о сновидениях. Он во 2-ой сотнице, в главах 60-й, 61-й, 62-й и 63-й, говорит: «Одни из сновидений суть простые сны, другие — зрения, иные откровения. Признак простых снов такой, что они не пребывают в мечтательности ума неизменными, но имеют мечтание смущенное и часто изменяющееся из одного предмета в другой; от таких мечтаний не бывает никакой пользы, и самое то мечтание по возбуждении от сна погибает, почему тщательные и должны это презирать.

Признак зрений таков, что они, во-первых, бывают неизменны и не преобразуются от одного в дру-

гое, но остаются напечатленными в уме в продолжение многих лет и не забываются. Во-вторых, они показывают событие или исход вещей будущих, и, от умиления и страшных видений, бывают виновны душевной пользы, и зрящего, по причине страшного неизменного видения зримых, приводят в трепет и селование; и потому видения таких зрений за великую вещь должно вменять тщательным.

Простые сны бывают людям обыкновенным, подверженным тревоугодию и другим страстям; по причине мрачности ума их, воображаются и наигрываются им разные сновидения от бесов. Зрения бывают людям тщательным и очищающим свои душевные чувства; люди эти через зримое в сновидении благодетельствуемы бывают к постижению вещей Божественных и к большому духовному восхождению. Откровения бывают людям совершенным и действующим от Божественного Духа; такие люди долгим и крайним воздержанием и подвигами и трудами по Бозе достигли степени пророков Церкви Божией, как говорит Господь чрез Моисея: «Аще будет пророк в вас, во сне явлюся ему и в видении возглаголю к нему» (Числ. 12, 6). И чрез пророка Иоила (2, 28): «И будет по сих: излию от Духа Моего на всяку плоть, и прорекут сынове ваши и дщери ваши, и старцы ваши сония узрят; и юноты ваши видения увидят» (Добротолюбие 7, 2). На основании слов смиренного Никиты, означенное сонное видение можно отнести к числу зрений.

Обширная пещера, слабо освещенная одною лампадою, может означать настоящее положение нашей

Церкви, в которой свет веры едва светится, а мрак неверия, дерзко-хульного вольнодумства и нового язычества, превосходящего делами своими древнее язычество, всюду распространяется, всюду проникает¹. Истину эту подтверждают слышанные слова: «Мы переживаем страшное время». Живой святитель и покойный протоиерей, в облачении молящиеся вместе пред иконою Божией Матери, дают разуметь, что и прочее виденное духовенство было двоякое: видно, достойные пастыри, живые и отшедшие ко Господу, взирая на бедственное состояние нашей Церкви, и те, и другие, умоляют Царицу Небесную, да распрострет Она Всевышний Покров Свой над бедствующею Церковью нашею и да защитит, и да сохранит слабых, но имеющих благое произволение ко спасению. Оба стоящие у входа в пещеру, которые дрожали от страха и войти не смели, может быть, означают людей, с живым участием, со скорбью и даже со страхом взирающих на печальные события настоящего времени в отношении веры и нравственности, но не прибегающих к Царице Небесной и не молящихся Ей о покрове и помощи, подобно молившимся в пещере.

Слова — *«мы доживаем седьмое лето»* — могут означать время последнее, близкое ко времени антихриста², когда верные чада Единой Святой

¹ Заметь, читатель, что обличительные слова эти сказаны великим Старцем 44 года тому назад: дивись долготерпению Божию, но бойся им злоупотреблять, ибо Бог поруган не бывает.

² Курсив наш (С. Нилус. — Ред.).

Церкви¹ должны будут укрываться в пещерах и только всеильные молитвы Божией Матери могут тогда укрыть их от преследований слуг антихриста. *Настоящему времени особенно приличны слова апостольские: «Дети, последняя година есть², и якоже слышасте, яко антихрист грядет, и ныне антихристи мнози быша: от сего разумеваем, яко последний час есть» (1Ин. 2, 18).* В настоящее время некоторые уже добровольно принимают печать антихриста на челе и на десной руке, потому что, ради светских приличий и мирских выгод, стыдятся ограждать себя крестным знамением; и сперва поступают так в обществе ради стыда и ради человекоугодия, а потом от обычая не полагают на себя крестного знамения и дома перед вкушением пищи и питья и в других случаях, чем сотворяют радость великую врагам душевным, для которых они, будучи неограждены силою Креста и молитвы, делаются игралищем и посмешищем.

*Седьмое число в церковной численности великое имеет значение**. Срок времени числится седмодневыми неделями. Православная Церковь содержится и руководствуется правилами седми Вселенских Соборов. Седмь Таинств и седмь дарований Святаго Духа в нашей Церкви. Откровение Божие явлено было седми Асийским Церквам³. Книга судеб Божиих, виденная в Откровении св. апостолом

¹ Курсив наш (С.Нилус. — *Ред.*).

² Курсив наш (С.Нилус. — *Ред.*).

³ Смотри об этом в брошюре Л. А. Тихомирова «Апокалипсическое учение о судьбах мира» (Редакция «Московских Ведомостей»).

Иоанном Богословом, запечатана семью печатями. Семь фиал гнева Божия, изливаемых на нечестивых, и проч. ...*Все это седмичное исчисление относится к настоящему веку и с окончанием оного должно окончиться*¹. Век же будущий в Церкви означаетя *осьмым числом*². Шестой псалом в Псалтири имеет надписание такое: «Псалом Давида в конце песней, о осьмом», — по толкованию, — о осьмом дне, т. е. о дне всеобщего воскресения и грядущего Страшного Суда Божия, боясь которого, пророк молит во умилении сердца Бога о оставлении грехов: «Господи, да не яростию Твоею обличиши мене, ниже гневом Твоим накажешь мене» и проч. Неделя Антипасхи, или Св. Фомы, в Цветной Триоди называется неделей о осьмом, т. е. вечном и нескончаемом дне, который уже не будет прерываться темнотою ночей. «Нощи не будет тамо» («тамо» — в Небесном Иерусалиме), — говорится в Откровении (22, 5).

Блажен, кто сподобится наслаждаться блаженством блаженного и нескончаемого дня сего, еже буди всем нам получитьи благостью и милосердием и человеколюбием Единородного Сына Божия, Господа нашего Иисуса Христа, Ему же подобает слава и держава, честь и поклонение со Безначальным Его Отцем и Пресвятым, Благим и Животворящим Духом, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

¹ Курсив наш (С. Нилус. — Ред.).

² Курсив наш (С. Нилус. — Ред.).

VI.

Еще знаменательное сновидение и письмо о нем в Оптину Пустынь гр. А. П. Толстого. Толкование сновидения старцем Амвросием Оптинским.

За десять лет до злодейского умерщвления Царя-Освободителя Александра II, 7 июля 1871 года в Оптиной Пустыни от того же графа Александра Петровича Толстого было получено письмо с описанием такого сновидения:

«Как будто нахожусь в своем доме и стою в прихожей; далее — комната, в которой на простенке между окон находится икона в большом размере Бога Саваофа, издающая ослепительный свет, так что из другой комнатки (т. е. прихожей) нельзя было смотреть на нее. Затем еще далее комната, в которой находятся протоиерей Матвей Александрович (Константиновский) и митрополит (уже покойный) Филарет; и эта комната вся наполнена книгами: по стенам от потолка до пола книги; на длинных столах груды книги... И мне непременно нужно пройти в эту комнату, но меня удерживает страх, как пройти через такой поражающий свет. Но необходимость принуждает преодолеть страх, и я с ужасом, закрыв лицо рукою, перехожу первую комнату и, войдя в следующую, вижу протоиерея Матвея Александровича в переднем углу. Он читает книгу. А ближе к двери стоит митрополит, одетый в простую черную рясу; на голове скуфейка; в руках разогнутая книга; и головой показывает мне, чтобы и я нашел подобную книгу и развернул ее. В то же время митрополит, поворачивая листы своей книги, говорит:

— Рим. Троя. Египет. Россия. Библия. Вижу, что и в моей книге крупными буквами написано: «Библия».

Тут сделался шум, и я проснулся в большом страхе. Много думал, — что бы все это значило?.. Мне сон этот кажется грозным, и лучше бы ничего не видеть. Нельзя ли опытных в духовной жизни спросить о значении этого сновидения? Самому мне внутренний голос объясняет сон, но объяснение такое ужасное, что не хотелось бы согласиться с ним».

Объяснение старцем Амвросием этого сновидения:

«Кому показано было это замечательное сонное видение и кто слышал тогда многозначительные слова, тому, по всей вероятности, и внушено было чрез Ангела-Хранителя объяснение виденного и слышанного, как и сам он сознается, что ему внутренний голос объяснял значение сна. Впрочем, и мы, как вопрошенные, скажем свое мнение, как о сем думаем.

Видение ослепительного света от иконы Господа Саваофа, и в следующей затем комнате виденное множество книг, и стоящие там с книгами покойные — митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович, и произнесенные одним из них слова — «Рим, Троя, Египет, Россия, Библия» — могут иметь такое значение:

Во-первых, все касающееся до сотворения мира, судьбы народов и спасения людей Господь Вседержитель открыл избранным святым мужам, пророкам и апостолам, просветив их светом Своего Божественного познания, а ими все это передано людям и на-

писано в Библии, то есть в книгах Ветхого и Нового Заветов.

Во-вторых, множество других виденных там книг может означать то, что все сказанное в Библии прикровенно и неясно — объяснено другими избранными от Бога святыми мужами, — пастырями и учителями Единой Соборной Апостольской Православной Церкви.

В-третьих, что митрополит Филарет и протоиерей Матвей Александрович видены были с книгами в руках, может означать то, что они в продолжение своей жизни поучались о судьбах человечества не из простых книг человеческих, в которых нередко встречаются мнения неправильные, вводящие в заблуждение, а из книг библейских; и сказанное в Библии прикровенно и неясно толковали не по своему разумению, а как объяснено в книгах мужей Богодухновенных и просвещенных свыше светом Божественного познания. К сему они побуждали и видевшего, чтобы и он на всё искал объяснения не в простых книгах человеческих, а в книгах святых и Богодухновенных Отцев Православной Церкви.

В-четвертых, что протоиерей Матвей Александрович стоял в переднем углу, который обычно признается молитвенным, может означать, что сказанным образом он не только поучался, но и молился о вразумлении свыше.

В-пятых, слова «*Рим, Троя, Египет*» могут иметь следующее значение: Рим во время Рождества Христова был столицею вселенной и, с возникновением патриаршеств, имел первенство чести, но за власто-

любие и уклонение от истины впоследствии подвергся отвержению и уничтожению. Древняя Троя и Древний Египет замечательны тем, что за гордость и нечестие наказаны — первая разорением, а второй различными казнями и, наконец, потоплением фараона с воинством в Чермном море. В христианские же времена, в странах, где находилась Троя, основаны были две христианские патриархии — Антиохийская и Константинопольская, которые долгое время процветали, украшая Православную Церковь благочестием и правыми догматами; но впоследствии, по недоведомым судьбам Божиим подверглись владычеству варваров — магометан и доселе несут это тяжкое рабство, стесняющее свободу христианского благочестия и правоверия. А в Египте, вместо древнего нечестия, в первые времена христианства такое процветало благочестие, что пустыни его населялись десятками тысяч монашествующих, не говоря уже о численности и множестве благочестивых мирян, от которых они происходили. Но потом, по причине распущенности нравов, и в этой стране последовало такое оскудение в христианском благочестии, что в некоторое время в Александрии патриарх оставался только с одним пресвитером.

В-шестых, после трех знаменательных имен — «Рим, Троя, Египет» — помянуто имя и **России**, которая в настоящее время хотя и считается государством православным и самостоятельным, но уже элементы иноземного иноверия и неблагочестия проникли и внедряются и у нас, угрожая тем же, чему подверглись вышесказанные страны. Затем следует

«Библия»; другого государства не помянуто. Это может означать, что если и в **России**, ради презрения заповедей Божиих и ради других причин, оскудеет благочестие, тогда уже неминуемо должно последовать конечное исполнение того, что сказано в конце Библии, то есть в **Апокалипсисе св. Иоанна Богослова**.

Справедливо видевший это сновидение замечает, что объяснение, которое ему внушает внутренний голос, ужасно. Страшно будет Второе Пришествие Христово и ужасен последний суд всего мира, но не без великих ужасов будет перед тем и владычество *антихриста*, как сказано в Апокалипсисе: «И в тыя дни взыщут человецы смерти и не обрящут ея, и вожделеют умрети, и убежит от них смерть» (Апок. 9, 6). **Приидет же антихрист во времена безначалия, как говорит апостол, «дондеже держай от среды взят будет» (2 Фес. 2, 7), то есть, когда не будет предержащей власти».**

VII.

Прозорливость святых. Прп. Серафим Саровский — о конце мира и об антихристе. Старец Глинской пустыни схиархимандрит Илиодор и его видение «звезд»... «Бдите и молитесь». Слова о. Иоанна Кронштадтского. Знаменательные слова старца Амвросия Оптинского, сказанные им в 1882 или 1883 году. Слова митрополита Филарета Московского архимандриту Антонию.

Зреть судьбы Божии времен ненародившихся, говорить о будущем, как о настоящем, предугадывать грядущие события как гнева, так и милости Божией не может никто даже из гениальных людей; но для пра-

ведника, для Божьего угодника, облагодатствованного Духом Святым, завеса над будущим Рукой Всеведущего приоткрывается в мерах, допускаемых Божественным Промыслом для пользы человеческой души и для целей вечного ее спасения во Христе Иисусе Господе нашем. Тогда к духовным очам святого прозорливца безвидно приближается перспектива вечности и отдаленнейшее грядущее зрится ими, как настоящее.

Таким прозорливцем чина пророческого был преподобный Серафим, чудотворец Саровский.

Не обошел и он, угодник Божий, сказанием своим о тайне антихриста и кончины мира. Вот что было им сказано одной из близких ему по духу Дивеевских первонасельниц — монахинь¹:

— Вот, матушка, когда у нас (в Дивееве) будет собор, тогда московский колокол Иван Великий сам к нам придет. Когда его повесят да в первый раз ударят в него и он загудит, — и батюшка изобразил это голосом... — тогда мы с вами проснемся... О, во, матушки вы мои, какая будет радость! Среди лета запоют Пасху... А народу-то, народу-то со всех сторон, со всех сторон!..

Помолчав немного, продолжал батюшка:

— Но эта радость будет на самое короткое время. Что далее-то, матушка, будет: такая скорбь, чего от начала мира не было...²

И светлое лицо батюшки вдруг изменилось, померкло и приняло скорбное выражение; спустя головку, он поник долу, и слезы струями потекли по щекам его.

¹См. Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря.

²Ср. Евангелие Мк. 13, 19.

Еще говорил Преподобный:

— Когда век-то кончится, сначала антихрист станет с храмов Божиих кресты снимать и все монастыри разорит; а к вашему (Дивееву) подойдет-подойдет, а канавка-то и станет от земли до неба: ему к вам и нельзя взойти-то, нигде не допустит канавка. Так прочь и уйдет¹.

— Я, убогий Серафим, — так еще сказывал Преподобный своим Дивеевским «сиротам», — мог бы обогатить вас, но это не полезно вам. Я мог бы и золу превратить в золото, но не хочу. У вас многое не умножится, а малое не умалится. В последнее время у вас будет изобилие во всем, но тогда уже будет и конец всему.

И еще так говорил Преподобный:

— И какая радость-то будет!.. Но мы не доживем, и я не доживу, как собор-то у вас пятиглавый будет. Только и ты, матушка, не узришь, как это совершится. Какая великая радость-то будет! Среди лета запоят Пасху, радость моя!.. Приедет к нам Царь и вся фамилия. Дивеево-то лавра будет, Вертяново² — город, а Арзамас — губерния...

¹ В Дивеевском женском монастыре, основанном прп. Серафимом, при жизни еще его и по его указанию была сестрами обители выкопана глубокая канава, окружающая в монастыре то место, на котором, по заповеди Преподобного, должны подвизаться одни только девицы. Место это было, по видению Преподобного, обойдено «стопочками самой Царицы Небесной», и где прошли пречистые Ее стопочки, там и выкопана канавка, которой не переступить поэтому и самому антихристу.

² Соседнее с Дивеевым село.

После слов этих заплакал Преподобный и сказал:

— Но тогда жизнь будет краткая: Ангелы едва будут успевать брать души. А кто в обители моей будет жить, всех не оставлю; кто даже помогать ей будет, и те муки избавлены будут. Канавка же вам будет стеною до небес, и когда придет антихрист, не возможет он перейти ее: она за вас возопиет ко Господу, и стеною до небес встанет, и не впустит его. А колокол-то московский, который стоит на земле у колокольни Ивана Великого, он сам к вам придет и так загудит, что вы пробудитесь и вся вселенная услышит и удивится. — Таковы предсказания преподобного Серафима о конце мира, о временах его и сроках, о судьбе Дивеева и об антихристе. Суди, читатель, насколько исполнились они!..

На юге России еще и в наши дни, такие скудные верою и благочестием, процветала недавно (дай ей, Боже, процветать и теперь!), духовно окормляя своими старцами Христово словесное стадо, святая Глинская пустынь. Подвигом добрым подвизались в ней великие сокровенные, но верным ведомые рабы Божии, старцы-подвижники, и в хвалебном их числе, как солнце среди луны и звезд, сиял духовным разумом, добродетелью и прозорливостью духовидец, схииеримандрит Илиодор, почивший о Господе в конце семидесятих годов прошлого столетия, за несколько лет до мученической кончины Царя Александра II.

Сказывал о нем один из ближайших учеников его, духовник Глинской пустыни, иеромонах Домн¹, лично известный составителю настоящего очерка:

¹ Скончался, как слышно, в 1908 году.

«Был у нас в Глинской пустыни высокой жизни старец Илиодор, схиархимандрит на покое, в числе учеников которого был и аз, грешник бедный. Незадолго до блаженной его кончины, за несколько лет до злодейского убиения Государя Александра Николаевича, собрались мы как-то раз, ученики его, к нему в келью. Было это вечером; в келье был полумрак; горели одни лампадки пред святыми иконами... Молча сидели мы при ногу учителеву, ожидая, когда сам Старец нарушит молчание. И вот, восклонил Старец голову, перекрестился, вздохнул и сказал: «Видите вы меня, чадца, скорбна... Читаля, чадца, в дни сии Апокалипсис св. апостола и тайнозрителя Иоанна Богослова. И возжелала душа моя уведать, доколе же Господу угодно будет долготерпеть всё умножающимся беззакониям міра. И быля, чадца, в духе; и се, вижу: восходит от востока на небе звезда великая и пресветлая и вокруг нее звезды яркие и великие. Прошла эта звезда по небосклону и склонилась к своему западу. И был ко мне голос: «Се, звезда Императора Благословенного!» И другую звезду, еще светлее, еще величавее увидел я восходящей на востоке, и вокруг нее звезды светлые. Прошла и эта звезда путь свой и тоже склонилась к своему западу. И тот же голос сказал мне: «се, звезда Императора Николая I». И посем взошла с востока звезда яркая; и был цвет ее, как цвет крови; вокруг же той звезды в спутниках ее были звезды тоже цвета кровавого. И не дошла звезда та до своего запада. Устрашилось сердце мое. И голос возвестил мне: «ее, звезда ныне царствующего Государя

Александра Николаевича. Насилием сокращены будут дни его: убит будет Царь рукой освобожденного им раба среди бела дня, на стогнах верноподданной ему столицы». И опять увидел я звезду, восходящую с востока, и была та звезда ярче и величественнее всех прежде виденных мною звезд. Но и этой звезды дни сокращены будут. «Се, звезда Императора Александра III», — сказал мне голос... И после узрел я иную звезду...»

И не кончил Старец речи своей, прервал ее и заплакал. Потом, по малом времени, восклонил Старец свою главу и такое молвил великое и страшное слово: «Бдите и молитесь, чадца! нецьи от zde стоящих возжелают смерти, но смерть убежит от них»¹.

Напомянуть ли нам еще не отзвучавшие в сердцах многих слушателей грозные слова великого молитвенника земли Русской, отца Иоанна Кронштадтского?.. Вот они:

«...По-видимому, скоро наступит день Второго Пришествия Христова, ибо наступило предсказанное в Писании отступление от веры, хотя еще не открылся «человек греха, сын погибели» (Слово на 3-ю неделю В. поста. 5 марта 1907 г.).

«...Снова ли приходить на землю Христу? Нет, — полно глумиться над Богом, полно попирать Его святыне законы! Он скоро придет, но придет судить мир и воздать каждому по делам... Может быть, скоро услышим грозную весть: «Се Жених грядет в полунощи» (Слово на Благовещение того же года).

¹ Ср. Апок. 9, 6 и проч. той же главы.

Пишущему эти строки батюшка отец Иоанн лично говорил при последнем свидании 14 июля 1906 года в Николо-Бабаевском монастыре:

— Если не будет покаяния у русских людей, — конец міра близок!

Для верных чад Святой Православной Церкви довольно будет и тех свидетельств из уст праведников, которые мною были приведены выше, чтобы убедить их в том, насколько опасно и страшно время, которое мы переживаем, в каком покаянии и трезвении должны все мы проводить теперь дни свои, чтобы иметь чресла своя препоясана и светильники горящи. Только их и имеет в виду этот малый, но с великою любовью составленный труд мой. О, если бы он мог уловить в церковное лоно и тех из стоящих вне ее ограды, в ком еще не совсем погас святой огонь искания чистой истины!..

Но прежде чем отойти нам от святыни Богодухновенных речей великих подвижников Православной веры, я приведу здесь слышанное мною в святой Пустыни от одного из сотаинников великого Оптинского старца, Амвросия, такое сказание:

— **Что-то около 1882 или 1883 года, — точно года не упомяну, — так сказывал мне этот батюшкин современник¹, — был я у Старца с ответными письмами для отправки их многочисленным духовным его детям и почитателям. Вдруг Старец взглянул на меня. — «Ныне, — говорит, — отец А., настоящий антихрист родился в мір!» — И, уви-**

¹ Он жив еще и доселе, но я не уполномочен назвать его имя.

дав мое недоумение и испуг, Старец вновь повторил мне ту же фразу.

О смысле и значении фразы этой суди сам, боголюбивый читатель!.. Таков голос о переживаемых нами временах и сроках православных пастырей и учителей деятельного подвижнического христианства. Мы не ошибемся, — кажется нам, — если скажем, что голос этот исшел от всего того, что может быть наименовано истинною солью Православной Христовой Церкви, той солью, которая еще «не обуяла» и не выкинута вон «на поправление людям». Не грозный ли это набат во все церковные колокола, зовущий к покаянию, бьющий странную тревогу ввиду надвинувшейся уже на Россию и с нею на весь мир величайшей «скорби, какой не бывало от века, и не будет»?..

Чтобы положить печать конечной истинности на свидетельство праведных прозорливцев, которое приведено нами выше, мы дополним его словами величайшего церковного авторитета Русской Церкви, митрополита Московского Филарета.

«1867 года 1 октября, — так сказывал архимандрит Антоний, наместник Троице-Сергиевой Лавры, — за полтора месяца до кончины великого Московского святителя Филарета, был я у него с докладом...

— Видно, я скоро умру, — сказал мне Святитель, — в уме моем чувствую просвещение... Боюсь самообольщения. Вижу я страшную тучу, идущую от Запада на Церковь и на Россию; но чем она разрешится, не вижу...»¹

¹ Архимандрит Антоний был духовником митрополита Филарета и личным другом и сотайнником. Слова эти извлече-

В конце 70-х годов прошлого столетия, десять лет спустя по кончине Святителя, «разрешение» тучи дано было видеть старцам — Амвросию Оптинскому, Илиодору Глинскому и Иоанну Кронштадтскому. У нас имеются свидетельства, что зрение это было дано и многим другим праведникам; но, по слову Божию, довлеет нам этих трех современных нам свидетелей, чтобы подтвердилось и слово наше на пользу и укрепление веры возлюбленных братьев наших по вере Христовой.

VIII.

В. С. Соловьев о кончине мира и об антихристе. В. Л. Величко о В. С. Соловьеве.

Теперь, как видели мы, голос Православия — истинный глагол Божий — стал голосом и западных Церквей. Особняком как лишенная таинств Апостольской Церкви еще держится Лютерова ересь, но и в ней вопрос об антихристе становится, по-видимому, в разряд вопросов наиболее жгучих и современных.

Ожидание близкого явления антихриста и кончины мира от предстоятелей Христовой Церкви перешло в умы и сердца наиболее чутких представителей мирской философской мысли, не порвавшей связи с Церковью, Глава коей Христос, без Которого «не может человек творить ничего»¹. Таким чутким представителем философского умозрения, сохранившим связь с христианством, бесспорно, можно считать покойного

ны из Записок игуменни Евгении Озеровой (Московского Страстного Монастыря).

¹Ин. 15, 5.

Владимира Сергеевича Соловьева, имя которого как философа известно не в одной только России, но и во всем образованном мире. В высокой степени знаменательно, что завершительный момент его творческой деятельности вознес его до высот эсхатологического¹ прозрения, чрезвычайно ярко выразившегося в его предсмертном творении «Три разговора». Главный предмет, о котором трактует это творение — всемирно объединяющая **власть антихриста**, выросшая на **столкновении и смещении** исторических **добра и зла**, царящих над массой человечества. Какое значение придавал почивший мыслитель этому своему творению, видно из заключительных слов предисловия к нему. «Разнообразные недостатки, — так пишет он в заключении своего труда, — и в этом исправленном изложении достаточно мне чувствительны, но ощутителен и не так уже далекий образ бледной смерти, тихо советующий не откладывать печатания этой книжки на неопределенные и необеспеченные сроки. Если мне будет дано время для новых трудов, то и для усовершенствования прежних. А нет — указание на предстоящий исторический исход нравственной борьбы² сделано мною в достаточно ясных, хотя и кратких чертах, и я выпускаю теперь этот малый труд с благодарным чувством исполненного нравственного долга».

До какой степени почивший философ, при всей его громадной учености и дивной ясности из ряда

¹ Эсхатологией называется богословское учение о конце мира.

² Добра и зла, явление антихриста и конец мира.

выходящего ума, был объят идеей и предчувствием близости царства антихриста, это с редкой силой и живостью изображено другом его, Василием Львовичем Величко¹, в его монографии «Владимир Соловьев. Жизнь и творения».

Вот что пишет он:

«Приблизительно за месяц до смерти, во второй половине июня 1900 года, сидя вечером у меня, Соловьев вдруг отвел меня в сторону и высказал, что в последнее время он охвачен особенно напряженным религиозным настроением, что ему хотелось бы при этом помолиться не в одиночестве, а присутствовать с другими людьми на богослужении. Я ему ответил, конечно, что надо радоваться этому приливу высокого чувства и пойти в церковь. Ответ его мне показался странным в ту минуту:

— Боюсь, что я вынес бы из здешней церкви некоторую нежелательную неудовлетворенность. Мне было бы даже странно видеть беспрепятственный, торжественный чин Богослужения. Я чую близость времен, когда христиане будут опять собираться на молитву в катакомбах, потому что вера будет гонима, — быть может, менее резким способом, чем в нероновские дни², но более тонким и жестоким: ло-

¹ Пережившим Соловьева не более как года на два или на три. Достоинно внимания, что и Соловьев и Величко умерли в молодых еще годах и полном расцвете физических и духовных сил. Таинственна и загадочна была смерть эта.

² В этом Соловьев ошибался: стоит только припомнить, что в Барселоне (в Испании) творили ученики и слуги масона Феррера, когда им удалось устроить в 1909 году забастовку и бунт в этой несчастной провинции. Не меньшими злодей-

жью, насмешкой, подделками, — да и мало еще чем... Разве ты не видишь, кто надвигается? Я вижу, давно вижу...

Голос у него дрожал, в глазах была видна глубокая скорбь; исхудалое лицо и руки в черных перчатках (он тогда еще не совсем вылечился от нервной экземы) — все это производило тяжелое впечатление. Я тогда приписал болезни его последние слова. Потом я вспомнил, что слышал их далеко не в первый раз и слышал в такие минуты, когда не могло быть и речи ни о малейшем нездоровье, ни о каком бы то ни было нервном подъеме.

Еще лет восемь тому назад¹ он говорил о предстоящем пришествии антихриста, — сперва коллективного, а затем воплощенного в отдельном лице, — с тем же научным спокойствием, с каким геолог говорил бы о смене формаций или метеоролог о неизбежных климатических переменах. Он об этом не только говорил, но и писал, причем сперва у него проскальзывали указания на факты, которых он открыто еще не называл антихристовыми; затем он употреблял это слово как нарицательное для группы характерных явлений и наконец написал в известных «Трех разговорах» прямо уже «Повесть об антихристе». Любопытно, что он однажды, прочитав приятелю в рукописи эту повесть, спросил его внезапно:

— А как вы думаете, что будет мне за это?

— От кого?

ствами против исповедников Христовой веры отличилась и так называемая Португальская революция 1910 года.

¹ В 1893—1894 годах.

— Да от заинтересованного лица. От самого!

— Ну, это еще не так скоро.

— Скорее, чем вы думаете.

Приятель Соловьева, рассказавший мне это, и сам тоже немножко мистик, подобно всем верующим людям, добавил потом не без волнения:

— А заметьте, однако; через несколько месяцев после этого вопроса нашего Владимира Сергеевича не стало: точно кто вышиб этого крестоносца из седла.

Для характеристики почившего писателя, — продолжает В. Л. Величко, — вопрос о конце мира представляет особый интерес. Уже несколько лет тому назад он высказал мне глубокое убеждение в том, что последние времена близки. Главным признаком этого он считал современный фазис философской мысли, которой будто бы мудрено сказать что-либо действительно новое. В остальном, — в головокружительном техническом прогрессе, наряду с успехами анархии и буржуазным очерствением человечества, — он усматривал признаки, предсказанные Апокалипсисом.

Ему возражали, что Евангелие еще не принято всеми народами, а потому человечество, очевидно, не созрело до конца времен. Он отвечал, что условием этого последнего, согласно Писанию, будет не принятие, а лишь проповедание Евангелия всем народам, — а это, мол, уже почти завершено, так как нет неизведанных уголков земного шара, где бы не побывали миссионеры... От одного известного геолога и почвовед я слышал однажды и передал Владимиру Соловьеву возражение, что с точки зрения геологической

земля, мол, не готова для предсказанной Писанием катастрофы. Почивший мыслитель расхохотался:

— Мы — не рабы, а господа земли. Что годится для эволюциониста, то мне кажется пустяками. Представь себе, что четверо почтенных людей играют в винт, а в это время начинается пожар в квартире; неужели они скажут: не время, рано еще, мы не кончили последней партии?.. Для решения вопроса о кончине мира степень «зрелости» земной коры имеет не большее значение, чем партия винта.

Владимир Сергеевич признавал мечты о всеобщем прогрессе и т. д. не бесполезными с точки зрения подъема человеческой энергии, но сам-то считал это вздором, противоречащим христианскому учению, которое находит, что мир «лежит во зле»...

Мысль о близости всеобщего конца с каждым годом все более охватывала почившего мыслителя, высказывал он ее все более резко и нервно».

«Наступающий конец мира веет мне в лицо каким-то явственным, хотя неуловимым дуновением, — как путник, приближающийся к морю, чувствует морской воздух прежде, чем увидит море», — так писал Соловьев в одном из писем своих к Величко еще за несколько лет до появления в печати его «Трех разговоров», вызвавших столбняк недоумения у большинства читающей публики, не знавшего да и теперь — увы — не знающего, какой огромный пролом в стене, скрывавшей великую беззакония тайну, сделала небольшая по объему статья эта.

IX

Киевская комета 1882 года. Тринадцатилетнее царствование Александра III. Его значение. Скорбь России. «Мир во зле лежит». Мудрость века сего как борьба против Бога.

Теперь — нечто из области личных моих впечатлений, которые, мне кажется, тоже до некоторой степени не лишены интереса для моего читателя.

Тому назад двадцать девять лет, стало быть, в 1882 году, спустя год после безумно-кровавого злодеяния, жертвою которого пал человеколюбивейший Государь Александр-Освободитель, и за год до Священного коронования Александра-Миротворца, я был в Киеве. Стояли чудные сентябрьские дни, на которые так щедра бывает иногда наша южнорусская осень. Уличная киевская жизнь кипела и была ключом: весь Киев от мала и до велика жил на улице; особенно Крещатик бурлил и шумел веселой, оживленной и впечатлительной толпой, той южной толпой, какой не встретишь обычно на городских улицах нашего севера. Под жарким солнцем юга рождаются, растут и созревают характеры совсем иного типа, чем те, которыми дарит нас наше тусклое, туманное, холодное небо.

В те дни я был православным только по имени: довольно сказать, что прожив в Киеве, этой колыбели родного Православия, два с половиною месяца, я за все время своего пребывания в такой близости от благоухания лаврской святыни ни разу не был не только в Лавре, но даже и в церкви. И тем не менее я именно в Киеве и в те самые дни получил впечатление от одного события, которое мне особенно

врезалось в памяти и которому впоследствии суждено было стать предметом моего христианского размышления.

Событие это было — комета; блестящая, яркая, огромная комета, появившаяся внезапно на юго-западном, помнится мне, горизонте киевского неба.

Теплыми осенними ночами весь Киев собирался к памятнику Св. Владимира наблюдать это таинственно-грозное небесное явление. От этого памятника оно особенно хорошо было видно во всей его ослепительно-величавой, устрашающей красоте.

Величественное и жуткое было это зрелище!..

Но скоро у пылких южан прошло увлечение этими наблюдениями, прошло так же скоро, как и возникло, — и сквер, разбитый у ног Св. Владимира опустел настолько, что в период наибольшего расцвета этой небесной красоты почти все скамейки сквера были пусты: две-три темные фигуры наблюдателей да я четвертый — вот и все, кто из всего многолюдного Киева к тому времени не утратил интереса к блуждающей в бесконечном мировом пространстве неожиданной гостье киевского небосклона.

Двадцать девять лет прошло уже с тех дней, а грозное небесное явление еще и теперь перед моими глазами, что-то стихийное и страшное знаменуя, что-то великое и, как смерть, неотразимое предвещающая.

И тогда, в те памятные киевские дни, комета эта не казалась мне чем-то случайным, как простое астрономическое явление, без влияния на жизнь не только планеты нашей, но и духа человечества, ее

населяющего: история моей родины, как и мировая история, напоминала мне, что человеческое сердце не без оснований привыкло с незапамятных времен соединять с появлением на небе хвостатого знамения тяжкие предчувствия каких-то неведомых, но неизбежных угроз, сокрытых в таинственном грядущем. Конечно, человеку такого настроения, каким я был тогда, и в голову не могло прийти при наблюдении над дивным небесным знамением, что оно может иметь то или другое прикровенное значение для грядущих судеб Христовой Церкви на земле; но тем не менее сердце мое, помню, было смущено ожиданием чего-то, что грозящим призраком скорбей и бед неясно для меня восставало в туманной дали будущего родины.

Тринадцатилетнее царствование великого Государя, в начале которого мною наблюдалась в Киеве комета, не оправдало моих предчувствий: Россия достигла в его дни такого величия, такой славы, перед которой померкла вся слава мира; слово Державного властителя православных миллионов заставляло подчиняться себе все, что могло быть втайне враждебно России; а явно враждовавшего на Россию не было — оно исчезло, скрылось в подполье сатанинских замыслов и на свет Божий показаться не дерзало. Только раз за все это безмятежное царствование подпольная злоба осмелилась прорваться наружу, но одного слова Венценосного Самодержца было довольно, чтобы отправить ее обратно в то подполье, из которого она осмелилась выйти. Подполье это была Англия; дерзновенная попытка на-

рушить мир Миротворца — столкновение англичан за спиною у афганцев под Кушкой, на нашей границе с Афганистаном.

Люди, имеющие много досуга, могут сколько угодно спорить и препираться между собою о значении для России этого великого царствования; для нас, православных подданных нашего Царя, плоды этого царствования были налицо: Россия и ее Царь-Миротворец были для всего міра частью того целого, что св. апостолом Павлом именовано словом «держай» — тем державным началом, которое в своей железной деснице содержало в повиновении и страхе все политические стихии міра, со времен французской революции обнаружившие явную склонность к анархии, т. е. к безначалию. Державное это начало тем более подходило под определение апостола, что оно почивало всецело на ином, еще более высоком принципе, — на происхождении своем от Бога в Таинстве Помазания на царство царя земного от Царя Небесного по вере православной во Христа Господа, Искупителя міра. Для православного русского, верного сына Церкви, тем и важно и многоценно было это незабвенное царствование, что оно в лице России было истинным торжеством православного христианства над непросвещенным Христовой верой міром, отступившим от вечной Истины — Христа Господа.

Таково мировое значение царствования Александра III.

Не то ли предвозвещала киевская комета? Блестящее светило южной ночи не знаменовало ли собою тринадцатилетнего могучего блеска России? Не об-

мануло ли меня мое предчувствие?.. Допросите сердце России. Что оно ответит вам?

А вот что оно вам ответит, и ответ этот запечатлен, как свидетель неложный и неподкупный, в стенах Петропавловского собора: из серебра всенародной слезы слилось все то великое множество венков, которыми народная скорбь об утрате Великодержавного оковала не только гробницу его, но и всю усыпальницу наших Государей в твердыне крепости св. Первоверховных Апостолов. Не было в России ни одного сколько-нибудь значительного местечка, ни одного содружества, которые бы не прислали на гроб великому Государю знака своей неутешной скорби об утрате того, в ком все, что было истинным сердцем России, привыкло видеть незаменимого хозяина, воплотившего в одном своем лице всю богатырскую историю Отечества, весь смысл и значение Русского народа. Скорбь об усопшем Царе была истинно скорбью всенародною. Россия дрогнула и застонала, точно в предчувствии чего-то неотвратимо-грозного, что могла бы остановить только та державная рука, которой не стало.

В те скорбные дни я все еще был питомцем либеральных веяний шестидесятых годов и все еще продолжал жить в отчуждении от великих и святых идеалов моего народа; но и меня сразила весть о кончине Царя-Богатыря, и мое сердце вострепетало. И то же чувство скорби испытывалось вокруг меня решительно всеми — людьми всех званий, всех состояний, всех партий, хотя того, что теперь именуют партиями, в то время, слава Богу, еще не существовало.

И тут я впервые в своей жизни почувствовал и уразумел сердцем, что в великие исторические моменты народной жизни глас народа бывает, действительно, гласом Божиим.

И сердце России скорбью об утрате великого своего Богатыря ответило и моему сердцу: предчувствие мое стало предчувствием всенародным.

Блуждающее светило ночи не предвещало доброго.

«Егда рекут мир и утверждение, тогда внезапно нападет всегубительство».

Мир был, мир охранялся могучей рукой, великодушным сердцем.

Умерло сердце, бессильно опустились могучие руки...

Вечная память! вечная память! вечная память!.. Кончина великого Царя была зарей и моего духовного возрождения. Держась принципов, враждебных всему духу царствования Александра III, отчего я не порадовался, а наоборот, отчего дал я безотчетной, но жгучей скорби водвориться в сердце, казалось, неприязненным всему тому, чем так велико было окончившееся царствование?

Непонятное стало ясным, когда в исканиях истины я обратился к матери Церкви: от нее, от духа ее, я получил свое возрождение в жизнь новую, от нее приобрел разумение земного и горняго в тех пределах, которые доступны ограниченному уму человеческому, и моему в частности. Тайна за тайной стали открываться моей человеческой немощи, в которой совершалась великая сила Божия, и только в этой силе

великой я и познал, что мір и вся яже в міре, —
былое, настоящее и будущее, — могут быть уяс-
нены и постигнуты во всей сущности только при
свете Божественного Откровения и тех, кто жизнь
свою посвятил ему на служение в духе и истине, в
преподобии и правде. И вот, из этого чистейшего ис-
точника я узнал впервые, что на земле нет и не мо-
жет быть абсолютной правды, что была такая правда
на земле, но Тот, Кто был сама Истина, распят на
кресте; что мір во зле лежит, что он и все его дела
осуждены огню; что будет некогда новое небо и новая
земля, где будет обитать правда, но что перед водво-
рением этого Царства правды под новым небом и на
новой земле должен явиться антихрист, который бу-
дет принят евреями как мессия, а міром — как царь
и владыка вселенной. А затем перед моими духов-
ными очами, просветленными учением Церкви и ее
святых, стали открываться картины прошедшего, на-
стоящего и даже будущего в такой яркости, в такой
силе освещения внутреннего смысла и значения ми-
ровых событий, что перед яркостью их потускнела и
померкла вся мудрость века сего, ясно открывшаяся
мне, как борьба против Бога, как апокалипсическая
брань на Него и на святых Его. Как мне открылось
это, читатель мог видеть из предшествующих глав
настоящего очерка, увидит и из последующих, если
только не закроет намеренно или предубежденно ду-
ховных очей своих.

Текст книги Сергея Нилуса «**Великое в малом. Записки православного**» публикуется по изданию Свято-Троицкой Сер-
гиевой Лавры. Сергиев Посад, 1911.

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
РАЗНЫХ ЛЕТ**

БЛАЖЕННОЙ ПАМЯТИ ИГУМЕНИИ СЕРАФИМО-ДИВЕЕВСКОГО ЖЕНСКОГО МОНАСТЫРЯ МАРИИ

7 сентября [1904 г.] исполняются двадцать дней со дня отшествия ко Господу Дивеевской наместницы Игумении Марии, и благодарное сердце властно требует посвятить памяти блаженной Серафимовой старицы свое слово.

«У вас, матушка, Игуменьей будет Сама Царица Небесная! Сама Она, Матушка, вас Своим последним Вселенским жребием избрала. От века не было женской Лавры, а у вас она будет. Сам Царь и Царская Фамилия будут у вас, матушка. Во, радость-то нам какая будет!..»

Так говорил простым сердцем первонасельницам Дивеева в 30-х годах прошлого столетия сам Преподобный Серафим Саровский и всяя России Чудотворец.

Оттого и я называю почившую праведным сном до всеобщаго близкого пробуждения Игумению — наместницей: она наместницей была в Дивееве Самой Пресвятой Девы Богородицы.

Великая, безмерно-великая честь и радость, и похвала! Непостижимая и необъятная человеческим раз-

умом слава! И слава эта, по слову Преподобного, принадлежала отшедшей в небесныя Серафимовы обители Игумении Марии.

Помяни нас в Царстве Света, дорогая всем тебя знавшим и чтившим, усопшая! Помяни твоим всегда любвеобильным и ласковым словом нас у Престола Св. Троицы, Которой земными твоими безчисленными страданиями и твоею безграничною твердости верой ты соорудила величавый собор Дивеева, вещественный знак величия Серафимо-Дивеевского духа тобою веденных к Божьему Царству молитвенниц, сирот Серафимовых, а теперь и... твоих! Не забудь же нас, матушка!

В прошлом году я был в Дивееве вскоре после торжества всех упований почившей. Матушка казалась утомленною и не совсем здоровою, но любовь и ласка ее не знали утомления и, улучив свободную минутку от безчисленных посетителей, со всех концов России несших ей свои приветствия и поздравления, она с тою же задушевною теплотой и вниманием приняла меня в своей келье, с какою три года назад принимала, когда я впервые посетил ее с радостною вестью о том, что сам Преподобный Серафим во сне явился одному Орловскому доброму пастырю и предвозвестил о том, что его мощи возстали¹.

— Теперь, мой батюшка, надо ожидать, что сам Преподобный придет в Дивеев! — сказала мне, в ответ на мои поздравления, Игумения.

— Как это так, матушка? Я этого что-то в толк не возьму!

¹ М[осковские] Вед[омсти]. 1901. Ноябрь.

— Как то случится, мы и сами точно не знаем: сказывали наши старицы, которые еще при Преподобном жили в Дивееве, что сам батюшка им это говорил: — «Не то диво, матушки, что суды-то к вам наехали, да ни с чем вернулись, а то будет диво, так диво как грешная-то плоть убогого Серафима-то из Сарова в Дивеево к вам перенесется. И понесут ее с одной-то стороны Ангелы Божьи, а с другой — мои сироты. Вот это будет диво, так диво!..»

— А как это, мой батюшка, совершится, — видимо или невидимо, — то можем ли мы знать, грешные люди? Из Святых Отец нам известно, что св. мощи скрываются. Одно вам скажу с уверенностью, что Батюшка наш, Преподобный, непременно будет в Дивееве, только мне уж не дожить до этой радости!

При этих словах затуманилось радостное личико матушки.

Это было мое последнее свидание на земле с дивною старицей.

Дивеевские сестры знали, что их матушка уже не проживет долго. Не преклонный возраст Игумении давал им повод так думать, — нет, — сироты Серафимовы чужды общечеловеческим размышлениям и соображениям: и не диво крепость сил и бодрость духа в таком возрасте, который уже недоступен обыкновенным силам мирского среднего человека. Дивеев, порожденный дивом, возвращенный чудом, живет и дышит явлениями силы и духа, непонятными и, как все непонятное, отвергаемыми миром.

Божий человек один говорил назад тому несколько лет нашей матушке: «До мощей доживешь, а там готовься к смерти!»

Вот чему верил Дивеев, и чему верила сама Игуменья. Дивеевская вера никогда не посрамляла сирот Серафимовых: не подходят они, эти святые, многолюбящие, многоверующие и многострадальные души под шаблонную и ничтожную мерку наших условных и столь суетных понятий. На своем самобытном стоит Дивеев и будут стоять последнею угрозой надвигающемуся со всех сторон антихристову духу, а там, вскоре ... и самому антихристу.

Дивеев был уверен в близкой кончине своей матери еще задолго до ее смерти. Открытие мощей Преподобного Серафима — вот был земной предел безчисленных трудов и скорбей во славу Божию святой старицы. Святой предел — святой жизни!

Последний год жизни Игуменни Марии был подвигом приготовления к переходу в обетованную землю христианских упований. Тихо догорала Божия свеча, зажженная прозорливостью Серафима:

— Запомните, матушка! На двенадцатой Игуменни у вас и монастырь устроится, а игуменьей той будет Мария, Ушакова родом!

Тихо, безстрашно, безропотно со всею полнотою любви и могучей веры угасал светильник, столько лет светивший через Дивеевское окно всему православному миру... Блаженная Дивеевская, Христа-ради юродивая Паша последнее время все твердила:

— Стена отваливается, стена отваливается: мать уходит, уходит мать-то!

Отвалилась стена, ушла мать и нашла себе в святой земле Дивеева успокоение у придела Преподобного Серафима, который был тридцати с лишним лет

назад устроен ею в Троицком соборе и, по вере ее в святость Серафима, стоял неосвященным до полного торжества ее великой веры в этого величайшего Божиего угодника и до полноты исполнения времени ее праведной и Богоугодной жизни.

Хорошо, сладко, радостно и торжественно так умереть!

Да удостоит Господь, за молитвы отшедшей праведницы, такой же кончины всех верующих в любовь и истину Христова Воскресения! Да сохранит под Своим Покровом новую Свою наместницу Девеева Пресвятая Игуменья, Сама Владычица Неба и земли, Заступница рода Христианского!

Московские Ведомости. 1904, № 247,
7/20 сентября. — С. 2.

ДУХОВНЫЕ ОЧИ

ИЗ БЕСЕД СО СТАРЦАМИ

Безбожное, безверное время настало для Православной России: одной плотью и ради плоти стал жить русский человек, и забыл он о жизни духовной. По названию только слывет он православным христианином, а духом своим уже не тот он стал, что был еще так недавно, когда веровал в жизнь духа, а на плоть свою смотрел, как на временное жилище. И когда жили так русские люди, легко тогда переносили они все скорби житейские, веруя в воздаяние от Господа в жизни вечной, а на смерть, стараясь при жизни исполнять Божии веления, смотрели, как на желанное

освобождение от горя и болезней и на переход в обители райские, где ждет вечная радость и слава всех, при жизни своей земной благоугодивших Господу. И жилось тогда по вере всем легко: всякое зло, всякая обида, всякое горе — всё переносилось бодро, а некоторые даже и с радостным благодарением: Христа ради терпели, Господа ради, Который и Сам за наше спасение столько претерпел, что и не в подъем никому из человеков.

Рая люди ждали за терпение, оттого и терпели. Ну, и то сказать, ждали рая на небе, да и на земле терпением своим много блага создавали. Оно и понятно: терпел один, глядя на него другой, третий; друг другу уступали, друг друга прощали, старших почитали, начальства боялись, друг друга уважали, богатым не завидовали, бедным благодарили, убогих жалели, странников кормили и согревали, на Церковь Святую уповали, как на мать родную. И создавалось, и росло, и крепло на страх врагам великое, Богом хранимое царство Русское, Православное. А за последние годы куда что подевалось?.. Стали люди русские жить не по-Божьи, преступать святые Божьи заповеди, и отошла от них благодать Божья, а с ней ушла и вера, и настало в земле Русской великое разорение: озверели православные, хуже зверей диких стали, и конца краю не видится народной гибели...

Хотят на зле добро строить, душегубством брата жизнь создать веселую, привольную!.. Ой, не расти на репейнике винограду, на крапиве колючей не расти сладкой малине! Оглянитесь-ка кругом себя, люди русские, — те, чья голова еще умеет свою думу ду-

мать, своего разума еще не утратила: чем вся эта буря зла и неверия кончится? Опомнитесь!..

— «Бога нет»! — на все лады завывали волки и шакалы лжеучительства. Кто и где Его когда видел?..

И на весь этот зловеющий вой десятки, сотни, тысячи голосов безумцев всякого звания и состояния отозвались безумным воплем: «Нет Бога! Кто Его видел?» Сатане того только и нужно было: и попали богоотступники из-под природной власти Божией в добровольную кабалу к нечистому. По делам, что теперь творятся у нас на Руси Православной, видно, — чье теперь стало царство...

И вот, припомнилось мне, как в Оптиной Пустыне один знакомый мне старец-иеромонах, из образованных, родовитых дворян, рассказывал мне о своей беседе с Петербургским извозчиком. Было это дело давно, лет тридцать назад, но сказ этот и доселе еще новенький. Послушай-ка его, человек русский: может он к чему-нибудь тебе и пригодится!..

«Было это, о чем я вам хочу рассказать, — так повел со мною беседу старец-иеромонах, — годков 25—30 тому назад. Я был в то время молодым еще художником, кончавшим свой академический курс в Академии Художеств. Уже и тогда дух неверия и отступничества сильно действовал в русских людях, хотя больше в высшем сословии, чем в простолюдинах; но уже следочки этого духа и тогда стали прокладываться в душу народную, — и там начинала заводиться та гниль и червоточина, которая теперь

обуяла с такой силой молодое деревенское поколение, особенно то, которое простоту и правду безхитростной деревенской жизни, простор полей, лугов и лесов променяло на чванливость и ложь городской тесноты и каменных бездушных фабричных и заводских острогов». [Далее рассказ ведется от лица иеромонаха Даниила (Болотова), вошедший в книгу С. А. Нилуса «Великое в малом».]

Печатается по:
Нилус С. Духовные очи: Из бесед со Старцами
Сергиев Посад, 1906. — С. 1—4.
Этот фрагмент не включен автором
в книгу «Великое в малом».

НЕБЕСНЫЕ ПЕСТУНЫ

ВСТУПЛЕНИЕ

В жизни каждого человека и тем более православного христианина происходят едва ли не на каждом шагу такие события, в которых мало-мальски нерассеянное внимание может ясно усмотреть незримое водительство Божие на пути души человеческой к уготованному ей Царству вечного блаженства. Событиями, правда, мы привыкли называть нечто выходящее как яркое пятно из общего серого фона будничной, повседневной жизни человека, а то, что сливается с этим тусклым фоном, мы или обходим нашим вниманием — попросту забываем, как недостойное внимания, или же, обозвав совсем неуместным и ничего не значущим словом — «случай», стараемся о нем забыть, потому что с утратой веры в Промысл Божий не видим в нем его сокрытого, таинственного смысла. Мне казалось всегда

непонятным и странным, как с непомерным развитием в современном человеке чувства гордости, которое каждого из нас пытается вознести «выше леса стоячего и облака ходячего», сотворить из него самодовлеющего авторитета, для которого «никакой закон не писан», ибо он сам себе закон, — как с чувством этим уживается другое ему совершенно противоположное — чувство зависимости его, гордеца, от якобы бессмысленного сцепления столь же бессмысленных обстоятельств, которое именуется «случаем»? Однако уживается, и человек этого как будто не замечает, живя в таком трагическом противоречии изо дня в день, пока... пока «гром не грянет, и мужик не перекрестится». Но бывает и так — и все чаще и чаще бывает — что не крестится и тогда...

Взгляните-ка на ежедневные самоубийства, известиями о которых пестреют столичные и провинциальные газеты! О чем говорят они твоему уму и сердцу, дорогой читатель?..

С распадом у нас на Святой Руси церковной жизни, которою жили наши православные предки, мы, в большинстве, совсем утратили сознание исконно русского определения взаимоотношений Церкви Христовой и ее членов и отношений их к Богу. Несложно это определение и выражается оно в коротких словах: «кому Церковь не мать, тому Бог не отец». Утратив разумение этих слов, составившихся вековою народною мудростью на основании опыта жизни всего строя бытия русского православного народа, современное нам общество настолько успело отторгнуться

от Церкви, что даже обязательные ее постановления ему стали или чужды, или вовсе неизвестны: Церковь осталась как бы в стороне, сама по себе, а мы, ее дети — сами по себе. Так повелось у нас на Руси не со вчерашнего дня, а уже давно, со времен сближения нашего с иностранцами, на которых «умники» тех времен приучали смотреть наших предков как на существ особого, высшего порядка. Особенное же отступление от Церкви в русских людях проявилось с тех дней, когда им дарована была Царскою милостью первая свобода — от крепостной зависимости. С этого времени, полегоньку да понемножку, то, что было болезнью людей ученых, — я говорю о неверии, стало заражать и неученых простолюдинов: и начали русские люди все больше да дальше отбиваться от Церкви, а теперь уже дошли до того, что почти и вовсе от нее отбились.

Дожили мы до таких денечков, что в храм Божий и не заглядываем, а если и заглядываем, то не по нужде душевной, а по старой привычке; постов не соблюдаем, а праздники Божии обратили на пьянство, на разгул, на богопротивные увеселения, на разбой да на драки.

Стоном застонала мать-сыра земля; обагрилась она, задымилась святой кровью человеческой, распалась заревом пожаров, облилась горячими слезами вдов, сирот, отцов, матерей да самих богоотступников — церквеотступников. Судите сами: чего ж еще видеть нам с вами, от мужика до барина, все люди русские, когда-то православные?..

Вот одним-то из таких церквеотступников был когда-то и я, мой дорогой читатель! Богоотступником

я, по милости Божией, никогда не был, но, не отрекаясь от Бога, от Церкви Его святой отступил — вот ровно так, как теперь делают многие из наших, которые не хотят себя звать православными, а зовутся баптистами, штундистами, пашковцами, евангелистами, старообрядцами... и мало ли еще какими именами и названиями — где всех их перечесать? Недаром говорится: «сколько голов, столько и умов!» Но опять-таки, отойдя от Православной Церкви, я, по милости Божией, ни в какую секту не вступил, а просто стал жить по своей вольной волюшке: куда, стало быть, глянет глаз — туда и двигают ноги. И не день, и не два жил я так-то, а долгие годы.

Но «сколько кувшину по воду ни ходить, а там ему и голову сломить» — так случилось со мною: «грянул гром», и стал наш мужик креститься. Подошли такие «случаи», а Бог-то у меня разума не отнял — я и поглядел, что за тем да за другим «случаем» как будто стоит разум, да разум-то такой, который намного повыше моего собственного. Ровно так, как люди отступают от Бога и от Церкви, так они и к Богу с Его Церковью возвращаются: полгоньку да понемножку, словно ниточка с клубочка да на клубочек: поди там, в мотке-то разбирай концы да петли!.. Ну, словом, добрался я-таки опять до Бога, от Которого я хоть и не отступал, но как бы вовсе о Нем позабыл во дни моей молодости. А как добрался, так меня разом тут и осенило забытыми свято-отеческими словами: «кому Церковь не мать, тому и Бог не отец», осенило и привело с повинной и покаянной головой к матушке родимой, Церкви Христо-

вой Православной. И с той самой поры стал я по милости Божией хоть грешным, да верным и любящим ее сыном.

Печатается по:

Нилус С. Небесные пестуны.
Сергиев Посад, 1909. — С. 3—7.
Фрагмент, не вошедший в книгу
«На берегу Божьей реки».

ОДИН ИЗ ТЕХ НЕМНОГИХ, КОГО ВЕСЬ МІР НЕДОСТОИН

**Блаженный Христа ради юродивый священник,
отец Феофилакт Авдеев**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ¹

Христианство возродило и обновило древний мір, разлагавшийся от дряхлости и внутреннего растления. Небесный огонь любви, низведенный на землю Спасителем (Лк. XII, 49), воспламенил новую жизнь в сердцах людей, подавленных чувственностью, оживотворил дух, почти омертвевший в узах греховности (Ефес. II, 5), и при содействии благодати ревность к благочестию во многих воспламенилась с такою силою, что сделалась главною стихиею духовной жизни, и вся деятельность духа сосредоточилась в непрерывном усилии распять плоть свою со страстями и похотями (Гал. V, 24), стать выше своей чувственности, покорить высшему духовному закону все порывы поврежденной грехом природы, чтобы по ме-

¹ «Юродство о Христе и Христа ради юродивые Восточной и Русской Церкви» — священника Иоанна Ковалевского (Москва, 1895 г.).

ре сил, постепенно возрастать духом, всецело жить в Боге и для Бога. Христианство, обновивши ветхого человека (Кол. III, 10), соделав его причастником Божественного естества (2 Петр. I, 4), произвело многие виды подвижничества, которыми христианин нравственно возвышается до возможного для человека совершенства. И в великом сонме угодников Божиих, прославленных Св. Церковью, юродивые христиане являются дивными во святых по роду своего подвига и по той высокой степени самоотвержения, которому они следовали. Ради Христа и своих ближних они отрешились не только от мира и яже в мире (I Иоан. II, 15), но и от всего лучшего, что есть в природе человека, поскольку последнее необходимо для христианина, по слову Апостола: аще внешний наш человек тлеет, обаче внутренний обновляется по вся дни (2 Кор. IV, 16). Поистине, в них внешний человек тлел по мере того, как внутренний духовно жил и нравственно возвышался.

Юродство о Христе — один из труднейших и великих подвигов христианского благочестия, какие из любви к Богу и ближним принимали на себя особенные ревнители благочестия. «Юродство Христа ради составляет столь редкий, столь труднейший и вместе с тем столь высокий христианский подвиг, на который призываются Господом Богом только особенные избранники и избранницы, сильные телом и духом»¹. Эти славные подвижники, одушевляемые горячею ревностью и пламенной любовью к Богу, до-

¹ Сказание о блаженной Серафимо-Дивеевского монастыря, Пелагии Ивановне Серебrenниковой. Тверь, 1891. С. 1.

бровольно отказывались не только от всех удобств и благ жизни земной, от всех выгод жизни общественной, от родства самого близкого и кровного, но даже отрекались *при полном внутреннем самосознании* от самого главного отличия человека в ряду земных существ — от обычного употребления разума, добровольно принимая на себя вид безумного, а иногда и нравственно падшего человека, не знающего ни приличия, ни чувства стыда, позволяющего иногда себе соблазнительные действия... Лишенные по-видимому простого, здравого смысла человеческого, отрешившись от общепринятых обычаев мира и правил общественного благоприличия, они под личиною юродства нередко совершали такие гражданские подвиги, на которые не решались люди, «мнящиеся» быть «мудрыми», из страха ли то пред сильными мира сего, или из житейских расчетов и соображений; и при этом подвиги их были таковы, что их не могли совершать с таким успехом люди обыкновенные. Непрестанно возводя очи ума и сердца своего к Богу, постоянно горя духом пред Ним, подвижники эти, подобно древним пророкам, ревнителям славы Божией, не стеснялись говорить резкую правду в глаза сильных мира сего; они своими словами и необычайными поступками то грозно обличали и подобно молнии поражали людей могучих и сильных, но несправедливых и забывающих правду Божию, то подобно весеннему благотворному солнцу радовали и утешали людей благочестивых и богобоязненных. Юродивые нередко вращались среди самых порочных членов общества, среди людей, погибших в общественном мнении,

с целью исправить их и спасти; и многих из таких отверженных возвращали на путь истины и добра. *Имея дар предсказывать будущее*¹, они молитвами своими нередко избавляли сограждан от грозивших им бедствий, не раз отвращали гнев Божий от своих современников, у которых были большею частью в поношении и презрении.

Совершенно свободные от всяких привязанностей к земному, отказываясь от всякой собственности, не имея обыкновенно определенного пристанища и потому подвергаясь всем случайностям бездомной и безприютной жизни — эти избранники Божии самым делом, с буквальной точностью осуществляли в своей жизни заповедь Спасителя: *не пекутся душою вашею, что ясте или что пите, ни телом вашим, во что облечетесь; не души ли больше есть пищи и тело одежды?* (Матф. VI, 25). *Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам* (33). Эти «причастники небесного звания» (Евр. III, I), не имея на земле пребывающего града, но грядущего взыскуя, так как по слову Апостола *переходит образ мира сего*, (I Кор. VII, 31) — *не сообразовались веку сему* (Рим. XIII, 2): вся их жизнь представляла собою как бы воплощенный протест против чрезмерного тяготения людей к земным, временным интересам, как бы живое, наглядное напоминание о высшей цели жизни — *о едином на потребу* (Лук. X, 41).

Взирая на образ жизни Христа ради юродивых, можно подумать, что это несчастные, осужденные

¹Курсив С. А. Нилуса. — Ред.

влачить горькую участь безумия. Пренебрегая общепринятыми обычаями мира, не соображаясь с законами общества гражданского, юродивые, по-видимому, в некоторых случаях даже самыми постановлениями Церкви не приводились к обыкновенному порядку жизни¹. Это были как бы пришельцы из другого мира, не считавшие для себя нужным знать и делать то, что по общему мнению составляет необходимую принадлежность жизни земной. Живя в теле, они считали себя как бы безплотными или в чужом теле... Пища, одежда, жилище, казалось, не составляли для них существенной потребности и необходимой жизненной принадлежности. По несколько дней, иногда по целым неделям не вкушали пищи, только ту вкушали пищу, которую подавали им люди благочестивые; от прочих они не принимали или принятую передавали другим. Одеждою для них служило ветхое, раздранное рубище, но нередко они отлагали и этот бедный покров наготы своей. Редко входили и часто не были допускаемы в жилища человеческие, проводили большую часть под открытым небом — на городских пло-

¹ О Симеоне юродивом в «Четиях Минеях» читаем: «На большее мнимаго своего юродства показание, отлагаше стыдение человеческое, и множицею обнажен по торжищу ходяще...» «во утрие дню недельну бывшу, вниде в церковь. Начинающейся Литургии, имеяше в недрах орехи, первее убо нача погашати свечи, и егда изгнати его хотяху, он востек на амвон, меташе орехи на жен и едва со многим трудом возмоща его изгнати из церкви»; или он же «некогда во святой Великий четверток из утра на торжищи сядя ядыше, еже видяше мимоходящий глаголаху: виждь безумнаго сего, яко ни святого четвертка не почитает, но рано яст». 21 Июля, стр. 146, 147 и на обор.

щадах и улицах близ церковной паперти или ограды, на кладбищах, иногда даже на куче сора, страдая от холода, голода, стужи и зноя и, вообще, подвергались всякого рода стихийным невзгодам и испытывали всевозможные лишения, неразлучные со скитальческой жизнью... С каждым подвигом Христианского самоотвержения связаны те или другие лишения; нелегко человеку, склонному к чувственным удовольствиям, отказываться от них, истощив свою плоть постом и воздержанием; нелегко также пристрастившемуся к богатству раздать свои сокровища и жить в евангельской нищете, человеку, жившему в славе и почестях, вступить в неизвестную жизнь. Но отказаться от ума — этого лучшего украшения человеческой природы, как это мы видим в юродивых, конечно, для каждого должно показаться труднейшим подвигом, лишением, с которым не может сравниться никакое самолишение. В разуме Бог положил существенную черту в нас великого Своего образа (Ефес. IV, 22, 23), почему с отрешением от «этого благодатного дара неба», с которым ничто не может сравниться в мире видимом, человек теряет все, что составляет истинное его величие, истинное его достоинство. При здравом уме — так как юродивые о Христе были людьми истинно мудрыми, — принять на себя вид безумного — жертва великая. Не большею ли частью, чтобы не сказать всегда, бывает для человека чувствительнее укор в скудоумии, чем в каком-либо другом недостатке, даже нравственном?! Жизнь человека не свидетельствует ли с очевидностью, сколько во все времена, из удовлетворения уму, было добро-

вольных мучеников науки... Отчего такая исключительная честь уму? Оттого, что в нашей душе эта сила осталась более доступною человеческим трудам в своем развитии и образовании, потому что она по преимуществу свидетельствует о достоинстве духовной природы человека. Отсюда понятно, как должно быть трудно и чувствительно для человека при полном здоровом уме выдавать себя за лишенного простого смысла, действовать в течение всей своей жизни подобно умалишенным... Велик и свят подвиг предать тело свое в руки мучителей за исповедание имени Христова. Но менее ли требуется мужества, вращаясь в мирском обществе, постоянно, каждый день, каждый час умерщвлять свое тело, отсекав всякую нечистую мысль?!

При всей трудности этого подвига, для святого юродства какая требуется высокая мудрость, чтобы безславление свое обращать во славу Божию и в назидание ближним, в смешном не допускать греховного, в кажущемся неблагопристойным ничего соблазнительного или обидного для других!.. Путь юродства чрезвычайно опасный и трудный путь. Как подражать иногда безрассудству людей самых низких, сохранять дух всегда возвышенный, стремящийся к Богу, постоянно ругаясь міру, обнимать, однако, всех совершенною любовью?! Наконец, как удержать себя от духовной гордости тому, кто перенес столько оскорблений и лишений, сознает что все это терпит он невинно и что он совсем не таков, каким его считают многие? Это произвольное, постоянное мученичество, эта постоянная брань против себя, про-

тив міра и дiавола, и притом борьба самая трудная и жестокая. Это крестonosцы, по преимуществу, так как по доброй воле, по собственному избранию, единственно из любви к Богу и ближним несли самый тяжелый и трудный крест...

I

В двадцатых годах прошлого столетия таким великим подвигом подвизался в пределах Рязанской губернии и в смежных с нею уездах Тульской — Христа ради юродивый священник, о. Феофилакт Авдеев.

Разбирая рукописи в архиве одного из великих по духу монастырей русских, я нашел в числе их тетрадку, в которой рукой неизвестной мне монахини записано об этом великом подвижнике и прозорливце следующее:

Начинаю с того, во славу Божию, с какого года я стала знать отца Феофилакта. Опишу все, что известно мне или лично, или от достоверных свидетелей об этом истинном и великом рабе Божиим.

В 1824 году я поступила в Михайловский Покровский монастырь. Родитель мой был Родион Феодорович Ураев; он служил, не помню в каком году, в городе Скопине уездным судьей. В то время там городничего не случилось, тоже не знаю почему, и отец мой правил его должность. В это время обокрали Скопинское казначейство; родитель же мой просрочил рапорт об этом и потому находился под судом. Из числа привлеченных к этому делу лиц, кроме отца моего, только казначей да стряпчий имели кое-какую собственность, и то самую незначительную, а потому казна обратила

взыскание на городничего, т. е. на моего отца, правившего тогда эту должность. Хотя и наше имение было не велико, но оно все было описано и назначено для продажи с аукциону. Это горе случилось в 1824 году, в год, именно, моего вступления в монастырь, в котором старшая моя сестра уже была монахиней. Отец Феофилакт в то время уже юродствовал и был почитаем как истинный блаженный в нашем монастыре, куда и хаживал часто, и даже гостил.

Приехал к нам в монастырь со своею скорбью наш родитель, а тут как раз случился и отец Феофилакт. Мой батюшка ему и говорит:

— Вот, я скоро должен остаться без куска хлеба с шестью детьми: имение продадут — казна все возьмет!

— Нет, — отвечает о. Феофилакт, — барин прав! Вот, поедут через Москву в мантиях да в черных шляпах — и будет барин прав!

— Неужели же я буду опять владеть своим имением? — спросил батюшка.

— Непременно, — ответил отец Феофилакт, — только его после всё разложат по кабакам.

Ничего в то время из его слов понять было нельзя; но год спустя, в 1825 году, скончался в Таганроге Государь Император Александр Павлович, и повезли его тело через Москву, и, конечно, все были в трауре — «в мантиях и черных шляпах» — по выражению о. Феофилакта. Отец мой в то время уехал в Петербург, где и подал просьбу князю Волконскому о снятии с него казенного иска. Прощение было принято, и по случаю восшествия на престол Госуда-

ря Николая Павловича ему простили казенный долг «не в пример прочим», как было ему объявлено.

Так и сбылись слова о. Феофилакта: «барин прав».

В 1834 году скончался мой родитель. После него наследником остался мой брат, человек нетрезвой жизни: и вскоре всё имение родительское он пропустил в пьянство — «разложил по кабакам», как предсказал блаженный.

Это был первый в моей жизни случай прозорливости о. Феофилакта.

II.

Не помню, в каком году, над нашим монастырем был благочинный архимандрит Солотченского монастыря, о. Иларий. Приехал он к нам по делам благочиния при игумении Евсевии. В то время в нашем монастыре гостил о. Феофилакт и проживал по разным кельям. Как человеку всеми признанной высокой духовной жизни, юродивому и к тому же старцу, отцу Феофилакту это нарушение монастырского устава дозволялось, вернее, на это смотрели сквозь пальцы, по слову — «праведнику закон не лежит».

Неуверенная, как отнесется к этому благочинный, игумения, боясь, чтобы о. Феофилакт не попался архимандриту где-нибудь в келье, предупредила его, сказав, что у нас гостит юродивый священник. Архимандрит пожелал его видеть. Меня дали ему в провожатые, так как я была приставлена к нему для услуг в начальнической келье. Когда меня о. архимандрит позвал его провожать, о. Феофилакт нахо-

дился в келье у одной послушницы, крестьянки села Жаловля, Михайловского уезда. Никому и в голову не могло прийти, чтобы к этой послушнице пожелал зайти архимандрит, а между тем, пока мы собирались в келье игумении идти к ней, отец Феофилакт, лежавший в келье послушницы на полотах, вдруг стал слезать с них и говорить:

— Приберите всё — гости будут!

Спустя немного времени, мы с отцом архимандритом вошли в келью. Встреча была мирная. Отец Феофилакт поцеловался с архимандритом по чину иерейскому; и тут между ними произошел такой разговор:

— Ты — праведник, но священник! — сказал ему архимандрит. — А я — грешный, но архимандрит. Скажи мне, причащаешься ли ты Святых Таин?

Отец Феофилакт отложил свое юродство и смиренно ответил:

— Причащаюсь!

— Где же?

— В селе Осанове, каждый Успенский пост. Там священник — мой духовник!

И действительно, как потом узнали, отец Феофилакт всегда этим постом уходил в село Осаново Михайловского уезда.

Много в тот раз они говорили между собою, но я частью не слыхала о чем, а частью и не упомяну. Только, когда мы вышли из той кельи, архимандрит сказал:

— Великий человек сей юродивый!

Когда этот архимандрит приезжал к нам в монастырь, он любил, бывало, чтобы ему у матушки игумении в келье пели наши клиросные певчие, и он всегда давал им за это довольно много денег. В этот его приезд в числе клиросных была и я, приставленная, кроме того, к нему для поручений. Заметив это, оделяя других, он тайно ото всех, чтобы не было другим завидно, сунул мне в руку красную бумажку, которые тогда ходили за десять рублей ассигнациями. Об этом щедром даре я никому не сказала, кроме монахини, с которой жила в одной келье, и та мне подала совет никому об этом ничего не говорить, чтобы не ввести в зависть; и никто об этом ничего не знал.

Проводили мы архимандрита — его вскоре после того перевели в Задонск — и спустя несколько времени мы, послушницы да и некоторые монахини, собрались большой компанией к о. Феофилакту в ту келью, где он на ту пору находился. Пришла и я туда же со своей монахиней, и все стали хвалить доброго архимандрита Илария. О. Феофилакт молчит — ни слова. Тут и я свое словечко вставила:

— Батюшка, — говорю, — а ведь хорош архимандрит? У нас такого не бывало!

А тот на мои слова:

— Что мне, сударыня, — говорит, — его хвалить? Если бы он мне дал красную ассигнацию, я бы его похвалил.

Конечно, другие никто ничего не поняли из слов блаженного старца, но мы-то, переглянувшись с моей монахиней, это хорошо поняли...

Когда нашего благочинного, архимандрита Илария, перевели в Задонск, случилось и мне там быть на богомолье. Когда я собралась ехать обратно в свой монастырь, архимандрит Иларий дал мне отвезти от его имени о. Феофилакту книжку творений Святителя Тихона и сказал:

— Попроси его, чтобы он мне что-нибудь написал!

Когда я вернулась в обитель, отца Феофилакта у нас в монастыре не было, и поэтому я не могла ему скоро передать книгу. В это время к одной из наших монахинь, Феофании, приехали из Скопина родные. Приехали они не столько к ней, сколько к о. Феофилакту, которого легче всего было найти в нашем монастыре; но так как он находился на этот раз не у нас, а в одной деревне, то и Феофания, и ее родные собрались ехать к нему туда. Я была рада оказии переслать ему книгу и, отправляя ее с м. Феофанией, дала с ней и лист белой бумаги, чтобы он написал что-нибудь архимандриту.

Вернулась м. Феофания и привезла письмо от о. Феофилакта. И что же за письмо написал этот старец Божий! Только вера в святость его как Божьего угодника заставляла отнестись к этому письму как к чему-то серьезному, несмотря на всю видимую нелепость его содержания. Написано оно было на целом листе, а начиналось так: «Ваше Высокопреосвященство и Ваше Высокопреподобие! Когда наши российские поклонники пойдут к Соловецким чудотворцам, то Вы их примите, учредите» и т. д. — все в том же роде и все о Соловецком монастыре. В конце же это-

го письма было написано так: «а Надежду Родионовну (так меня прежде звали) сделайте игуменией», — но монастыри назначил не те, в которых мне уже после смерти архимандрита Илария Бог привел быть игуменией. Для меня, малодушной и маловерной, в то время это предсказание казалось даже и смешным, потому что я и в рясофоре тогда еще не была. Отца же Илария тем же годом перевели в Соловецкий монастырь, и он по чину Соловецкой обители служил там с осе-нением, т. е. почти, как архиерей. Через шесть лет он возвратился обратно в Задонск и письмо о. Феофилакта берег как сокровище.

III.

Бывая часто в нашем монастыре, о. Феофилакт у всех сестер обители был желанным гостем. Только в одном при приеме его в качестве гостя выходило маленькое, говоря по-монастырски, «искушение»: когда зазовут его к себе сестры чай пить, то он почему-то иногда чай пил просто, как все пьют, а то с одной, с двумя чашками чаю возьмет да всю сахарницу сахару и скушает; а сахар-то в то время был еще почти что диковиной, да притом и очень дорогой; вот некоторые, глядя на это, и опасались иной раз приглашать его к чаю.

Был он однажды у монахини Аркадии. Она и подумай про себя: чаю бы ты, сколько хочешь, пил, да вот сахару-то больно много кушаешь!.. Был у нее этот помысл до обедни. Пришла она от обедни в свою келью; подали самовар, а отец Феофилакт вдруг встал из-за стола и куда-то скрылся. Потом через несколько минут,

глядь, возвращается и приносит целую тарелку комочков, наделанных из снегу; поставил тарелку на стол и стал с этими комочками пить чай. Мать Аркадия, прямо, не знала, куда деться от такого обличения.

Было и со мною нечто подобное: тоже захотелось мне как-то раз позвать его к себе, но боролась так же, как и мать Аркадия, с помыслом насчет сахара, но только вовремя опомнилась и мысленно сказала себе: да что жалеть-то? Если он и на синюю ассигнацию съест сахара, мне не жалко!.. Пошла я за о. Феофилактом звать его к себе. Он, по первому зову пошел в ту же минуту, и как же я была этому рада! Забыла даже и свои помыслы и с великим радушием угощала старца Божия.

Пришел он ко мне на другой день обедать. Сели за стол. Смотрю: мой о. Феофилакт сидит какой-то скучный и кушает мало. Я говорю:

— Батюшка! Что вы такие скучные?

— Да, — говорит, — правда! И Сын Человеческий не имел места, где главы подклонити.

Я на это ему возразила:

— Батюшка! Мы все вам рады.

— Как же, — говорит, — сударыня, не рады? Только, вот, иному, глядишь, в один раз и стану в синюю ассигнацию. Тут я вспомнила, о чем накануне думала.

— Простите, батюшка! — сказала я ему. — Куда ж уйдешь от помыслов?

В этот раз он долго у меня прогостил.

Как-то в это свое посещение, живя у меня, он одну ночь еще с вечера стал скорбеть и петь панихиду,

выпевая из нее разные заупокойные стихи. Я встревожилась и говорю ему:

— Батюшка! Иль у меня кто умрет из родных?

— Нет, сударыня! — ответил о. Феофилакт.

Но так как он всю эту ночь и на другой день утром все продолжал петь и читать за упокой, то я несколько раз приставала к нему с тем же вопросом: не умрет ли кто из моих родных? Наконец, он мне ответил:

— А помните, ко мне Матрена Ивановна приставала: «Батюшка, помолись, чтобы моя душа безбедно прошла воздушные мытарства». Вот я об ней-то и молюсь.

Матрена Ивановна была нашей клиросной, претерпела много скорбей и болезней и была очень хорошей жизни. В тот день, когда у нас шел разговор с о. Феофилактом, Матрена Ивановна уже скончалась, и ей шел как раз сороковой день.

Утром на сороковой, стало быть, день по кончине Матрены Ивановны я была у обедни. Прихожу от обедни домой и застаю о. Феофилакта в полной радости. Я спросила:

— А где-то теперь, батюшка, наша Матрена Ивановна?

— Слава Богу, слава Богу, сударыня! — весело ответил блаженный старец. — Сидит на престоле и веселится.

И по сияющему лицу о. Феофилакта было видно, что загробная участь Матрены Ивановны была ему открыта, оттого-то и радостен так был этот земной ангел.

IV.

В монастыре нашем была игуменией матушка Евсевия, а казначеёй — Елпидифора. В это время в городе Касимове сменили игумению, а на ее место взяли нашу казначею. У нас многие сестры очень жалели об ее уходе.

Сидит как-то раз о. Феофилакт в келье послушницы Павлины, она и говорит ему:

— Жаль нам, батюшка, казначею, что взяли от нас в игумении: она до нас хороша была.

— Что ее жалеть! — возразил о. Феофилакт. — Пусть как уточка, поплавает там, поест рыбки хорошей годочка три!

Так оно и вышло: через три года наша матушка Евсевия подала на покой, а Елпидифору перевели к нам в игумении. А в Касимове — Ока, на Оке же и подворье Касимовского монастыря, и рыбы хорошей много.

Рассказывают наши монастырские старушки: еще не было в Михайлове монастыря (наш монастырь был тогда в 12 верстах от Рязани, а переведен в Михайлов в 1819 г.), на месте же, где теперь стоит монастырь, была маленькая кладбищенская церковь, которая еще и поныне цела; а на полугоре стояла богадельня, в которой жило несколько бедных девиц и старушек. Отец Феофилакт часто гостил в этой богадельне. Бывало, попросит он клубок шерсти или ниток и начнет мерить место, где быть монастырю и ограде; а на том месте, где теперь собор и самый алтарь, тут он из камешков сделал подобие престола и говорит:

— На этом месте Лавра будет. О, как хорошо!.. И мощи будут.

При этом он поминал имя Прокопия. Рассказывали это те, которые жили еще в богадельне, а в настоящее время живут у нас в монастыре; слышали это они сами из уст о. Феофилакта.

Не запомню, в каком году, когда уже перевели наш монастырь в г. Михайлов и я была уже в монастыре, тут же жила одна женщина-солдатка с дочерью, молоденькой девочкой. Эта солдатка была бесноватая. Я ее знала лично и очень хорошо помню, и многие из монастырских ее тоже знают и помнят. Она так была мучима бесом, что на нее было страшно смотреть, особенно, когда она желала причаститься Святых Христовых Таин: ее подводило к Св. Чаше несколько человек, потому что ее иначе невозможно было причастить — она вся синела и делалась как бы в исступлении, и в таком страшном виде ее и после Причастия выводили из церкви.

Эту солдатку как-то раз взял о. Феофилакт и вывел за ограду. Там на одной могилке он читал над ней молитвы, и в это время с ней сделался сильнейший припадок беснования. Отец Феофилакт продолжал читать молитвы, и ей стало лучше, а под конец чтения она совсем успокоилась.

— Ты теперь здорова, — сказал ей батюшка, — но не я тебя исцелил, а исцелил тебя Угодник Божий Прокопий, которого тут мощи.

Исцеление это совершилось на глазах многих монастырских. После этого женщина та стала совсем здорова и, когда говела, то спокойно, как и все, под-

ходила к Св. Таинам. До самой своей смерти, хотя после своего исцеления она и долго жила, солдатка эта не подвергалась более припадкам беснования.

Нередко говаривал о. Феофилакт:

— Повезут мощи Николая Чудотворца мимо вашей обители, а вы не примете — скажете: не надобно нам, не надобно нам!

Незадолго до своей кончины — за год или даже и того менее — он, проживая в то время за 30 верст от нас и уже болея, несколько раз присылал проситься пожить у нас в монастыре, потому-де, что он скоро умрет. Посылал он с этой просьбой к монахини Павле, и та несколько раз ходила к игумении просить о том, чтобы она исполнила желание о. Феофилакта; но наше духовенство было против этого, и потому игумения никак не соглашалась принять блаженного старца.

— Не надобно нам его, не надобно! — говорила игумения.

Поэтому мы теперь и думаем, что под словами «Николай Чудотворец» о. Феофилакт подразумевать давал благодать Божию, на нем почивавшую, тем более, что когда он скончался, матушка игумения посылала казначею и монахиню Веру просить его тело, но его не дали.

Отец Феофилакт был болен несколько месяцев и жил в селе Земино, Михайловского уезда, у одной благочестивой дворянки. Эта дворянка очень боялась, чтобы он не умер без напутствования. Сколько раз упрашивала она причаститься и оособороваться, но он отвечал на ее просьбу:

— Не вашей я, сударыня, веры!

Но, зная его много лет, она все продолжала ему об этом напоминать. Когда же наступил день его кончины — 30 августа 1841 года — он сказал хозяйке дома, где жил:

— Ну, теперь, Арина Павловна, посылайте за священником!

Поисповедался старец Божий, причастился, отборовался и в тот же день скончался без всяких предсмертных страданий, заставив до последнего своего вздоха пришедшую к нему дьячиху кропить его святой водой.

В селе, где скончался о. Феофилакт, было два помещика: один — Николай Николаевич Желтухин, другой — Хлуденев. Желтухин прежде не любил почему-то о. Феофилакта, а Хлуденев, напротив, очень его любил и верил в его святость. После его смерти они оба пошли поклониться его телу, и тот, и другой выразили желание похоронить его на свой счет. Вышло так, что Хлуденев, несмотря на свою любовь и веру к старцу, уступил Желтухину, и Желтухин справил на свой счет все похороны: сделал обед священникам и накормил многих бедных. До могилы гроб несли на своих руках оба помещика. Торжественны были похороны!..

Когда же, спустя некоторое время, стали разбирать кое-какие бумаги, оставшиеся после покойника, то в них нашли что-то вроде духовного завещания, в котором он просил именно Желтухина его похоронить и помянуть.

Похоронен о. Феофилакт в селе Земине Михайловского уезда Рязанской губернии, близ церкви, против

алтаря, и над могилой его поставлен памятник-камень с надписью. Многие до сего дня приходят на его могилу, служат панихиды, берут с могилы землю и по вере своей получают исцеление.

Я хорошо помню жизнь этого Божьего угодника: она почти вся проходила на глазах нашего монастыря. Подолгу гащивая у нас, он, конечно, не мог совершенно утаить от нас, монастырских, подвига своей богоугодной жизни. Молитва его была непрестанная: днем и ночью, лежа и сидя, он пел псалмы духовные, часто певал на голос из Евангелия притчу о блудном сыне: а голос у него был очень хороший. Глубокой ночью он всегда, бывало, становился на молитву и так всю ночь и простоит на молитве; а днем опять юродствует. Пища его была самая умеренная, нестяжательность безмерная. Приходили к нему многие мирские, нанесут ему и денег, и пищи всякой, и платочков, и полотенце — чего только ни нанесут; но он ничего из принесенного себе не возьмет, а все оставит в той келье, в которой его застанут подарки. У меня доселе хранятся его полотенце и трость — едва ли не единственное его достояние.

Бывая иногда на городском базаре, случалось, он и побьет кого-нибудь из встреченных им на пути. За это его несколько раз сажали в острог, и он сидит, бывало, там с видимым удовольствием и поет священные стихи, которых он знал великое множество. Подержат, подержат его в остроге и выпустят. В последние же годы жизни его уже в острог не сажали, и он пользовался большим уважением.

Наружности о. Феофилакт был весьма благообразной: росту высокого, лицо белое, правильные черты лица, лоб большой, открытый...

Иногда к своей небольшой косе он привязывал свернутый пучком лошадиный хвост, и мы спрашивали его:

— Для чего это вы, батюшка, привязываете такое безобразие? А он на это, бывало, скажет:

— Да будто пригожее, сударыня, так!

Разговор его о духовном был горячий; слово пламенное, назидательное; и любимой его беседой было о том, что Царство Божие достается только трудом. О духовном он любил говорить наедине, с глазу на глаз с собеседником, и тогда не юродствовал, а говорил с великой убедительностью и силой. Каждому, кто хотел его слушать, он толковал Св. Писание и — всегда правильно. Любимым же его занятием было чтение книг духовных.

Таков был этот Божий угодник, таким я его застала и помню.

V.

Были у нас в монастыре тульские две сестры, по фамилии — Духонины. Одна сестра была у нас казначеей и теперь скончалась, а другая — монахиня Рафаила, и теперь жива¹. Вот, что рассказывала мне об о. Феофилакте монахиня Рафаила:

¹ Какие годы разуместь надо под словом «теперь», рукопись, разобранный нами, ответа не дает. Надо думать, судя по ветхости тетрадки и по тому, что автор воспоминаний описывает жизнь о. Феофилакта уже после его смерти, последовавшей

«Однажды он пришел к нам в келью и говорит:
— А я был в Туле!

Мать казначея, сестра Рафаилы, и спрашивает его:

— Что же вы к нашему батюшке не зашли?

— Куда тут, сударыня, к ним? — ответил о. Феофилакт. — Его и самого-то в дом не пускают — там стоят солдаты с рогачами, с баграми!

— Что вы такое, батюшка, говорите? — возразила казначея. — Какие солдаты?

— Да, сударыня, — продолжал говорить свое о. Феофилакт, — а дом-то их каменный, взглянешь — так шапка свалится!»

«Мы с сестрой, — сказывала мать Рафаила, — ровно ничего не поняли из этих странных слов батюшки, тем более, что у родителя нашего в Туле дом был деревянный, а не каменный. Что же вышло? Ровно через год после этого наш тульский дом сгорел до основания, а после этого пожара родители наши действительно выстроили себе дом большой, каменный».

О. Феофилакту очень любили мужички и выстроили ему келью в селе Новопанском Михайловского уезда. Да и в других местах по крестьянам у него были поделаны такие же кельи усердием его простых сердцем почитателей. Из этих келий он после своей смерти две завещал в наш монастырь, которому они и отданы. Когда он жил в своих кельях, то нала-

в 1841 году, слово «теперь» должно обозначать или конец сороковых, или пятидесятые годы прошлого столетия. — *Прим. С. А. Нилуса.*

гал на себя большие труды: постился по целым дням, ничего не вкушая; часто с самого утра уходил в болото и до поздней ночи собирал в воде тростник; а в келью свою возвращался холодный, голодный, весь мокрый... Великий был труженик!..

В нашем монастыре, в церкви, на левой стороне, находится его чудотворная икона Божией Матери «Взыскание погибших». Она была написана одним живописцем по его желанию и указанию. Написана она так: вверху иконы — образ Богоматери, поддерживаемый двумя Ангелами, а внизу ее — лики многих Святых. Когда икона была написана, о. Феофилакт зашил ее в холстину, а сверху обшил двумя набойками и еще холстиной. Во всей этой тройной обшивке он прорезал отверстия для ликов и так и поставил ее в своей келье. Его все и спрашивают:

— На что же это вы, батюшка, зашили икону-то холстиной?

— Да, это, сударыни, на ней три ризы! — ответил старец Божий. Так и стояла она у него в Новопанской келье зашитой.

Еще при жизни о. Феофилакта наш михайловский купец Иван Иванович Ложников был как-то в Лебедяни на ярмарке и там разговорился о батюшке с тульским купцом Киселевым. В разговоре этом он и скажи Киселеву, что о. Феофилакт многих исцеляет своими молитвами, а у Киселева жена больна была семь лет кровотечением. Запало это слово Киселеву в сердце и, возвратясь домой, он послал свою жену, Агриппину Егоровну, к о. Феофилакту. На ту пору он имел пребывание в своей келье в селе

Новопанском. Как только Киселева пошла к нему в келью, о. Феофилакт поднялся к ней навстречу и только сказал:

— Помолитесь, сударыня, Царице Небесной и исцелеее!

Сказал эти слова, вышел вон из кельи и куда-то скрылся. Очень оскорбилась таким приемом Киселева, особенно же тем, что он в келью свою не вернулся, но потом одумалась, стала молиться пред иконой и тут же почувствовала себя исцелевшей. В благодарность Божией Матери за исцеление, Киселева сделала на икону киот и очень хорошую ризу накладного серебра. Только самому о. Феофилакту не пришлось этой ризы видеть: ее привезли уже после его кончины.

В наш монастырь икону эту взяли по сонному видению одной благочестивой девицы, в котором сам о. Феофилакт, явившись ей, приказал это сделать, сказав, что от этой иконы будут совершаться исцеления. И точно: чудотворений от нее исчислить невозможно, у меня много писем из дальних и ближних мест от разных лиц, свидетельствующих о чудесах, дарованных через эту икону Богоматерью.

После дара Киселевой на чудотворную икону была сделана вторая риза, серебряная, вызолоченная; а недавно на изображение Самой Заступницы рода христианского пожертвовали ризу жемчужную. Тогда вспомнили три холстины о. Феофилакта и слова его о трех ризах, которые будут украшать святую икону. Еще их и не было, а святой прозорливец уже видел их сияющими богатством и красотой сквозь убогое рубище домотканой холстины. Дивный старец!..

VI.

В нашем Покровском монастыре живет одна девица, дочь священника. Эта девица мне об о. Феофилакте передавала следующее:

Тульской губернии, Епифанского уезда, села Хитровщины, священник Феофилакт Авдеев внезапно оставил свое священническое место, жену и маленькую дочь и сделался странником. Приняв на себя такой подвиг не иначе как по особому Божьему изволению, он не имел, где главы подклонити, преследуемый всюду злоречием и насмешками міра, пониманию которого никогда не был доступен этот род христианского православного подвижничества. К одному только священнику Тульской епархии, села Соколовки, Алексею Ивановичу Преображенскому отец Феофилакт имел невозбранный вход и даже, за его отлучкой из прихода, исправлял за него требы: исповедовал, причащал больных, крестил младенцев, отпевал покойников, служил молебны; и все эти требы он совершал всегда без всякого упущения, не позволяя себе пропускать ни одного слова.

Когда о. Преображенский еще был учеником 3-го класса духовного училища в Коломне, Феофилакт Авдеев был там учителем. С тех пор они не видались друг с другом до того времени, когда, уже будучи священником в с. Соколовке, о. Преображенский увидал, что мимо его дома ведут на господский двор какого-то связанного человека. Заинтересовавшись этим человеком, о. Преображенский подошел к нему поближе и сразу узнал в нем своего бывшего учителя. Сейчас же он приказал раз-

вязать его и повел к себе в дом. Все это видела из окна жена о. Преображенского и подумала про себя: вот, ведут к нам какого-то безумного — он только детей перепугает... Когда о. Феофилакт вошел в дом, то первое его слово было к жене о. Преображенского:

— Матушка! — сказал он ей смеясь. — Запритесь с детками в спальню, а я их не перепугаю!

С этих слов о. Феофилакта матушка почувствовала, что в его лице она встретила гостя не из обыкновенных, и стала относиться к нему с величайшим уважением.

Как-то раз, когда о. Феофилакт находился в гостях у Преображенских, зашла сильная гроза. Он в это время лежал на полотах. Его просили встать и помолиться, но он не встал, а сказал:

— Какая благодать! Эта благодать свет Божий освящает!

В другой же раз было не так. Был о. Феофилакт на огороде и что-то там копался в грядках. Вдруг, бежит он с огорода скоро-скоро и кричит:

— Ух, страх какой! Идет туча!

И стал молиться. Все вышли посмотреть, но тучи никакой не было. Прошло несколько времени, зашла туча страшная, и хотя скоро прошла, но успела разразиться тремя страшными ударами; в трех ближайших деревнях от этих ударов был пожар. Отец Феофилакт все время молился, пока не прошла туча.

Был у о. Преображенского сын лет двенадцати, он учился в школе, а жил у своей тетки Евдокии

Филипповны. На масленице во вторник послали за ним лошадь, пришла и середка, а сына все нет. Вот и спрашивают о. Феофилакта:

— Батюшка! что же это наш сын долго замешкался?

— До четверга, — отвечает он, — лошадку и кучера ваша сестрица, Евдокия Филипповна, покормит, а племянник ваш с семейством пробирается к своему брату; да куда ехать в такую погоду-то? Здесь масленицу поспразднует... А сынка вашего, Ивана Алексеевича, укусила черная собака очень больно...»

При этом слове отец Феофилакт вздохнул.

— Батюшка, — говорят ему, — что вы такое говорите? Какая собака?

— Да, Иван Алексеевич женится, — отвечает он, — а Дарья Ивановна смотрит, как печка топится... Ух! Как жарко!

Что же вышло? В этот же день вечером к о. Преображенскому приехал племянник с семейством: по дороге к своему брату заехал навестить дядю; ночь заночевал, а наутро поднялась метель: «Куда было ехать в такую погоду!» — и они остались на всю масленицу. Сын, за которым была послана лошадь, приехал в четверг благополучно: его задержала тетка, Евдокия Филипповна. Слова же о. Феофилакта — о черной собаке, о Дарье Ивановне и о печке сбылись в свое время дивным образом: сын о. Преображенского, Иван Алексеевич, которого тогда ждали на масленице, достигши 17-тилетнего возраста, внезапно сделался болен чем-то вроде умопомешательства; потом это болезненное состояние у него

прошло, и его определили на службу в Тульское губернское казначейство. Когда же Ивана Алексеевича родные собрались женить, то на свадьбу приехала и родственница Преображенских, Дарья Ивановна. Все это происходило в Туле. Собрались уже все ехать в церковь к венцу, а пришлось вместо венца спешно бежать из Тулы, которая внезапно загорелась. Пожар разгорелся с невероятной быстротой; пламя бушевало, как море; разрушались церкви Божии, каменные здания; на реке мосты горели: так сбылось предсказание о. Феофилакта. В ужасном положении вместе с прочими очутилась тут и Дарья Ивановна, едва перенесшая зрелище этого страшного пожара.

Дочери Преображенских о. Феофилакт предсказывал, что она останется в девицах и что ее нужно отдать в монастырь «на Черную Гору», т. е. в Михайлов. Родители не соглашались ее отдать в этот монастырь и говорили:

— Если уж хочет идти в монастырь, то пусть идет в ближайший Тульский.

А о. Феофилакт на это, бывало, скажет:

— Тульский монастырь на паутинке висит: там с голоду все поколели; а в Михайловском монастыре наша барышня будет своими пальчиками довольна.

По времени дочь Преображенских поступила в Тульский монастырь, жила там 8 лет и сказывала с ней жившим, что не сбылось на ней предсказание о. Феофилакта. Но, после его смерти, ей все-таки пришлось переселиться в Михайловский монастырь и жить своими трудами.

К отцу Преображенскому хаживал еще один юродивый, известный под именем «босого Миронушки». Сидели как-то за обедом — семья Преображенских, о. Феофилакт и Миронушка. К ним за трапезу вошел неожиданно неизвестный немой и стал всех благословлять иерейским благословением. Отец Феофилакт очень обрадовался этому немому, встал из-за стола, поцеловался с ним за руку и сказал:

— Христос посреде нас!

И еще сказал ему тихо, но так, что можно было расслышать:

— Не всем же быть в одном доме!

После этих слов, как ни оставляли Преображенские немого обедать, он не остался и ушел. По уходе его спросили о. Феофилакта:

— Кто такой немой этот?

И о. Феофилакт, и Миронушка в один голос ответили:

— Священник, отец Афанасий.

Немым он стал, по словам о. Феофилакта, оттого, что ему язык отрезали разбойники.

К этому же о. Преображенскому о. Феофилакт пришел на престольный праздник. У хозяина были гости, и между ними был и о. благочинный, священник села Люторец. Вскоре пришел и дьячок из села Собакина Рязанской губернии, подошел он к о. благочинному и к хозяину под благословение, а затем и к о. Феофилакту. Этот благословлять его не стал и сказал ему:

— Ты тридцать дымящих духов с собой привел! Дьячок на это ответил грубо:

— Иной учился, учился, да и заучился!

О. Феофилакт схватил его за волосы и потащил вон, приговаривая:

— Не ходи с этим, солдат, в благословенный дом!

И точно: вскоре этот дьячок за порочное поведение был отдан в солдаты.

Поехал раз о. Преображенский в Тулу за св. міром. В его отсутствие приехали за священником звать к больному за 7 верст. Матушка о. Преображенского и просит о. Феофилакта съездить причастить больного.

— Они там не помрут, — ответил батюшка, — сам отец Алексей (Преображенский) от Шилова поспешает на своих золотых крылышках. Взял міро, а храмовозданную привезет мастер.

И часу не прошло, приехал о. Преображенский и привез св. міро. Оказалось, что он ночевал в деревне Шилове, откуда и торопился приехать домой, боясь за требы. Передали ему слова о. Феофилакта; он удивился и сказал:

— Я действительно подал владыке прошение разрешить перекрыть церковь и расписать ее внутри заново.

А за о. Преображенским в тот же день приехал живописец, взял подряд на работы в храме и вызвался сам привезти и указ на ремонт храма.

В приходе о. Преображенского у помещичьего приказчика сын служил чем-то у полкового генерала и нажил деньги. Как-то раз сидит у Преображенского о. Феофилакт и вдруг как засмеется, да и говорит:

— Вот ведь, как распестрились! Все судьбы Божии за один пирожок хотят узнать!

Сказал и лег на полати. Через час приехала женщина в ярко-пестром ситцевом капоте, привезла пирожок от приказчицы и подает его с почтением о. Феофилакту. Он не взял и сказал со вздохом:

— Не такие столбы и те падают: то катаются на тройках, то ползком ползают!

Впоследствии сын приказчика приехал к родным на побывку и отморозил себе ноги; одно время ползал на четвереньках, а потом стал кое-как ходить на костылях и так и остался навек калекой.

Одно время стали вызывать священников ехать по желанию служить на Кавказ. Вот и говорит раз матушка Преображенская своим детям:

— Поговорить надо отцу: требуются священники на Кавказ; там, говорят, очень хорошо, и прогоны дадут казенные.

Приходит отец Феофилакт рассерженный, не в духе; ничего не пропел, как всегда, по своему обычаю, певал при входе; ни многолетия не возгласил, что тоже дельвал обыкновенно. На нем ряска в то время была ватная, подрясник овчинный, ситцевая рубашка на подкладке, и к подолу рубашки была еще пришита толстая холстина; сапоги старые. Хозяева не знали, чем ему и угодить, спрашивают:

— Не угодно ли вам, батюшка, покушать?

— Куда тут кушать! — отвечает он с сердцем. — Жара какая! Бежал, бежал: сказали близко, а верст двенадцать будет от Новопанска (село Новопанское Михайловского уезда от Преображенских в 45 верстах).

— Батюшка! Что ж вы так спешили?

— Как же? На Кавказ идут!

Хозяева спрашивают:

— Кто ж это идет, батюшка?

— Да, Аграфена Филипповна (жена о. Преображенского). Вас там наставят, дураков, да в пушки и ударят!

— Кто ж вам, батюшка, сказывал?

— Кто? Петербургский купец приезжал в Михайлов пачпорт брать — он и сказывал!

Конечно, ни с каким Петербургским купцом и речи об этом не было, как не было и самого купца.

— Да мы, батюшка, и не пойдем! Он засмеялся и сказал:

— Пожалуйте, матушка, покушать; ведь вы обещались!

Разулся. Ноги все в кровь стерты, переменил рубашку и отдал хозяйке.

— Вот тебе, родимая сестрица, Феодосья Авдеевна! Он ее так часто называл.

— Береги, чтобы рубашка лежала в покое!

Рубашка эта и до сего дня лежит в сундуке и оставлена в наследство меньшей дочери священника о. Алексея Преображенского.

Так, бывало, проживет о. Феофилакт у этого священника сколько угодно — иногда недели три, а там и уйдет, не сказавшись.

В последний раз он приехал к Преображенским на лошади с Новопанским мужичком. Было это Великим Постом. Ночевал одну ночь; утром, напившись чаю, позавтракал и приказал заложить

лошадь. Напомнил про рубашку и опять наказал, чтобы была в покое. Упрашивал его, чтобы он еще остался ночевать, но он не остался. Благословил дом, благословил семейство Преображенских и, прощаясь, сказал:

— Мир дому сему!

С тех пор его уже в этом доме не видали: тем же годом он и скончался...

Сказывал еще протоиерей г. Елифани, о. Иоанн Гумилевский, родственник о. Преображенского:

— Пришел однажды ко мне о. Феофилакт и запел: со святыми упокой! — Я, признаться, на себя подумал, что это он мне смерть пророчит. А он, пропевши, в ответ на мои мысли сказал:

— И чего тебе только в голову не придет? Ведь ты не маленький! После этого у протоиерея скончался сын, ребенок лет восьми. Тот же протоиерей рассказывал:

— Приходил о. Феофилакт просить на свою жену, чтобы не позволять ей отдать его дочь за солдата, а сам заплакал. Я вызвал жену его, но запретить не мог: она выдала дочь в село Петровское замуж за господского человека. У нее уже было пятеро детей; господин прогневался за что-то на ее мужа и отдал в солдаты, а она умерла с горя.

«...Сам заплакал»! Проникаешь ли ты, дорогой мой читатель, чутким твоим сердцем в тайный смысл, в глубину значения этих слез великого праведника? Разумеешь ли ты все величие отречения от семейных уз, от любви родительской этого великого сердца, добровольно отказавшегося от всей их сладости, чтобы

одиноким, гонимым, осуждаемым идти во след своему Господу?.. Прошли года, за лютые скорби, за смирение чистого сердца, за веру, неведавшую сомнения, благодатию Христовой отверзлись духовные очи праведника, сообщились одинокому сердцу дары благодатных утешений, перед которыми, как свидетельствуют люди духовного опыта, вся красная мира не что иное, как смрад и тление, — а ветхий человек всё ещё был жив, и жгучая слеза родительской любви и страха за участь любимого ребенка, как растопленное олово, жгло огнем палящим сердечной муки... Какова сила самоотречения! Каков подвиг! Какова любовь к Богу!..

«Праведницы во веки живут, и в Господе мзда их».

Таково сказание, которое мною было найдено в старых рукописях Скита Оптиной Пустыни. Писано оно, видимо, женской рукою.

В той же рукописи записан был ещё один глубоко знаменательный случай прозорливости блаженного старца. Хотя он касался, по-видимому, только одного частного лица, но, по моему мнению, значение его гораздо обширнее, и таинственный смысл его имеет характер не только прозорливости, но даже пророчества... Чтобы он глубже запечатлелся в памяти моего боголюбивого читателя, помещаю его особо в конце моей статьи о великом прозорливце.

Как-то раз, в один из приходов в дом Преображенских матушка-попадья спросила у него:

— Батюшка! В городе говорят, что в 1836 году будет свету конец — правда ли это?

— И, сударыня, — ответил он, — не верьте — они врут! А вот в 55-м году начнется эпоха, а в 56-м будет и свету кончина!

По слову старца так и совершилось: матушка Преображенская заболела в 1855 году опухолью ног, а в 1856 году от жизни временной перешла в жизнь вечную. Но в этом предсказании, как я думаю, заключен и другой смысл: им предвозвещалось иное, неизмеримо важнейшее событие...

17 октября 1908 года

ПИСЬМО К ИЕРОДИАКОНУ КИРИЛЛУ (ЗЛЕНКО)

От 17 Ноября 1916

Валдай

Дорогой мой Отец Кирилл!

Человек предполагает, а Бог располагает: до сих пор никуда из Валдая не уехал, хотя предстояло ехать неоткладно, казалось, в два места. Поторопился Вас об этом предупредить и оказался... в дураках. Простите моей немощи.

Не помню, писал ли я Вам, что один епископ высокой духовной жизни, в ответ на посылку ему моей книги «На берегу Божьей реки», прислал мне письмо и в нем написал мне, между прочим, следующие чрезвычайной для меня важности слова (думается, важные и не для одного меня): «...от истинно-верующих чад Божиих смысл настоящих событий не сокрыт. Даже более того. На ком почиет благоволение Божие, им

будет открыто и время пришествия антихриста, и кончина міра *точно...*»

Я и сам так всегда думал, основываясь на слове Господнем, что только день и час — останутся до конца неизвестны. Но кто я? А это — епископ.

И вот, мой милый, в то время, когда уже печатается моя книга «Близ есть, при дверех», одна раба Божия, никакого касательства к моим исследованиям не имеющая, о судьбах міра никогда не задумывавшаяся, но сердцем благоговейно и просто верующая, в ночь с 24-го на 25-е Октября под утро, увидела такой сон (пишу ее словами): «Дорогая мама, — так пишет она своей матери, — с понедельника на вторник (24 и 25 Октября) видела странный и страшный сон. Находилась я в незнакомой местности, и около меня были люди, но точно на улице прохожие, незнакомые. И вот смотрю я на небо: будто не ночь, но и не очень светло; и вижу в чистом небе большую луну. И пока я гляжу, эта луна начинает превращаться, и из нее делаются огромные часы, — циферблат черный, а цифры белые. Стрелки показывают *3 часа 17 минут*. Я чувствую, что это конец міра начинается, и охватывает меня тревога. А кругом меня точно никому и дела нет. Затем стали будто набегать тучки, и на одну из тучек под часами, вдруг прилетела и села большая ворона. Все это мне показалось так страшно, что я проснулась и отчетливо помню, как на часах было *3 часа 17 минут...*»

Спрашивает толкования, ибо сном весьма обезпокоена.

Мне сон этот как-то сразу вошел в сердце и показался вещим. Не удовлетворяясь, однако, своим толкованием, я, не объясняя ей, описал этот сон такому же, как и Вы, другу моему и единомысленнику, протоиерею-академику, вдовствующему 14 лет, тайно подвизающемуся в молитве Иисусовой, человеку глубокой и живой веры. И вот каков был его ответ: «Луна положена Творцом во времена, а обратившаяся в часы тем более означает время — время последнее («конец міра начинается»). Но на что тут обратить внимание: на 3 ч. 17 мин., или на остающиеся (до *полунощи*) 8 часов 43 минуты? Часы, очевидно, означают годы, а минуты — недели. Три часа прошедших и 17 минут не могут означать времени кончины міра, ибо прошли, а 8 ч. 43 мин. (8 годов и 43 недели) похоже на дело — 1925-й год!¹ Ворона или ворон считается у нас вещей птицей, и появление ее под часами усиливает вещее значение. До Пришествия Жениха, Грядущего в полунощи, остается, по этому сну, 8 лет и 43 недели... Так или иначе, а все-таки дни наши и всего міра сочтены и взвешены у Бога...»

Теперь слушайте далее. Помните круг из 7 огурцов, показанный мне великой блаженной Дивеевской? Он мне показан был 30 Июня 1915-го года. Я тогда понял, что завершен круг седмичного счисления (нынешнего века) и что остается 7 лет — но до чего? до конца ли міра, или до антихриста? До этого сновидения (заметьте: дошедшего до меня,

¹ От 26 октября 1916 года 8 лет и 43 недели придутся около 14 сентября 1925 г. — *Примечание С. А. Нилуса.*

хотя не мне описанного) я определить этого не мог. Ныне же ясно, что до антихриста, ибо 7 лет от половины 1915-го года будет половина 1922-го года и $3\frac{1}{2}$ года его царствования — половина 1925-го года и конец его, то есть как раз почти полное совпадение со сновидением, выше мною описанным.

Как хотите, а это наводит на размышление и вполне соответствует великопостному проречению. А день и час остаются и до конца останутся неизвестными. Что скажете Вы на все это, дорогой друг мой?

Поздравляю с наступающим Праздником всей Обители. Как грустно нам быть так далеко от нее в такие дни!

Буду с нетерпением и любовью ждать от Вас весточки. Земной поклон старцам живым и почившим.

Душой Ваш

С. Нилус.

Жена Вас сердечно приветствует. Что нового в Ски-ту и Пустыни? Собирается к Вам один истинный раб и служитель Бога Вышняго, иерей Свято-Троицкого женского монастыря Подольской епархии (местечко Сатанов), о. Иоанн Лукианович Васильев. Я его направил к Вам. Примите его, как брата.

ПИСЬМО К ИЕРОДИАКОНУ ЗОСИМЕ

От 6 Августа 1917

День Преображения Господня

Дорогой о Господе о. Зосима!

Письмо Ваше получил и благодарю от души за любовь Вашу и молитвы. Не могу отказать Вам в удовлетворении просьбы Вашей осведомить Вас по важнейшему в наши дни вопросу об антихристе и о лукавстве переживаемого нами истинно последнего времени. Так как, судя по Вашему письму, от писаний моих книг пользуетесь не Вы только один, но и весьма многие, ищущие разуметь значение и смысл переживаемых событий, то, прежде всего, считаю долгом совести перед Богом, Коему служу, как умею, и пред Православными Христианами, которым от всего сердца желаю в разум истины прийти, объяснить Вам самое важное в моей проповеди устной, письменной и печатной — «*кто мя на оную постави*».

Вопрос этот потому важен, что от его разрешения зависит определенно законность моей проповеди и ее духа, от Бога ли она, или от духа лести? Как Вам известно, вся полнота благодати Св. Духа находится в обладании епископов Православной Церкви, или передается тем, кого они признают достойными. С тех пор, как я передал себя и дар свой на служение Богу и Его Христовой Церкви, я ни одной строки, особливо об антихристе, не передавал печати без благословения епископского в лице Архиепископа Никона...

Но мало того, когда вышла из печати книга моя «На берегу Божьей реки», то великий праведник и подвижник истинно монашеского духа Епископ Феофан Полтавский писал по поводу ее следующее: «Я с великим интересом читаю все Ваши книги и вполне разделяю Ваши взгляды на события последнего времени. Люди века сего живут верою в прогресс и убаюкивают себя несбыточными мечтами, упорно и с каким-то ожесточением гонят они от себя самую мысль о кончине міра и о пришествии антихриста. Их очи духовно ослеплены. Они видя не видят и слыша не понимают. Но от истинных чад Божиих смысл настоящих событий не скрыт. Даже более того, на ком почит благоволение Божие, им будет открыто и время пришествия антихриста, и кончина міра точно. Когда Господь изречет Свой грозный Суд над грешным міром: «не имать пребывать Дух Мой на человецех сих, зане суть плоть», тогда Он скажет верным рабам Своим: *Изыдите от среды их и отлучитесь, и нечистоте не прикасайтесь, и Аз приму вы* (2 Кор. 6, 17).

И сокроет их от взоров міра, воздыхающего в страхе о грядущих великих временах и событиях. Господь да поможет Вам глаголати о сем в слух міра всего благовременно и безвременно со всяким долготерпением и назиданием (2 Тим. 4, 2). Ваш искренний почитатель и богомолец Епископ Феофан. 1915 г. Ноября 24-го».

Из подчеркнутых слов сего письма Вы усмотрите, коею властью и по чьему полномочию я творю дело моей проповеди. Пишу Вам о сем не для Вас, а для сомневающихся. По выходе в свет моей

книги «Близ есть, при дверех» также Богомудрый и Богопросвещенный Владыко по поводу ее писал мне следующее: «Достоуважаемый Сергей Александрович, да не будет у Вас никакого сомнения, что антихрист действительно уже существует и ожидает только времени для явления міру. Он находится недалеко от пределов России. Больше ничего не могу сказать, равно и того, как я знаю это». Письмо это было 20 Февраля сего 1917 года. 20 апреля, по милости Божией, переселился в пределы епархии Владыки Феофана Полтавского. Перед переселением сюда мне недели две пришлось провести в Киеве *в общине* с людьми высокой духовной настроенности, и там в Киеве игуменья предоставила мне возможность видеть старицу Ржищева монастыря (ниже Киева по Днепру) и при ней послушницу 14-тилетнюю девочку Ольгу Зосимову Бойко. Эта малограмотная деревенская девочка 21 февраля сего года во вторник *Второй недели Великого Поста* впала в состояние глубокого сна, продолжавшегося с небольшими перерывами до самой *Великой Субботы*, всего ровно сорок дней. Во время этого сна при пробуждениях, последние же две недели и во сне девочка эта питалась только одними Св.Христовыми Тайнами. В *Великую Субботу* Ольга проснулась окончательно, встала, умылась, оделась, помолилась Богу, пошла на свое клиросное послушание и отстояла всю Пасхальную службу, не садясь, несмотря на уговоры. Во время своего этого сна Ольга имела видение жизни загробной и сказывала сонная и когда просыпалась, что видела, а за ней записы-

вали. В Киеве с ее слов и слов ее старицы записал я, о чем главное повествую теперь и Вам.

Во вторник второй недели Великого Поста, в 5 часов утра Ольга пришла в моленную (псалтырню) и, положив три земных поклона, обратилась к сестре, которую она должна была сменить, и сказала: «Прошу прощения и благословите, матушка, я буду умирать...» Сестра ответила ей: «Бог благословит... час добрый. Счастлива бы ты была, если бы в эти годы умерла». После этого Ольга легла спать на кровати в псалтырне и заснула. В шесть часов сестра стала будить Ольгу, потом будили другие сестры и не могли добудиться, через несколько времени дыхание у нее прекратилось, и лицо приняло мертвенный вид. Спустя после того 2 часа она проговорила во сне: «Господи, как я уснула!» И начала снова дышать, В сонном состоянии много говорила вслух в присутствии сестер. Так продолжалось трое суток, после чего она проснулась, проснувшись, рассказала следующее: «За неделю до этого я видела во сне Ангела, который сказал мне, что через неделю во вторник я пошла бы в псалтырню, чтобы там умирать, но этого сна мне не велено было говорить. Когда во вторник я шла в псалтырню, то увидела как бы пса, бежавшего на двух лапах, и в испуге бросилась в псалтырню, там в углу, где иконы, я увидела Св. Архистратига Михаила, в стороне смерть с косою; я испугалась, перекрестилась, а потом легла на кровать, думая уже умереть. Смерть подошла ко мне, и я лишилась чувств». Затем пришел Св. Ангел, который и стал ее водить по разным светлым и темным местам.

Всех видений Ольги я Вам описывать не буду, ибо они во многом очень похожи на все видения подобного рода. Опишу Вам только важнейшие и имеющие касательство к нашему времени... «И увидела я, — сказала Ольга, — за большим рвом много людей, скованных цепями. Я спросила, что это за люди. «Это те люди, — был мне ответ, — которые примут печать антихриста...» Затем дошла до темного места и остановилась. Тут я увидела замечательно красивого молодого человека лет 28-ми в красном одеянии. Он быстро побежал мимо нас, и когда я взглянула ему вслед, то он показался мне уже не человеком, а дивом. Я спросила Ангела: «Кто это?», и Ангел ответил, что это и есть самый антихрист, который будет мучить последователей Христовых за св. веру, за Церковь, за Имя Божие. Затем я увидела необыкновенный свет, и в свете том стоял большой хрустальный стол, но стола этого не было видно из-за множества лежащих на нем фруктов. За столом сидели в разноцветных блестящих одеждах св. апостолы, пророки, мученики и все святые, а в стороне над ними в небесной высоте в ослепительном свете на неописуемом дивном Престоле сидел Спаситель, а возле Него по правую руку наш Государь, окруженный ангелами. Государь был в полном царском одеянии, светлой белой порфире, короне, со скипетром в руке... И я слышала, как беседовали между собой мученики, радуясь, что наступает последнее время и что число их умножится. Говорили они, что мучить будут за Имя Христово и за неприятие печати и что церкви и монастыри скоро будут уничтожены, а жи-

вующие в монастырях будут изгнаны, что мучить будут не только духовенство и монашество, но и всех, кто не захочет принять печати и будут стоять за Имя Христово, за веру, за Церковь... Слышала я, как они говорили, что Царя уже не будет и земное время приближается к концу, слышала я, но не очень ясно, что если Господь не прибавит сроку, то конец всему земному будет в 22-м году. Затем слышала, что при антихристе Св. Лавра Киевская подымется в воздух, все святые угодники уйдут своими телами на небо и все, живущие на земле, избранные Богом, будут восхищены на воздух, то есть на небо...»

1-го марта в среду вечером Ольга проснулась и, проснувшись, сказала:

«Вы услышите, что будет на 12-й день ее сна». В самый этот день в Ржищеве по телефону из Киева узнали об отречении Государя от Престола. Когда вечером в этот день Ольга проснулась, старица обратилась к ней и в волнении рассказала. Ольга ответила: «Вы только теперь узнали, а у нас там давно об этом говорили, давно слышно. Царь там давно сидит с Небесным Царем». Старица спросила: «Какая же тому причина?» Ольга ответила: «То же, что было и Небесному Царю, когда Его изгнали, поносили и распяли. Наш Царь, — сказала она, — мученик». «Что же теперь еще будет?» — спросила старица. Ольга вздрогнула и ответила: «Молитесь, молитесь, последнее время». «Кто же теперь будет после Царя?» — спросили Ольгу. «Царя уже не будет, — ответила Ольга, — будет антихрист, а пока новое правление». «А будет ли это к лучшему?» «Нет, — говорит, — новое прав-

ление справится со своими делами, тогда возьмется за монастыри, готовьтесь все к странствованию». «Какое странствование?» «Потом увидите». «А что будем брать с собою?» «Одни сумочки». «А что же в сумочках понесем?» Тут Ольга сказала старице одну старческую тайну (и старица, и Ольга окормлялись у старца Голосеевской пустыни схииеромонаха Алексия, скончавшегося в Марте 1917 года) и прибавила, что все тоже возьмут. Из этого старица поняла, что всякий возьмет свои дела... «А что будут делать с монастырями?» — спросила старица. «То же, что и с церквами», — ответила Ольга. «Разве одни монастыри будут гнать и теснить?» «Всех будут гнать, кто будет стоять за *Имя Христово*, и кто будет противиться новому правлению и жидам. Будут не только теснить и гнать, но будут по суставам резать, но боли чувствовать не будут (как бы сухое дерево резали), помня, за Кого они страдают». Старица спрашивает: «Зачем же разоряют монастыри?» «Затем, что в монастырях живут или считаются живущими ради Бога, а такие должны быть изгнаны». «Но мы, — сказала старица, — и в монастырях друг друга гоним». «Это, — ответила Ольга, — не вменяется». Сестры при этом пожалели Государя и сказали: «Бедный, бедный, несчастный страдалец». Ольга улыбнулась и сказала: «Наоборот, из счастливых счастливец. Он — мученик. Тут страдает, а там с Небесным Царем будет».

Таково, в главном, видение послушницы Ольги Бойко из Ржищева монастыря Киевской епархии.

30 Июня 1915 года я был в Дивееве у блаженной Параскевы Ивановны, истинно великой и святой

прозорливицы. От нее приточно получил я известие, что круг седмичного исчисления закончится через 7 лет, то есть в половине 1922 года.

Из многих других источников чисто духовного происхождения год 1918-й был указан как год роковой для Государя и міра. Если 1922 год будет действительно конечным годом земного исчисления, то 1918 год будет годом явления антихриста.

Пишет мне из Новгородской епархии один благоговейнейший иерей: «В нашем городе Новгороде распространяется воззвание Универсальной лиги следующего содержания: «Русские граждане! Вы блестяще начали дело свободы! Остается с такой же решительностью довести дело до конца. Вы должны теперь понять, что христианскому рабству, которому уже давно подпали европейские государства, приходит конец. Это рабство должно быть уничтожено согласно миропониманию провидевших его евреев и некогда казнивших позорною смертью Того, Кто создал это рабство. Вся сила теперь у нас: промышленность и торговля у нас, банки и биржа у нас, железные дороги наши, мы проникли всюду и перенесли свою деятельность на войска. Результат у всех на глазах. Вскоре армия уже будет нашей. Наконец, в наших руках золото всего міра. Мы держим в своих руках весы Европы и когда наступит время, сотрем силу Вильгельма II-го способом, еще неизвестным міру, так как среди нас *обладатель* могущественнейших воли и разума в полном расцвете духовных сил. В целях безопасности имя его еще не подлежит оглашению. Идите к нам, мы избавим вас от духовного

рабства, в которое ввергло вас христианство. Знаком сочувствия целям лиги служит треугольник всякого цвета, обращенный вершиной вниз. Знай: это символ Триипостасного Бога, но только обращенный не вверх, а вниз — в знак низвержения Богочеловеческим сердцем или, что то же, отречения, отступления от Него христианина».

Да будет вам известно, что этим знаком еще в 1912 году было заклеено все казенное белье нашей армии.

23-го Апреля сего года в Петрограде представительница ордена Звезды на Востоке, некая В.Н. [Пушкина. — Ред.], читала лекцию под названием: «Новое небо и новая земля». В этой лекции она объявила слушателям о «грядущем Великом брате»: «Все должны, — говорила лекторша, — встретить Великого учителя с великой любовью. А если не так, то всех тех мы сметем и уничтожим».

Та же лекция была повторена в Москве. Теперь смотрите сами, как далеко зашло антихристово дело и как оно воистину близ есть, при дверях. Есть уже некоторое как бы указание даже на имя его.

Из еврейских газет мне еще в феврале стало известно, что Американское еврейство (этот цвет всемирного кагала) назначило на май сего года всемирный конгресс еврейства. Собраться этот конгресс должен был в столице Северо-Американских Соединенных Штатов. И где находятся все государственные учреждения Штатов, и где живет президент. Зовется эта столица Вашингтон. Конгрессу этому жида придавали и придают огромное решающее значение. Если

антихрист действительно существует, о чем теперь открыто говорят и сами жиды в лице Универсальной лиги, то, надо полагать, без него на конгрессе не обойдется. И вот что прочел я в № 128 «Русско[го] Слов[а]» от 8-го Июня сего года:

«Вашингтон 7/20 июня. Русская дипломатическая миссия прибыла сюда, в Вашингтон, сегодня и была встречена горячими выражениями глубокого доверия американцев и новой европейской демократии. Огромная толпа народа приветствовала русских, когда они, под двойным эскортом кавалерии, направились к дому знаменитого инженера Ганнен-Феникса, где будут иметь пребывание».

Кто этот доселе никому неизвестный и в то же время знаменитый инженер, носящий царственно-пророческое имя Давид и явно придуманную фамилию Ганнен-Феникс?

По-русски петух — Феникс, легендарная птица, возрождающаяся из пепла. Почему к нему первому, не обладающему никаким положением, помимо воли президента Вильсона, явилась на поклонение наша миссия, которая у него же и будет иметь пребывание? Не есть ли он тот обладатель могущественнейшей воли и разума, который сотрет силу Вильгельма II-го способом, еще неизвестным миру. Недаром же он «знаменитый инженер». Такие мысли пришли мне в голову при чтении этой телеграммы («Русского Слова»). Заметьте, что печать (герб) зверя «Еврейского народа» — печать (герб) антихриста. Зовется эта печать «Мохин Довид» — щит, что то же и герб Давидов. В этой печати заключено чис-

ло 666, в ней же и имя Давид, следовательно, и в имени Давид заключается число Зверя 666, не Давид ли будет имя антихристу; по-моему, да. Искали числа Зверя в имени антихрист по буквенному способу, но оно в нем находится совсем иначе. Итак, мне сдается, что антихрист в данное время находится в Америке в Вашингтоне на Всемирном Еврейском конгрессе, имя ему Давид Ганнен-Феникс. Так мне думается. Если доживем, то увидим.

В заключение моего братского послания, дорогой мой молитвенник, сообщу Вам сновидение одного Киевского старца-протоиерея, друга детства, впоследствии и сотаинника старца моего и отца духовного Схиархимандрита Варсонофия Оптинского. Сон этот был им виден до революции. Вот он с его слов: «Вижу я, что служу Литургию в Великой Лаврской Церкви, в правом ее приделе, мне надо преподавать мир молящимся в храме, для сего я выхожу из церковных врат главного Алтаря и говорю: «Мир всем». В это время я замечаю на хорах, прямо против меня, настоятеля Киевского Софийского собора протоиерея Златоверховникова, который с большим недоброжелательством следит за каждым моим движением. В то же время вижу по правую и по левую сторону храма по священнику, с таким же недоброжелательством следящими за мною. Преподав мир, я возвращаюсь в Алтарь, где совершаю Литургию, я обращаюсь к дискосу, на котором лежит Агнец, хочу произнести слова: «Приидите, ядите», и когда поднимаю руку, чтобы ею указать Агнца, то вижу, что дискос стоит не на своем месте, а по правую сторону потира, и что на дискосе Агнца

уже нет. В ужасе я указываю на дискос стоящему в Алтаре наместнику Лавры (нынешнему) Архимандриту Амвросию и говорю монаху-пономарю: «Беги скорее за новой Агнчей просфорой, и я ее потом освящу незаметно для молящихся, чтобы не смутить их и не прервать Литургии. Затем обращаюсь к Св. Чаше и хочу указать на нее и сказать: «Пиите от Нея вси», и в великом смятении вижу, что вместо потира стоит подсвечник и в нем нагоревшая потухшая свеча. На этом было мое пробуждение в великом страхе».

Видите, мой батюшка, сколько написал я Вам, но не для Вас одних, а для всех, через [Вас] желающих жать класы спасения и разуметь сокровенное лукавых наших дней. Очень желал бы, чтобы с содержанием моего письма ознакомились прежде всего те, кто законно поставлен во главе старческого окормления Св. Вашей Обители, ибо хочу к Вам войти дверьми, а не отъинуду, путем правильным, Богоуказанным, да не лишуся мзды своея.

Затем, испрашивая св. молитв Ваших и всех, кто через Вас послание мое пользуется, прошу о получении сего послания и о последующем известить слугу Вашего и любителя

Сергия Нилуса.

ПИСЬМО к Л. А. ОРЛОВУ

Письмо адресовано Льву Александровичу Орлову (1889 † 1967), мужу М. В. Смирновой-Орловой, автора воспоминаний о последнем периоде жизни С. А. Нилуса в селе Крутец Владимирской губернии. Лев Александрович был большим почита-

телем Нилуса, имел переданную ему отцом, инженером-генерал-майором Александром Кирилловичем Орловым (1855 † 1941) книгу «Великое в малом» 1911 г. издания. В период написания письма он жил в Москве, где работал бухгалтером, а его жена, Мария Васильевна, с детьми находилась у своего отца, священника, в селе Крутец.

В 1926 г. тесть Л. А. Орлова, о. Василий Арсеньевич Смирнов (1874 † 1937), настоятель храма во имя Успения Пресвятыя Богородицы с. Крутец, узнал о бедственном положении Нилусов, высланных «минус 6» из предыдущего места жительства и искавших пристанища. Мария Васильевна сообщила об этом мужу, и тот попытался связаться с Нилусом, чтобы предложить ему остановиться у них, но опоздал. В Москве, куда Орлов приехал вслед за Сергеем Александровичем, ему рассказали, что в Чернигове нашлись люди, приютившие писателя. Это были граф Митрофан Николаевич и его дочь Ольга Митрофановна Комаровские. Получив адрес, Л. А. Орлов сразу же написал С. А. Нилусу о готовности принять его семью и вскоре получил ответ от Сергея Александровича, «в котором тот искренне благодарил за приглашение и обещал воспользоваться им, если будет в этом нужда».

В 1928 г. эта нужда настала — С. А. Нилуса выслали и из Чернигова, ввиду его возросшей известности и авторитета. В конце апреля он приехал в дом о. Василия Смирнова, в Крутец, который стал его последним пристанищем среди «градов Израилевых». За время пребывания там, писатель много общался с

Л. А. Орловым, поведал ему о своей близкой кончине: «Уже последние звонки мне даны, Левушка».

Публикуемое письмо является ответом на вопросы — Л. А. Орлова, где тот задает С. А. Нилусу несколько вопросов, касающихся прежде всего «Декларации» от 29 июля 1927 года митрополита Сергия (Страгородского) и возглавляемого им Временного Священного Патриаршего Синода. Также как Лев Александрович и его семья, о. Василий не принял «Декларации», пойдя путем исповедничества церковной чистоты, стал «непоминающим», был неоднократно репрессирован, а затем расстрелян.

Чернигов,

9[-11]-го Февраля [19]28 г.

Драгоценный мой Лев Александрович!

Давно не умилялся я так, как был умилен сегодня от чтения Вашего письма. В 28-то лет, да еще в наше-то лукавое и пребеззаконное время и сохранить так свою душу. Как Господь помог сохранить ее Вам — как же тут было не умилиться?! Исполать Вам, родной мой, и слава и честь родителям Вашим, наипаче же Господу Богу, соблювшему Вас седмитащным в среде неподклонивших выи своей Ваалу! Радуюсь и паки реку — радуюсь и благодарю Создателя моего и Вашего, что хоть и на двенадцатом часе моей жизни я встретился с Вашей душой, но все же на ее примере я лишний раз убедился, что как ни мало стадо Христово, но не одолеть его и самым вратам адовым. От всего сердца обнимаю и целую Вас, жемчужинка Божия драгоценная! Храни Вас и

соблуди от всякого зла и навета вражьего Господь и Матерь Божия!

По любви и вере Вашей Господу угодно, чтобы письмо мое это шло к Вам не почтой, а с оказией и потому, с Божьей помощью, надеюсь дать им на все Ваши вопросы исчерпывающие их ответы. Начну с важнейшего — с Сергиевской смуты.

В письме своем Вы пишете, что, почитая всякую законную власть и церковное единство и не видя в действиях м[итрополита] Сергия ничего противоканонического, Вы молитесь о нем и о теперешнем Синоде, равно и за всех правящих иерархов Российской Церкви. Но скажите мне: Каиафа и Анна каноничны были, или нет, с точки зрения ветхозаветного формального правоверия, когда осудили Господа на пропятие? А Иуда не был ли единым от двенадцати? Однако, первые христиане не решились бы молиться за них, как о *право правящих слово истины*. Таково в глазах моих (да и не одних моих) деяние м. Сергия и иже с ним от 16/29 Июля 1927 года. Деяние это, по бесовски меткому выражению советского официоза, «Известий», есть попытка «построить крест так, чтобы рабочему померещился в нем молот, а крестьянину — серп». Иными словами: заменить крест советской печатью — печатью «зверя» (Апок. XIII, 16).

Вот что по этому, всякого плача достойному поводу, размышляли мы, нехотящие подклонять выи своей Ваалу и «зверю, рана которого исцелела», «Уста священника должны хранить ведение, и закона ищут от уст его, потому что он вестник Господа Саваофа. Но

вы уклонились от пути сего, для многих послужили соблазном в законе, разрушили завет Левия, говорит Господь Саваоф. За то Я сделаю вас презренными и униженными перед всем народом, так как вы не соблюдаете путей Моих, лицепристствуете в делах закона» (Малах. II, 7—9). Эти слова пророка Божия пришли нам на память после прочтения воззвания от 16/29 Июля 27 г. м. Сергия и организованного им Врем[енного] Свящ[енного] Патр[иаршего] Синода. Восстали они, как обличение того пути, на который так решительно и безоглядно стали они в этом своем «Обращении». Может ли Церковь, которая есть «столп и утверждение истины», может ли она и ее иерархия, при каких угодно случаях и для каких угодно целей становиться на путь лжи и человекоугодничества? Нет, ибо это безусловно воспрещается словом Божиим (Деян. IV, 19; Иезек. III. 18). Все, что говорится от лица Церкви, должно дышать истиной Христовой, исходить из нее, быть сообразно с ней; и всякое отклонение от истины, какими бы соображениями оно ни оправдывалось, является оплеванием Пречистого Лица Христова, и для Церкви, в конечном итоге, оказывается всегда позорным и вредным. Позорно и вредно ей и то дело, которое начато м. Сергием, позорно и вредно потому, что в нем нет истины, а все оно полно лжи, соображений и расчетов человеческих.

После Октябрьского переворота Русская Церковь оказалась перед лицом государственной власти не только безрелигиозной, но ярко антихристианской, в существе своем отрицавшей Христианство

и Христу противоположно-враждебной, а потому фатально обреченной на борьбу с Ним. Церковь стоит поперек дороги коммунизму в самых главных основных пунктах. Она является отрицанием коммунизма в области материалистической философии, его категорических концепций и практических средств его осуществления. Противоположность эта равняется противоположности между «да» и «нет», между утверждением и отрицанием, и поэтому враждебные действия государственной власти против Церкви были неизбежны. Однако, власть не находила до сих пор в себе достаточной силы открыто начать бороться с Церковью, как таковой, — она делала это под видом борьбы с политической контрреволюцией церковной иерархии и церковных организаций. Но если явления политической контрреволюции и имели место в словах и деяниях отдельных немногих личностей церковной иерархии, то они, во-первых, были весьма немногочисленны и, во-вторых, быстро прекратились. Кроме того, несомненно, что если бы этих явлений и совершенно не было, то все-таки враждебные действия совласти по отношению к Церкви проявились бы обязательно, как вытекающие из гораздо более глубоких причин (Вы их из моей книги знаете), чем случайное поведение тех или иных личностей, и, значит, объяснять отношения между Церковью и властью лишь только настроением отдельных иерархов ни в коем случае невозможно. Когда таким образом поступает власть, то это еще понятно, но, когда то же исходит от церковного деятеля, когда и он напряженные отношения между властью и Церковью стремится

объяснить только, как следствие контрреволюционных политических настроений церковных кругов, — такому поведению трудно найти имя, до сих пор такими инсинуациями занимались «обновленцы» и прочие предатели и враги Церкви Христовой. И мы и за себя лично, и от лица всей Церкви, с негодованием отвергаем все такие обвинения как ложь и клевету.

Но теперь к этому хору лжесвидетелей присоединился и заместитель Патриаршего Местоблюстителя со своим «Врем[енным] Патр[иаршим] Свящ[енным] Синодом». Объясняя, почему Православная Церковь в России до сих пор гонима, они пишут: «Мешать нам может лишь то, что мешало и в первые годы советской власти устройению церковной жизни на началах лояльности — это недостаточность сознания всей серьезности совершившегося в нашей стране. Утверждение совласти многим представлялось каким-то недоразумением, случайным и потому недолговечным». В другом месте недоверие Правительства к Церкви м. Сергей называет «естественным» и «справедливым», т. е. вину за него возлагает всецело на Церковь, а не на правительство. Таким образом, убийство сонма священно- и церковно-служителей, разгром церковных организаций, тюрьмы и ссылки весьма многих епископов, отнятие храмов и всякого церковного имущества, — незаконные даже и с точки зрения нынешних законов, — по мнению м. Сергея и его «Свящ. Патр. Синода» законны и справедливы. Более того: оказывается, что все эти гонения и, вообще, отсутствие мира власти по отношению к Церкви, по мнению м. Сергея, имеют причину только в том,

что Церковь со дня на день ждала краха советской власти, противясь в чем-то этой власти, что, поэтому правы были не мы, а «живисты-обновленцы», сразу «оценившие конъюнктуру» и поспешившие еще пять лет назад сделать то, что теперь с таким опозданием сделал м. Сергей.

Неизвестно, какими побуждениями высказаны м. Сергием все эти невероятные в устах православного иерарха утверждения, но для всякого православного христианина ясно, что в этих утверждениях нет истины, что это опасная клевета на Церковь, на ее епископов и, что в действительности, враждебное отношение совласти к Православной Церкви не было «естественным» и «справедливым», как то пытается утверждать м. Сергей.

Одна неправда влечет за собой другую. Мы показали, как несправедливо обвиняет м. Сергей православных епископов в контрреволюционном политиканстве, становясь, таким образом, единомышленником обновленцев и других врагов Церкви. И вот, зная, что эти его выступления вызовут справедливое возмущение и сопротивление истинно верующих, м. Сергей, с целью защитить себя, снова говорит неправду. Эта новая неправда состоит в том, что м. Сергей старается заранее опорочить перед правительством и перед народом тех, кто по совести не сможет присоединиться к несправедливым деяниям его и Синода. Этим несогласным с ним он снова навязывает политическую контрреволюционность, говоря будто все, кто не поддерживает его в новом его начинании, думают, что «нельзя порвать с прежним режимом и даже с монархией,

не порывая с Православием». М.Сергий знает, что опасно в настоящее время даже самое легкое подозрение в контрреволюционности и, тем не менее, не боится эту опасность навлекать на служителей и рядовых членов Церкви, на своих братьев и детей, обвиняя их в контрреволюционности, и за что же? За то, что они не в состоянии по совести признать, что «радости и успехи Советского Союза — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи», что «всякий удар, направленный в Союз, сознается нами, как удар, направленный в нас». Разве христиане, которые не всякую радость безбожного, воинствующего против всякой религии, коммунизма могут счесть своей радостью и не всякий успех — своим успехом, тем самым политические враги советской власти? Да и можно ли требовать от верующего христианина такого отождествления в жизненных оценках с безбожным коммунизмом, какого требует м. Сергий? Пусть м. Сергий не укрывается за казуистические различия Советского Союза и коммунизма: это исключается многочисленными заявлениями членов правительства, вроде сделанного Бухариным, заявившим, что «наша партия неотделима от СССР» («Известия», 18/VII 27 г., № 187/3121). И так оно, конечно, и есть. Поэтому всецело на совести м. Сергия и грех несправедливого и напрасного обвинения своих братьев в тяжких политических преступлениях и грех унижительной чудовищной лжи и пресмыкательства пред сильными мира сего, совершаемые им от лица Святой Церкви, вопреки прямому запрещению Апостола «сообразоваться с веком сим» (Римл. XII, 2).

Что же понудило м. Сергия к такому греху против Церкви Русской? Очевидно, желание этим путем добиться легального существования церковных организаций, вопреки примеру Господа, решительно отвергшего путь сделок с совестью ради получения возможности иметь поддержку в силах мира сего (Мф. IV, 8—10). М. Сергей сам заявляет об этом результате печатно в дополнение к «Обращению» («Изв[естия]» за 19 Авг. 27 г.). Сам м. Сергей сознается, что «его усилия, как будто не остаются безплодными, что с учреждением Синода укрепляется надежда не только на приведение всего церковного управления в должный строй, но возрастает уверенность в возможность мирной жизни». Он не уверен даже в том, что легализация распространится далее Синода, а только *надеется*, т. е. кроме туманных посулов и неопределенных обещаний покамест ничего не получено. Печальный итог даже с точки зрения житейских соображений.

«Едва ли нужно объяснять значение и все последствия перемены, совершающейся в положении нашей Православной Церкви», — говорит м. Сергей. Да, едва ли и нужно, потому что все ясно. Ясно, почему вместе с легализацией Синода не легализуется тем самым и вся Церковь. Так оно и должно было бы быть, если бы Синод был, действительно, центром Церкви, единым с ней в мысли и жизни. Но на самом деле это не так, и, с легализацией Синода, Церковь продолжает пребывать в беззаконном состоянии, ибо легализована не Церковь, а всего лишь новая ориентация, носящая к тому же ярко по-

литический характер. Церковь же легализуют лишь тогда, когда она, в лице собора, даст окончательное одобрение предпринятому м. Сергием «делу», т. е. совершит тот же грех самооплевания и преступного компромиса. Ясно и то, почему м. Сергей говоря о «втором Поместном Соборе», говорит не о том, что этот собор изберет Патриарха, как должен был бы сказать, [а] только о том, что он изберет нам уже не временное, а постоянное центральное церковное управление. Умолчание знаменательное. Ясно для чего потребовалась такая обостренная формулировка новых отношений Церкви и власти, по которой «радости и успехи ее — наши радости и успехи, а неудачи — наши неудачи» и т. д. Эта явная, унижительная, смешная и бесполезная ложь, по справедливости оцененная в газетных комментариях к «Обращению» («Изв.», 19/VII-27), необходимая, однако, для того, чтобы сделать условия легализации, проводимой м. Сергием, по возможности наиболее неприемлемыми для всех честных церковных деятелей и тем самым, как бы, уже не по суду государства, а по суду якобы, самой Церкви, оплывать их политическими контрреволюционерами, лишив, таким образом, лучших пастырей Церкви возможности принимать участие в церковной жизни и тем окончательно ослабить Церковь. Ясно, наконец, и то, как будет проходить легализация: будут анкеты в том или ином роде, в роде как во время оно у «живистов», с известными уже по воззванию, а может быть, еще и неизвестными обязательствами. Отвергшие эти обязательства будут заключаемы, заточены в тюрьмы. Словом, все остается по-старому,

а истинная Церковь будет гонима. Новое же во всем этом печальном деле будет лишь то, что это гонение на Русскую Церковь будет оправдываться временным ее предстоятелем, м. Сергием.

Делая то, что он делает (Иоанн, XIII, 27), м. Сергий, во всяком случае, обязан был выполнить то, чего он сам требовал от м[итрополита] Агафангела, от бывшего архиепископа Григория Екатеринбургского и прочих претендентов на создание новых ориентаций, — испросить благословение от своего иерархического начальника. Ведь, м. Сергий только заместитель Местоблюстителя, т. е., лицо не самостоятельное и обязанное действовать, во всяком случае, не вопреки указаниям того, чье имя он сам возносит на Божественной литургии, как своего Господина. Поэтому он должен был запросить м[итрополита] Петра о его отношении к предпринимаемому им весьма важному и ответственному делу и только с его благословения действовать. Между тем, ни в протоколах синодских заседаний, ни в самом «Обращении» нет и следов указаний на то, что это было сделано, и что благословение получено. Наоборот, обоснование на покойного Патриарха Тихона и его довольно апокрифические слова (что [sic] страшно сближать м. Сергия с ВЦУ, Лубенцами и прочими, якобы продолжателями дела покойного Патриарха), дает полное основание заключить, что санкций от м. Петра не получено. А если это так, то это уже крупное самочиние. Насколько важно было для м. Сергия получить благословение м. Петра показывает то соображение, что, в случае его несогласия с деятельностью своего заме-

стителю, м. Сергия, сей последний сразу становится таким же «похитителем власти», как и те лица, о которых он упоминает в своем обращении.

Таково, дорогой мой Лев Александрович, было мнение мое и единомышленных об «Обращении» м. Сергия. Вопрос, затронутый им об отношении к эмигрировавшему духовенству, мы рассматривали с той же точки зрения, с какою отнеслись и ко всему «Обращению». — Вы ее теперь знаете. — Недоставало нам, в утверждение ее, авторизованного высшим посвящением голоса Церкви истинной в лице ее епископата. И голос этот не замедлил. Из прилагаемой при сем копии «Обращения» к м. Сергию наиболее авторитетной части Петроградского духовенства с санкцией м[итрополита] Иосифа и епископов Дмитрия и Сергия, а также письма к м. Сергию еп. Воткин[ского] Виктора, Вы увидите, что м. Сергию и его синоду голос этот уготовал место в среде «Церкви лукавующих», от которого и Вас и меня да избавит Господь.

Покончив с Сергиевой смутой, отвечу теперь Вам на вопрос Ваш, почему я не принял священства. Прежде всего потому, что на то не было воли Божией, несмотря на глубокое мое желание послужить в сем сане Церкви Божией. А воли Божией на то не было потому, что у меня до моего рукоположения был мой «Адеодат», горячо любимый сын, рожденный во дни еще моего студенчества и впоследствии законно мною усыновленный. Таким образом, по 17-му Апостольскому правилу, в клире состоять не мог. От брака моего с женою моею, Еленой Александровной, детей

у меня не было, и мой «Адеодат» стал любовью ея к нему и к его матери, нашим общим сыном. Такова была воля Божия, сообщенная нам четверым старцами Оптиной Пустыни, в которой мы с женой и с матерью нашего сына имели несравненное счастье прожить 5 лет, и духовному разложению которой, на наших глазах, поработал с усердием не по разуму, Ваш духовник, архимандрит Георгий, в то время бывший иеродиакон. На его душе лежит этот тяжкий грех, повлекший за собою болезнь и смерть Настоятеля Оптиной Пустыни, святой жизни старца схиархимандрита Ксенофонта, а также удаление из обители ее Старца и Скитона начальника архимандрита Варсонофия, нашего духовника и старца, последствием чего была также и его кончина. Таков Георгий. Таков и я.

Еще вопрос Ваш: «Что нам делать и куда идти?» По глубочайшему моему убеждению, Истинная Церковь Христова, «Жена облеченная в солнце» (Апок. XII, 1), уже находится в пустыне, ибо ангелы Церкви нашей — Кирилл и Петр, первостоятели и епископы-исповедники поместных Церквей — все они в ссылке и изгнании в местах пустынных — следовательно, и мы, верные Церкви той, тоже находимся в пустыне. А в пустыне же что иного делать, как только молиться? Господи, помилуй! Господи, помилуй!

Пока есть и храм Божий не от «Церкви лукавнующих», ходи, когда можно, в церковь, а нет — молись дома; если же и домашние — враги человеку, то молись в клети сердца: [Господи]

И[исусе] Х[ристе], С[ыне] Б[ожий], п[омилуй] м[я], г[решного]! и: Пресвятая Богородице, спаси мя! Скажете: а причащаться где? у кого? Отвечу: Господь укажет, или же Ангел причастит, ибо в Церкви лукавствующих нет и не может быть Тела и Крови Господних. У нас в Чернигове, из всех церквей, только церковь Троицкого осталась верной Православию; но если и она сохранит поминовение Экзарха Михаила и, следовательно, молитвенное общение с ним, действующим по благословению Сергия и Синода, то мы прекратим общение и с нею. Веруем, что за веру нашу Господь пошлет к нам во время благопотребное, как Пр[еп]. Марии Египетской, своего Зосиму.

Так веруем. Так исповедуем. 1928-й год — год критический: по утверждению евреев он — год явления миру их мессии. Это я от них самих знаю...

Ну, вот, я Вам все сказал и показал. Да послужит Вам сие во свидетельство моей к Вам любви и доверия. За любовь — любовью.

Когда получите это письмо, сообщите, но помните, что почта на службе состоит в известном учреждении.

Обнимаю Вас и заочно люблю.

Ваш С.

Жена Вас приветствует. Меня пока оставляют в покое. Что будет дальше, покажет Господь.

Бутылочку с водицей Батюшки Пр[еп]. Серафима берегите до случая. Спаси Вас Господи!

«Оказия» отъезд свой откладывает, и к сказанному об «Обращении» м. Сергия хочется добавить еще от Писания: «Горе непокорным сынам, говорит Господь, которые делают совещания, но без Меня, и заключают союзы, но не по Духу Моему, чтобы прилагать грех ко греху, не вопросивши уст Моих, идут в Египет, чтобы подкрепить себя силою фараона и укрыться под тенью Египта. Но сила фараона будет для вас стыдом и убежище под тенью Египта — безчестием... Все они будут постыжены из-за народа, который бесполезен для них; не будет от него ни помощи, ни пользы, но стыд и срам» (Ис. XXX, 1—5).

Вспомните сновидение, в котором показано прощение козла и креста вместе. Если Вы читали мою книгу «Близ есть, при дверех», то Вам ясна будет эта символика. Таково значение Сергия и его синода. М. Сергий был руководителем безбожных «Религиозно-философских собраний» в Петербурге во дни м[итрополита] Антония (Вадковского) и показавшихся «обновленцев». Могло ли добру от него быть? М[итрополит] Арсений Новгородский, хоть и значится в списке Синода, но, как стало мне известно, отказался от этой чести, предпочитая, по его словам, «готовиться к переходу в иную жизнь». Кого мне из всего этого соборища кровно жаль, так это Епископа Сергия (Гришина), заведующего делами Синода. Очень бы мне хотелось довести до сведения этого, поистине хорошего, человека эти строки. Я знал его в Оптиной, куда он приезжал еще студентом Академии.

В заключение письма моего, разросшегося безмерно, сообщу Вам из письма моего приятеля, живущего в Палестине, некоторые сведения, исполненные глубокого значения для христиан всех толков, для нас же, православных, — в особенности. 16-го Ноября 1918 г. англичане вступили в Иерусалим. На касках их, на седлах кавалерии и на всей амуниции были поставлены знаки еврейского «Мохин-Давида» ☆. Ими были открыты замурованные во все время турецкого владычества «Золотые Врата», через которые, по преданию, совершил Свой вход в Иерусалим Господь наш Иисус Христос. И на эти врата ими же поставлены были те же знаки. А блаженнейший патриарх Дамиан английского губернатора, еврея Самюэля, ввел через Царские врата в алтарь Храма Воскресения, где Голгофа и Св. Гроб Господень. 28 Июня 1927 года в Иерусалиме и во всей Палестине произошло сильнейшее землетрясение, совершенно разрушившее на Иордане древнейший храм Св. Пр[ор]. Иоанна Крестителя и другие греческие храмы. От этого землетрясения купол и стены Храма Воскресения дали такие трещины, что Богослужение в нем было прекращено. Известие это у меня от августа минувшего года. Возобновилось ли после того Богослужение на сем мировом «месте святе», того не знаю, но для меня, как знамения, довольно того, что оно прекращалось, хотя бы и на время после акта совершенного патриархом Иерусалимским.

11 Февр. — Оказия все еще не едет, а так много, безчисленно много нужно еще сказать из того,

чему свидетелем поставил меня Господь — точною свидетелем.

Вот, например, лежит передо мною обширное послание нарочитых «свидетелей истины» — епископов, Соловецких заточников. Оно тоже обращено к м. Сергию по поводу его «Обращения». И сколько же в послании этом и негодования и скорби! Оно большое и переписать его для Вас у меня нет ни времени, ни силы (я ведь, больной сердцем, «кочный больной», по свидетельству Комиссии от ГПУ). Вот что, между прочим, пишут Соловецкие страдальцы-епископы:

«...Что скажем мы, когда управляющий наш свя-
титель произносит нам строгий приговор о «словах
и делах». Не ставят ли эти слова черный крест над
всеми мучительными и невыразимыми страданиями,
пережитыми Церковью за последние года — над
всей этой борьбой, которая казалась героической?
Не объявляют ли подвиг Церкви преступлением?
И как прочитают эти слова те, кто теперь в дале-
ком изгнании? Что почувствуют, увидев обвините-
ля в лице своего ответственного собрата? И не
сорвется ли страшное слово «клевета» с их поблед-
невших уст? Не покажется ли им, что даже покой
усопших (убиенных за слово Божие) тревожит этот
приговор, подписавших декларацию епископов?»...

И далее: «...По поводу предполагающейся легали-
зации, м. Сергей предлагает «выразить всеподданную
нашу благодарность советскому правительству за та-
кое внимание к нуждам православного населения».

За что же благодарить?

Покамест мы знаем один факт: м. Сергей и члены Синода имеют возможность заседать в Москве и составлять декларацию.

Они в Москве. Но первосвятитель Русской Церкви м. Петр, вот уже не первый год без суда обречен на страшное томительное заточение.

Они в Москве. Но м. Кирилл, потерявший счет годам своего изгнания, на которое он обречен, опять-таки, без суда, находится ныне, если только жив, на много [верст] за пределами Полярного круга.

Они в Москве.

М. Арсений, поименованный среди членов Синода, не может приехать в Москву и в пустынях Туркестана, по его словам, готовится к вечному покою.

И сонм русских святителей совершает свой страдальческий подвиг между жизнью и смертью в условиях невероятного ужаса...

Так не за всё ли это благодарить?! За эти неисчислимые страдания последних лет?! За то, что погасла лампада Пр[еп]. Сергия?! За то, что драгоценные останки Пр[еп]. Серафима, а еще раньше — святителей Феодосия, Митрофана, Тихона, Иоасафа — подверглись неимоверному кощунству?! За то, что замолкли колокола Московского Кремля и закрылась дорога к Московским Святителям?! За то, что Печерские Угодники и Лавра Печерская в руках у нечестивых?! За то, что северная наша обитель (Соловецкая) стала для нас и других местом непрекращающихся страданий? За мучения эти, за кровь м[итрополитов] Вениамина, Владимира и других убиенных святителей?!

За что же благодарить?!»

Дальнейших выписок из этого святительского исповеднического «Плача» не продолжаю — довлеет ми и Вам, рука едва повинуется писать от сердечного волнения. Добавлю от себя: не за Дивеев ли благодарить, разогнанный в ответ на приглашение м. Сергия «благодарить за внимание»?

Доколе же, о Господи!

А м. Сергия центром служения — Данилов монастырь, который почитаем «Оплотом Православия», и где духовничествует и «окормляет» многие православные души духовный разоритель великой старческой обители, Георгий.

Имеяй уши слышати да слышит!

Храни Вас, дорогой мой, Господь и Матерь Божия.

Ваш С.

ВЕЛИКАЯ ДИВЕЕВСКАЯ ТАЙНА

Перед вашими глазами оригинал записей С. А. Нилуса со слов самого Н. А. Мотовилова о пророчествах преподобного Серафима Саровского, раскрывающих «Дивеевскую тайну» для последних христиан. Береглась она все эти годы племянницей С. А. Нилуса, Еленой Юрьевной Концевич. Частично «Тайну» она опубликовала во втором томе «На берегу Божьей реки».

Предлагаем тут две страницы подлинника, трепетно записанные преданнейшим почитателем Преподобного. Своими собственными глазами Нилус очевидствовал первое десятилетие исполнения пророчества о разгровлении нашей дорогой Святой Руси, что, по попущению Божию, продолжалось 70 библейских лет. И, как сегодня мы воочию наблюдаем, восстает Святая

Русь из пепла, рассеивается богоборческий дурман. Но отрезвляется ли русский народ? Приспело ли время, о котором вещали боговдохновенные уста преподобного Серафима?

Ниже расшифровка рукописи С. А. Нилуса.

Чудом преподобного Серафима, по вере моей, спасенный в 1902 году от смерти, я в начале лета того же года ездил в Саров и Дивеево благодарить Преподобного за свое спасение, и там в Дивеево, с благословения великой дивеевской старицы игуменьи Марии и по желанию Елены Ивановны Мотовиловой, я получил большой короб всякого рода бумаг, оставшихся после смерти Николая Александровича Мотовилова, с разными записями собственной руки его, и в этих-то записях я и обрел то бесценное сокровище, тот «умный бисер», который я называю «Дивеевской тайной» — тайной преподобного Серафима, Саровского и всея России Чудотворца. Передаю обретенное словами записи.

«Великий старец, батюшка отец Серафим, — так пишет Мотовилов, — говорил со мною о своей плоти (он плоти своей никогда мощами не называл), часто поминал имена благочестивейшего Государя Николая, августейших супруги его Александры Феодоровны и матери — вдовствующей Императрицы Марии Феодоровны. Вспоминая Государя Николая, он всегда говорил: «Он в душе христианин».

Из разных записок, частью в тетрадях, частью на клочках бумаги, можно предположить, что Мотовиловым была приложена немалая энергия к тому, чтобы прославление Преподобного было совершено еще в

царствование Николая I, при супруге его Александре Феодоровне и матери Марии Феодоровне. И велико было его разочарование, когда усилия его не увенчались успехом, вопреки, как могло тому казаться, предсказаниям Божьего угодника, связавшего прославление свое с указанным сочетанием августейших имен.

Умер Мотовилов в 1879 году, не дождавшись оправдания своей веры. Могло ли ему или кому-нибудь другому прийти в голову, что через 48 лет после смерти Николая I на престоле всероссийском в точности повторятся те же имена: Николая, Александры Феодоровны и Марии Феодоровны, при которых и состоится столь желаемое и предсказанное Мотовилову прославление великого прозорливца преподобного Серафима?..

В другом месте записок Мотовилова обретена мною и следующая Великая Дивеевская тайна. «Неоднократно, — так пишет Мотовилов, — слышал я из уст великого угодника Божия, старца отца Серафима, что он плотью своею в Сарове лежать не будет. И вот однажды осмелился я спросить его:

— Вот вы, Батюшка, всё говорить изволите, что плотию вашею вы в Сарове лежать не будете. Так нешто вас саровские отдадут?

На сие Батюшка, приятно улыбнувшись и взглянув на меня, изволил мне ответить так:

— Ах, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, как вы! Уж на что Царь Петр-то был царь из царей, а пожелал мощи святого благоверного князя Александра Невского перенести из Владимира в Петербург, а святые мощи того не похотели.

— Как не похотели? — осмелился я возразить великому Старцу. — Как не похотели, когда они в Петербурге, в Александро-Невской Лавре почивают?

— В Александро-Невской Лавре, говорите вы? Как же это так? Во Владимире они почивали на вскрытии, а в Лавре — под спудом. Почему так? — А потому, — сказал Батюшка, — что их там нет.

И много распространившись по сему поводу своими благоглаголивыми устами, батюшка Серафим поведал мне следующее: «Мне, ваше Боголюбие, убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что главному догмату веры Христовой, Воскресению, и веровать больше уже не будут, то Господу Богу благоугодно взять меня, убогого Серафима, до времени от сея привременной жизни и посем воскресить, и воскресение мое будет аки воскресение седми отроков в пещере Охлонской во дни Феодосия Юнейшего».

Открыв мне, — пишет далее Мотовилов, — сию великую и страшную тайну, великий Старец поведал мне, что по воскресении своем он из Сарова перейдет в Дивеев и там откроет проповедь всемирного покаяния. На проповедь же ту, паче же на чудо воскресения, соберется народу великое множество со всех концов земли, Дивеев станет Лаврой, а Вертяново — городом, а Арзамас — губернией. И, проповедуя в Дивееве покаяние, батюшка Серафим откроет в

нем четверо мошей и по открытии их сам между ними пятым ляжет. И тогда вскоре настанет конец всему».

Такова Великая Дивеевская благочестия тайна, открытая мною в собственноручных записях Симбирского совестного судьи Николая Александровича Мотовилова, сотаинника великого прозорливца чина пророческого, преподобного и Богоносного отца нашего Серафима, Саровского и всея Руси Чудотворца.

В дополнение к тайне этой вот что лично я слышал из уст 84-летней Дивеевской игуменьи Марии. Был я у нее в начале августа 1903 года, вслед за прославлением преподобного Серафима и отъездом из Дивеева Царской Семьи. Поздравляю ее с оправданием великой ее веры. (Матушка, построив Дивеевский собор, с 1880 года не освящала его левого придела, веруя, согласно Дивеевским преданиям, что доживет до прославления старца Серафима и освятит придел во святое его имя.) Поздравляю ее, а она мне говорит:

— Да, мой батюшка Сергей Александрович, велие это чудо, когда крестный ход-то, что теперь шел из Дивеева в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, а народу-то, как говаривал наш угодничек-то Божий, преподобный Серафим, что колосьев будет в поле. Вот то-то будет чудо чудное, диво дивное.

— Как же это понимать, матушка? — спросил я, на ту пору совершенно забыв тогда уже мне известную Великую Дивеевскую тайну о воскресении Преподобного.

— А это кто доживет — тот увидит, — ответила мне игуменья Мария, пристально на меня взглянув и улыбнувшись.

То было мое последнее на земле свидание с великой носительницей Дивеевских преданий, той двенадцатой начальницей, «Ушаковой родом», на которой по предсказанию преподобного Серафима и устроился с лишним 30 лет после его кончины Дивеевский монастырь, будущая женская Лавра.

Через год после этого свидания игуменья Мария скончалась о Господе.

ПОСЕЩЕНИЕ РАЯ ПРЕПОДОБНЫМ ИОНОЙ КИЕВСКИМ

К 210-ЛЕТИЮ СО ДНЯ ЕГО РОЖДЕНИЯ

ПАМЯТЬ 9 ЯНВАРЯ (1794—1902)

Сохранилась еще неопубликованная глава второй книги дневников «На берегу Божьей реки» Сергея Александровича Нилуса, опущенная его племянницей Е. Ю. Концевич из-за боязни, что слишком невероятное описание видений юного отца Ионы могло бы отрицательно повлиять на обнародование «Дивеевской тайны», находящейся в этом же томе дневника Нилуса. По совету ее духовников, все эти долгие годы записи о «Посещении Рая» юным отцом Ионой не видали свет в Нилусовой версии, полученной им уже после революции от церковного писателя Е. Поселянина, который вскоре после передачи текста принял мученическую кончину за его благотворную деятельность для Святой Руси. Сам Нилус ничуть не сомневался в подлинности видений, так как глубоко верил, что детям Бог Сам открывается и мы все призываемся быть чистыми сердцем, как дети.

Предваряем сей текст кратким описанием хранившего его долгие годы присного ученика преподобного Ионы. Записавший об отце Виссарионе и этим сохранивший для нас историю об этом, тоже в свою очередь праведник, наш друг д-р Анатолий Павлович Тимофиевич, сам знал С. А. Нилуса, и память о нем нам тоже очень дорога. А в конце дадим краткое описание жития самого Преподобного Ионы, недавно прославленного. Он ныне вкушает то, о чем поведал нам для подкрепления веры нашей, его необыкновенное «Посещение Рая».

I.

Схимонах Виссарион

В городе Киеве, в трех верстах к югу от Печерской Лавры, в конце прошлого века был воздвигнут новый Свято-Троицкий общежительный монастырь, вскоре приобретший славу рассадника великих духом подвижников.

Строителем монастыря был известный старец архимандрит Иона, в схиме Петр. Замечателен он был уже тем, что в молодости целых 12 лет был под непосредственным руководством самого преподобного Серафима, подвизаясь в Саровской Пустыни. По откровению великого угодника Божия инок Иона направился в Киев с указанием, что здесь Господь откроет ему Свою волю. В самом деле, на месте, где теперь расположена обитель, явилась ему Сама Пречистая Богоматерь и повелела строить здесь монастырь.

Чудом потекли средства, и к началу революции, это был благоустроенный монастырь — истинный очаг духовной мудрости. Сам Старец, достигши более

чем столетнего возраста, в мире почил в 1902 году, всеми оплакиваемый.

В этом-то монастыре и привел Господь узнать, а затем и горячо полюбить приснопамятного старца схимонаха Виссариона, любимого келейника почившего основателя монастыря.

Почти 20 лет он келейничал и был безотлучно при отце Ионе, и, когда я уже с ним познакомился, он был хранителем келлии своего аввы, где все сохранялось в полной неприкосновенности со дня кончины Старца и круглые сутки читалась Псалтирь.

Отец Виссарион отличался удивительно детской простотой, скромностью, а в то же время глубоким духовным опытом. Сорок лет не выходил за ограду монастыря и не знал иного пути, как только храм и келлия.

Маленький, тщедушный, с реденькой бородкой, с опущенными глазами, он неизменно стоял в храме у чудотворного образа Богоматери Троеручицы, погруженный в глубокую молитву, чуть перебирая четки. Я сразу как-то всем сердцем привязался и полюбил его, и Батюшка мне отвечал тем же. Иногда, задержавшись у него до позднего вечера, я оставался ночевать, расположившись на полу в келлии старца Ионы, но до сна ли было, когда Батюшка, бывало, сам увлекшись, начнет рассказывать о многих чудесных и удивительных событиях из жизни своего духовного руководителя, старца Ионы — живого свидетеля подвигов Преподобного Серафима.

У отца Виссариона хранилась даже тетрадь, куда много было занесено знаменательного из жизни покойного Старца.

С разгромом монастыря тетрадь эта бесследно исчезла, что является невосполнимой потерей.

Отец Виссарион любил покойного старца Иону безгранично, и для него он был жив доселе.

Прихожу я как-то к нему, а он чуть не плачет, чем-то очень расстроен.

— Что с вами, батюшка, родной?

— Да как же, один брат наш взял у меня на несколько дней книгу отца Ионы и вот уже почти три месяца не отдает ее. Уж я и так и сяк просил его и по начальству ходил, чтобы усовестили его отдать книгу. Не отдает. Все обещает, а книга-то ведь Батюшкина, как же можно так не почитать Батюшку.

Посочувствовал я отцу Виссариону, но, конечно, ничем не мог помочь.

Прихожу опять через несколько дней и первый мой вопрос:

— Ну, что, отдал брат книгу?

— Отдал, как не отдать, отдал.

— Да как же случилось, что он отдал, ведь не хотел он возвращать книги.

— Да что же делать, верно, что не хотел, ну и пришлось пожаловаться Батюшке. «Что это, — говорю, — батюшка, и управы-то на него нет, он-то твои вещи расхищает, а с меня весь ответ будет, так ты уж сам заступись». А утром чуть свет бежит брат, трясется и книгу сует. «Прости меня, отче, — говорит, — много потерпел я сегодня ночью от Старца за эту книгу». А что потерпел, так и не сказал, — улыбаясь, добавил отец Виссарион.

Сильна была молитва Батюшки, и Господь с любовью внимал Своему верному рабу — простецу. Помню, как однажды пришел я к Батюшке. Время тогда было голодное. Хлеба и того крайне трудно было тогда достать, не говоря уже о чем другом.

Монастырь с большим трудом мог питать своих насельников.

Как всегда, Батюшка засуетился, захлопотал, поставил крохотный самоварчик, чтобы утешить гостя чайком. Я принес небольшой каравай черного хлеба, но по скудости того времени ни у меня, ни у батюшки не оказалось не только сахара, но даже и темной патоки, что обычно заменяла в ту пору населению недоступный по цене сахар.

Вижу, немного опечалился Батюшка, что нельзя гостя даже чаем по-настоящему угостить. Даже вздохнул он при этом, что с ним редко бывало, но делать нечего. Принес Батюшка вскипевший самоварчик, заварил вместо чаю листьев смородины, нарезал ломтиками хлеб, поставил соль, затем помолился, благословил трапезу, и сели мы за стол.

Не успел я, однако, выпить и половину стакана чая, как в дверь постучали и на пороге показалась старушка.

Поклонившись Батюшке, она сказала:

— Прошу вас очень, Батюшка, помолиться о рабе Божиим Николе, внуке-то моем. Ехать обязан он по службе далеко, так усердно прошу ваших молитв, чтобы Господь сохранил его в пути. Я ведь знавала, — продолжала она, — еще батюшку отца Иону и многим ему обязана, так уж не погнушайтесь принять от

меня в память Старца вот это, — заключила она, передавая отцу Виссариону небольшой пакет.

В нем оказалась банка чудесного душистого меда и яблочный пирог. Нужно было видеть, как светел и радостен стал Старец.

— Ну вот, видите, как милостив к нам Господь, не по грехам нашим, а по молитвам отца Ионы, посылает нам свой дар, а то как же, чтобы его же гость да ушел от него не утешенным.

Этот небольшой эпизод, который, конечно, можно, как всегда это делается, приписать счастливой «случайности», на меня произвел сильное впечатление.

В одно из моих посещений отца Виссариона, уже незадолго до закрытия обители, повел меня Старец в небольшую комнату, находившуюся рядом с келлией, где скончался отец Иона, в которой раньше я никогда не был, и, плотно притворив двери, сказал:

— Хочу я вам показать одну картину. Ее теперь мы не всем показываем и объясняем, чтобы не нажить беды, разные теперь люди бывают у нас, не то что прежде.

Он осторожно вынул завернутую в полотно довольно большую картину в раме. Хотя писана она была не красками, а карандашом, но, видимо, искусной рукой.

На ней был изображен двор Киево-Печерской Лавры. На заднем плане виднелась великая лаврская церковь, справа высилась колокольня, слева тянутся соборные корпуса. Вверху на всем этом пространстве летало множество голубей. Они летали по всем направлениям, как бы в ужасе, пытаясь спас-

тись от каких-то страшных, неведомо откуда налетевших, черных птиц, напоминавших не то воронов, не то коршунов. Хищники яростно набрасывались на беззащитных голубей и тут же в воздухе растерзывали их своими острыми когтями и огромными клювами. Множество погибших голубей валялось на земле.

Несмотря на видимо аллегорический и не совсем понятный смысл рисунка, он производил на зрителя сильное впечатление, изображая символически два начала, беспощадную жестокость и смиренную покорность.

На мой немой вопрос отец Виссарион вновь тщательно спрятал рисунок, а когда мы уселись в его крохотной кельи, сказал: «То, что вы видели на рисунке, то в точности было показано в видении отцу Ионе, незадолго до его кончины. Один из духовных детей его со слов Батюшки и изобразил это видение.

Все наши великие старцы последнего века, начиная от преподобного Серафима и кончая отцом Иоанном Кронштадтским, согласно предсказывали о грядущих страшных бедствиях на русских людей, если не одумаются они и не покаются. Не только мирская жизнь, но и монашество дошло до такого упадка, так далеко удалилось от истинной своей цели, что гнев Божий давно бы излился на народ наш, если бы не вопли ко Господу немногих праведников, своими молитвами до времени еще удерживавших праведную Десницу Господню. Но вот и они ушли, не разбудив народной совести, потонувшей в бездне греха, и

как страшно наказал нас долготерпеливый Господь! Мог ли я думать, что мне грешному придется быть свидетелем того, что с такой ясностью было открыто при жизни отца Ионы? Когда всё Русское Царство было в такой силе, кто бы смел поверить, что дни его уже сочтены, а отец Иона плакал, раскрывая нам, маловерным, грядущее.

— Молитесь, плачьте, взывайте ко Господу, чтобы помиловал народ наш, — постоянно говорил он братии. — Отнимет всё Господь, если не исправитесь, и Лавра святая погибнет, и братия будет уничтожена страшными воронами, что налетят на нее и истребят. И наш, как и другие монастыри, не пощадит Господь, и даже колокольня наша, что уже начала воздвигаться, не достроится, если не умолит Господа русский народ.

Как странны и непонятны были в ту пору его речи, а теперь вот и совершилось всё — и колокольня, что хотели сделать повыше лаврской и до первого этажа не вывели. Всё, всё исполнилось в точности, о чем говорил покойный Старец...» — и седая голова отца Виссариона, как бы под тяжестью всего пережитого, склонялась долу. Взволнованный словами отца Виссариона, покинул я на сей раз его гостеприимную келлию.

Прошло года полтора со дня этой беседы, и на моих глазах исполнилось последнее предсказание отца Ионы. Монастырь был закрыт, братия частично сослана, частью разбежалась. Осталось только несколько глубоких старцев, в том числе и отец Виссарион, которые ни за что не хотели уходить, хотя бы под

угрозой лишения жизни, от стен своей родной обители, и, живя у добрых людей в конурке и прячась днем, ночью приближались к монастырю, и здесь в уединенной молитве просили у Господа силы донести свой крест.

Господь сохранил отца Виссариона от тяжелой участи многих его собратий. Он избежал и ареста, и пыток, и ссылок. В той же каморке, рядом с дорогой сердцу обителью, он и предал дух свой Господу, радуясь, что приходит конец его земным страданиям, и веря, что Господь соединит его по смерти с его любимым аввой, отцом Ионой.

Д-р. Анатолий Павлович Тимофиевич
Ново-Дивеево, 1953 год.

Еще несколько слов об этом забытом праведнике¹. Схимонах Виссарион до схимы был монах Виктор, келейник и смиренный сотаинник преподобного Ионы. Он составил немножко о своем Старце кратких воспоминаний, записанных кем-то из братии, по всей вероятности отцом иеромонахом Тарасием. Пришел он к отцу Ионе в 1878 году, а отец Виктор-Виссарион на 13 лет его опередил. Вот что мы о нем знаем.

Случай 1-й

У келейника батюшкина Виктора одно время страшно болели зубы. Он не находил себе места, не мог ни пить, ни есть, ни спать. Как-то поутру отец Иона спрашивает других келейников:

¹Из рукописной книги «Священно-архимандрит Иона». Киев, 1925.

— Где Виктор?

— У него зубы болят.

— Пусть чай пьет.

Пришли они к нему и говорят, что батюшка велел ему чай пить.

— Где мне тут при такой боли?

Тут вошел сам Старец и говорит:

— Пей чай, да горячий, чтоб из-под крана лить, а не из чайника.

Тот сперва не хотел, а потом из послушания выпил. Первый глоток он еле смог проглотить, так болезненно было прикосновение кипятка к больным зубам. Когда же, понуждая себя, он допил весь стакан, боль прошла и с тех пор доселе никогда не возвращалась.

Случай 2-й

Как-то хорошо уродились груши, и келейнику Виктору довелось их съесть десятка два. Одному монаху он сказал:

— Вот, как животное какое, целых два десятка груш съел.

Тут вскоре встретился со Старцем, и Старец его строго спрашивает:

— Сколько ты груш съел?

Виктор оробел, но ответил:

— Простите, батюшка... Больше двух десятков съел.

— Смотри, — сказал Старец, — больше сотни не кушай.

Случай 3-й

Как-то раз Старец, отпуская отца Виктора из церковной кельи в алтарь для поминовения на проскомидии, сказал:

— Иди, своих поминай, — потом, вздохнув, сказал: — Да, кто знает эти минуты, того молитву за живых и умерших принимает Бог не только в церкви у алтаря, но и работая в поле, кто поминает, — примет Господь.

Случай 4-й

Однажды после поздней обедни старшие иеромонахи пили у Старца чай. К чаю была подана рыба. Один из присутствующих в виде шутки:

— Вот так бы и всегда. А то что один чай.

Батюшка подозвал к себе келейника:

— Вот он хочет рыбы (Старец указал на того иеромонаха рукой.) Так убери ее.

Так все и остались без рыбы.

Случай 5-й

За два года до удаления Мелхиседека из обители, 1 мая, отец Виктор видел сон. Будто в соборе служил батюшка обедню. Было много служащих, трижды становились на колени за молитвою. После «Отче наш» вышли из алтаря три разоблаченных монаха. Отец Виктор спросил шедшего за ними пономаря:

— Что это они обедню не дослужили?

— А это Батюшка велел выслать их. Они хромые.

Отец Виктор посмотрел им вслед, как они шли. Походка их была, однако, прямая. Ведь те трое по-

том и были высланы: Мелхиседек, Смарагд и Валентин.

Случай 6-й

Летом 1911 года (уже после смерти Старца) около 20 Августа были в обители человек двадцать из Донской области, одной партией. Когда они вошли в келлию Старца и увидели его портрет, четыре женщины стали плакать. Бывший тут келейник Старца отец Виктор спросил их:

— Что вы плачете?

— Этого батюшку, — отвечали они, показывая на портрет, — мы видели в церкви.

Отец Виктор подумал, что они видели утром одного из монастырских схимников, который показался им похожим на портрет отца Ионы. Днем схимники вовсе никогда из келлий не выходят.

— А когда же вы его видели?

— А сейчас.

Было 2 часа дня. Оказалось, что в церкви они спрашивали монаха, что это за схимник прошел. Но монах никакого схимника не видел, как и прочие из партии. Они же ясно слышали, как прошуршала по полу его мантия.

Случай 7-й

Однажды Старец заказал иеромонаху Ираклию, опытному столяру, сделать штук 25 особых низеньких скамеечек. Когда они были готовы, Старец велел позвать старших монахов и раздать эти скамеечки с таким советом: «Когда вы свободны, то после общего правила садитесь на эти скамеечки и занимайтесь

по четкам Иисусовой молитвой, сколько позволяет время — с полчаса или с час. Этим ум просвещается. После этого можно ложиться, и непременно на правый бок, и, лежа в постели, прочитывать покаянный псалом «Помилуй мя, Боже» и «Верую». И так всегда делайте и храните совесть. Если будете хранить совесть, пойдете за забор — и там вам ничего не дадут».

Случай 8-й

В монастыре совершалось бдение под праздник Входа Господня во Иерусалим. Тогда не было еще большого храма, а в первоначальном храме было тесно. По многочисленности бдение совершалось в трапезной. Служил отец Иона и с ним все иеромонахи, иеродиаконы и певчие. Во время чтения кафизм прибежал келейник иеромонаха Пимена, который умирал у себя в кельи. Больной просил скорее прийти к нему с напутствием, так как чувствовал себя при последнем издыхании.

— Передай ему, что мы здесь предстоим все пред Господом, совершая Ему славословие. Пусть он за послушание подождет умирать. А по окончании бдения мы к нему придем и напутствуем его.

По окончании службы отец Иона со старшею братией тотчас отправились к отцу Пимену, совершили над ним таинство елеосвящения, исповедовали и приобщили его и постригли в схиму. И к утру отец Пимен, в схиме Антоний, мирно преставился.

ПОСЕЩЕНИЕ РАЯ ПРЕПОДОБНЫМ ИОНОЙ КИЕВСКИМ

ПРОПУЩЕННЫЕ ГЛАВЫ 2-ГО ТОМА
«НА БЕРЕГУ БОЖЬЕЙ РЕКИ» С. НИЛУСА

Глава 23

О том, что видят богоизбранные детские души

В Киеве мне довелось быть в общении с возобновителем Скита Пречистыя, что в Церковщине, игуменом Мануилом. Составляя его житие и историю восстановления его обители, я слышал от него много дивного о его великом Старце, схиархимандрите Ионе, строителе Киевского Свято-Троицкого монастыря. Один из его рассказов, особенно запечатлевшихся в моей памяти, переданный мне впоследствии в рукописном списке с жития старца Ионы, составленного Е. Поселяниным¹, я хочу привести здесь, из опасения, что это сокровище духа иным путем может никогда не увидеть свет.

«Когда Иоанну, будущему старцу Ионе, — так сообщается его келейными записками, — было всего шесть месяцев, он пропадал 12 дней из виду своих родителей. А было это так.

¹ Сказание это составлено по келейным запискам старца Ионы. Писаны эти записки на больших листах мелким неразборчивым почерком славяно-русским языком. Переложено на русский язык с некоторыми сокращениями Е. Поселяниным. Сказание то, как и все Житие старца Ионы, составленное Е. Поселяниным, находится в рукописи и составляет собственность Свято-Троицкого Киевского Ионинского монастыря (Сергей Нилус).

Однажды в летнее утро, шестимесячным младенцем, Иоанн остался один на дворе, а мать его, оставя его одного, пошла внутрь дома и занялась по хозяйству.

Солнце только что взошло. Было ясно, светло и тепло... Лежа среди широкого, зеленого ковра, обогреваемый солнечными лучами, видя над собой беспредельный голубой шатер неба, младенец следил глазами за голубями, летавшими по воздуху. Его охватило желание летать, как они...

Вдруг к нему подходит Старец. У Старца была большая, густая, широкая и длинная борода. Обнаженный череп только по краям был покрыт волосами. На нем была синеватая нижняя одежда, опоясанная поясом, а сверху зеленоватая.

Старец сел на землю, на зеленой траве, справа от младенца. На приятном лице его играла улыбка... Сперва младенец взглянул на старца, но сейчас же перестал смотреть на него, так как он мешал ему видеть летающих голубей.

Старец ласково заговорил.

— Ты смотришь на голубей, — сказал он. — Тебе нравится, что они летают. Им крылья даны Богом, оттого они и летают, и тебе бы того же хотелось. Но ты человек естеством, а не птица и потому не имеешь видимых крыльев. Тебя это печалит, но ты не скорби, а молись Господу Богу, Создавшему тебя, люби Его, благоугождай Ему и верою, правдою и любовью истинно Ему послужи. И Он даст тебе крылья не временные и тленные, но вечные, которые вознесут тебя горé. Эти крылья дает

людям на подвиг Господь Бог наш Вседержитель и Возлюбленный Его Сын, Господь наш Иисус Христос Спаситель, искупивший нас Своею Божественною кровию.

Потом Старец спросил младенца:

— Желает ли ты иметь крылья и парить на них и восходить всё выше и выше к Богу, живущему во веки веков?

Младенец, глядя на Старца, ответил:

— Желая, чтобы Бог дал мне такие крылья.

— Тебе еще мало дней, — сказал с улыбкой Старец. — Но запомни и сохрани на всю твою жизнь мои слова: Бог Сущий неизменным, Бог Сущий ныне и во все нескончаемые веки подает эти крылья людям, как крылья премудрости, разума, смысла, силы и жизни. Бог изрек: «Если кто любит отца и мать больше Меня, если кто не отречется всего своего имени, не достоин Меня». Если кто послушает гласа Его и возлюбит Его Единого выше всего и всех, тому Бог дает и силу и полет горé. Возлюби же и ты Господа Бога твоего, создавшего тебя. Родителей твоих люби, уважай и почитай, люби наравне с ними и всех людей, но всею любовью твоею люби Бога; люби Его всею душою, всем сердцем, умом и мыслью; люби Его больше родителей твоих, не противопоставляй им Бога.

Когда Старец сказал младенцу, что Бога надо любить больше родителей, ему стало жаль их: они хранят его, питают, ласкают, дорожат им, и за все это он должен их мало любить. Слова эти ему показались чрезвычайно горькими.

— Как это возможно, — сказал он Старцу, — не любить родителей? Это для меня тяжело, и поступить так я не могу.

Тут Старец взял его за руки. Указательным пальцем правой руки он вскрыл ему грудь, обнажив внутренности, чтобы вынуть слабое и робкое человеческое сердце, что-то изнутри вынул и выбросил, а потом место разреза загладил рукою¹.

Потом Старец взял Иоанна за правую руку и сказал ему:

— Ты со мною не бойся ничего, и держись крепко за меня и за мою одежду, и иди со мною смело!

Они отправились и вышли в какое-то место чистое и высокое. Там дули страшные ветры, так что едва можно было устоять на ногах. Постепенно приблизились они к другому месту, широкому, ровному, чистому, светлому. Там стояла высокая стена-ограда, и стена издавала из себя великий свет.

Старец взял спутника за руку и сказал ему:

— Успокойся и ничего не бойся! Мы миновали ту бурю и тот путь, и мы уже пришли сюда, в тишину. Здесь нет никакого страха. Здесь царствует только благоговейное благодарение и любовь. Здесь пребывает Бог и истинно Его возлюбившие послушники Его... Ты видел бурю и вихрь там, где ты проходил: он был страшен, но не повредил тебе ни в чем. И ныне ты совершенно цел. Это образ твоего бытия.

¹ Старец Иона незадолго до смерти показывал шрам на этом месте старому келейнику отцу Виктору (в схиме Виссарион).

Многие вихри и бури встретятся на пути бытия твоего, но зри сам, где ты ныне стоишь, пред Кем и к Кому идешь. Зри без страха и боязни, с благоговением и любовью чистою.

Они подошли к великим и дивным вратам, и вверху врат сиял светом Крест Господень. Два воина стояли на страже пред вратами, светлые и прекрасные, и держали в свои руках мечи. Протянув руки с мечами, они крестообразно преградили вход во врата.

— Помолимся Господу Богу пред вратами, — сказал Старец.

Когда они перекрестились и поклонились Животворящему Кресту Господню, тогда стражи опустили мечи свои и дали путникам свободный вход.

Не рассказать словом, что открылось пред путниками, когда они вошли в те врата. Здесь было небо новое и земля новая, свет сияющий, воздух легкий, свежий, тонкий; земля чистая, светлая, как чистый хрусталь; деревья по обе стороны их пути стояли живые, издавали от листьев своих благоухание, и между деревьями росли цветы разных сортов, разной красоты, разнообразной величины.

Там стоял храм Божий. И вошли они внутрь его и стали пред отверстыми вратами священного алтаря. И на высоком Престоле Славы восседал Сущий. Лик Его окаймлен был власами и был светел, ласков, спокойно мирен и влек к себе сердце и дух в сильную к Небу любовь.

И ужас объял младенца. И был он как мертв. И Старец поддерживал его. И чувствовал он, как веет на него духом жизни. Он словно обновился и

стал в новой силе пред Богом своим. И ему показалось, что ему шел 21-й год.

И все окружающие Божественный Престол воспе-ли хвалу, славу и благодарение Сидящему на Престо-ле, и дивно величественна была та песнь. Небесные Силы воспели Параклит Парящего, Оживляющего, Животворящего и Освящающего. Они пели священ-ные слова «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф», и с ними пело великое множество разного рода племен, чинов, колен, званий и возраста — люди, лики свя-тых, пророков, апостолов и иерархов Господних, ца-рей, священников, мучеников и всякого чина и звания праведных, убеливших одежды свои, изукрасивших Кровию Агнца, истинно возлюбивших Господа Иису-са Христа Сына Божия.

И ближе всех к огнезračному Престолу стояли девственники, ничем не осквернившие себя в зем-ной жизни. Одежные в белую одежду, они стояли у Престола, предначиная песнь хвалы, славословия, молитвы и благодарения. И никто не сиял такой сла-вой, как иноки, облеченные в схиму.

Когда всё множество святых запело божествен-ные песнопения, тогда Старец сказал:

— Юноша! Воспевай же и ты Владыку всех и Господа и приинки к тому, где ты теперь стоишь, что видишь и что слышишь. Произноси ясно слова Хвалы Господней, ибо животочные слова те и без-смертны — они пребывают во век. Слушай и вни-май! Сейчас начнется песнь, воспеваемая Господу, Трипостасному Божеству, Богу Отцу, Богу Сыну и Богу Духу Святому, от всех святых и горних не-

бесных чинов, от всех земнородных и от всей твари видимой, от всего создания Божия и от всех стихий. Внимай же прилежно, кто будет предначинать Богу эту песнь.

И стала тогда великая тишина.

И тогда, по повелению Господню, один из серафимов предстал пред Престолом Господа Славы. Он взял от алтаря кадильного кадило, и вложил в него фимиам молитв святых, и стал пред Господом, имея в руке то кадило.

И девственники, окружающие Престол Господень, предначали песнь великую, трегубую. И воспевали хвалу. И песнь неслась как из единых уст: от святых, с земли от земнородных и от всей твари видимой и невидимой. И стройности того пения и согласия даже и представить ни звуками, ни словами невозможно. А Серафим, предстоя пред Господом, воздымал пред Ним кадило молитв святых, славословия, величания и благодарения Творцу всяческих.

Господь повелел Старцу показать Иоанну все обители святых.

Глава 24

И когда Старец с Иоанном вышли из храма, то пред ними открылось широкое пространство неизъяснимой красоты.

Земля была там чистая, светлая, сияющая радостью, и на ней было много живых, роскошно зеленеющих деревьев. Иные из них цвели, на других были только завязи, третьи несли уже на себе плоды. И чудные листья тех деревьев, тихо трепеща, возно-

силы, как живые, хвалу Господу, Создателю всякого творения.

Иоанн стоял в оцепенении и не хотел двинуться с того места, где стоял и молил Старца, прося навсегда оставить его здесь, где отовсюду окружал его избыток и торжество жизни.

Земля — жизнь. Небо, светло сияющее, — жизнь. Излияние воздуха — жизнь. Сияющий, мягкий свет — жизнь. Деревья, украшенные красотой и славою, — жизнь. Цветы различной красоты и великолепия, расстилающиеся по земле, — жизнь.

И всё это привело юношу в восхищение. Он был вне себя и умолял спутника своего и путеводителя оставить его на этом благословенном месте. Но Старец понудил идти далее.

И дошли они до стены высокой ограды. Прекрасные ворота были увенчаны крестом, и над воротами была надпись, слова которой испускали сияние, как от солнца расходятся лучи. Там было написано: «Здесь святая обитель Всесвятой Владычицы мира и Царицы царствующих, Матери Бога нашего, Пресвятой Девы Марии. Если кто из земнородных призовет Ее имя, тот спасется».

Старец приказал Иоанну прочесть всё надписанное над воротами. Когда он прочел, ожил в нем дух, упавший от разлучения с виденными местами, и он забыл и их, и то, что хотел в них навсегда остаться.

Старец сказал ему:

— Сотворим молитву ко Пресвятой Владычице и Царице, истинной Богородице, во всем благом Поборнице! — И начал Старец сказывать слова молит-

вы ко Владычице и Царице всех, и приказал Иоанну повторять за ним эти слова ясно и умиленно, объясняя ему, что это — слова жизни.

Когда они сотворили молитву до конца, изнутри раздалось слово: «Аминь!» Тогда величественно распахнулись пред ними врата Святой Обители. Внутри, начиная от врат, в два ряда стояли воины в воинских сияющих доспехах. На их главах были царские венцы, а в руках мечи.

Радостью просияли лица насельников Небесной обители Пречистой Девы, когда предстали пред ними входящие, и все воспели великую божественную песнь Пречистой Владычице Богородице, Матери Господа Бога нашего. И все множество небожителей, вышедших им навстречу, пели песнь сладкую и радостную, исполненную жизни и неизреченной сладости, какую не выразить никакими устами и никаким языком.

Старец спросил Иоанна:

— Почему ты не поешь с ними песнь Богоматери?

— Я вне себя, — отвечал юноша. Но Старец приказал ему петь громко и, прислушиваясь к словам поющих, повторять их разумно и достойно.

И по пении том все двинулись от врат ко храму Всесвятой Владычицы Госпожи Богородицы.

Глава 25

Никто выразить не сможет той силы радости, торжества и той великой любви к Пресвятой Владычице, Матери Умного Света, который охватывает душу на пороге Ее храма...

Иоанн уже стоял пред Ее Престолом. Чудно было видение Преславной Царицы небес. Радость сияла на пресветлом Ее Божественном Лице, исполненном мира и любви ко всем земнородным...

А вокруг раздавалась хвала ликов святых и ангелов Матери Света.

Престол Царицы небес окружают небесные воины, святые архангелы и лики святых девственников в светлых, убеленных ризах, сияющих несказанным светом, с венцами на главах, и в венцах горели драгоценные камни.

Когда было совершено славословие в храме Всесвятой Владычицы, наступила великая тишина. Тогда Матерь Умного Света призвала одного из предстоящих архистратигов и велела ему принять из алтаря кадильного кадило с горящим углем.

И предстал архистратиг пред Владычицей у Ее Святого Престола. И повелела Пречистая одному из предстоящих святых возложить в кадило фимиам молитв праведников и вознести дар молитвы славословия, хвалы, величания, благодарения и поклонения Вседержителю Господу Богу, Искупившему нас кровию Своею, неизглаголанною силою Своего Божества.

И пели песнь великую, дивную, сладкую, исполненную крепости, жизни и бессмертия. И, совершив хвалу, все пали на землю и поклонились Его Боже-ству. И снова настала тишина.

И тогда раздалось новое пение — то была хвала Матери Господа Бога Спаса нашего Иисуса Христа, Сына Божия. Все воспели в песни Царицу и Владычицу, песнь дивную, предивную.

И радостью, и славою, и великолепием звучала эта песнь, которою лики святых едиными устами и единым языком похваляли Пренепорочную Деву.

Изумлялся Иоанн силе и величию той хвалы. А старец, державший его за руку, сказал ему:

— Приди в себя, юноша, и дерзай, и будь сопричастник пения, и воспой с поющими и воспевающими хвалу Всесвятой Владычице, Матери Истинного Бога нашего, чрез Которую Он нас спас и Которая нас привела сюда.

И юноша стал причастником той великой хвалы, которую воспевали святые Богоматери пред Пречистым Лицом Ее. И трепетал смертный состав его тела, а душа расширялась от той чудной хвалы, готовая расторгнуть союзы с телом, не могущим вместить хвалы той.

И зарыдал Иоанн, и струи слез текли из очей его, а сердце взывало: «Боже мой, Боже мой! Неизреченна Твоя благодать и Твоя любовь к нам, тленным смертным людям!»

— Не бойся! — сказал ему старец, — место, на котором мы ныне стоим, не место мертвых, но во век живых: нет здесь смерти — здесь одна жизнь.

И когда Иоанн несколько пришел в себя от душевного потрясения, восторга и радости, великое славословие Богоматери было совершено, и все славящие Ее поклонились Ей до земли.

И сошла тогда Всемиловитая Владычица с Престола славы, остановилась во вратах святилища и тихим словом любви подозвала к Себе старца, державшего в своей руке руку юноши Иоанна.

— О, предивный, премудрый и Боголюбивый, святой, великий апостол Христа, Бога Сына Моего, Иоанн Богослов, — рекла Владычица, — неустанно обходишь ты поднебесную. Премудрым предвидением твоим привел ты сюда этого юношу...

И, обратясь к Иоанну, продолжала Пречистая:

— О, юноша! Святой Дух умудрил тебя довериться старцу. Доверяйся ему, ты предал себя в руки сотворившего тебя Господа Бога, Искупившего тебя и всех, здесь стоящих, Своею Кровию, за тебя и за них излиянною, и Господь привел тебя ныне в Мою обитель.

И много еще говорила юноше Иоанну Владычица, а он стоял в восторженном ужасе и трепете, в неизглаголанной радости сердца.

— Не бойся же, юноша! — продолжала матерински говорить Богоматерь, — но только внимай себе. Тебе нужно быть еще там, откуда ты пришел. Помни там, что ты безопасно миновал угрожающие тебе бури, и пропасти, и великие грозы, потому что зрел тебя и руководил тобой Господь Вседержитель.

И повелела затем Владычица одному из святых мужей повести юношу Иоанна по Обителям святых, и он в великом благоговении последовал за указанным ему путеводителем и за старцем, пришедшим с ними.

— Кто святой тот, что показывает нам Обители и говорит с нами? — спросил юноша Иоанн.

— Это, — отвечал старец, — великий святой, дивный в пророках, печать святых пророков. Имя его Иоанн, святой Креститель Господень.

Глава 26

Как описать этот обход Обителей святых?

Полки небесных сил охраняют всех там живущих и служат им. Обители все дивные, великие, простран-ные, и неизъяснимо прекрасно их украшение. Деревья многообразны, исполнены красоты и мощи; цветы многообразны и, стелясь по земле, испускают арома-ты чудной нежности, а воздух напитан и преиспол-нен жизнью.

Живущие в обителях тех святых матери и девы с любовью и радостью встречали путников и, привет-ствуя их, славил Господа Бога, Спасающего и Ми-лующего рабов Своих.

И спросил юноша Иоанн старца и святого мужа, ведущего их:

— Что значит, что вижу я снаружи стен этого града, на стенах внутри, на воротах и храмах снару-жи и внутри, и на всех Обителях святых, и на заве-сах, и на воротах храма Господня — везде изображе-но имя Всесвятой Владычицы Девы Марии, Матери Царя Славы Иисуса Христа, Сына Божия, а над этим именем вверху всюду царская корона, и от слов и от короны исходит великий свет?

И ответили ему путеводители:

— Велико Всеславное, Всесвятое имя Девы Ма-рии, безсеменно зачавшей и безболезненно рожд-шей Царя Славы Христа. Предивно и преславно Имя Ее — Мария. Она — Царица небес и земли и Владычица всей твари, Высшая небес и Честней-шая и Славнейшая Херувим и Серафим. Ее помощью

и милостью все мы спасемся. Ею спасается мир. Она — мост, приводящий к небу.

Этот обход Обитателей святых исполнил радостью сердце юноши Иоанна, и был он от него в восхищении ума, в неземном восторге.

Когда же возвратились они к Богоматери, сказала Владычица:

— О, юноша! Благо тебе, что ты возлюбил Господа Бога твоего и всего себя предал Ему в любовь и послушание Божественной воле Его. Ты обрел бесценный бисер Христа с детства самоохотно и прилепился Ему, подклонив выю твою под благий ярем святой Господней воли. Ты пойдешь во след Его, восприняв от Него твой крест. На твоём пути тебя встретят бури, вихри, терния и волчцы, но ты благополучно минуешь их. Да будет ум твой направлен всегда к Нему горé, туда, где ты теперь с нами всеми, и все мы единократно и с великой любовью будем ожидать вновь прихода твоего сюда.

И Владычица продолжала:

— И ещё скажу тебе: да не погаснет никогда в сердце твоём чистейшая любовь к Сладчайшему Господу Иисусу Христу. Всегда имей имя Его в уме, в духе, в душе, но и в теле твоём: будь чист весь во все дни бытия твоего на земле... Милость Господня предварила тебя. Она велика и неисповедима, ибо Бог так возлюбил человека, что Единородного Сына Своего не пощадил ради его спасения. Так живи же в Нем, будь Ему послушником и ничего не бойся. Он с тобою. Служи же и делай, не ослабевая в служении святом и Божественном прехвальном послу-

шании Ему во всегдашней радости, веселии, в утешении от Него и в Нем... Я буду следить за тобою, и очи Мои будут на тебе, и посещения Мои явятся тебе во время благопотребное. Ты вскоре отойдешь отсюда, но недалеко и ненадолго, а ум твой, дух и сердце твоё будут здесь. Осмотришь же внимательнее, пока ты ещё здесь, чтобы унести всё это с собою в сердце своем.

И неизглаголанной радости исполнилось сердце Иоанна от слов Владычицы. И вновь велела Богоматерь всем воспеть песнь хвалы; и земля, и небо, и воздух подвигнулись на великое то славословие, и юноша Иоанн от восхищения, сладости и радости пения того упал замертво.

Владычица коснулась руки его и главы и сказала: — Тело твоё смертное не в силах вынести этого славословия, но дерзай и жив буди и воспой с нами Господу слова хвалы.

И вновь воспелось славословие великое, и в нём, по глаголу Владычицы, принял участие и юноша Иоанн, с бессмертными воспел дивную песнь хвалы и благодарения Творцу всяческих...

Глава 27

И когда юноша Иоанн вышел из Обители Пречистой и продолжал путь со своим старцем, старец сказал ему:

— Те слова, которым ты внимал в пениях бессмертных и которые ты воспевал и сам, слова эти дух возьмет от тебя, ибо, пока ты плоть и кровь, ты их отсюда с собою на землю земнородных снести не

можешь. Там всё смерть и тление. Здесь же одна жизнь, и жизни полны те слова, которыми ты возносил здесь хвалу Господу и Всесвятой Его Матери.

— Как, — спросил юноша, — разве мне нужно опять быть там, откуда ты меня взял?

— Да, ты будешь там. Господня воля на то, чтобы ты был там, чтобы ты прошел все пропасти, стремнины, ветры, бури, вихри, как тебе о том говорила Сама Всесвятая Владычица. Но твоей любовью к Богу, к Пресвятой Владычице Богородице ты навсегда там будешь укреплен в духе и всегда будешь памятовать о том, где ты сейчас находишься.

Сильно опечалили душу юноши Иоанна эти речи, и в горести упал он, где стоял, на землю. Ему казалось лучше разстаться с жизнью, чем с этими местами. Так лежал он на земле, обливаясь слезами, и не желал утешиться.

А окрест него всё было так величественно и дивно прекрасно! Повсюду росли деревья, полные жизни, издавая листьями своими шум, подобный звуку струн или громогласно-мелодичных духовых инструментов, вещая хвалу их Создателю. Чистейший воздух дышал тонкой прохладой. Всюду был разлит живой свет, будто сияло не одно, а несколько солнц, но свет тот был тихий и мирный. В великой скорби от предстоящей разлуки с этими местами, юноша Иоанн со слезами продолжал умолять старца оставить его здесь.

— Нельзя быть тебе здесь, — отвечал ему старец. — Многомилостивый Господь в благодати Своей вознес тебя сюда от земли, чтобы показать тебе всё,

что ты здесь видишь очами и слышишь ушами и что осязаешь руками, что измеряешь стопами. Здесь земля новая, чистая, здесь свет немеркнущий и никогда не изменяющийся; здесь нет ночи и день не нуждается в солнце, ибо Солнце его — Солнце Правды Господь Бог. Человеку тления здесь, пока он во плоти, не место. Показал тебе чудеса этой жизни Господь не для того, чтобы ты скорбел, но чтобы ты их хорошо запомнил, вспоминал о них в земной твоей жизни, радостно благодарил за них Господа и был полезен на земле и другим, ищущим спасения.

И много другого говорил старец юноше Иоанну и поднял его на ноги от земли, на которой он лежал, обливаясь горькими слезами.

И предстал им тут юноша прекрасный, одетый в белые сребровидные ризы и препоясанный накрест орарем, и сказал:

— Сей юноша добрый, возлюбивший Бога, хочет остаться с нами. Но ему должно идти в мир и там творить заповеди Божии, поддерживая в сердце своем огонь любви к Господу Богу, и тогда уже соединиться с нами навеки.

И юноша тот прекрасный передал старцу Господнее повеление поставить Иоанна пред Господом.

Глава 28

У Храма Вседержителя архистратиг Господень, предначиная песнь хвалы Агнцу, Закланному прежде сложения мира, призывал громогласно все племена людские присоединиться к великому тому пению. И вознеслось тогда хвалебное, великое и сладкое

величание, и в величании том святые сотворили молитву к Бессмертному Агнцу о живущих на земле, верующих в Его Святое Имя. А Иоанна объял страх, что он смертный и стоит среди святых в их селениях.

И когда после славословия настала тишина, Господь Иисус Христос повелел старцу подвести к Себе юношу Иоанна и ублажил его за его любовь к Себе с детских его лет.

— Смотри, — сказал ему Господь, — на язвы от гвоздей на руках Моих, осяжи раны гвоздильные на ногах Моих, прикоснись к прободенной копием воина язве у ребра Моего.

И пал юноша Иоанн на землю в слезах ужаса и жалости, видя жестокие раны раскрытые, глубокие на руках, ногах и ребрах Христа.

— Не бойся, юноша, — сказал Господь, — прикоснись и осяжи раны Мои. Я все терпел ради избранных, верующих в Меня. И ныне Я снова терплю за избранных Моих и ныне еще верующих во Имя Мое и терпящих ради Меня гонения, скорби и страдания, за любовь, которую они имеют ко Мне. Я с ними, и с ними страдаю, и люблю их, и все за них приемлю на Себя. Словам Моим внимай: они полезны будут и тебе, и по тебе и другим.

Храм Господа Бога, где пред лицом Господа стоял юноша Иоанн, был так обширен и велик, что всё безчисленное множество всех чинов святых и людей всякого колена, рода и чина — все свободно вместились внутри Храма Господа Славы.

И снова повелением Господним юношу Иоанна водили по иным многим Обителям святых; и тою же

нетленную красотою сияли и те Обители, и те же там воспевались неизреченною красотою звуков песни хвалы Господу. И в одной из этих Обителей приступил к юноше Иоанну некто и, возложив руку свою ему на голову, сказал:

— Ты юноша — первенец у отца и матери. И я имел сына первенца и принес его в жертву Господу Богу моему. Вот я и сын мой — мы оба здесь. Так и ты — возьми себя во всесожжение Богу и не сомневайся в Нем.

То был Авраам, друг Божий. После того видел юноша Иоанн Обители пророков и апостолов и другие светлые Обители — и всюду всё сияло и ликовало неизреченною радостью и веселием.

И когда вернулся юноша Иоанн со своим старцем-путеводителем в Храм Господа Вседержителя, где вновь услышал пение новой хвалы, Господь дал старцу книгу жизни и повелел показать ее Иоанну, но с тем, чтобы он не читал ее. Книга эта была мелко написана. Иоанн просил прочесть ему из книги хотя одно слово, но голос Всевышнего повелел ему принять эту книгу и съесть. И он ее ел, как мягкий и сладкий хлеб. И было в гортани его ощущение великой сладости, но потом почувствовал он в себе великую тяжесть и болезнь, как бы в прообраз того, как трудно смертному человеку исполнить, претворить в жизни своей закон Христов.

И сказал Господь:

— Это не в болезнь, а во врачевание тебе то, что ты принял.

И ощутил тут в себе Иоанн великую силу и возраст тридцатилетнего мужа. И стоявшие у Престола Божия воинственные мужи по Господнему повелению взяли с Престола одежды, начали одевать Иоанна в воинские доспехи — в латы и шлем — и дали ему оружие — меч, лук и стрелы. И стал Иоанн мужем крепким и сильным. И голос Господа изрек:

— Смотри на себя! Ты теперь муж годами, силою и крепостию. Ты вооружен благодатью — не бойся, иди и стой, ибо Я с тобою.

От этих слов Спасителя Иоанн почувствовал во всем существе своем необыкновенную силу и крепость. И повелел Господь сопровождавшему Иоанна старцу блюсти его и быть ему руководителем во все дни его жизни. Сам же десницею Своею коснулся груди Иоанна и сказал:

— Сердце твое принадлежит Мне.

И вновь воспето было славословие великое и великая хвала Господу. И вышел Иоанн со своим путеводителем, сопровождаемый святыми, из града Господня, и оказались они на том месте, на лужайке у бедной хаты посада Крюкова города Кременчуга, откуда старец восхитил в небесные Обители Иоанна. И снова на лужайке той Иоанн лежал шестимесячным младенцем.

— Смотри, — сказал старец, — мы возвратились: вот твой дом, отец твой и мать твоя. Не бойся, чадо мое. Я буду посещать тебя.

И положил старец младенца Иоанна на земле и, обложив его травой, как в колыбели, стал невидим.

Тут выбежала мать в величайшей радости, что обрела вновь своего ребенка, пропадавшего 12 дней.

Сказание это свидетельствовал сам великий старец схиархимандрит Иона, строитель Свято-Троицкого Киевского Ионина монастыря, запечатлев сказание это своеручно в своих келейных записках. Запись же эта помечена им 1838 годом и до кончины великого старца известна была лишь немногим особо доверенным и приближенным к нему лицам.

Цены нет этому сокровищу духа для души развитой духовно; ей и посвящается этот умный бисер в назидание, утешение и укрепление за молитвы схиархимандрита Ионы, старца великого. Аминь.

Глава 29

О том, как видения богоизбранных младенцев оправдываются в совершенном их возрасте на деле

В конце 90-х годов на пути моего земного странничества мне довелось, по милости Божией, повстречаться с одним из духоносных архипастырей нашей Церкви. Это был епископ Макарий, бывший Калужский, а потом Оренбургский. Скончался он в Белевском монастыре на покое. В Белеве же я имел счастье с ним познакомиться и от него слышать сказание о старце схиархимандрите Ионе, известное ему из уст самого Старца.

«Сказывал отец Иона, — говорил мне епископ Макарий, — как Сама Пресвятая Богородица призвала его к строительству Свято-Троицкого монасты-

ря в Киеве, когда он был никому еще не известным иеродиаконном Белобережской Пустыни.

Было это, — сказывал мне отец Иона, — летом того года, когда были великие пожары во всей Орловской губернии, когда горел Орел, Елец и другие города, сгоравшие почти что дотла. Был один из великих праздников: не то Вознесение, не то Троицын день. Потрапезовав с братией, я пришел в свою келлию, совершил обычные благодарственные молитвы Господу Богу, Богородице и всем святым с земными поклонами; потом снял с себя мантию и подрясник, повесил на свое место, скинул башмаки и остался в одних чулках да в одежде.

Дверь келлии была закрыта мною на крючок. Поставил я свою скамеечку, сидя на которой обычно занимался Иисусовой умной молитвой, облокотился о столик, правой рукой подперев голову у правого уха, взял в левую руку четки и, сидя в белом балахоне, стал творить молитву. Прошло с полчаса...

Вдруг слышу, за дверью кто-то молится:

— Молитвами святых Отец, Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас!

Я не ответил. Молитва повторилась. Я промолчал. В третий раз молится кто-то. Я опять не ответил «аминь». Слышу, голос женский... Взяла меня досада на беспокойство, а тут вдруг дверь сама отворилась, хотя и была на крючке, и кто-то вошел. В сердцах я обернулся и тут же со скамейки упал на пол без памяти и лежал как мертвый, пока почувствовал прикосновение руки. Очнулся: предо мною Матерь Божия и с Нею одиннадцать светлых спут-

ников, как потом узнал я из слов их: святые апостолы Петр, Иоанн, Иаков, Лука; Святитель Николай Чудотворец, святой великомученик Георгий Победоносец, святые великомученицы Варвара и Екатерина, святая мученица Феврония и преподобная Евфросиния Полоцкая.

— Мы пришли к тебе, — рекла Пречистая, — с сими святыми возвестить тебе дело святого послушания, чтобы ты потрудился и послужил Господу Богу, исполняя Его святую Волю во славу Имени Его, на благо святой Его Церкви и верующих в Него.

Я всё еще лежал в страхе.

— Дерзай! — сказала Владычица и подняла меня за руку. И встал я пред Матерью Божией на колени и услышал от Нее такое слово:

— Сын Мой и Бог восхотел явить славу Свою в последние дни рода сего, и тебя Он избрал орудием святого дела Его и благоизволил Меня и тех, кто предстоит Мне, послать к тебе. Нужно тебе оставить святую обитель и перейти на другое место, чтобы там послужить Ему и исполнить Божественную волю Его. Воля же Его, чтобы на месте, которое будет тебе показано, была устроена обитель в прославление Его и чтобы собрались в нее боголюбивые иноки послужить и благоугодить Ему. Но ты не смущайся и знай, что Господь Бог Сын Мой будет там и Я там буду и пребудем там до скончания века. Ты — орудие, а всё делание будет Бога. Внимай: монастырь на том месте будет великий и иноков соберутся полки — сонм людей, возжелавших Господа Славы.

И пал я после слов этих к пречистым стопам Богоматери, орошая их слезами.

— Молю тебя, Всесвятая Владычица, — восклицал я в великом смятении духа, — оставь меня почить здесь и положить кости мои в этой обители: скудоумен, нищ, худ, грешен, немощен во всех слабостях моих и страстях, а для такого дела потребен муж правды, исполненный мудрости, разумения духовного, силы, просвещенный свыше благодатию Божественною, муж исполненный веры, надежды и любви. Не вижу я в себе ничего доброго и не подготовлен я к этому священному и великому делу. Не просвещен я Словом Божиим, и крайний невежда я в Священном Писании. В строении домовном и устроении святой обители совершенно неопытен и неискусен. Молю Тебя, Всесвятая Владычица Богородица, Матерь Всемиловитого Бога, оставь меня скончать здесь дни моей жизни.

— Всуе мятешься ты, — рекла Владычица, — всуе противишься воле Всеблагого Бога: на полезное и спасительное дело избрал тебя строителем, а ты противишься Ему подобно Савлу, гнавшему Церковь Его Святую. Скажу тебе более, уже не в пользу твою: не противься воле Сына и Бога Моего и Моему желанию и воле и Мною налагаемому на тебя послушанию. Иди и потрудись!

Снова отрекался я, заливаясь слезами.

— Дивлюсь тебе, — сказала Матерь Божия, — оставляла ли Я тебя когда-нибудь? Не всегда ли Я была везде с тобою? А ты всё не уверяешься во Мне. Неужели же Я наветница твоего спасения или же-

лаю ввергнуть тебя во зло? Вспомни святого праотца Авраама: Господь указал ему переселиться в иную землю, — противился ли он Богу? Так и ты, — иди на место, которое Господь благоволил избрать для тебя.

— Матерь Божия! Оставь меня в Белых Берегах.

И сказала на то упорство мое Владычица:

— Размысли, подумай, а Я снова приду к тебе. — И, исходя из келлии, Владычица повелела мне проводить Ее. На крыльце келлии я пал Ей в ноги, а когда поднялся, то увидел Ее и сопутствовавших Ей святых уже входящих в храм чрез церковную паперть.

А в келлии разлито было такое благоухание, которому и подобия нет на земле.

Глава 30

Прошло две-три недели. Был опять праздник, и опять я занимался молитвой Иисусовой, всем умом и сердцем погрузившись в это умное делание. И снова слышалась мне чистым женским голосом произносимая входная молитва, и снова молчал я, недовольный, что прерывают молитву, и снова дверь отворилась, как тогда, сама собой, и снова упал я еле живой, и, как прежде, воздвигла меня Владычица, и от прикосновения руки Ее разлилось в теле моем преизобилие жизни.

И с Материю Божиею явились вновь угодники Божии, и было их более прежнего.

И стою я на коленях пред Пречистою Владычицею, и слышу, говорит Она мне:

— Вот опять пришли мы к тебе, исполняя волю Господа Сына Моего. Как решил ты о послушании, к которому Господь призывает тебя?

И вновь, окаянный, я стал отрекаться в страхе пред непосильной для меня тяжестью возлагаемого на меня бремени:

— Об одном просил я и прошу Тебя, Мати Божия, оставь меня навсегда на этом месте.

И не прогневалась Царица Небесная и кротко рекла:

— Напрасно волнуют сердце твое помышления суетные: Господь создаст тебе обитель и пришло время исполниться воле Его. Пойми же ты, что ты только орудие Его, а всё дело, труды и попечение — всё будет Его. Не в скорбях и болезнях твоих будешь. И да будут тебе поручителями в словах Моих все сии...

И Матерь Божия назвала всех сопровождавших Ее святых поименно каждого. И были они: святая равноапостольная Мария Магдалина, святая перво-мученица Фекла, святые великомученицы Варвара и Екатерина, Святитель Христов Николай, святые великомученики Георгий Победоносец, Феодор Тирон, Феодор Стратилат, святая мученица царица Александра, святые апостолы Петр, Иаков, Иоанн, Лука, Симон Зилот и Святый Иаков брат Господень, первый епископ Иерусалимский, святитель Иоанн Милостивый, святые равноапостольные царь Константин и князь Владимир, святый благоверный князь Александр Невский и святая благоверная княгиня Ольга.

Но я, грешный, всё об одном молил:

— Оставь меня, Матерь Божия, на месте сем, благоволи и кости мои сложить в той обители!

И опять продолжала убеждать меня Царица Небесная:

— Зачем смущаешься ты, — говорила Она мне, непокорному, — утверди чувства твои в священной воле Христовой. Господь благоволит к чину монашествующих, и Я всегда им готовая Попечительница. Но Я говорю тебе: лучше уйти тебе отсюда. В святой обители этой будет перемена и ослабление в управлении: управители ее будут держаться своего мудрования и будут во многом подобны мирянам, введут их к себе, и миряне обоснуются среди них и братии. И пойдет в обители молва и шатание, братия отступят от старцев, и гласу их места уже не будет; станут говорить: «Зачем мне слушать старцев? Они отжили свое время, и мы не хотим знать их учение и будем жить по-своему: наш путь нравится нам, и мы пойдем по нему»... Вот Я возвестила тебе всё, что здесь будет, а ты обдумайся, осмотришь. Я снова приду к тебе.

И уходя из келлии рекла мне Матерь Божия:

— Оставайся в мире. Я приду к тебе опять.

И пал я к стопам Царицы Небесной и долго смотрел вслед Ее, пока стала Она невидима. И был я в великой туге и смятении, не зная, что творить мне, и чувствуя потребность в духовном совете; но советников не было, ибо все близкие душе моей старцы уже отошли ко Господу.

Глава 31

Тогда решил я сходить в Свенский Брянский монастырь, где еще были в то время хорошие старцы. Беседы с ними успокоили меня, и, вернувшись от них, я жил в мире.

Недели через три или более, в будний день, в час, когда я начал заниматься молитвой Иисусовой, последовало мне новое видение Матери Божией.

— Смотри, — сказала Она мне пречистыми устами Своими. — Я вновь пришла к тебе, и свидетели Мои со Мною. Мы пришли вновь звать тебя к святому послушанию. Ты не хочешь знать, что должно произойти здесь. Опять говорю тебе: здесь будут начальники, имеющие ум и очи, зараженные страстями, ласкательные миролюбцы и плотолюбцы, пекущиеся только о плоти. По холодности и невнимательности слух их будет закрыт славословию. В святом послушании они не будут усердны и мало будут пещись о спасении братии. К ним открыт будет вход мирским людям и женам, и не будут они заботиться о благоустроении святой обители, о благочинии и благочестии братии. Будут они привержены и к винопитию. Старцы и правожительствующие терпимы ими не будут, и не будет им никакого дела до сокровенного учения стремящихся к совершенству. Они будут изгонять доброживущих иноков, говоря им: «Хотите жить у нас здесь, живите как и мы». И ты, малодушный, не понесешь всего того, что заведется здесь, посему и решил Всеблагий Господь известить тебя отсюда.

— Но нет во мне никаких дарований, — дерзнул я возражать Владычице, — всё одни немощи.

— От тебя не дарования требуются, — рекла Матерь Божия, — а покорность, всё же остальное, что явится впоследствии, явится не от тебя, а Самого Христа Бога твоего.

И с явившимися с Материю Божиею угодниками святыми узрел я великого Иоанна Предтечу и Крестителя Господня, и тот, возвысив глас свой, напомнил мне, как он покорился воле Господней и, будучи человеком смертным, возложил руку на главу Господню. И святой апостол Павел, стоявший тут же, поведал о том, как по дороге в Дамаск, послушав Господня гласа, он из жесточайшего гонителя Христова стал призванным Его апостолом.

И пал я в слезах к пречистым стопам Преподобной Владычицы, Царицы неба и земли и воскликнул в великом умилении грешного сердца моего:

— Буди воля Господня со мною, окаянным! Буди же и Ты мне, Владычице, покровом, руководительницею и наставницею во всем!

И тут внезапно почувствовал в себе некую перемену: сердце во мне как бы ожило, ум просветился, точно переродился. Всё мне стало легко, и всё существо мое освежилось и ободрилось — точно я вновь родился. А Матерь Божия продолжает утешать и ободрять меня, говоря, что всё исходит от Бога и к Богу же приходит, мне же предлежит только быть верным слугой и послушником Божиим.

И когда стала исходить из келлии и была уже на крыльце Матерь Божия, мелькнула у меня мысль воспросить Ее, где же та страна, где произойти долж-

но все предсказанное, и я спросил о том Пресвятую Деву.

— Место то, — сказала Владычица, — будет Киев, у Лавры над Днепром. Видишь, в той стороне огненный столп... В свое время ты то же место увидишь, отмеченное тем же огненным столпом.

И тогда же мне в видении показано было и место оное, на коем воздвиглась впоследствии Свято-Троицкая обитель, и узрел я над ним столп огненный, который указала мне Владычица и который я вновь увидал уже не в видении, а въявь, на месте своем, когда исполнилось время создания пред-указанной мне обители.

«И удивлялся я, — так передавал преосвященному Макарию старец Иона, — и негодовал я на себя за то, что я так долго дерзал противиться небесному велению и вместе ужасался перед тем, что мне было открыто, и тому, какого я, недостойный, был сподоблен посещения; но в душе моей после того наступило полное успокоение и мир Божий, всяк ум преимуший. И был я на всё готов и ничего уже более не страшился, ибо знал, что уже не я буду действовать, а сила Божия совершаться будет в моей немощи. И стала мне Белобережская обитель как чужая, и вскоре после того я выбыл из нее в Киев»¹.

Таково сказание, которое я слышал из уст преосвященного Макария, бывшего Калужского, и которое

¹ Записано не по памяти, а по рукописному житию старца Ионы, составленному Е. Поселяниным по келейным запискам самого старца Ионы.

довелось мне большими подробностями дополнить из неизданного рукописного жития старца Ионы, хранящегося до Богом определенного срока его издания в Киевском Свято-Троицком Ионинском монастыре.

Отец Иона, подобно святому апостолу Павлу и преподобному Серафиму, был девственник, посвятивший себя и девство свое Богу, — таковым дано и здесь на земле зреть тайны третьего неба и там на небе петь дивную песнь «Аллилуия», и пению их «никтоже можаше навыкнути», как о том скажет в Божественном Откровении святой Тайнозритель и девственник Иоанн Богослов: *И видех, и се Агнец стояше на горе Сионстей, и с ним сто и четыредесять и четыре тысящи, имуще имя Отца Его написано на челех своих... поющих яко песнь нову пред престолом и пред четыри животными и старцы, и никтоже можаше навыкнути песни, токмо сии сто и четыредесять и четыре тысящи искуплени от земли. Сии суть, иже с женами не осквернишася, зане девственницы суть* (Апок. 14, 1 и 3—4).

От таковых, яко един от древних, бысть и схиримандрит Иона, старец Великий.

Из собственноручной записи старца Ионы на старой большого формата Псалтири, на первых страницах значится: «Полтавской губернии, города Кременчуга гражданин, сын Павла Никитича Мирошникова, Иоанн-первенец оставил суетный мир, всю прелесть и славу его временную, имевша тогда от роду лет на двадцать первом году. Холост и никогда не был женат от роду своего. Вступил в монашескую жизнь в 1834

году Генваря 1-го числа, Орловской губернии, Брянского уезда, Белобережской Предтечевой пустыни. При строителе иеромонахе Моисее, пострижен оным Моисеем, уже игуменом, в малый образ в 1836 году Марта 11-го числа. Имя дано Иоиль. В мантию пострижен оным игуменом Моисеем в 1840 году Генваря 1-го числа. Имя дано Иона. Посвящен в иеродиакона Смарагдом архиепископом в 1845 году Июня 20-го числа»¹.

Сергей Нилус

Печатается по:

Русский Паломник. Валаамское общество Америки.
2004, № 29. — С. 14–18, 29–44.

ТАЙНА ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА

(Письмо С. А. Нилуса)

Предварительное примечание

Нижеследующие соображения С. А. Нилуса составляют не статью в собственном смысле, а отрывок из переписки: Сергей Александрович Нилус, известный талантливыми описаниями почитаемых мест богомолья и достопримечательных явлений духовной жизни (особенно святого Серафима Саровского), принадлежит к числу не малочисленных ныне лиц, убежденных в близости пришествия антихриста и конца мира. Однажды уже в бытность мою издателем «Московских Ведомостей» он прислал для напечатания в газете форменное

¹ Старец схиархимандрит Иона (в схиме Петр) скончался 9 Января 1902 года (С. Н.).

предостережение верующим под заглавием «Ганнибал у ворот», разумея под Ганнибалом именно антихриста. Я не счел возможным дать место этой статье ввиду того, что не нашел ее фактически обоснованной. Но сам интересуясь вопросами эсхатологии, я время от времени обменивался с С. А. Нилусом письмами, задевавшими этот предмет. Недавно он высказал мне свое безусловно отрицательное отношение к созыву Поместного Собора именно потому, что «Держай» уже «отнят от среды» (это место апостола Павла известно всем, занимавшимся вопросами эсхатологии), и так как я в этом решительно усумнился, то С. А. Нилус ответил мне длинным посланием с подробным объяснением «тайны печати антихриста». С разрешения автора, я решил опубликовать его.

Но что касается возможности созвать Собор действительно «благодатный», я в этом отношении остаюсь при своем мнении, как и вообще при мнении об обязанностях и значении борьбы нашей против мирового зла, о чем пишу особо.

Л. А. Тихомиров

Письмо С. А. Нилуса

Оптина Пустынь 9 Сентября 1910 г.

Дорогой Лев Александрович!

Долгом своей христианской совести и моего содружества с Вами считаю совершенно необходимым поделиться с Вами тем, что для меня представляется знанием (не гаданием). Под сим я имею в

виду тайну антихристовой печати и звериного числа 666, ныне уже явленную миру и действующую в нем открыто и без всякого противодействия со стороны как Государства, так и Церкви (разумею — официальной).

Предмет значителен и важен и кроме того интересен. Не взыщите, если не буду краток.

С того момента, как мне пришлось впервые ознакомиться с известными Вам «Протоколами Сионских мудрецов» (тому уже прошло с лишним десять лет), я стал добиваться проникновения в суть тайны масонства, предчувствуя в нем скрытого врага не столько даже христианской государственности, сколько Господа нашего Иисуса Христа. Что я на пути своих исканий перевидал по литературе предмета, перечитал и передумал, про то писать Вам здесь не место. Но из всего, доставшегося моему разумению по сему вопросу, я вынес ясное и категорическое заключение, что нашему времени досталось в удел быть свидетелем и участником того момента вселенской трагедии, который в Апокалипсисе изображен 7-м стихом главы XX-й и который представляет собою ничто иное, как последний акт богоборчества дьявола с Триипостасным.

Что это так и что этого уже не скрывает само масонство, — видно было из того, что еще в 1884 году орган итальянского масонства «*La Rivista della Massoneria Italiana*» — в ответ на предупреждение папы Льва XIII, что «*Vexilla regis prodeunt inferni*»¹ —

¹ «Знамена князя ада двигаются вперед» (лат.). — *Сост.*

ответил такими словами: «Да, да! Знамена властителя ада двигаются вперед. И нет сознательного человека, любящего свою родину, который не встал бы под эти хоругви франмасонства».

Вам известно понаслышке, что диавол является или подвижникам благочестия, или людям, поработившим себя греху, то есть — или тем, кто его одолел, или тому, кого он одолел. Современный мир «он», видимо, признал уже безповоротно своим уделом и посему не скрывается от него.

Еще в изданиях русских масонов времен Александра I и ранее мне доводилось видеть некую геометрическую фигуру, изображенную так:

и под ней надписание — *«Тайна шестидневного творения»*.

Велико было мое изумление, когда из источников новейших изысканий в области еврейско-масонского засилья во Франции, приводимых Дрюмоном с присными, я узнал, что эта геометрическая фигура, «тайна шестидневного творения», есть фигура каббалы, так называемая «каббалистическая тетраграмма», без которой нельзя будто бы произвести ни одного оккультного действия. Узнал я и то, что фигура эта в то же время служит и большой государственной, так сказать, печатью масонства, причем в этом своем назначении она изображается так:

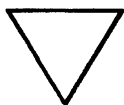

Круг. Два взаимопересекающиеся равносторонние равные треугольника, из которых один обращен вершиною вверх, а другой — вершиною вниз, и цифра 6, помещенная в каждом углу обоих треугольников.

Узнал я, что существуют еще две разновидности этой печати, как бы средняя и малая печати того же масонства, причем средняя изображается так:

а малая так:

Когда я окончательно пришел к заключению, что масонство есть богоборство дьявола, производимое им чрез создание Божие — человека против Богочеловека Ипостаси Пресвятыя Троицы, то я во всех этих разновидностях масонской печати с очевидной ясностью усмотрел ничто иное, как графическое изображение этого богоборства, этой извечной борьбы дьявола с Триипостасным Богом.

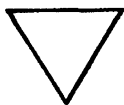
Прислушайтесь:

Круг есть вечность.

Равносторонний треугольник вершиною вверх —
Триипостасный Бог.

вершиною вниз — диавол.

Взаимопересечение — борьба.

Святая Церковь, как известно, изображает Пресвятую Троицу фигурой равностороннего треугольника, обращенною вершиною вверх, помещая иногда внутри или Всевидящее Око, или начертание Имени Божия.

По Откровению, диавол возомнил себя *быти равным Богу*. Равный первому треугольник, но обращенный вершиною вниз, и есть изображение гордыни диавола и его самого, яко гордыни, а также и существа его дела, прямо противоположного делу Божию, не без свидетельства также и о том, что сатана свергнут с неба (вершина обращена вниз).

Начавшееся в вечности, но, по Писанию, в некоторое определенное время (по Преданию, во время Совета Божия о создании человека с его высоким предназначением), богоборство диавола устремляется в

вечность. Тетраграммой или масонской печатью *богоборство* изображается графическим *взаимопересечением* равных треугольников, а *извечность* — кругом...

Кажется — ясно? Ясно, конечно, только нашим дням, которым дано знать, что такое культ сатаны.

Далее: что должны изображать собою цифры 6, поставленные в каждом углу треугольника?

По толкованию Св. Отцов, цифра 7 есть изображение настоящего века от Сотворения мира и до Страшного Суда Господня. Век будущий тем же толкованием изображается цифрою 8.

Таким образом, тот век, о котором Св. Писание и Предание свидетельствует как о веке предшествовавшем веку творения, и вместе как о веке отпадения Денницы-Люцифера от Бога, начертанием цифровым логически может обозначать только цифрою 6.

В треугольнике три угла:

Три угла — три шестерки: **666**.

Число зверя. Но оно же и «число человеческое», во-первых, потому, что угол равностороннего треугольника = 60° , а во-вторых, потому, что оно будет и именем антихриста. Но об этом последнем значении числа Зверя толковать преждевременно, ибо антихриста еще нет в явлении, а я свидетельствую только о том, что есть.

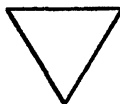
Цель еврейского масонства — образовать *всемирное братство* (?) с общим для всех царем-богом от «семени Давида». Ясно, что «и сеющий, и жнуший едину мзду примут», и печать масонства будет печатью и «царя-бога» (человека-бога), то есть по-нашему *антихриста*.

Большой печати антихриста мы в обращении повседневном не видим, кроме разве специфических изданий явно или прикровенно антихристианских; ну, а средняя и малая печать в таком теперь обращении, что без средней ни одна иллюминация не обходится.

Этот же знак красуется и на синагогах, и на папиросках «Сион» Илика в Харькове, и на многих мануфактурных изделиях; вместо креста его же воздвигают на шестах на новых стройках в Западном крае и всюду в черте оседлости; он же красуется на кружках по сбору пожертвований на сионистов и на выселение в Палестину семитов; его же (так мне свидетельствовали боголюбцы) накладывали на правую руку во время забастовки в 1905 году тем, кто вступал, снимая с себя крест, в ряды «боевиков» Московской революции...

Что касается малой печати, изображающей собою диавола:

то под эту печатью вы и мы ездим во вновь окрашенных вагонах российских железных дорог, ибо номер вагона изображается теперь в равностороннем

треугольнике, обращенном вершиною вниз. Если захотите проследить, то эту печать Вы найдете на многих предметах домашнего хозяйства. Мы ее нашли в чайных ложках финляндского изделия и т. д.

Но тайну беззакония масонско-антихристовой печати мы не исчерпали еще во всей ее кощунственной сущности. Она еще глубже («глубины сатанинские»), еще омерзительно-ужаснее: она изображает собою чаяние сатаны и его слуг конечной победы его над Богом и воцарения дьявола самодержавно над всей вселенной. Тайна эта усматривается из того, что в круге вечности (на большой печати) от взаимопересечения треугольников образуется новая фигура — шестиконечной звезды, «звезды бога вашего Ремфана» (Амос V, 26), что то же — Денницы.

«Велия же беззакония тайна» в том и состоит, что дьявол масонов-люцифериан есть по вере их будто бы бог добра, а Пресвятая Троица (прости меня, Господи!) — Бог зла, а также и в том, что царство дьявола заменит собою царство Божие...

Может ли быть тайна беззакония, которая по кощунству и беззаконию была бы подобна изложенной?

Уверенно говорю: *нет*.

«Ваш отец — дьявол» (Иоан. VIII, 38—44).

«...Говорят, что они иудеи; а они не таковы, но собрание сатанинское» (Ап. II, 9; III, 9).

Думается мне, что — согласитесь ли Вы или не согласитесь с моим толкованием — Вы все-таки не пожалеете времени, потраченного на ознакомление с ним.

В дополнение к изложенному позвольте мне привести здесь нечто вроде послесловия. *Беззаконное* время, нами переживаемое, настолько чревато всякого рода знамениями и предуказаниями на конечное осуществление во всем явно ныне отступническом мире уже раскрытой многим «тайны беззакония», о которой свидетельствовал некогда Св. Апостол Павел, — что после мною сказанного, казалось бы, не леть бы ми и глаголати. Для всякого внимательного христианина ныне стало ясным, что даже сам отступнический мир и тот весь насыщен предчувствием близкого явления некоего сверхчеловека, который «придет и устроит всё». Одни ожидают его в виде хилиастического Христа (Бейнинген, адвентисты), другие — в виде царя Сионской крови, мессии (евреи и масоны), а мы, православные христиане, в образе «человека греха и сына погибели» — *антихриста*. Не этим ли мировым предчувствием охвачены души писателей Запада, создающих произведения подобные книге Торна «Когда наступит мрак», столь нашумевшей в обоих полушариях нашей грешной и многогрешной земли? Не им ли был охвачен выдающийся мыслитель Востока В. С. Соловьев, возвысившийся до создания своих «Трех разговоров»? Не оно ли загоняет наш простой православный народ в дебри иоаннитских и адвентистских сект? Не оно ли побуждает обезверившуюся интеллигенцию всего мира, и русскую в частности, ожидать явления некоего сверхчеловека? Не оно ли, наконец, дало при всеобщей прострации измельчавшего духа глаголемых христиан такую непомерную силу и

власть еврейско-масонскому мировому засилью, пригнувшему во прах под пяту свою народы, правительства и троны, бросив в «безначалие» все общества и союзы человеческие?..

...Слиозберги, Эрентали, Бетман-Гольвеги, Луццати, Натаны¹ с их «королями» Ротшильдами, которым наследник австрийского престола делает визиты, — всё это еврейское сверхправление «христианскими» государствами не свидетельствует ли о том, что «звезда бога Ремфана», «скинии Молоховой» и современной синагоги должна вскоре засиять на тиаре царя царей, первосвященника и человеко-бога, чаемого мессии тех, коих «отец», но по слову Мессии-истинного — «диавол»?

Кто по совести ответит отрицательно на все эти вопросы?

Посему надлежало бы мне, поставив эти вопросы, и умолкнуть, предоставив дальнейшее о сем слово имеющим благодать и власть Апостольскую, если бы не настояло нужды отметить еще одно обстоятельство, которое, по-видимому, не оставило должного впечатления ни в сердцах, ни в умах «Стражей дома Израилева». В № 12173 от 31-го Января сего 1910 года газеты *Новое Время* появилась статья, озаглавленная —

«Сэр Макс Ветчер»

Вот что, между прочим, изображено было в ней:

«В Петербурге в настоящее время гостит сэр Макс Ветчер, популярный английский общественный деятель, задавшийся в последние годы грандиозною

¹ Мэр города Рима — некрещеный жид.

целью: объединить¹ все европейские государства в одну великую европейскую федерацию на экономических² началах.

— Мы не поднимаем, — говорит сэр Макс Ветчер. — вопроса о всеобщем разоружении, так как мы того мнения, что этот вопрос будет разрешен отдельными государствами по мере осуществления идей европейской федерации. Желательно лишь, чтобы все государства объединились для совместной защиты Европы, и в этом случае вопрос о войне и мире должен быть в руках особого европейского комитета, который решает вопрос: быть войне или нет. Мы имели возможность убедиться, — так продолжает сэр Макс Ветчер, — что наш проект в главных своих чертах встречен повсюду с величайшим вниманием и большим сочувствием, вследствие чего мы и надеемся на близкое практическое осуществление наших идей... Моя работа близится к концу... Я надеюсь создать международную силу, с которой придется считаться и которая сумеет остановить любую войну».

Как кому, а мне речи эти не звучат утопическим пустозвонством. Почему? Вам на это ответит букет европейских сверхправителей с махровым Ротшильдом посредине и будущий «европейский комитет» с его председателем — грядущим человеко-богом.

Вот почему, дорогой друг, я и решился, в ответ на призыв Нейдгардта «работати Господеви», пред-

¹ Ср.: Апокалипсис, XX гл., 7 и 8 ст.

² Все забастовки начинались якобы экономическими требованиями.

ложить Вам обратить внимание на ту сторону вопроса, которая была тылом к Вашему наблюдению.

Вы боитесь «большого греха», если будете действовать без церковных полномочий, а я боюсь другого: не назвал бы нас Бог «псами, не умеющими лаять», если мы, зная признаки антихристовы, будем их только сами знать, а не сообщать их и другим щедро — как повелевает Св. Кирилл Иерусалимский...

Ну, будет!

Сердцем Ваш С. Нилус.
«Московские Ведомости», № 228.
1910, 5 октября. — С. 1—2.

СОДЕРЖАНИЕ

Сергей Александрович Нилус.

Биографическая справка 3

ВЕЛИКОЕ В МАЛОМ 11

Предисловие к первому изданию 13

Предисловие ко второму изданию 18

Предисловие к третьему изданию 20

**1. О том, как православный был обращен
в православную веру 24**

**2. Одно из современных чудес
Преподобного Сергия 65**

**3. Поездка в Саровскую пустынь
и Серафимо-Дивеевский
женский монастырь 74**

**4. Служка Божией Матери и Серафимов
(Симбирский совестный судья
Николай Александрович Мотовилов) 144**

5. Дух Божий явно почивший на отце Серафиме Саровском в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым (Из рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова)	227
6. Отец Серафим и суд над убийцей (Из воспоминаний товарища прокурора-лютеранина)	278
7. Эпизод из жизни старца Оптиной Пустыни, иеросхимонаха отца Амвросия	293
8. Отец Егор Чекряковский	302
9. Одна из тайн Божияго Домостроительства. Святая Русь. Искатель града невидимого. Иеромонах Скита Оптиной Пустыни отец Даниил (Болотов)	347
10. Небесные обители	403
11. Близ грядущий антихрист и царство диавола на земле!	416

ПРОИЗВЕДЕНИЯ РАЗНЫХ ЛЕТ

Блаженной памяти игумении Серафимо-Дивеевского женского монастыря Марии	479
Духовные очи: Из бесед со Старцами	483
Небесные пестуны	486
Один из тех немногих, кого весь мир недостойн	490
Письмо к иеродиакону Кириллу (Зленко)	525

Письмо к иеродиакону Зосиме	529
Письмо к Л. А. Орлову	540
Великая Дивеевская тайна	559
Посещение Рая преподобным Ионой Киевским . . .	564
Тайна печати антихриста (Письмо С. А. Нилуса) . .	608

Сергей Александрович Нилус

**Собрание сочинений
в пяти томах**

Том I

Обложка
Серафим Хидоятов
Редактор
Александр Стрижев
Корректор
Надежда Филиппова
Верстка, макет
Екатерина Белогорцева

Подписано в печать 05.05.2009. Формат 84x108^{1/32}.
Печать офсетная. Объем 19,5 п.л. Тираж 7000 экз. Заказ № 0904610.

ООО «Городъ»
111141, г. Москва, ул. Плеханова, 15
Издательство «Сибирская Благовонница»
127273, Москва, ул. Декабристов, д. 20, к. 1..

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в ОАО «Ярославский полиграфкомбинат»
150049, Ярославль, ул. Свободы, 97

